

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

8/2010

**Журнал
«Семь искусств»**

Август 2010

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2010

Журнал «Семь искусств»

Август 2010

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Владимир Островский	4
Советские физики во времена сталинизма	4
Андрей Пелипенко	
Культура в контексте глобальной эволюции	15
Маркс Тартаковский	
Кибернетика и «Светлое будущее человечества»	86
Виктор Финкель	
Божественное и мирское в жизни Цветаевой	124
Лазарь Беренсон	
Евреи в жизни Марины Цветаевой	143
Владимир Крastoшевский	
Музыка, свет неближний...	160
Артур Штильман	
Пророк «новой венской школы и его опера «Моисей и Аарон»	169
Игорь Мандель	
Видения во сне и наяву	182
Борис Альтшулер	
О юбилейном вечере Ларисы Миллер	202
Наталия Юхнёва	
Стихи 1960 годов	213
Борис Кушнер	
Азарт зари	220
Михаил Юдовский	
Стихи под осень	246
Марк Азов	
Сочинитель снов	258
Хаим Соколин	
И сотворил Бог нефть...	266
Дмитрий Вайншельбаум	
Посвящение. Переводы из западноевропейской поэзии	337
Нина Воронель	
Герой своих романов	343
Рената Муха	
Устные рассказы, были, байки	381
Александр Лейзерович	
«...Наводил о прошлом справки...»	463
Об авторах	479

Владимир Островский

Советские физики во времена сталинизма

Капица и Ландау

Меня можно заставить рыть каналы, строить крепости, можно взять моё тело, но дух никто не возьмёт. И если надо мною будут издеваться, то я быстро покончу счёты с жизнью любым путём, я скорее пуцую себе пулю в лоб.

П.Л. Капица

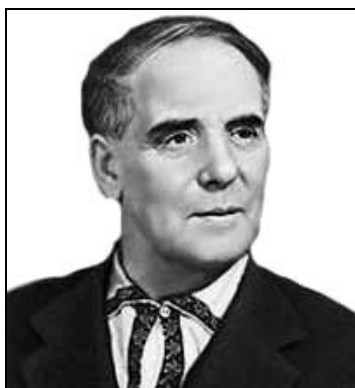

ыдающийся физик, академик, лауреат Нобелевской премии 1978 г. (за фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур) Пётр Леонидович Капица родился в Кронштадте в 1894 г., где служил его отец Леонид Петрович Капица – генерал-лейтенант инженерного корпуса. Мать Капицы Ольга Иеронимовна Капица (Стебницкая) была известным педагогом и собирательницей фольклора. По окончании гимназии в Кронштадте Капица поступил на факультет инженеров-электриков Петербургского политехнического института, который окончил в 1918 году. Следующие три года он преподавал в том же институте и участвовал в научно-исследовательских работах под руководством Абрама Федоровича Иоффе (впоследствии – член многих академий наук: Гёттингенской (1924), Берлинской (1928), Американской АН наук и искусств (1929), почетным членом АН Германии «Леопольдина» (1958), Итальянской АН (1959), почетным доктором Калифорнийского университета (1928), Сорбонны (1945), университетов Граца (1948), Бухареста и Мюнхена (1955).

Студенческие годы и начало преподавательской работы Капицы пришлось на Октябрьский переворот и гражданскую войну. Это было время бедствий, голода и эпидемий. Во время эпидемии гриппа (испанки) умерли

молодая жена Капицы Надежда Черносвитова и двое маленьких детей.

В начале 1921 года советское правительство после длительных колебаний решило закупить научное оборудование. Для этой цели Иоффе и Капица поехали в Англию и посетили Резерфорда в Кембридже. Капица попросил у него разрешения вернуться и поработать в Кавендишской лаборатории. В июле месяце Капица приехал в Кембридж, рассчитывая поработать до весны, но остался здесь на 13 лет (1921-1934 гг.).

Петр Леонидович Капица

В 1927 году во время пребывания в Англии Капица женился. Его женой стала Анна Алексеевна Крылова – дочь знаменитого кораблестроителя, механика и математика, академика Алексея Николаевича Крылова, который был в командировке в Англии.

Как пишет один из сотрудников лаборатории Марк Олипант, «наиболее колоритной фигурой в Кавендише, когда я туда прибыл, был Пётр Капица».

Вместе с Капицей в лаборатории Кавендиша работали выдающиеся учёные – Нильс Бор, Джеймс Чадвик, Джон Кокрофт, Эрнст Уолтон. Сюда приезжали учёные со всего мира. Это был международный центр по изучению физических проблем.

Покинул он Кембридж в 1934 г. отнюдь не по собственному желанию. Капицу хитростью заманили и

задержали в Советском Союзе, когда в Великобритании по согласованию с Молотовым оставались его жена и два сына – 6-летний Сергей и 3-летний Андрей (ныне оба известные ученые: С.П. Капица – физик, а А.П. Капица – географ). О душевном состоянии учёного свидетельствовали письма жене в Англию. В одном из них говорилось: «...Жизнь у меня сейчас изумительно пуста. Другой раз кулаки сжимаются, и я готов рвать на себе волосы и беситься. С моими приборами, на моих идеях в моей лаборатории другие живут и работают, а я здесь один сижу, и для чего это нужно, я не понимаю. Мне кажется подчас, что я схожу с ума».

Буря разразилась, когда 24 апреля лондонская «News Chronicle» в утреннем выпуске под заголовком «Кембридж в шоке от Советов» опубликовала беседу с Резерфордом. «Капица – блестящий работник, – заявил он, и, несомненно, осуществил бы здесь в ближайшие год-два ряд замечательных экспериментов». В вечерних выпусках 70 газет Великобритании опубликовали в этот день отклики на эту беседу. «Россия задержала его; конец кембриджским исследованиям», – писала «Star». 25 апреля комментарии появились во всей западной печати под заголовками: «Россия задерживает профессора; Англия теряет большого учёного»; «Исчезнувший профессор»; «Потеря для науки в Кембридже»... 26 апреля Резерфорд обратился с письмом в лондонскую «Times», опубликованным 29 апреля под заголовком «Задержание в России. Потрясение для научного мира».

Он писал, что сообщение о задержании свидетельствовало о нарушении свободы личности. Советские власти «реквизировали» услуги Капицы без всякого предварительного уведомления. Его ученик и друг глубоко потрясён крушением своей работы, его здоровье серьёзно подорвано. «С точки зрения мировой науки в целом будет большим несчастьем, если из-за недостатка отзывчивости или непонимания возникнут условия, в которых Капица не сможет дать миру то, на что он способен». Заявление Резерфорда об интернациональности науки привело к согласию на продажу СССР для института

Капицы (официальное наименование института игнорировалось) научного оборудования Мондовской лаборатории (созданной Капицей на средства Фонда Монда).

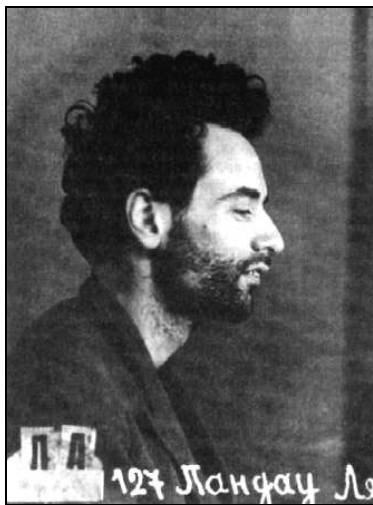
В письме к Сталину, датированном 1 декабря 1935 г., Капица рассказал, в какое тяжёлое положение попал, когда его «неожиданно задержали и резко прервали в очень интересном месте» его научную работу. По словам Капицы, его заподозрили в чём-то нехорошем и отношение к нему было самое недоброжелательное и недоверчивое... В этом письме он высказался настолько свободно, что осмеливался написать всемогущему диктатору: «...отношение, которое было проявлено ко мне, очень скверно (просто свинство)».

В самом конце 1935 г. оборудование прибыло в СССР. Вопрос о Капице рассматривался на Политбюро ЦК ВКП(б). Принятое постановление предусматривало завершение в начале 1936 г. строительства Института физических проблем в Москве и утверждение Капицы директором этого института. Капице предоставлялось право самому укомплектовать институт квалифицированными кадрами и распоряжаться выделенными средствами.

Именно этот пункт определил возможность приглашения в начале 1937 года на работу в институт гениального учёного, будущего Нобелевского лауреата **Льва Давидовича Ландау**. В самый разгар Большого террора, в апреле 1938 г. Ландау написал вместе с двумя другими молодыми сотрудниками института – Ю.Б. Румером и М.А. Корецом – антисталинскую листовку, которая предназначалась для распространения 1 мая, но попала на глаза московским чекистам за несколько недель до праздника.

Естественно, авторы листовки сразу же были арестованы. Ландау ровно год провёл в следственном изоляторе Бутырской тюрьмы. В отличие от огромного числа сталинских жертв, подвергшихся репрессиям «ни за что», в случае Ландау «криминала» было с избытком. Текст листовки поразителен по своей смелости (ведь речь идёт о 1938 годе).

«Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может знать, когда придёт его очередь. Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совершила фашистский переворот? Социализм остался только на страницах изолгавшихся газет. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнился с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради своей власти страну, Сталин превращает её в лёгкую добычу озверелого немецкого фашизма. Единственный выход для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны – это решительная борьба против сталинского и гитлеровского фашизма, борьба за социализм. Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей НКВД. Они способны избивать только беззащитных заключённых, ловить ни о чём не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах...».

Лев Давидович Ландау, 1938

После публикации этой листовки в «Известиях ЦК КПСС» (№ 3 за 1991 год в статье «Лев Ландау: год в тюрьме») возникла и продолжается до сих пор полемика на

тему, принимал ли Ландау участие в её написании. Видимо, наиболее верна версия самого Ландау: «Я сперва отрицательно отнёсся к этому предложению и высказал опасение, что такая форма деятельности чересчур рискованна. Однако при этом я согласился с М. Корецом, что подобная политическая диверсия произвела бы большое впечатление и могла бы дать немалый практический результат» (из протокола допроса 3 августа). В архивном деле есть и собственноручное письменное признание Ландау: «Корец написал листовку, которую я, в общем, одобрил, сделав отдельные замечания». Пётр Капица и Нильс Бор написали Сталину письма в его защиту. Будучи директором Института физических проблем, в котором Ландау руководил сектором теоретической физики, Капица сумел убедить Сталина и Молотова в том, что стране совершенно непозволительно терять такую уникальную личность, как Ландау. Кроме этого Капица обратился к Берии с просьбой отпустить Ландау под его личное поручительство: он сам, как начальник «проштрафившегося», будет строго следить за тем, чтобы тот больше не занимался антисоветской деятельностью и уж, тем более, не шпионил. В результате Ландау отпустили в апреле 1939 года, но реабилитировали только в 1990 году.

Большой террор был кошмаром. В 1936-1937 гг. Капица, «используя служебное положение», спас от гибели двух выдающихся учёных (будущих академиков) математика Н.Н. Лузина и физика В.А. Фока. 12 февраля 1937 г. он пишет Сталину: «Вчера в Ленинграде я узнал об аресте профессора В.А. Фока. Такое обращение с Фоком вызывает как у наших, так и у западных учёных внутреннюю реакцию, подобную, например (реакции) на изгнание Эйнштейна из Германии». Написав такие слова, Капица фактически сравнил сталинский режим с гитлеровским. И после этого необычайно смелого письма Фок был сразу же освобождён.

А впереди были «сороковые-роковые». Соломон Михоэлс, гениальный актёр и режиссер, в 1942 г. возглавил Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Комитет создавался под контролем советских властей для того, чтобы

положительно влиять на международное общественное мнение, организовать политическую и материальную поддержку борьбы Советского Союза против фашизма. В состав ЕАК вошли такие известные деятели, как Илья Эренбург, Самуил Маршак и Давид Ойстрах. Михоэлс привлёк к работе в Комитете Петра Капицу. Через 2 месяца после начала войны Капица выступил на радиомитинге еврейской общественности.

П.Капица и С.Михоэлс

Речь Академика Петра Леонидовича Капицы на радиомитинге еврейской общественности в Москве 24 августа 1941 г.

Дружно поднимаемся на борьбу!

Разрешите мне – русскому учёному – присоединиться к мыслям, высказанным здесь еврейскими писателями, представителями искусств и наук, военными и общественными деятелями.

Мировая наука и искусство в своём развитии многим обязаны еврейскому народу. В силу исторически сложившихся обстоятельств уже два тысячелетия евреи распылены по всем странам. Поэтому их работа тесно связана с той страной, в которой они живут. Это увеличивает интернациональный характер их творческой

деятельности и их влияние на мировой прогресс. Но именно такое положение часто ставит их под угрозу жестоких репрессий. Когда какая-нибудь страна переживает наиболее тёмный, реакционный период, то власти провоцируют гонения на евреев. Вызывая в массах наружу самые низкие инстинкты, организуя еврейские погромы, они стараются отвлечь внимание народа от истинных причин тяжёлого положения страны. Так было в наиболее тёмные периоды царизма.

С этой точки зрения те гонения на евреев, которые происходят в гитлеровской Германии, показывают, что эта страна переживает сейчас один из самых мрачных и реакционных периодов. Можно с уверенностью сказать, что таких систематических жестоких гонений на евреев, которые происходят сейчас в Германии, не знала история. Даже приспешникам царского правительства России не хватало смелости провозглашать преследования евреев частью государственной системы. Даже в России всё же были такие евреи, которые благодаря завоёванному ими общественному положению и своей работе на пользу мировой культуре и науке (крупнейшие профессора, врачи, писатели) оказывались вне круга преследований еврейства.

Не имеет прецедентов в истории человечества то, что происходило за последнее десятилетие в Германии. Крупнейшие учёные евреи, как, например, Эйнштейн, Франк, Габер, признанные всем миром, увенчанные Нобелевскими премиями, наряду с другими работниками науки и искусства были изгнаны из своего отечества.

Особенно поразителен случай с Габером, научная работа которого сыграла такую исключительную роль для Германии в прошлой войне. Без найденного им метода получения азотной кислоты из воздуха Германия в первую империалистическую войну не продержалась бы и года за отсутствием необходимейшего сырья для взрывчатых веществ. И вот Габер был принуждён покинуть Германию и умереть в изгнании. Такой чёрной неблагодарности страны к своему работнику трудно сыскать в истории. Рассеянные по всему миру немецкие евреи-изгнанники, после ряда страданий нашедшие себе приют благодаря гостеприимству

народов Англии, Америки и других стран, несомненно чувствуют весь ужас гитлеровского режима. Теперь, когда весь культурный и демократический мир поднялся на решительную борьбу с фашизмом, мы твердо верим, что евреи-учёные всего мира тесно примкнули к этой борьбе и отдадут все свои силы и знания, чтобы избавить мир от гнёта фашизма и противодействовать стремлениям группы расистских идеологов задавить и уничтожить все остальные народы. Исход этой борьбы несомненен. Мир не может долго терпеть варварства гитлеровской Германии. Чем дружнее мы встанем на эту борьбу, тем скорее она кончится и тем большее количество людей спасем мы от страданий и уничтожения. А ускорение победы зависит от того, насколько полно мы отдадимся этой борьбе, где бы и как бы она ни происходила.

Естественно, прецеденты были (и не только в царской, но и в советской России – Капица знал о них), но когда враг рвался к Москве, на еврейском митинге он говорил о геноциде евреев гитлеровцами.

Мог ли представить себе П.Л. Капица, что ужасы, перечисленные им, скоро повторятся на его родине? Впереди были «дело космополитов», убийство его друга Соломона Михоэлса, уничтожение ЕАК, «дело врачей», процентная норма... «Еврейский вопрос» коснулся даже семьи Капицы. Окончив институт, сын Петра Леонидовича Сергей планировал сделать научную карьеру в авиации, но был уволен из ЦАГИ. Сам Сергей Петрович объясняет такой поворот тем, что как раз тогда его отец впал в немилость. Это происходило в 1951 году, в самый разгар кампании по борьбе с космополитами и раскрытию псевдонимов, в ходе которой пострадало немало еврейских учёных. Миф о еврейском происхождении Капицы бытовал много лет. Анна Алексеевна Капица-Крылова рассказывала о тесной дружбе мужа с еврейскими учёными.

Капица был далёк от диссидентства. Он не бросил, подобно А.Д. Сахарову, открытый вызов тоталитаризму. Его стиль был иным: он сочетал смелость и прямоту, когда речь шла о людях науки, арестованных НКВД; с прагматизмом во взаимоотношениях с властями. Он отказался подписывать

постыдное письмо академиков с «осуждением» А.Д. Сахарова. «Спасите Сахарова. Он великий учёный нашей страны», – писал Петр Леонидович Брежневу.

Вспоминает Александр Галич: «Я расскажу историю с Корнеем Ивановичем Чуковским. Корней Иванович очень хорошо ко мне относился... И я для него пел. И спел я ему такую песню про физиков, которые поспорили и «раскрутили шарик наоборот»:

*И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу невпроворот.
Это наши физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.*

Рядом со мной сидел какой-то, как мне показалось, чрезвычайно замшелого вида человек. В ковбойке и в галстуке, почему-то надетом на ковбойку. Когда я кончил петь, он ко мне наклонился и спросил: «У вас эта песня как родилась? У вас была какая-то физическая идея о возможности контрвращения?». Я подумал: «Ну совсем дурачок! Что с ним разговаривать...» И отвернулся от него...

Потом, когда мы перешли в соседнюю комнату, где был чай, Корней Иванович меня с ним познакомил и сказал: «Вот, Саш, познакомься! Это Пётр Леонидович Капица!» А потом, значит, я был у него в институте, выступал там на юбилее, когда был печальный юбилей – шестидесятилетие Ландау буквально за месяц до его смерти...

А потом мне позвонил кто-то из его ассистентов и сказал: «Петр Леонидович просил вам передать, что в Сахаре выпал снег».

Капица открыто критиковал те решения власти, которые считал неправильными. В октябре 1941 года он, был первым из физиков, кто выступил с предупреждением о возможности создания атомной бомбы.

В 1945 году, когда американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а в Советском Союзе с ещё большей энергией развернулись работы по созданию ядерного оружия, Капица был смещён с поста директора института и в течение почти 10 лет находился под домашним арестом. Он был лишён возможности общаться со своими коллегами

из других научно-исследовательских институтов. У себя на даче он оборудовал небольшую лабораторию и продолжал заниматься исследованиями. Через два года после смерти Сталина, в 1955 году, его восстановили на посту директора Института физических проблем.

В числе группы деятелей культуры и науки протестовал в 1966 г. против процесса постепенной реабилитации Сталина, и его письмо Брежневу, бесспорно, оказало определённое влияние, хотя ползучее, косвенное оправдание сталинизма происходило вплоть до горбачевской перестройки.

Да, для Капицы можно было построить «золотую клетку», но сделать из него послушный винтик системы, заставить работать в кандалах было невозможно. Человек с большой буквы и гениальный ученый, Петр Леонидович Капица скончался в 1984 г., не дожив трёх месяцев до девяностолетия.

Канада

Андрей Пелипенко

Культура в контексте глобальной эволюции

*Истина рождается как ересь
и умирает как предрассудок*
Гегель

1.1. Общие замечания

щё сравнительно недавно, в эпоху торжества постмодернистского релятивизма, сам термин *эволюция*, да ещё *глобальная*, скорее всего, вызвал бы презрительную усмешку. К эволюционистской идее накрепко прилипли одиозные и потому компрометирующие её прогрессистские представления. Концепция целостности объявлялась чистой эпистемологической условностью, и видеть за ней объективную действительность было «законодательно» запрещено. Однако реабилитация холистического, в широком понимании, мировидения в русле постнеклассических подходов, неослабевающая популярность синергетики и близких к ней направлений¹ снимают с эволюционистской парадигматики печать ретроградства, а естественное стремление интеллекта к генерализации своих представлений о мире вновь обретает законные права. Можно, разумеется, возразить, что за всякими рациональными обобщениями и генерализациями прячется глубинный иррационализм неотрефлексированных психологических установок. А потому все логические

¹ Речь идёт об Общей теории систем (ОТС), Универсальной истории (Big History), глобальном эволюционизме и некоторых других направлениях.

конструкции, обосновывающие рациональное, в широком, а не узко механистическом его понимании, устройство мира – суть условные спекуляции, основанные на «чистой психологии». Правда, психологический детерминизм можно с тем же успехом вменить и всякого рода релятивизму. Но главное: разве универсальность психологических интенций к построению целостной картины мира сама по себе ни о чём не говорит? Разве призрак такой картины не маячит, словно тень отца Гамлета, в головах самых, казалось бы, последовательных релятивистов, то и дело прорываясь наружу в виде досадных, но совершенно неизбежных «оговорок по Фрейду»? Кстати, в такого рода возражения напоминают о лукавстве психоаналитика, уличающего любого своего оппонента в том, что его псевдорациональные построения есть не что иное, как формализация и оправдание скрытых комплексов. Предполагается, что при этом оппонент должен краснеть, бледнеть, прятать глаза и лепетать что-то невнятное в своё оправдание. На это можно ответить следующее: да, мотивы построения тех или иных картин мироздания кроются в тени бессознательного, и вытащить их из этой тени – дело не столь уж трудное. Но из чего следует, что содержание и результаты любой познавательной деятельности могут быть сведены к её пусть даже скрытым мотивам? Возможно, думать о глобальной эволюции и макрокультурных процессах меня заставляет нечто «человеческое, слишком человеческое», но вытекает ли из этого, что сам феномен эволюции является чисто психологической конструкцией? Релятивист из принципа ответит – да! Я же, скорее, признаю, что у меня с релятивистами просто разные установки, оставляя за собой право быть убеждённым в том, что психологическое стремление к целостности хотя бы в некоторой степени идёт навстречу объективным свойствам самой реальности. Разумеется, здесь можно тотчас же придаться к понятию *объективности*, но если объективизм – это ретроградство, то солипсизм – почти диагноз. Спор этот бесконечен.

Итак, термин *эволюция*, как и многие другие в современном употреблении, относится к тем, которые

схватываются скорее интуитивно, чем осмысливается в строгих понятийных рамках. Все примерно понимают, о чём идёт речь, но очертить ясный круг значений нет ни возможности, ни желания. Да и сам принцип эволюционизма сегодня находится в двусмысленном, «подвешенном» состоянии. По причине связанности с осмеянной идеей прогресса и линейно-поступательного развития его отвергают и третируют, всячески давая понять, насколько он надоед, но при этом продолжают использовать – каждый на свой лад, ибо заменить его нечем. Идея эволюционизма, таким образом, оказывается в положении того ребёнка, которого никак не удаётся выплеснуть вместе с грязной водой раскритикованных эволюционных теорий. Неустрашимость эволюционистской лексики компенсируют произвольностью её понимания. С некоторых пор появилась тенденция понимать под эволюцией любые изменения вообще, что лишает понятие «эволюция» всякого содержания. На другом фланге, напротив, значение этого понятия сужается до ограниченного набора строго определённых изменений. Такое положение дел имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, размытость значения термина постоянно создаёт угрозу путаницы и эффекта «испорченного телефона», но с другой – избавляет от необходимости укладываться в прокрустово ложе предустановленных норм. Последнее особенно важно при междисциплинарном, синтетическом подходе, присущем теоретической культурологии. Здесь метод и, соответственно, терминологический инструментарий всякий раз конструируются вместе с самим предметом, а не в готовом виде достаются с полки и «применяются». Поэтому теоретизирующий культуролог не только вправе, но и просто обязан обозначить содержание и дискурсивные границы используемых им ключевых терминов.

Не вдаваясь в долгий сравнительно-методологический анализ, следует указать на то, что смыслогенетическая позиция в целом примыкает к широко понимаемому *неоэволюционизму*. Широта понимания в данном случае предполагает свободу от необходимости строгого согласования с какими-либо частными

направлениями (например, эволюционной эпистемологией, теорией коэволюции и др.). И хотя повод для «выяснения отношений» с теми или иными теориями будет неоднократно возникать в ходе исследования, выносить эти рассуждения в виде оторванной от материала абстрактной преамбулы я не считаю нужным.

Итак, что же понимается под эволюционным процессом в смыслогенетической теории? Самое общее определение таково: **эволюция – это последовательное и направленное изменение системных конфигураций, протекающее на всех уровнях их самоорганизации.**² Любого рода изменения не самоорганизующихся образований эволюцией не являются. Кроме того, к эволюционным изменениям относятся лишь те, которые рождают новые качества, выходящие за пределы исходной формы или, иными словами, те изменения, которые превосходят пределы флуктуационных амплитуд для того или иного конфигуративного паттерна. (К примеру, простое онтогенетическое развитие организма также эволюцией не является). Здесь, конечно же, возникает вопрос о том, каково содержание этих направленных изменений, но об этом, к сожалению, нельзя сказать одной фразой.

Чтобы пояснить определение это, начать придётся издалека, обращаясь к фундаментальным основаниям современных представлений о реальности, которые нам предоставляет квантовая физика, теория относительности, общая теория систем (ОТС) и некоторые другие направления. Попытаюсь предельно кратко резюмировать наиболее важные положения в виде тезисного очерка – «натурфилософского» этюда, с необходимой оговоркой, что вся эта «метафизика» возможна лишь в пределах нашего интеллектуального горизонта и, как любые иные умопостроения, ограничивается эпистемологическими возможностями языка. Кроме того, следует пояснить, что дальнейшие рассуждения не есть эпигонский аналог

² Понятие самоорганизации здесь используется в широком контексте, не предполагающем обязательного соотнесения с синергетикой. В каком именно – станет ясно из последующего изложения.

«классических» натурфилософских интуиций, свойственных ранним философам. Подробное изложение естественнонаучных и теоретических обоснований с соответствующим понятийно-терминологическим аппаратом здесь намеренно опускается. Излагается лишь квинтэссенция в виде предельно сжатых тезисов, отчасти представляющих собой перевод с языка естественных наук на язык общегумантарный и релевантный культурологическому дискурсу. Вынужденно мирясь с неизбежно происходящими при таком переводе, потерями, я могу лишь предупредить, что каждую нижеследующую фразу следовало бы начинать словами «говоря упрощённо,...».

Стремясь избегать эклектики, я в то же время не опираюсь на какую-либо одну из известных теорий, но, сохраняя критическое к ним отношение, пытаюсь лишь гипотетически обозначить путь к теоретическому синтезу.

Прекрасно осознаю, что, обращаясь в дальнейших рассуждениях к опыту естественных наук и, в частности, к квантовой механике, я становлюсь в очень уязвимую позицию, ибо здесь сами собой напрашиваются обвинения в вульгарном универсализме, проклятой метафизике, онтологизме, жёстком схематизме и т.п. К тому же, «залезая в чужой огород» я рискую вызвать на себя огонь критики, связанный с чувством профессиональной ревности. Надеюсь, тем не менее, хотя бы частично смягчить эти обвинения следующими оговорками.

Экскурсы в квантовую физику, биологию, нейрофизиологию и другие не гуманитарные области делаются не с целью чем-то обогатить соответствующие науки, а единственно с целью нахождения точек опоры для выхода за пределы культуры как анализируемой системы. (Ни в каком ином смысле мы из культуры выйти не можем). Ведь если культура – звено в цепи глобальной эволюции систем, то постичь её основы можно лишь выйдя мыслью за её пределы. И только здесь, в области наук, изучающих иные (соседние) системы, удаётся нащупать основания, опираясь на которые, представляется возможным избавиться от собственно культурологических метафизических и иных

стереотипов: телеологизма, историоцентризма и т.п. Иными словами причина, заставляющая меня пускаться в рискованные путешествия по территории естественных наук связана не со стремлением объять необъятное или построить некую «общую теорию всего», но лишь с необходимостью проследить корни культуры, протягивающиеся далеко за пределы её собственной территории.

И, кроме того, считаю чрезвычайно важным подчеркнуть, что вся собственно теоретико-культурная парадигматика, излагаемая как в этой, так и в других частях исследования **никоим образом не дедуцируется** из нижеследующих «натурфилософских» с подключением квантовой физики посылок.

Итак, если пока чисто постулативно допустить, что культура не есть абстракция ума (в этом случае об её эволюции просто бессмысленно было бы говорить), а реально существующая самоорганизующаяся система – звено в цепи эволюционных образований Вселенной, – то её внутренняя эволюция, которая в том или ином ракурсе выступает предметом культурологического знания, оказывается продолжением эволюции глобальной. В этой связи возникает необходимость хотя бы частично расшифровать расхожий тезис о единстве законов сущего³ в аспекте общей логики эволюционирования.

Если принять теорию Большого Взрыва,⁴ и пульсирующей Вселенной (а оснований для этого, вроде бы,

³ Тривиальность этого тезиса не означает, однако, его бесспорности. «Космология... представляется нам наукой, не имеющей под собой прочного основания, хотя бы потому, что она изучает огромную Вселенную на примере небольшой её части, исследования которой, не могут дать объективной картины реальности. Мы наблюдаем её на протяжении очень короткого отрезка времени и имеем относительно полное представление лишь о ничтожно малой части её объёма. *Boulding K.E. Science: Our Common Heritage. Science. Vol.207. 1980. P. 834.*

⁴ Имеется в виду «инфляционная теория Вселенной» А. Гуса (Guth) – усовершенствованная теория Большого Взрыва.

достаточно),⁵ наиболее фундаментальным динамическим началом бытия оказывается дуализм **интеграции (генерализации) и дезинтеграции (фрагментации, локализации)**⁶. Соединяясь в ритмических пульсациях, эти противонаправленные силы организуют все доступные нашему восприятию процессы во Вселенной. Заданные импульсом Большого Взрыва, процессы разбегания, дивергенции, сепарирования, радиации сдерживаются и компенсируются действием сил «реликтового» единства, «памятью» о первичном не-дуально-целостном бытии (если сингулярное состояние можно назвать бытием). Интегративные силы устремлены к преодолению фрагментации и возврату Вселенной в холономное состояние.

Борьба между этими силами пронизывает все уровни существования, иницируя процессы возникновения и развития систем. Контрапункт интегративных и дезинтегративных сил рождает дуализм двух типов связей: **когерентных и каузальных**, которые в своём диалектическом⁷ взаимодействии образуют два

⁵ Теория Большого Взрыва, как известно, не является общепризнанной. Впрочем, ожидать появления общепризнанной на основе абсолютной доказанности, космологической теории, по-видимому, не приходится. Тем не менее, именно теория Большого Взрыва на сегодняшний день является наиболее авторитетной и вызывающей наименьшее количество возражений, поскольку при всех нерешённых вопросах, она по своим объяснительным возможностям превосходит другие. И к тому же, поскольку приводимые здесь общетеоретические выводы из теории Большого Взрыва минимально затрагивают её собственные обоснования, то они оказываются достаточно валидны даже с учётом возможных естественнонаучных корректив. Приводить же сейчас аргументацию в пользу теории Большого Взрыва как таковой, означало бы слишком далеко уйти от основной темы.

⁶ Разумеется, речь не идёт о простом редуцировании всех процессов Вселенной к этому дуализму. Речь идёт всего лишь об одном из процессуальных аспектов её жизни. Но важность именно этого аспекта для нашей реальности первостепенна.

⁷ «Диалектическая» лексика теперь не только не модна, но и почти до неприличия одиозна. Это неудивительно, если вспомнить, во

полемизирующих между собой модуса реальности. Пересекаясь, они отражаются друг в друге благодаря вовлечённости в общие ритмические отношения.

Понятие когерентности здесь трактуется в смысле, приближенном к первоначальному: *co-haerentia* – внутренняя связь. Под когеренцией понимается независимая от времени, а на высоком уровне абстрагирования – и от пространства, корреляция/согласование онтологических модусов любого рода объектов/явлений, берущая начало от уровня квантовых состояний, а возможно и глубже. В своей атемпоральности когеренция противостоит каузальности как связи, развёрнутой во времени. Т.е. если под каузальностью понимается причинно следственная связь явлений, то под когерентностью – вневременная, акаузальная корреспонденция, которую можно назвать чем-то вроде со-пробывания или со-осуществления⁸.

С противоборством центробежной (дезинтегративной) и центростремительной (интегративной) сил – от микроуровня, с его испусканием и поглощением виртуальных частиц, до «грубо» физического и психического уровней и далее вплоть до метagalactic – связан и феномен *ритма* в его всеохватной фундаментальности.

С одной стороны, такты ритма формально связаны между собой временной последовательностью, которую можно трактовать как причинно-следственную (каузальную)

что она была превращена марксизмом-ленинизмом. Однако вопреки сложившимся, особенно в нашем отечестве, психологическим стереотипам есть основания утверждать, что обращение к фигурам диалектической логики, разработанным немецкой классической философией, не утратили своего эвристического потенциала, хотя применение их в современном контексте требует, разумеется, значительных коррективов.

⁸ Если оставить в стороне современную теоретическую физику, то в сфере гуманитарной, рассмотрение феномена вневременной асинхронной когеренции между психическими процессами и событиями физического мира находим в поздних работах Юнга. Впрочем, без влияния физики не обошлось и там. К теме синхронизмов по Юнгу мы ещё обратимся далее.

связь. С другой же стороны, универсальная повторяемость ритма, согласованность «вложенных» друг в друга ритмических вибраций продуцирует когерентное начало. Глубинная ритмическая согласованность внешне разнородных и разноуровневых феноменов обеспечивает их акаузальное со-осуществление в когерентной взаимообусловленности.

Пронизывающая Вселенную ритмическая согласованность – это вынужденная замена утраченного в результате Большого взрыва холономного единства. Благодаря ритмическим скрепам всеобщей когеренции фрагментарность и автономность «разбегающихся» онтологий всегда оказывается относительной, неполной. Так, «реликтовая память» о холономном состоянии, «предшествующем» Большому Взрыву, указывает на модус бытия, определяемый интегративно-центростремительной силой. Говоря о центростремительности, я не имею в виду стремление к некоему точно фиксированному во времени и пространстве центру. Речь идёт о присущей всем локальным образованиям во Вселенной интенции к центрообразованию, т.е. структурированию по принципу *центр – периферия*, где фокус интенциональных связей (центр) уравнивает силы разбегания и бесконечного дробления. Процесс фокусировки здесь может быть представлен на основе картины образования интерференционных паттернов – точек «турбуленции», возникающих в результате столкновения и наложения частотных волн и рождающих тем самым из интенционального «*ничто*» субстанциональное *нечто*. Образующиеся в таких точках относительно устойчивые во времени «вихри» располагаются в интерференционный узор – точечный костяк будущей структуры.

Интенциональность по сути своей соприродна волновым колебаниям, а возникновение дискретных образований элементов структуры – интерференционному эффекту. Однако погружаться в анализ этих аналогий нет необходимости. Главное – не упускать из виду гомоморфность процессов, протекающих на разных уровнях реальности.

Флуктуации процессов фрагментирования по отношению к центру образуют периферию. Центр – это сгусток интенций/энергий, который за счёт их силы и концентрации, набирает достаточный «вес» для того, чтобы самому (вот основа всякой самости) начать испускать пучки преобразованных в своём интерференционном паттерне интенций и тем самым превратиться в *ядерный элемент* организующейся в «диалоге» интенций структуры. Устанавливаемая при этом устойчивая иерархическая связь по принципу доминирование – подчинение обуславливается тем, что интенции, испускаемые из ядерного элемента (центра), привязывают к себе элементы периферии, как бы «навязывая» им ту или иную онтологическую или функциональную модальность, пронизывая, облучая их и отчасти подавляя, ограничивая их собственную имманентность. Так, в частности, человеческие эмоции, как пучки интенциональных энергий, воздействуют на удалённые объекты, например, как подтверждено опытами, на молекулы ДНК.⁹ А ответить на вопрос: почему в конкретной ситуации именно те или иные элементы набирают особенный вес, фокусируя и концентрируя в себе больший по сравнению с ближайшей периферией интенционально-энергетический потенциал, очень трудно. Возможно, ответ на этот вопрос вообще не может быть дан в виде общей формулы. Не менее труден и вопрос о том, почему в такого рода иерархических взаимодействиях, более сложные структуры всегда подчиняют себе более простые. На этот счёт можно предположить, что более сложные структуры, являясь более интенционально плотными и насыщенными, способны связывать соответственно, больший энергетический потенциал.

Следует также помнить о фрактальной «вложенности» структурно-системных образований: то, что на одном уровне организации выглядит как система (например, живой организм с точки зрения его молекулярно-клеточного строения), то на другом уровне предстаёт в роли

⁹ *Silvertooth E. W.* Spectral Relativity. Nature, vol. 322 (14 August 1986). P. 590.

элемента структуры более сложного порядка (вида, таксона, биоценоза и т.д.)

Интенция центрообразования действует и на микроуровнях, где само вещество обнаруживает свою иллюзорность. Механистическая картина мира, согласно которой «твёрдые кусочки» вещества разбросаны в пустоте, давно опровергнуты квантовой физикой. Здесь центр, как уже было сказано, – это сгусток энергии, энергетический узел поля.¹⁰ Таким образом, любого рода связи и отношения в своей глубинной природе суть проявления чистой интенциональности, лежащей в основе сущего, и лишь актуализация её в становлении структур рождает всякого рода онтологию.¹¹

«...мир делится не на различные группы объектов, а на различные группы связей... Единственное, что поддаётся выделению, это тип связи, имеющий особенно важное значение для того или иного явления.... Мир, таким образом, представляется нам в виде сложного переплетения событий, в котором связи различного вида чередуются, накладываются и сочетаются друг с другом, определяя таким образом текстуру целого»¹².

Принцип, согласно которому *интенциональность* глубинным образом предшествует *субстанциональности*, действует на всех уровнях системной организации.

«Частицы субатомарного мира активны не только потому, что они быстро движутся; они являются процессами

¹⁰ «Мы можем считать, что вещество состоит из таких участков пространства, в которых поле достигает чрезвычайно большой интенсивности... (Эйнштейн)» *Capek M. The Philosophical Impact of Contemporary Physics. Princeton. N.J.: D. Van Nostrand. 1961. P. 319.*

¹¹ Здесь очевидна перекличка с концепцией В. Гейзенберга и В.А. Фока, согласно которой квантовое явление скрывает субстанцию более глубокого порядка, чем субстанция наличного существования. Это «субстанция субстанции» – суть чистая интенция (потенция, возможность), направленность на существование.

¹² *Heisenberg W. Physics and Philosophy. N-Y. Harper Torch-books. 1958. P. 107.*

сами по себе! Мы не можем отделить существование материи от производимой ею работы, эти понятия представляют собой только различные аспекты одной и той же пространственно-временной действительности»¹³.

Среди множества научных свидетельств действия этого принципа в мире живого вещества приведу лишь одно «...гены не являются ни живыми существами, ни кусками хромосомы, ни молекулами автокаталитических ферментов, ни радикалами, ни физической структурой, ни силой, вызываемой материальным носителем; мы должны признать ген, как нематериальную субстанцию, ...но потенциальную»; «...взаимоотношение наследственности и хромосом подобно отношению материи и памяти... Гены в генотипе образуют не мозаику, а гармоническое единство, подобное хору... хромосомы ... признаются маневренным построением». «Гены – это оркестр, хор»¹⁴.

Первичность интенциональности по отношению к субстанциональности объясняется тем, что первая есть не завершённая онтология, нечто располагающееся между неким «намерением», чистой устремлённостью и наличным локальным исполнением в материале. Любой «чтойности», т.е. онтологической определённости предшествует направленность в её сторону некоего интенционального вектора, потенциально способного реализоваться в наборе вариантов, одни из которых, воплощаясь, рождает онтологию сущего. Интенциональность, таким образом, связывает потенциально-вероятностный и онтологический планы бытия, будучи соприродна и сопричастна им обоим. Под этим углом зрения онтология как таковая представляется концентрацией интенций, точкой пересечения (интерференцией) несовпадающих направленностей, которая именно ввиду этих несовпадений, «притормаживается» и фиксируется в виде субстанции. Иными словами, фокусирование интенциональных векторов рождает некую относительно константную их диспозицию, которая и образует основу внутренней конфигурации всякой

¹³ Канра Ф. Дао физики. СОФИЯ 2008. С. 234.

¹⁴ А.А. Любищев, 1925. О природе наследственных факторов.1 С. 105, 119, 120.

вещи, обнаруживающей себя в том или ином материале. Но физическая конечность, «замкнутость» вещи, «окончателность» её эмпирической оболочки не останавливает её внутреннюю интенциональную динамику: не только любые референции о цели или функции вещи, но и даже дрейф смысла под её внешней оболочкой – проявления неостановимого самодвижения интенциональных энергий, в чей космический танец вовлечены все вещи и структуры, включая и психический аппарат смыслопорождения.

Можно сказать, что потенциальное, и холономно-нерасчленённое бытие, проецируясь из свёрнутого (когерентного мира) и осуществляясь в мире эмпирическом, оказывается «расплюснутым» и разъятым во времени. А силой, сохраняющей взаимоотношение темпорально разъятого со-осуществления и есть **интенциональность**.

Эти представления отчасти согласуются с теорией *бутстрапа* (bootstrap) Дж. Чу и Д. Бома¹⁵, согласно которой Вселенная предстаёт как голографическая целостность, пребывающая в постоянной динамике сворачивания и разворачивания, т.е. переходов из состояния внутреннего (имплицитного) порядка в порядок развёрнутый, эксплицитный, доступный нашему эмпирическому восприятию. Теория эта, приобретающая всё большее число сторонников,¹⁶ действительно в высшей степени эвристична, и мы, сохраняя, разумеется, критический подход, будем по разным поводам к ней обращаться.

Вообще идеи Д. Бома о глубинном холономном уровне реальности и фрактально-голографической устройстве Вселенной имеют сложную судьбу. Долгое время они рассматривались не более как теоретический казус, однако последующие исследование квантовой запутанности вновь возродили к ним интерес,

¹⁵ Бом Д. Квантовая теория. М., Физматгиз. 1961; *Bohm D., Hiley B.* On the Intuitive Understanding of Nonlocality as Implied by Quantum Theory. *Foundation of Physics*, Vol.5, 1975. P. 93-109.

¹⁶ См. напр. *Швебс Г.И.* Холистическая научно-эзотерическая доктрина мироздания // *Сознание и физическая реальность*. Т. 3. № 5, 1998., С. 3-15.

дополнительно простимулированный открытием Б. Мальдельбротом фрактальной геометрии, описывающей «упорядоченный хаос» природы в образе фрактально-голографический принцип бесконечного вложения самоподобных структур друг в друга. А выводы из теории Бомы относительно океана энергии, скрытого за границей пространственно-временного континуума нашли подтверждение в открытии «тёмного вещества» и «тёмной энергии».

Но приторможенная в материале интенциональность (онтология) есть отрицание чистой направленности. Это её, говоря языком диалектической логики, инобытие, т.е. превращённое качество существования. Сгустки интенциональных энергий, овеществлённые по поводу актуализации какой-либо из множества заключённых в них потенциалов, есть перевод самой этой потенциальности из синхронно-когерентного плана в план темпоральной процессуальности и, следовательно, каузальности. Синхронность предсуществования бесчисленного количества возможностей посредством актуализующейся интенциональности преобразуется (уплощается) в растянутое во времени физическое бытие, которое по мере «затвердевания», кристаллизации структур, обретения ими онтологической определённости (самости) всё более погружается в темпоральную процессуальность с её причинно-следственными зависимостями. Но сами интенциональные энергии не затухают, будучи заперты в онтологической оболочке вещи. Они продолжают своё незримое бытие, пронизывая мир ставших и единичных вещей «флюидами» бесконечного становления, задавая мелодии для неостановимой хореографии структур.

В этой связи нелишне напомнить, что никакая онтология не является окончательной. Любые структуры, начиная с материально-вещественных, рано или поздно распадаются: различия – лишь во временных отрезках, на протяжении которых интенциональные энергии тормозятся и фокусируются в этих структурах, не говоря уже о возможности «подхватывания» их новыми интенциональными векторами. И потому, несмотря на

пренебрежительно малую по сравнению с психическими и социокультурными процессами, скорость изменения «фундаментальных онтологий», фундаментальность эта остаётся условной, а онтология никогда не окончательна. Но и мир бесконечной потенциальности, мир интенциональных потоков также не есть нечто метафизически неизменное, каковым его представляли под именем Духа богословы и философы. (Провидение, воля, жизненный порыв, устремлённость и т.п. – всё это ярлыки, обозначающие интенциональность с различной акцентуацией). Однако трансцендентность мира чистых интенций миру наличных онтологий (единичных вещей) делает всякие рассуждения об этой изменчивости слишком умозрительными и гипотетическими. Тем не менее, без такого рода гипотетических суждений в данном исследовании, не обойтись. Во всяком случае, можно вполне определённо утверждать, что данная нам эмпирически интенциональность выступает медиатором, связующим и передаточным звеном между многомерным миром возможностей и уплощённым миром локализованной в пространственно-временном континууме действительности. При этом интенциональность не только и, быть может, даже не столько разделяет эти миры, сколько указывает на их взаимосвязь, взаимоприсутствие друг в друге.

Таким образом, интенциональность и субстанциональность образуют диалектическую дихотомию «метафизических» начал, являя тем самым относительность принципа *дуализма*. На квантовом уровне это дуализм/единство волны и частицы¹⁷, на биологическом – столь же относительный дуализм гена-вещества и гена-

¹⁷ Такая формулировка, впрочем, содержит неприемлемую для квантовой механики онтологизацию: речь может идти не о свойствах волны или частицы, присущих квантовым объектам самим по себе, а лишь о проявлении соответствующих эффектов, косвенным образом фиксируемых в ходе наблюдений. Т.е. дистанция между феноменами микромира и причастными к макромиру средствами измерения, включая самого наблюдающего, делает вопрос об онтологии невозможным.

поля¹⁸. В дальнейшем мы увидим, что все эти, казалось бы, совершенно отвлечённые и далёкие от гуманитарных вопросов умопостроения, в силу универсальности законов сущего, имеют самое непосредственное отношение к морфологии культуры.

С дуализмом интенциональности и субстанциональности сопряжён и универсальный дуализм *дискретности* и *континуальности*. Дискретизация, если так можно выразиться, интенциональных потоков на «сгустки» автономных онтологий, с их последующей деструкцией и повторным растворением в потоках энергетических направленностей, – фундаментальный алгоритм структурообразования. И если на глубинном онтологическом уровне дуализм дискретного и континуального обнаруживает свою иллюзорность (вспомним, условность дуализма волны и частицы), то на более «грубых» уровнях структурообразование приобретает вид процесса, связывающего изначально разрозненные и дискретные точечные узлы будущей структуры, неявно мерцающие в глубине исходного материала, с завершённым, онтологически полноценным образом этой структуры. Образования на любых онтологических уровнях возникают не путём механического присоединения элементов к некой основе, а путём симультанного вспыхивания нового типа связей между дискретными элементами, после чего возможно дальнейшее преобразование этих элементов в

¹⁸ «...независимыми методами подтвержден постулат Гурвича-Любищева-Казначеева-Дзян Каньджения о биополевом уровне геноинформации. Иными словами, дуализм совмещающего единства «волна-частица» или «вещество-поле», принятый в квантовой электродинамике, оказался применимым в биологии, что и предсказывали в свое время А.Г. Гурвич и А.А. Любищев. Ген-вещество и ген-поле не исключают друг друга, но взаимно дополняют. Это естественно и логично, поскольку живая материя состоит из не живых атомов и элементарных частиц, которые и совмещают «паранормальным» образом эти фундаментальные свойства, но эти же свойства используются биосистемами в качестве основы для волнового энергоинформационного «метаболизма». *Гаряев П.П.* Волновая генетика как реальность. Институт квантовой генетики. М., 1995. С. 14.

соответствии с требованием новых связей и функций. Дискретизация, выпадение чего-либо из континуальной связанности, начинаясь с ритмических сбоев, инициирует любого рода изменения, как конструктивного, так и деструктивного характера. Или, иными словами, предпосылкой всякого рода изменений служит дискретизация, онтологическое обособление элементов от данной в той или иной модальности всеобщей связи на основе ритмических рассогласований.

На квантовом уровне это описывается как нарушение нелокальной связи. Так, редукция или коллапс квантового состояния какой-либо элементарной частицы внутри сложной многоуровневой структуры приводит к тому, что эта частица оказывается локализованной только внутри этой структуры и теряет способность участвовать в организованном движении и согласованном квантовом состоянии за её пределами. Таким образом, частица (группа частиц) необратимо отпадает от всеобщей нелокальной (когерентной) связи. Здесь возникает соблазн, связав феномен дискретизации и отпадения с редукцией квантовых состояний, найти элементарно простое объяснение едва ли не всему на свете – от феномена старения и смерти живых организмов до психологических стереотипов предпочтения единого множественности и т.п.¹⁹.

Тем не менее, не впадая в редукционизм, можно сказать, что дискретные элементы оказываются наименее устойчивы (жизнеспособны), в ситуации максимального отпадения. Когда же они «подхватывая» новыми интенциональными векторами, их онтологическая локальность оказывается отчасти уравновешена вовлечённостью в континуальность новых структурных связей. В этом контексте и разворачивается диалектика становления. Так, становление человеческого сознания разворачивается в диалектике континуальности психического потока и дискретности актов мышления.

¹⁹ См. напр. *Янчилин В.Л.* Логика квантового мира и возникновение жизни на земле. М., Новый центр. 2007.

Особенно важно отметить, что диалектика дискретного и континуального происходит на всех без исключения структурных уровнях: непрерывность интенционально-энергетических векторов и связей диалектически «полемизирует» с дискретностью входящих в структуру элементов. При этом сама структура, являющаяся внутри себя континуум, извне представляется как дискретный элемент структуры (системы) более сложного порядка.

1.2. Всеобщая эмпатическая связь

Идея всеохватного интегративного начала оформилось в концепции *универсальной связи*, на квантовом уровне охватывающей всё сущее во Вселенной. (На языке квантовой физики такая связь называется нелокальной).

Феномен квантовой нелокальности традиционно поясняется так называемым парадоксом Эйнштейна-Подольского-Розена: в ходе мысленного эксперимента при аннигиляции электрона и позитрона возникают два фотона с противоположными спинами, которые разлетаются в разные концы Вселенной. Парадокс же, в одной из расширенных его формулировок, заключается в том, что результат измерения одного фотона, зависящий от условий измерения, будет определять результат измерения другого независимо от расстояния между наблюдателями. Примечательно, что существование нелокальной связи и, соответственно, возможности мгновенного воздействия на расстоянии экспериментально доказано. Так, весьма примечателен эксперимент А. Аспекта²⁰, в котором проводилось измерение на спина, а поляризации фотонов, излучаемых атомом при переходе из возбуждённого состояния в состояние с меньшей энергией. Наблюдатели были разделены расстоянием, которое скоррелированные фотоны преодолевают за некоторое время. При этом один из

²⁰ Речь идёт об экспериментах, доказывающих квантовую нелокальность, проведённых А.Аспектом и его сотрудниками в университете Пари-Зюд в 1982 г. и нек. др. Результаты экспериментов опубликованы в журнале «Foundations of Physics» за 1975– 1985 гг.

наблюдателей может за это время произвольно менять настройки измерительного прибора. Однако показания прибора второго наблюдателя всё равно будут зависеть от показания прибора первого. Иными словами, эксперимент А.Аспекта и его сотрудников показывает, что для двух скоррелированных квантовых объектов, при схлопывании волновой функции одного из них, то же самое мгновенно происходит и с другим. Причём когеренция здесь осуществляется на макроскопическом расстоянии и в отсутствие пространственно-временного сигнала, опосредующего их связь. Из этого делается смелый вывод, что опираясь на теорию Большого Взрыва, можно утверждать, что вся Вселенная была «приготовлена» как одно квантовое событие и потому состоит из скоррелированных (когерентных) (нелокальная корреляция = когеренция) квантовых объектов, пронизываемых нелокальными связями.

«...Вселенную нельзя, строго говоря, расчленять на резко разграниченные части. Наоборот, её следует рассматривать как неделимую единицу, а представление об её отдельных частях может быть хорошим приближением только в классическом пределе»²¹.

«Современные достижения космологии всё более настойчиво подталкивают нас к выводу, что условия нашей повседневной жизни не могли бы существовать в отрыве от далёких частей Вселенной, и если бы эти части каким-то образом были изъяты, то все наши представления о пространстве и геометрии моментально утратили бы свой смысл. Наш повседневный опыт, до самых мельчайших деталей, настолько тесно связан с крупномасштабными параметрами Вселенной, что невозможно даже представить себе, как одно могло бы быть отделено от другого»²².

²¹ Бом Д. Квантовая теория. М.: Наука. 1965. С. 196.

²² Hoyle, F., *Frontiers of Astronomy*. N-Y: Harper, 1955. P.304. Из одних лишь кратких высказываний самых авторитетных авторов по поводу универсальной связи всего сущего можно было бы без труда собрать целую книгу.

Если к многочисленным научным определениям этой связи, начиная со старомодного термина *эфир*²³, и далее – Природного разума (Э. Митчелл), *квантовой голограммы* (М. Каку), матрицы сущего (М. Планк) и др., добавить определения, которыми изобилуют религиозные и мистические источники, то и в этом случае мы не охватим всего разнообразия форм выражения идеи всеобщей связи. Не стану отвлекаться на пересказ доказательств наличия универсальной связи в современных физических теориях: при желании с ними можно познакомиться, обратившись к соответствующей литературе²⁴. Отмечу лишь несколько очевидно доказанных выводов квантовой физики, имеющих прямое отношение к постулированию всеобщей универсальной связи.

– *квантовый скачок*: квантовый объект (к примеру, электрон), переставая существовать в одной точке пространства, обнаруживает себя в другой, не проходя через разделяющее эти точки пространство.

– *коллапс волны*: квантовый объект не проявляет себя в обычной пространственно-временной реальности, пока мы не наблюдаем его как частицу.

– *волновое качество*: квантовый объект способен пребывать одновременно более чем в одной точке пространства,

– *эффект нелокальности*: проявление квантового объекта, вызываемое наблюдением параллельно воздействует на скоррелированный с ним объект-двойник независимо от разделяющего их расстояния.

В качестве резюме приведу высказывание авторитетного физика М. Каку.

«Существует космическое «сцепление» (*entanglement*) между каждым атомом нашего тела и атомами, которые находятся на расстоянии световых лет от

²³ Идея всеобщей симпатии, конечно же, значительно древнее. Так, учение о всепроникающей пневме восходит через флорентийских неоплатоников и естественной магии Ренессанса к пифагорейству, платонизму, аристотелизму, неоплатонизму и гностицизму.

²⁴ См. напр. *Каку Ф.* Дао физики. М., СОФИЯ, 2008.

нас. Поскольку всё вещество произошло из одного источника – Большого Взрыва, – то в каком-то смысле все атому нашего тела связаны с атомами на другом конце Вселенной при помощи космической квантовой паутины. Сцеплённые частицы чем-то похожи на близнецов, всё ещё связанных между собой пуповиной (волновой функцией), которая может быть длиной во много световых лет. Происходящее с одним близнецом автоматически воздействует и на другого, а отсюда знание об одной частице может незамедлительно представить информацию о её двойнике. Сцеплённые частицы ведут себя так, как если бы они представляли собой единый объект, хотя они могут быть разделены невероятными расстояниями. (Если выразиться точнее, то можно сказать, что поскольку волновые функции частиц в Большом Взрыве были когда-то связаны и когерентны, то эти волновые функции всё ещё могут быть частично соединены миллиарды лет спустя после Большого Взрыва таким образом, что возмущения в одной части волновой функции могут воздействовать на другую часть той же волновой функции)»²⁵.

В нашем исследовании понятие универсальной связи дополняется определением «эмпатическая». Связано это с тем, что внешне разрозненные элементы сущего связаны не формальной механической связью, как то представлялось в механистической парадигме классического рационализма, а находятся между собой в отношениях эмпатии – взаимного воздействия на разных онтологических уровнях.

Приведу лишь одно из множества научных подтверждений. В ходе эксперимента В. Попонина и П. Гаряева было исследовано воздействие молекулы ДНК на поведение фотонов. Наблюдаемые в вакуумной трубке, они выстраиваются в соответствии со структурой помещённой туда молекулы человеческой ДНК и сохраняют эту структуру после её удаления из трубки²⁶.

²⁵ Мичио Каку. Параллельные миры. Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем Космоса. Киев. СОФИЯ. 008. С. 202.

²⁶ Investigation of the Fluctuation Dynamics of DNA Solutions by Laser Correlation Spectroscopy.

Из этого же ряда и т.н. зеркальный цитопатический эффект, (живые клетки, разделенные кварцевым стеклом, обмениваются стратегической регуляторной информацией), и давно известный эффект «перерождения» верхних молекулярных слоёв вещества при длительном контакте с другим веществом на «простом» физическом уровне, и неоспоримо доказанная способность воды и других жидких субстанций нести и предавать информационные коды, и способность человеческих эмоций воздействовать на расстоянии на образцы ДНК,²⁷ и многое другое, от чего академическая наука с упорством, достойным лучшего применения, продолжает отмахиваться.

Через концепцию всеобщей эмпатической связи может быть понят и феномен всякого рода целеполагания. Цель оказывается ничем иным, как стремлением восстановить утрачиваемую когерентную связь, реакцией на расплющивание, растяжение во времени сетевой синхронности элементов сущего. И потому нет ничего удивительного в том, что телеологию обнаруживают и в биосистеме, и в физической Вселенной. Однако разница между «телеологией» природной и человеческой состоит в том, что природная цель детерминирована восстановлением уже налично выраженной (эмпирически данной) связи, выраженной в форме генетически закреплённых и универсально повторяющихся сценариев поведения живых существ, тогда как цель в культуре предполагает ключевую роль субъективной воли, т.е. инстинкта со сбитой настройкой. Потому-то в культуре стремление к восстановлению прежних, нарушенных в ходе антропогенеза сетевых когерентных связей приводит не только, а по мере развития культуры уже и не столько к такого рода восстановлению, сколько к формированию новых связей. И связи эти всё более явственно обнаруживают себя в становящемся человеческом сознании как связи не когерентные, а каузальные. Так мучительно формирующееся человеческое сознание адаптируется не

столько к внешней физической среде, сколько к новому уровню разрыва оболочки всеобщей когерентной (эмпатической) связи в мире.

Тема всеобщей эмпатической связи, являясь одной из ключевых в данном исследовании, будет подниматься неоднократно. Сейчас же, с учётом сказанного, вернёмся к общим вопросам эволюции.

1.3. Глобальные эволюционные векторы

Общим местом для широко понимаемого современного неозволюционизма является постулирование, в различной акцентуации и терминологии, неких глобальных эволюционных векторов (в авторской аббревиатуре – ГЭВ), связанных с последовательным наращиванием, от системы к системе, таких качеств, как:

- сложность,
- морфологическая, структурная и функциональная дифференцированность,
- уплотнение эволюционного фронта,
- субъектность.

Для исследования проблематики «региональных онтологий» и «средних уровней» конкретности, концепция ГЭВ как некой императивной данности вполне операбельна. Но эссенциалистские рефлексы сознания тотчас же подбрасывают сакраментальный вопрос: откуда взялись ГЭВ и куда они направлены? И пока на этот вопрос не будет дан хотя бы формальный ответ, сознание не отделается от навязчивого ощущения «подвешенности» концепции. Проще всего было бы сказать, что в признании невозможности окончательного ответа на этот вопрос нет ничего зазорного. Стоит ли в очередной раз искать в пределах нашего умственного и языкового горизонта точку, в которую удобно вбить гвоздик метафизического предела и подвесить на него Вселенную? Тем более что неразрешимость метафизических вопросов нисколько не мешает культурологическому дискурсу заниматься вполне конкретными и достаточно важными вещами.

ГЭВ представляют собой частный случай интенциональности, действующей не на локальном, а на

глобальном уровне. Если противоборство интегративного и дезинтегративного²⁸ начал во Вселенной определяют, не только её внутренние ритмы, но и внешний для неё «большой» ритм, регулирующий её расширение и «схлопывание», (в терминах Д. Бома, сворачивание и разворачивание), то допустимо предположить, что имманентной целью эволюции является *снятие времени и пространства*, посредством которого завершается такт *большого ритма*, охватывающего собой существование Вселенной. Впрочем, учитывая гетерегенность Вселенной, масштабы которой ещё далеко не определены наукой, метафизичность последнего утверждения можно смягчить, предположив, что Большой ритм разворачивания и схлопывания действует не в масштабе всей Вселенной, но лишь в тех или иных её локусах, в одном из которых имеем счастье обитать мы. Однако никакого практического значения эта оговорка не имеет.

Эволюция, таким образом, есть процесс фазовых системных преобразований, конфигурирующих реальность по «генеральной линии» локальность – холономность. Или, иными словами, эволюция – проявление «внутреннего» пульса Вселенной, стремящегося завершить свой большой такт. Причём, образ завершения здесь совершенно не обязательно представлять в финалистской оптике. Оно может выглядеть и как бесконечное приближение к некой точке X. Впрочем, для культуры как некоего промежуточного звена на этом пути данная проблема практического значения не имеет.

В таком случае ГЭВ предстают не как пучок разрозненных и самопричинных сил, а как аспекты единой глобальной эволюционной интенции, раскрывающейся в разных своих модусах. При этом, проявляясь в каждой локальной системе как нечто ей трансцендентное, эта интенция всякий раз обнаруживает себя через вполне имманентные ей факторы и локальные связи.

²⁸ Согласно данным современной астрофизики, дезинтегрирующая сила порождается антигравитационным полем, которое обязана своим существованием так неназываемому «тёмному веществу» и «тёмной энергии». См. напр. М. Каку. Указ. С. 26.

Рассмотрим вкратце означенные векторы/аспекты.

Сложность. Рассуждения о том, что среда сама по себе стимулирует усложнение формы жизни, (к эволюции неживых систем это, впрочем, тоже относится) без прояснения того, о каких конкретно компонентах среды идёт речь, в каком направлении сама эта среда эволюционирует и каков характер прямых и обратных взаимовоздействий между средой и рассматриваемой формой, бессмысленны. Среда в этом случае предстаёт как некое самопричинное и мистифицированное начало, односторонне, с фаталистической непреложностью, механистически воздействующее на форму. Попытки преодолеть такой механицизм предпринимаются, в частности, в коэволюционной теории, но наш подход обладает некоторыми особенностями.

Даже если не вдаваться в различия между синергетическим и общепринятым пониманием *сложности*, нетрудно убедиться, что само эпигенетическое²⁹

²⁹ Употребление терминов *эпигенез* в нашем контексте требует некоторого пояснения. Речь идёт не столько о философской традиции их употребления, восходящей ещё к аристотелевским представлениям о самозарождении организмов, и не о борьбе эпигенетиков и преформистов и философии, биологии и даже не о современном социобиологическом дискурсе, в русле которого вырабатываются два уровня эпигенетических правил. В смыслогенетической теории эпигенез связывается с межсистемной трансляцией и наследованием комплексного био-культурного опыта, снятого (в гегелевском смысле) в ряду качественных преобразований систем и опосредованного первичными элементарными конструкциями – «кирпичиками» культурной информации. Эти кирпичики – суть первичные *смысловые конструкции*, передаваемые в процессе инкультурации и опосредуемые семантическим материалом наличной культурной традиции. Последнее особенно важно, поскольку, при всей очевидности того, что культура, по крайней мере, с антропологической точки зрения, представляет собой особым образом организованную информационную систему, выявить предельную информационную «единицу» культуры в русле социобиологии, антропологии, информатики или генно-культурных теорий оказалось весьма затруднительно.

надстраивание новой системы над предшествующей и хотя бы локальный их синтез в зоне эволюционного фронта создают конфигурацию более сложную, нежели первоначальная. Чем выше порог сложности, тем сильнее сопротивление ему со стороны стабилизирующих сил системы. Эти силы, стремящиеся завершить процесс эволюции на уровне каждой локальной структуры, которая «не знает», что она не есть последняя форма бытия, тшятся превратить всякую локальную систему (структуру) в завершающую коду вселенского танца энергий. Глубинный «витальный рефлекс» всякой локальной структуры – остановить собой динамику изменений «здесь, теперь и так», т.е. зафиксировать собой процесс эволюционирования, будто никаких эволюционных процессов более глобального масштаба не существует. (О рефлектирующей и моделирующей способности человеческого интеллекта – разговор особый). Но на локальном уровне завершаются лишь локальные ритмы, регулирующие становление, соответственно, локальных структур и систем. Процесс эволюционного усложнения идёт дальше, и «рефлекс остановки» переходит на следующие уровни. Разумеется, речь идёт об упорядоченной, т.е. структурно организованной сложности; беспорядочное усложнение критерием эволюционного уровня не является. Такой хаотичной сложностью система прежде всего и жертвует, производя «расщипку» подсистем.

Здесь, конечно, напрашивается вопрос: в чём причина усложнения? Зачем оно нужно? Борьба с энтропией? Повышение жизнеспособности системы, её гибкости и реактивности? Глядя изнутри системы, можно удовлетвориться и этими объяснениями. Но ведь вектор усложнения трансцендентен каждой отдельно взятой системе и, стало быть, сквозную трассистемную интенцию к усложнению ими одними не объяснить. Тем более, что на

(Вспоминается проф. Чик из Чикаго с его почти курьёзными «мемами»). Смыслогенетическая теория, в свою очередь, заявляет, что такой единицей является *смысл*. А эпигенез – есть археология смысла, уходящая корнями в глубинные слои биологической памяти.

локальных уровне всякие оформившиеся структуры всегда и всячески сопротивляются эволюционному усложнению. Ведь более простые и более сложные состояния не могут сравниваться в понятиях *лучше* и *хуже*, поскольку эволюционные преимущества более сложных систем всегда относительны и проявляются постепенно.

И в биологии, простые формы оказываются во многих случаях более адаптивны, чем сложные, да и в культуре сложность организации как отдельных образований, так и целых социоально-исторических систем вовсе не даёт гарантий их выживания и успешного ответа на различного рода вызовы.

Думается, что трансцендентность вектора усложнения обусловлена тем, что сложность структуры прямо пропорциональна скорости протекающей в ней процессов. Ведь чем выше уровень сложности, тем выше скорость внутренних взаимодействий. А ускорение процессов – показатель сжатия времени, на глобальном уровне стремящегося к своему снятию. В этом смысле, каждая локальная система живёт в своём внутренне ускоряющемся по ходу эволюционных итераций темпомире. Так, вектор усложнения устремляется к возврату (на новом, разумеется, уровне) в состояние не-длительности.

Но, если сжатие времени и не достигает (никогда не достигнет?) метафизической точки снятия, а просто стремится к бесконечности, то и этого достаточно, чтобы служить глобальным трендом эволюционного усложнения форм и систем. Стремление доводить всё до логического конца – в данном случае до финализма квазигегелевского толка – въевшаяся в подсознание привычка, выработанная рационалистическим логицизмом. Однако сама действительность никаких «логических концов», как правило, не являет. Так результатом «критического» уплотнения времени может стать растворение каузальности в когерентности, преодоление необратимости времени и т. п.

Главное эволюционное преимущество, которое нарастающая сложность даёт новообразованным системам – это выведение их в иной по отношению к материнской системе темпомир, что, в свою очередь, ослабляет их

зависимость от последней. Внутренняя динамика как плотность процессов на единицу времени в новообразованной системе на порядки выше, чем в системе материнской, следовательно, вероятность внешних деструктивных импульсов, из этого «фонового» и «замедленного» мира резко снижается. Так, зависимость биосистемы от геохимической системы земли меньше, чем зависимость последней от событий в солнечной системе, но больше, чем зависимость культуры от биосистемы. Так вектор сложности сопрягается с вектором самости и наращивания субъектности.

Если в глобальном масштабе общая тенденция к наращиванию уровня сложности достаточно очевидна, то применительно к культурно-исторической эволюции требуется сделать некоторые оговорки. Сталкиваясь с нелинейностью культурно-исторического развития, исследователи задают вопрос: является ли растущая сложность универсальной характеристикой развития?³⁰ Как ни странно, многие авторы не понимают, что не все процессы в системной самоорганизации обществ направлены на увеличение сложности, а критерием последней отнюдь не является технологическо-потребительский прогресс в новоевропейском понимании. В процессуальном плане, и упрощение подсистем, и их дробление, и деструктивные, на первый взгляд, «расчистки» культурного пространства, т. е. процессы, обычно трактуемые как инволютивные, могут выступать (и, как правило, выступают) факторами развития, т. е. предпосылками или прямыми факторами последующего усложнения.

³⁰ Попытку построить многолинейную модель эволюционного развития предпринял, в частности, Р. Карнейро. Однако различия между акцентировкой подобия социальных структур и институтов (однолинейный вариант) и различными путями социального эволюционирования (многолинейный вариант) сводится по сути лишь к нюансировке одних и тех же социокультурных явлений, а главное, к одним и тем же глубинным механизмам. *Carneiro R.I. The Four facts of Evolution. In Honigman, J.J.(ed). Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago. P. 89-110.*

Так, согласно Г. Джонсону, в любой социальной структуре существуют некие организационные пороги, за рамками которых происходит либо увеличение сложности социополитической организации (более развитое и разветвлённое центрообразование), либо дезинтеграция системы³¹. Другие авторы показывают, как рост населения с необходимостью требует системного самоограничения числа потенциальных связей, т. е. жизнеспособность системы обуславливается ограничением увеличения сложности³². (Здесь, впрочем, речь идёт о сложности не структурной, а чисто количественной). При этом выбор пути самоограничения (о принципе самоограничения см. ниже) для всякого сообщества выступает в некотором смысле судьбоносным: изменить историческую колену с каждым новым актом выбора становится всё труднее. Так, абстрактная свобода сворачивается до все более и более конкретной, а абстрактная количественная сложность аморфной и слабо упорядоченной разнородности сжимается и «переупаковывается» в структурную сложность в рамках избранного направления.

Однако главная оговорка заключается в том, что в моменты скачковой смены конфигурации (см. ниже о вертикальном векторе эволюции), особенно на начальных стадиях этого процесса, на первый план выходит деструкция несущих опор материнской системы, поэтому немедленного достижения следующего порядка сложности не происходит. Или, иначе говоря, путь к качественно новому уровню сложности лежит через ситуационную хаотизацию, о чём говорят синергетики.

Итак, если не сводить критерии развития общественных систем к росту производительности труда, совершенству технологии и прогрессу утилитаризма, то его режимы в любом случае будут замыкаться на увеличение сложности. Ибо развитие, как бы его ни понимать, всегда

³¹ *Jonson J. Organizational Structure and Social stress. // Renfrew. C. et al. (ed). Theory and Explanation in Archaeology. N-Y.1986. P. 389-421.*

³² *Hallpike C. The Principles of Social Evolution. Oxford University Press. 1986. P. 237-250.*

приводит к образованию инноваций и, соответственно, к дроблению и дискретизации первоначально синкретических образований. А это, в свою очередь, может служить самым общим, хотя и абстрактным критерием сложности.

Итеративное **уплотнение фронта эволюции** – от гигантских облаков космической пыли, через образование галактик, планетарных систем и далее: к геофизическим и геохимическим процессам на отдельной планете, а затем к биосистеме и АС, – прослеживается достаточно ясно. Однако выглядит это не как стягивание эволюционирующей процесса Вселенной в одну единственную точку, а как процесс, протекающим в бесконечном множестве пространственно-временных локусов. В наблюдаемой нами части Вселенной, вернее, в той её части, в которой можно говорить о наблюдении эволюционных процессов, межсистемные переходы – лишь «выходящие на поверхность» проявление перманентного давления уплотняющего вектора, постоянно действующего на систему и вызывающего в ней специфический комплекс процессов. К таковым можно отнести прежде всего периодически имеющие место фазовые «вторичные упрощения»³³, переупаковку структур, повышение информационной концентрации элементов системы и особенно её структурных узлов.

Наращивание структурно-функциональной сложности нацелено на снятие времени. Сжатие фронта эволюции – на снятие пространства, и эмпирическая нераздельность этих векторов связана с нераздельностью самого пространственно-временного континуума. Тенденция к уплотнению пространства эволюционного конфигурирования на каждом локальном уровне противостоит всепроникающим центробежным силам.

Морфологическая и структурно-функциональная дифференцированность, будучи одним из проявлений сложности, тем не менее, целиком к ней не сводится и представляет собой относительно самостоятельный вектор. И здесь трансценденция ГЭВ предстаёт в обличье

³³ Сухотин А.К. Наука и информация. М.: Наука. 1971.

имманентных процессов: специализации форм и структур развивающейся системы в их опять же совершенно имманентном устремлении к вписанию в среду, каковой выступает эпигенетическая совокупность материнских систем. Органически присущая всякой системе, направленность к неограниченному экспансивному росту, освоению всех возможных ниш в границах материнской системы опосредует сквозную кумулятивную интенцию к дифференцирующему усложнению. И потому полная инволюция к пройденным уровням невозможна никогда и ни при каких обстоятельствах. (Это подтверждается законами, выведенными на материале частных систем. Например, закон необратимости эволюции). В рамках отдельно взятой системы или на стыках межсистемных переходов возникают самые разные по своим причинам и режимам протекания процессы упрощения и структурно-функциональной редукции. Но в общеэволюционном масштабе попятное движение невозможно в принципе. И это лишний раз показывает, что сам дифференцирующий вектор не выводится из имманентных процессов системы, но, будучи, им трансцендентен, лишь опосредуется ими.

Движущей силой дифференциации выступает *принцип комбинирования*, проявления которого будут неоднократно рассматриваться по ходу исследования.

Вектор нарастания *субъектности* выражается в неуклонном повышении способности новообразованных систем к обратному влиянию на среду (прежде всего, материнскую систему), усилению автономности (в смысле возможностей саморазвития за счёт внутренних противоречий), а также концентрации когнитивных потенциалов в отдельных элементах системы. На стадии *культуры* этот вектор вызывает к жизни феномен *субъекта* с присущей ему способностью к рефлексии и когнитивному моделированию. Забегая вперёд, скажу, что под субъектом здесь понимается не только человек, что само собой разумеется, но также и *сама культура* как системное образование. Субъект, таким образом, не равен субъектности. Последняя – общая тенденция,

направленность ГЭВ, лишь на стадии культуры достигающая относительной самоадекватности.

Механизм становления субъектности задаётся действием упомянутого выше принципа центрообразования, когда структурная конфигурация некоего локального фрагмента пространственно-временного континуума организуется вокруг определённой точки фокуса. Таковой может выступать на микроуровне энергетический узел, сгусток поля, на биологическом уровне – клетка, затем живой организм и по ходу разворачивания биосистемы – группы организмов, популяции. Поведенческо-ролевая дифференциация в популяциях высших животных совмещает точку – организующий центр (по крайней мере, некоторые его функции) с отдельной особью. Например, у приматов роли центра выступает альфа-самец.

Центр, в силу тех или иных внутрискруктурных комбинаций и складывания «розы ветров» перекрестных взаимодействий, оказывается в позиции наиболее устойчивого элемента становящейся структуры. Он фокусирует в себе все ключевые векторы её внутренних связей и неуклонно наращивает свойства субъектности: способности к автономному от внешней среды целеполаганию, самоорганизации и рефлексии. Но проявляются эти свойства центра не в отрыве от всей структуры, а в контексте их нераздельного и взаимообуславливающего существования, где центр задаёт высшую точку и форму проявления самости, на которую способна выйти структура как целое.

Во всех системах до появления культуры фокусировка центра, так или иначе, уступала по силе центробежным периферийным силам структур, хотя преобладание их неуклонно минимизировалось. Становление культуры окончательно изменило это соотношение: с одной стороны, центр структурирования сместился в человеческий мозг, дав импульс историческому развитию индивидуальной самости, и, с другой стороны, открылась возможность развития субъектности самих культурных паттернов и входящих в них структур – институтов, традиций, смысловых комплексов и т.п. Но эту

ситуацию не следует понимать как поражение центробежных сил: наращивание центрирующей самости в Культуре было оплачено усилением отпадения от реликтовой холономности «нижних» системных уровней. Тема эта ещё не раз будет рассматриваться позднее.

1.4. Двунправленность эволюции

Универсальный для не-холономного модуса бытия *принцип дуализма* проявляется не только в противоречивом стремлении всякой системы к самосохранению и изменению. Дуалистически противоречива и сама эволюционная динамика.

Видение эволюции как однонаправленного вектора, пусть даже с учётом разнообразно понимаемой нелинейности, по моему убеждению, является односторонним и методологически ущербным. При таком подходе направляющие силы эволюции приходится искать где-то за её пределами, что неизбежно приводит к провиденциализму и одиозным метафизическим объяснениям. При этом содержание эволюционных процессов, как правило, сводят к *адаптации* и *специализации форм*, не выходя за рамки обстоятельств взаимоотношений эволюционирующих структур с внешней средой.

Комплекс изменений, связанный с адаптацией и специализацией структур и форм в эволюционном становлении системы, можно условно назвать **горизонтальным, или внутрисистемным** направлением эволюции. Наряду с ним, однако, действует и другое – **вертикальное, связанное с транссистемным устремлением ГЭВ**. Направление это – не просто продолжение внутрисистемной эволюции – выведение её процессов за пределы системы, но процесс, имеющий принципиально иную механику. Коренится она в неизбывном противоречии между бесконечностью принципа и конечностью форм его воплощения. Под бесконечностью принципа здесь имеется в виду трансцендентность вышеперечисленных характеристик ГЭВ по отношению к каждой локальной системе, в которой они себя

обнаруживают. А конечность форм – это прогрессия становящихся и останавливающихся в своём имманентном развитии форм и структур, ограниченная рамками общесистемной конфигурации. Поскольку всякое горизонтальное эволюционирование – разворачивание системы вширь – обусловлено контекстом взаимодействия со средой (эпигенетической суммой материнских систем), то это с неизбежностью умалает чистоту воплощения принципа в каждой конкретной ситуации, ибо становящиеся формы оказываются не идеальным выражением устремлений ГЭВ, а компромиссом со средой. Иными словами, в любой эволюционной ситуации возникает нетождество и, соответственно, конфликт между универсальными принципами конфигурирования и самой получаемой в результате наличной конфигурацией, т.к. последняя всегда несёт в себе черты компромисса с активно воздействующей на её формирование средой.

В силу этого конфликта вечно неудовлетворённый интенциональный принцип ГЭВ и предстаёт сквозной транссистемной силой. По мере того, как дифференциация и специализация форм всё больше вязнет в горизонтальном растекании и адаптационном освоении всех возможных ниш, предоставляемых средой, набирает силу вертикальное (транссистемное) устремление, стремящееся переориентировать эволюционный фронт, взломать «съезжающую в горизонталь» конфигурацию и воплотить интенциональный принцип на более высоком (в идеале – абсолютном) уровне проявления. Для этого вертикальные силы отыскивают в системе наименее специализированное звено и «выталкивают» его на следующий эволюционный уровень. (Высоко специализированная форма к вертикальному эволюционированию не способна в принципе).³⁴ Кроме того, каждая установившаяся в ходе

³⁴ Сама по себе эта идея не нова. Так, например, А.А. Зубов, рассматривая антропогенез как «звено единой эволюционной магистрали», представлял его как цепь ароморфозов, в основании которой лежат наименее специализированные формы, дающие начало высшим таксонам. *Зубов А.А. Магистрализация и*

эволюции форма – от отдельных автономных образований до всей локальной системы – «не знает», что она не последний и окончательный «венец творения» и потому стремиться заблокировать любые дальнейшие изменения. Отсюда проистекает неизменное для всякой системы стремление к самосохранению и минимизации изменений, что и «провоцирует» давление вертикальных сил ГЭВ, которые, повторю, внешне, выглядят как имманентные силы самой системы. Когда противоречие между стремлением системы к самосохранению, нарастающее по мере истощения потенциала горизонтальной эволюции и необходимостью прорыва на следующий уровень проявления ГЭВ, достигает критической величины, вертикальные силы создают, образно говоря, воронку, затягивающую не вниз, а вверх. Образуется сужающийся кверху конус, у основания которого – уплотняющаяся по мере движения к вершине прогрессия переходных форм, а на вершине – лидеры – пионеры новой системной конфигурации.

Так действует *perpetuum mobile* эволюционной динамики, свободный от провиденциалистских вмешательств Творца, Вселенского Разума и т.п.

Вертикальная линия эволюции, как уже говорилось, никоим образом не является линейным продолжением горизонтальной. Более того, она выступает отрицанием последней. Вертикальный прорыв (скачок) по своей направленности **не имеет никакого отношения к адаптации и специализации форм**. Напротив, движение в этом направлении начинается с разрушения ритмических согласованностей, дисгармонии «вложенных» ритмических пульсаций, что неизменно сказывается на «самочувствии» форм. С точки зрения приоритетов горизонтальной эволюции, изменения, связанные с вертикальным эволюционированием, особенно на начальных этапах прорыва, выглядят как тяжёлая патология, аномалия, жёстко отторгаемая системой, ибо изменения эти не направлены на

демагистрализация в ходе эволюционного процесса.// Общие предпосылки гоминизации. 1985. Вып. 75. С. 14-26.

адаптацию к среде, а скорее, бросают ей вызов. И в любом случае, не сулят поначалу никаких эволюционных преимуществ. Принцип этот неизменно действует на всех уровнях эволюции. Так, давно замечено, что носителями новых культурных парадигм и лежащих в их основе ментальных конфигураций всегда выступают «маргиналы», «отщепенцы», минимально адаптированные к среде, но внутренне нацеленные на создание своей собственной системной среды более сложного порядка. Поэтому превращение слабого звена эволюции в её авангард в межсистемном переходе – не парадокс и не частный случай, а скорее, общая закономерность. Всякий вертикальный эволюционный переход связан для его участников с частичным ослаблением программ выживания и адаптации к среде, ибо переходные формы по природе своей из неё выпадают. Поэтому всякого рода приобретения на этом пути изначально не имеют очевидного положительного значения с точки зрения горизонтального направления эволюции. Это значение проявляется лишь тогда, когда развивающаяся форма начинает оказывать существенное обратное воздействие на среду и, таким образом, принципиально изменяет её характеристики. Животные оказывают такое воздействие на среду самым фактом своей жизнедеятельности, человек – посредством культурных практик.

Итак, если горизонтальное направление эволюции обеспечивает развивающейся системе максимальное разнообразие форм, «оккупирующих» все возможные средовые пространства, то направление вертикальное осуществляет качественные скачки эволюции, порождая при этом межсистемные переходы. И механизмы этих переходов принципиальным образом отличаются от горизонтального адаптационного формообразования.

Факт диалектического противоречия горизонтальной и вертикальной эволюционных линий настолько важен, что для их различения следовало бы использовать разные термины. Однако, терминологические инновации – дело неблагодарное. Придётся, мирясь с инерцией, всякий раз уточнять, о каком именно направлении эволюции идёт речь.

Дихотомия глобального (вертикального) и внутрисистемного (горизонтального) эволюционных направлений – это не примитивная механистическая дуализация, где просто разграничиваются и перечисляются по отдельности проявляющиеся функции. Всё намного сложнее. Разграничение, которое в данном дискурсивном изложении неизбежно выглядит грубо и схематично, в реальности проводится не где-то в вышине умозрительного абстрагирования, а в среде самих эволюционирующих структур. **Т. е. одна и та же функция ГЭВ выступает одновременно проявлением и того, и другого вектора.** В этом-то и заключается хитрость эволюции, прячущей трансцендентное за имманентным. Ведь, казалось бы, налицо противоречие: с одной стороны, ГЭВ трактуются как сила трансцендентная, связанная с вертикальным направлением эволюции, но, с другой стороны, из описания их проявлений, вытекает также и причастность их к направлению горизонтальному. Причём, касается этот всех вышеперечисленных характеристик ГЭВ. И, тем не менее, говорить об относительно ясном фронтире всё же можно. К примеру, очевидна принципиальная разница между нарастанием морфологической сложности живого организма в пределах адаптационных возможностей вида и скачковым прорывом к качественно новому уровню сложности в принципиально иной и изначально ограниченно адаптивной морфологической конфигурации.

Различение внутрисистемного и глобального эволюционных направлений – это не формальная сортировка по отдельности проявляющихся функций, а контрапункт модусов ГЭВ, имеющих единую субстанцию. (Не уверен, что эта терминология здесь вполне уместна, но более точной не существует). Модусы эти отражают двойственность когерентно-каузального мира в перманентном противоборстве этих сил. Так, вектор нарастания субъектности и автономности работает также и на временную устойчивость и фиксированность форм, т. е. подпитывает не только динамический, но и стабилизирующий потенциал системы. Без относительной стабилизации «самость» любой формы или структуры

теряет онтологические основания, а на уровне рефлексии – идентичность. То же можно сказать и о проявлении других функций ГЭВ. Обращаясь к модной синергетической лексике, можно сказать, что горизонтальное направление эволюции, подгоняя формы и структуры под среду и, таким образом, стабилизируя систему, увеличивает уровень её равновесия со средой, в то время как вертикальное – выводит её из этого равновесия. Таким образом, любые изменения системы, связанные с действием ГЭВ, всегда имеют двойственные, противоречивые последствия.

Эволюция, таким образом, предстаёт как итеративный процесс изменения конфигурации системы (или подсистемы), вызванный переходом количественного давления факторов ГЭВ в качественную трансформацию структур системы.

Почему векторы действуют итеративно? Почему эволюция не носит непрерывно-континуального характера? Для того, чтобы ГЭВ могли найти слабое звено в системе, последняя должна дойти до максимального уровня внутреннего разнообразия. Взаимодействие адаптирующихся и специализирующихся форм со средой должно создать достаточно широкий каталог вариантов, чтобы на периферии системы появились «маргиналы», которых можно использовать для скачка на следующий уровень. Эти маргинальные формы, как уже говорилось, никогда не являются «передовиками» горизонтальной эволюции, но всегда аутсайдерами, носителями «избыточного» эволюционного материала и своего рода бескачественности. Поэтому эволюционный процесс протекает в фазовом, итеративном режиме, где длительные периоды горизонтального развития системы периодически сменяются скачковыми переходами на следующий системный уровень. Картина усложняется и тем, что тот же самый закон действует и на подсистемных уровнях. Причём, чем сложнее система, чем более автономны друг от друга её компоненты, тем сильнее нарастает локальный ритмический разноразвитие эволюционных процессов в различных частях системы. Наивысший уровень сложности и эволюционной аритмии являет АС. Но и при таком усложнённом режиме

можно выделить вертикальные внутрисистемные и межсистемные эволюционные переходы, сохраняющие между собой принципиальные отличия.

Вырываясь на следующий уровень, ГЭВ, подтверждая хрестоматийный закон отрицания отрицания, «растекаются» по горизонтали: те эволюционные направления, которые были в фазе перехода связаны с вертикальным скачком, по ходу становления новой системы, превращаются в горизонтальные, служа платформой для следующего вертикального скачка.

Таким образом, ритмичность эволюционных процессов обусловлена переменным доминированием горизонтального и вертикального направлений, а сам процесс **ритмизуется в трёхфазовом режиме**:

1. доминирование горизонтальной эволюции с компонентой латентного вызревания вертикального скачка,

2. вертикальный скачок и формирование новой системной конфигурации. Фронт эволюции смещается в новообразованную систему, а материнская система переходит в фазу инерционного горизонтального доразвития.

3. стабилизация системы в режиме доминирования горизонтального эволюционного направления.

Остаётся добавить, что в отличие от привычной однонаправленной модели эволюции, где периоды относительно плавного развития и скачковые ускорения располагаются на одной линии, здесь горизонтальный и вертикальный векторы всегда действуют **одновременно в разных направлениях**.

1.5. Феномен переходности

Смещение эволюционного фронта от горизонтального к вертикальному направлению раскрывает природу феномена *переходности* как особого состояния системы. В режиме вертикального прорыва к новой конфигурации система наименее стабильна: включение скопившегося на её периферии разнообразного «маргинального» диссистемного материала в инновационное структурообразование придает процессу

нелинейную многовариантность. (Синергетики называют такие состояния точками бифуркаций). В ситуации, когда в противоборстве вертикального и горизонтального эволюционных направлений решается вопрос о том, что из арсенала материнской системы-донора способно трансформироваться и инкорпорироваться в новую систему-акцептор, отдельные подсистемные структуры оказываются в наиболее неопределенном положении. (Для систем, достигающих уровня субъектной рефлексии, это оборачивается проблемой *свободы* как коридора возможностей дальнейших трансформаций). Связано это тем, что режим вертикального скачка резко уплотняет время, «схлопывая», сворачивая каузальные связи и, соответственно, всякого рода процессуально-темпоральные длительности. При этом уплотняются, интенсифицируются процессы комбинаторных взаимодействий между элементами-агентами формо- и структурообразования, вследствие чего запускается «марафон вариантов»: параллельное движение в одном направлении по разным эволюционным линиям. Такая синхронная полифония эволюционирования в ситуации межсистемного перехода есть, по сути, тактическое и локальное наступление интегративных (в глобальном смысле) сил на позиции сил дезинтегративных, импульсно-ритмическое давление когеренции – на казуальность, холономности на дивергенцию.

Каждый вертикальный переход – это, как уже говорилось, очередная попытка преодоления времени и подавления каузальности когерентностью. Ведь новообразованные формы изначально живут не по законам материнской системы, а *как бы уже в той новой системе*, которая лишь *предсуществует* «эйдетически» и которой только предстоит воплотиться налично. Стоит ли в таком случае удивляться, что элементы новой системы не адаптивны к старой? И что они ведут себя не оптимально с точки зрения самосохранения и в случае активно-агрессивного противодействия среде, и в случае относительно пассивного существования?

Разумеется, горизонтальное эволюционирование тоже осуществляется посредством переходов, но совершенно по-иному. Здесь речь идёт об адаптации и специализации форм по мере их экспансии в среду или ответов на вызовы среды, и не более того. При этом всякого рода эволюционные изменения в данном случае возможны лишь в границах, очерченных конфигуративным паттерном системы. Выход за его пределы в рамках горизонтального эволюционирования невозможен. К различиям в режимах переходности для вертикального и горизонтального эволюционных направлений мы ещё будем неоднократно возвращаться. Сейчас же хочу обратить внимание ещё на некоторые моменты.

Вертикальный прорыв к новой системной конфигурации не означает полной остановки горизонтального эволюционирования в материнской системе. Просто с этого момента она перестаёт испытывать внутреннее давление ГЭВ и занимается лишь *инерционным доразвитием*: освоением недозаполненных ниш и ответами на вызовы внешней среды. Поскольку для вертикального скачка этот материал более не интересен, то здесь воцаряется каузальность: процессы растягиваются во времени, интенсивность комбинаторики элементов снижается, масштаб изменений мельчает. А главное, в этой сфере уже в принципе невозможно рождение принципиально новых системных конфигураций: вертикальное устремление ГЭВ не знает «дубля № 2» хотя бы потому, что материнская система, однажды создав условия для скачка, истощается. С этого момента она существует лишь как витальный фон, необходимая жизненная среда для систем более сложного и высокого порядка.

С феноменом снижения разнообразия на системных витках, отпавших от глобального эволюционного фронта, напрямую связан закон иерархических компенсаций Е.А. Седова (закон Седова-Эшби), согласно которому, увеличение разнообразия на высших системных уровнях автоматически снижает его на уровнях низших. А увеличение разнообразия на низших уровнях обрушивает

всю систему. Хотя закон этот выведен первоначально на материале информатики, область его применения оказывается всё более обширной, если не универсальной.³⁵ Так, некоторые исследователи социально-исторической эволюции пришли к сходным выводам: сокращение многообразия и вариативности на уровне подсистем позволяет развиваться верхним уровням системы, поэтому центр, во избежание дестабилизации, стремится к уменьшению сложности подсистем, «узурпируя» и стягивая к себе их функции³⁶.

С позиций более сложной и потому гораздо более динамичной системы-акцептора, процессы эволюционного доразвития материнской системы представляются настолько медленными, что их ход зачастую просто не замечается и система кажется застывшей. Так, процессы космогенеза по своей длительности совершенно несоизмеримы с длительностями исторических процессов на земле, на более локальном уровне. Примером может служить представление о современных первобытных народах, остановившихся, как представляется на первый взгляд, в своём развитии. На самом же деле речь может идти не о полной остановке развития, а лишь о том, что в отпавших от фронта глобальной (вертикальной) эволюции системах, оно скатывается в «дурную бесконечность» всё более незначительных и формальных изменений адаптивно-специализационного характера.

Здесь напрашиваются многочисленные примеры из области биологии, но я всё же приведу пример из области культуры: мустьерские технологии в большинстве ареалов сменилось не верхнепалеолитическими (ориньякскими), порождёнными точечным вертикальным скачком, а так называемыми постмустьерскими, продолжавшими

³⁵ Седов. Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. // Общественные науки и современность, 1995, № 4; Седов. Е.А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организации. // Системная концепция информационных процессов. М.: ВНИИСИ, 1988.

³⁶ Bartzky T. Upward Evolution, Syprasytemic Dominance, and the Mature State. 1987. P. 24-38.

горизонтальную линию эволюции, во многом наследующим техническим традициям мустье. И доживали они очень долго, постепенно вытесняясь заимствованными уже извне более «продвинутыми» технологиями. Нет никаких оснований полагать, что в случае отсутствия таких заимствований они сами по себе вырвались бы на уровень ориньяка.

Точно такая же картина наблюдается и на более ранних эволюционных развилках; «внезапность» ашельской технологической революции, основанной на совершенно иных, нежели олдувайские, технологических принципах, никоим образом не выводится из последних «по горизонтали» т. е. её нельзя рассматривать как кумулятивный результат постепенных и отдельных изменений.

И ещё один пример из области антропогенеза. В своё время В.П. Якимов³⁷ писал о поздних неандертальцах, как о существах, чья морфофизиологическая организация была хороша для выживания в приледниковой зоне (холодный климат, обилие крупных хищников) и потому она поддерживалась естественным и половым отбором. Но эта эволюционная линия оказалась побочным направлением антропогенеза. У поздних (классических) неандертальцев имело место лишь количественное увеличение массы мозга без каких-либо качественных структурно-функциональных трансформаций. Нарастали участки коры, связанные с ориентацией в среде (главным образом, «афеллированные» с правым полушарием), что не имело никакого отношения к вертикальному (в традиционной терминологии – прогрессивному) направлению эволюции, породившей на очередном витке сапиенсов. Однако, отмечая эти факты, теоретических выводов о не-тождестве или хотя бы локальном несовпадении адаптациогенеза и «прогрессивной» эволюции ни В.П. Якимов, ни другие авторы не делают.

³⁷ Якимов В.П. О двух морфологических типах европейских неандертальцев // Природа. 1949. № 10. С. 27-42.

Ещё одна эволюционная ситуация: коэволюционист Р. Фоули³⁸ увидел в развитии австралопитеков два альтернативных пути: специализацию и генерализацию. Первый путь, что характерно, завел в эволюционный тупик,³⁹ второй открыл перед гоминидами дальнейшие эволюционные возможности. Строя свой анализ исключительно на эмпирическом материале, Р. Фоули в данном случае не выходил за пределы анализа межвидовых взаимодействий и локальной конкуренции, и потому не увидел стоящей за ситуационными процессами глобальной дихотомии эволюционных направлений. Для нас же важно подчеркнуть, что эта и многие другие эволюционные развилки, при всей важности каждой из них, есть, прежде всего, воплощения фундаментальной двунаправленности эволюционного процесса, иллюстрации её проявления в наиболее значимых эпизодах генезиса систем.

Если, подбирая примеры, перепрыгнуть через несколько эволюционных развилок, то аналогичную ситуацию можно наблюдать и в ситуации зарождения государства. Первичные государственные образования возникают опять-таки, как результат вертикального скачка, т.е. не выводятся из системы горизонтальных эволюционных трансформаций стадийно предшествующих социальных сообществ – племён, племенных союзов, вожеств и нек. др. Горизонтальный принцип эволюционирования мог преобразовать первобытные сообщества в постпервобытные – не первобытные, но и не государственные. Причём все эти продукты горизонтального направления могли, не уступая

³⁸ Фоули Р. Ещё один неповторимый вид. М.: Мир, 1990.

³⁹ Попутно стоит заметить, что концепция дихотомии горизонтального и вертикального эволюционных векторов позволяет уточнить и расплывчатое понятие *эволюционного тупика*. Хотя в тупик рано или поздно заходят все без исключения формы, есть существенная разница между тупиком затухающего адапциогенеза горизонтально эволюционирующих форм, скатывающихся в дурную бесконечность, и тупиком исчерпавших потенциал системных трансформаций форм-пионеров вертикальных переходов.

раннему государству в общем уровне сложности, выступать по отношению к нему в качестве конкурирующей альтернативы, особенно учитывая, что эволюционные преимущества государства, как это всегда бывает в случаях вертикального скачка, обнаруживают себя далеко не сразу, но лишь в достаточно долгой исторической перспективе. Но вот качественное отличие государства от различного рода квазигосударственных образований, проявляющееся, разумеется, не в одном лишь параметре сложности, обнаруживается и действует сразу, хотя это, конечно же, не признаётся современниками⁴⁰.

Системы, разделённые вертикальным переходом живут в разных темпомирах и потому концепции, согласно которым, процесс продуктивного эволюционирования в системе бесконечен, вряд ли верны.⁴¹

Ещё одним существенным моментом в контексте темы переходности является вопрос о *паллиативных формах*. По-видимому, восходящий ещё к античности принцип *типологизма*⁴² оказывается, хотя и с некоторыми оговорками, справедлив для всех уровней глобальной эволюции, ибо отражает дискретно-итерационный и ритмически пульсационный характер эволюционного движения. Чем локальнее уровень процессов, тем мягче и незаметнее переходы. Однако механизмы их и в вертикальном, и в горизонтальном направлении эволюции едины. В ином случае нам бы пришлось искать переходные формы между детьми и родителями. В то же время, если в биологии решение вопроса о том, где и как провести границу между типами, опирается вроде бы на твёрдую

⁴⁰ Об альтернативах раннему государству и некоторых особенностях его генезиса см.: Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Под редакцией Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. М., 2006.

⁴¹ См. напр. Грант В. Эволюция организмов. М.: Мир, 1980. С. 333.

⁴² Типологизм – философская доктрина, постулирующая существование независимых типов, выражающих качественно различные сущности. Восходит к Платону и Аристотелю, считавших, что между типами не может быть переходных форм.

объективную почву, то в культуре дело обстоит сложнее. Здесь вопрос о типах и переходных между ними формах рискует перейти в чисто эпистемологический план, т. е. зависит прежде всего от масштаба рассмотрения того или иного отрезка эволюции. Считать ли переходными, например, культуры архаических народов, «застывших» на полпути между первобытностью и неолитом, если они, остановившись на этой стадии, никуда более не переходят? В каком смысле считать переходными такие, например, культуры, как критская или финикийская? Если с макроисторической точки зрения в них можно увидеть черты некоей паллиативности, «неполнокачественности», то сами для себя, они обладали не менее полноценным, внутренне завершенным бытием, чем античность, к которой и был устремлён вектор перехода. А что говорить об участниках драмы антропогенеза! Насколько прав антрополог, принимая обезьяну и человека за крайние позиции зоны перехода – чистые, совершенные формы, между которыми располагается ряд «эйдетически» неполноценных и незавершённых паллиаций. И это невятное «ни то – ни сё», проходя отмеренную ему дистанцию развития в пределах видовой конфигурации, безжалостно выбраковывается эволюцией. Такого рода рассуждения можно было бы вполне принять, если бы были обоснованы хотя бы относительно ясные критерии переходности. Но поскольку таковые отсутствуют, возникает соблазн спросить: а на каком основании замыкающими переход «назначены» именно эти виды (формы, структуры)? Нет ли здесь натяжки, аберративного искажения картины в сторону «я – центра», да ещё с лёгким эстетическим привкусом? Ведь как хочется вынести себя за скобки эволюционного фатализма! И хотя границы как межсистемных, так и внутрисистемных переходов, всё же могут быть выявлены объективно, здесь всякий раз возникает множество сложных вопросов, некоторые из которых будут рассматриваться в ходе исследования.

Кроме того, линейное понимание переходности оказалось существенным образом переосмыслено в связи с тем, что современный неозволюционизм видит метафору

эволюционного процесса не столько в кладогенезе (дерево с отходящими ветвями), сколько в фамногенезе (куст с коротким общим корнем и многими отходящими от основания ветвями). Не то чтобы общее направление перехода перестало обнаруживаться: куст ведь тоже растёт снизу вверх. Просто саму прогрессию перехода стало невозможно представлять в виде выстроенной «в затылок» цепочки типов. Эволюционные судьбы последних оказались более сложны и прихотливы, да и общий контекст сосуществования параллельно развивающихся разных – в том числе и в стадийном отношении – линий, существенно отличается от той картины, которую рисовал классический эволюционизм.

Как уже отмечалось, проявления вертикальных и горизонтальных сил ГЭВ на всех без исключения уровнях эволюционирования даны в неразрывном соединении, и непротиворечивая связь этого обстоятельства с принципиально разной направленностью этих сил с трудом поддаётся описанию в категориях формальной логики. Можно сказать, что ни вертикальное, ни горизонтальное проявление ГЭВ никогда до конца не подавляется своей противоположностью. Речь может идти лишь об амплитуде количественных соотношений: на раннем этапе самооформления новой системы, наступающем после вертикального перехода, горизонтальное направление господствует почти безраздельно. И, напротив: в периоды вертикальных эволюционных скачков горизонтальное «расползание» вширь максимально подавляется.

Амбивалентность действий ГЭВ в отдельных локусах системы обнаруживается в несовпадении ответов «объектов» воздействия на создаваемые ими вызовы. К примеру, универсально распространённые в культуре практики ИСС (изменённые состояния сознания) выступают, обобщённо говоря, одновременно и одной из главных стратегий адаптации в культуре, и в то же время едва ли не как первейший способ достижения

трансцендирования, т.е. путь бегства из культуры⁴³. Если же говорить не обобщенно, а присмотреться к конкретным культурным ситуациям, то можно вполне разобраться, какими характеристиками должны обладать те или иные субъектные группы, чтобы посредством ИСС стать агентами вертикальной эволюции. Одно дело, когда ИСС просто притупляет нервное перевозбуждение и помогает приглушить фон психического отчуждения от травматически дуализованного мира. И совсем другое дело, когда ИСС открывают подготовленному сознанию путь к считыванию новых психических паттернов – смутно мерцающих провозвестников ещё не сформировавшихся, но лишь предсуществующих культурных форм, утверждение которых в среде наличной культурной системы явно не имеет ничего общего с задачами адаптации в ней. Скорее напротив, они с той или иной мерой жёсткости отторгаются системой вместе с субъектной группой-проводником. Потому и статус практик ИСС в культуре, как правило, двойственен. С одной стороны, система, защищаясь от инноваций, стремится их маргинализировать или, по меньшей мере, регламентировать. С другой же стороны, даже при самых жестоких репрессиях, с помощью которых система «воспитывает» людей в духе «благонадёжной» адаптации и специализации (понимаемой, разумеется, уже не биологически, а социокультурно), практики ИСС никогда не оказываются подавлены до конца. Предполагая для ИСС роль амортизатора, облегчающего адаптацию, культура, тем самым, волей-неволей оставляет неперекрытым канал, через который сознание может прорываться к диссистемным инновационным смыслам. Грубо говоря, и бытовой пьяница, и визионер-духовидец испытывают воздействие одних и тех же сил, но, прибегая к ИСС, практикуют их в совершенно разных режимах и, соответственно, с совершенно разным результатом: в зависимости от ментальной конституции, культурного опыта и «принимающего устройства» психики.

⁴³ См. *Пелипенко А.А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М., 2007.

Таким образом, дуализм вертикальных и горизонтальных направлений ГЭВ не присущ последним а priori как некое метафизическое свойство, а обнаруживается лишь в конкретном приложении к разнообразным (т.е. поразному отзывающимся) формам. Насколько этот отзыв зависит от непреодолимого естества, а насколько от субъектности данных форм – отдельная тема.

Ещё одной особенностью переходных режимов выступает явление, которое можно назвать *эффектом отката*. Заключается он в том, что в ситуации, предшествующей вертикальному скачку, возникает необходимость соответствующим образом подготовить условия для прорыва предуготовленных для этого форм. По этой причине происходит то, что внешне предстаёт как регресс, частичная деструкция, эволюционный откат. Но с контрпродуктивными деструкциями это не имеет ничего общего. В преддверии вертикального скачка всегда появляются *terribles simplificateurs*⁴⁴, избавляющие формы от излишней специализированности и вписанности в среду.

Так, в культуре движение в горизонтальном эволюционном направлении привязывает психику и, соответственно ментально-смысловую сферу к базовым импринтам, запрограммированным на программы и физического выживания, адаптации, воспроизводства, и специализации «под нишу». Но высшие импринты, связанные с логико-знаковой и абстрактно-моделирующей деятельностью, сами, будучи порождены вынужденной корректирующей самонастройкой в ответ на вызовы вертикального давления ГЭВ, открывают возможность дальнейшей эволюции в вертикальном фарватере. Однако, движение это жёстко обусловлено необходимостью **частичного подавления** базовых программ выживания и демонтажа (в той или иной мере ситуативного) соответствующих импринтов. Т.е. для дальнейшего продвижения в вертикальном направлении ГЭВ необходимо, в качестве предварительного условия, сделать «шаг назад» и избавиться от рамок, с помощью которых система

⁴⁴ Ужасные упрости́тели – *франц.*

ограничивает потенциальное разнообразие: в природе – форм, в культуре – смыслов. Таким образом, принцип самоограничения, позволяющий в начале фазы вертикального эволюционного перехода сфокусировать направление эволюции, придаёт формирующейся системе такую конфигурацию, которую на следующем витке приходится преодолевать и взламывать. Но это может быть достигнуто лишь на пути возвращения к тем развилкам, где ГЭВ данную конфигурацию «выбрали». (Слово выбор здесь взято в кавычки потому, что речь идёт не о свободном и недетерминированном выборе, а о реализации пути, наиболее вероятного из ограниченного числа вариантов, детерминированного широким спектром факторов материнской системы). В связи с этим, становится понятно, почему в культуре условием вертикального эволюционного прорыва всегда служит разрушение программных стереотипов, связанных со стабилизирующими и горизонтально-эволюционными силами исходной системы: выживание, приспособление и т.п. (Инстинкт выживания – программа стабилизации системы на уровне отдельных её элементов). При этом едва ли не универсальной формой такого рода демонтажа выступают, упомянутые практики ИСС, «расширяющие сознание» (не люблю это выражение!) и возвращающие (на том или ином уровне) ментальность к той развилке, где был определён общее направление развития системы. Расширяя (впрочем, по другим параметрам, напротив, снижая) диапазон и изменяя режимы сенсорного восприятия, практики ИСС вновь актуализуют возможности, утраченные в результате модального самоопределения системы на последней пройденной эволюционной развилке. И тогда, носители таким образом преобразованной ментальности оказываются способны видеть и осмыслять то, что не могут видеть и осмыслять «зашоренные» стереотипными программами адаптации и специализации другие. Однако условие это – не более чем условие. Сами по себе практики ИСС отнюдь не гарантируют вхождение в «лифт глобальной эволюции». В большинстве случаев блокировка и разрушение базовых импринтов носит контрпродуктивный характер, ибо служит

прежде всего для увливания от тягот адаптации человека в культуре или, по крайней мере, их смягчения. И в этом – одна из главных (но не единственная) функций ИСС в культуре. Иными словами, ИСС открывают ворота новых эволюционных возможностей, но войти в них могут лишь «избранные», т. е. те, кого в эти ворота толкают и другие факторы и обстоятельства.

Примечательно, что хитрость эволюции проявляется в том, что, эксплуатируя извечные ностальгические устремления человека к возврату в золотой век гармонии и единства с космосом, отмеченный смутными (хотя как сказать!) воспоминаниями о более широких психических возможностях, культура частично приоткрывает перед человеком двери в прошлое и тем самым создаёт платформу для следующего витка системной эволюции, т.е. саморазвития. Ибо на пути заглядывания за ограничители и редуccionного демонтажа кардонов, он если не нащупывает магистральный путь следующего эволюционного перехода, то, по меньшей мере, создаёт потенциал избыточного разнообразия смыслов. Часть из них блокируется и отсеивается культурой. Но другая, пусть сколь угодно малая часть, «оседает» на её периферии, дожидаясь часа своего востребования.

1.6. Принципы и закономерности эволюционных процессов

В очередной раз оговариваясь, что не намерен строить даже в эскизном виде общую теорию эволюции, скажу буквально несколько слов в простом перечислительном ключе о некоторых принципах, имеющих отношение к сквозным эволюционным процессам. Принципы эти хорошо известны, важна лишь их акцентуация в данном контексте.

Принцип самоограничения. Согласно некоторым современным космологическим концепциям, «В дополнение к трём пространственным измерениям и одному временному, которые мы воспринимаем в обыденной жизни, существуют ещё семь (или больше) измерений, которые до

сих пор никем замечены не были»⁴⁵. Как бы ни относиться к такому взгляду на мир, но в любом случае, здесь кроме очевидной и существенной самой по себе, переключки с идеей Д. Бома о незримых мирах «свёрнутого порядка», важно отметить, что появление трёх-четырёхмерной эмпирической Вселенной связано с *актом самоограничения*. Словно капля воды, упавшая на ровную поверхность, Вселенная претерпела уплощение до трёх (не считая времени) физических измерений. «Толщина» растёкшейся капли-Вселенной – это иногда приоткрывающееся пространство так называемой параллельной реальности. Так впервые проявился принцип самоограничения, сопутствующий переходным рубежам в эволюции систем. Межсистемные переходы и в физическом, и в биологическом мирах всегда осуществляются посредством актов самоограничения, в результате которых, переходящее в дурную бесконечность горизонтальное движение переориентируется на открывающее новые эволюционные возможности, движение вертикальное.

Тот же принцип действует и в эволюции социокультурных систем. Уже самое начало культурогенеза было связано с ограничением животной инстинктивности и постепенным инкорпорированием природного психизма в сферу культурного сознания, что, собственно, и входило в первичные задачи нарождающейся культуры. Ограничение тотальности инстинкта и спонтанности его проявления обернулось разворачиванием пространства культуры, а сам режим самоограничения – в русле становления субъектности – инициировал возникновение феномена *воли* как в психологическом, так и в философском его понимании.

Дальнейший ход системного развития культуры демонстрирует богатую типологию актов самоограничения, которые по ходу эволюции систем становятся всё более сложными и утончёнными, ибо сам фронт развития, в силу своего уплотнения, охватывает всё более тонкие материи. Так, приход логоцентрического мышления на смену

⁴⁵ Davies P., The Eleventh Dimension. Science Digest. January 1984. P. 72.

тотальности мифа с его почти безграничной полисемантичностью и плюрализмом также был следствием сужения коридора потенциального смыслообразования – самоограничения в точке межсистемного перехода. Последовательность итерационных самоограничений можно поставить в ряд сквозных векторов, пронизывающих макроэволюционный процесс. И потому, если когда-то прото-интеллект осуществлял ограничение природного начала, то теперь пришло время обуздать и сам интеллект, ибо поздняя логоцентрическая дискурсивность с определённой являет скатывание в дурную бесконечность инерционного доразвития. К этой теме, однако, ещё будет повод вернуться. Разговор же о том, какая сила заставляет системы себя ограничивать, уведет нас в область метафизических спекуляций, которых мне хотелось бы избежать. Пока достаточно признать этот принцип как очевидную данность.

С эпигенетической «вложенностью» эволюционирующих систем связан принцип **структурно-процессуальной диффузии**. Обусловлен он вышеописанным эффектом полемики и смешения материала материнской и новообразуемой системы, когда новые формы не только несут в себе подспудный эпигенетический базис, но и всегда являются в той или степени, прямыми паллиациями с исходной средой. Причём, средой не только внешней, но и, главным образом, внутренней, т.е. теми структурами, связями и интенциями, которые непреложно привязывают любую новую форму к её исходным онтологическим основаниям. Иными словами, инновационный импульс всегда оказывается приторможен и разбавлен инерцией: так имманентность материала сдерживает интенциональную динамику. И, как говорилось выше, инновационные формы никогда не воплощают устремления ГЭВ в абсолютном виде, но лишь в рамках, установленных трансформативным потенциалом структур материнской системы, а последний всегда имеет лимит. И поскольку здесь речь идёт не об изменениях в пределах прежнего структурного паттерна, а о качественных конфигуративных преобразованиях, то уместно говорить о

том, что этот лимит определяется возможной глубиной структурной деконструкции, в ходе которой формы материнской системы превращаются в материал строительства системных структур более сложного порядка.

Этот фактор часто не учитывается прогрессистским сознанием. Инновационность представляется в чистом виде, не обременённой «балластом» прошлого, что вызывает многочисленные аберрации и искажения картины реальности. Более того, в рефлектирующем сознании рождается миф (ложная априорная императивная установка) о дихотомии активного преобразующего духа и инертной, косной неподатливой материи, совершенстве идеи и «неготовности» воплощающего её материала, совершенстве сущности и порочности исполнения, чистоте идеи и извращённости её реализации и т.п. На первый взгляд, здесь просматривается лишь сниженный до бытовой мифологии логоцентрический дуализм Должного и Сущего со всеми его изофункциональными коррелятами, казалось бы, давно изгнанный из высоких интеллектуальных сфер. На самом же деле корни этого мифа глубже. Тоска по полному, незамутнённо чистому воплощению идеи (психической интенции) – есть проявление трансцендентной природы ГЭВ (см. выше), эхом резонирующее в преобразованной культурогенезом человеческой психике. Стремление к преобразованию «неправильно ведущего себя» материала в соответствии с трансцендентной ему идеей – старше и глубже логоцентрической доктрины дуализма духа и материи. Стремление это, будучи изначально и органически присуще культурному сознанию, достигло развитых, осознанных и самоадекватных форм лишь в эпоху Дуалистической революции (I тыс. до н. э.)⁴⁶, и на то были свои причины.

Остаётся добавить, что, прельщаясь возможностью совпадения идеи и её наличного воплощения в материале, человек попадает в ловушку: диффузно-динамическая, извечно паллиативная природа вещей ускользает от его понимания.

⁴⁶ См. *Пелипенко А.А.* Дуалистическая...

В понимании процессуального аспекта эволюционного новообразования значительную роль играет уже упомянутый выше принцип **комбинаторики**. Здесь следует отметить два момента. Первый связан с развитием разнообразия форм и качества из изначально минимального набора первоэлементов за счёт их меж собой комбинирования. Так, известно, что всё разнообразие форм и связей во Вселенной развилось на основе комбинаторики нескольких первоначал – суперструн. То же самое происходит и на всех локальных уровнях. Второй момент связан с процессом структурообразования, в ходе которого имеет место трёхтактный алгоритм: частичная или полная деструкция наличных структур – рекомбинация входящих в неё элементов – стабилизация в качестве новой структуры. Рекомбинация «освобождённых» деструкцией элементов здесь оказывается ключевым пунктом, ибо служит проводником новых интенциональных направленностей, заставляющих элементы, с которыми она оперирует, повернуться друг к другу иными своими аспектами, вступая в новые структурные отношения и раскрывая в себе всякий раз новые грани своей онтологии.

Стабилизация, «кристаллизация» любого рода структуры/системы – это всегда ограничение разнообразия внутренних комбинаций её элементов. Соответственно, онтологическая конституция для всякой структуры/системы обнаруживается в правилах внутреннего комбинирования. В культуре эти правила, принимая вид разнообразных прямых и косвенных табуаций, «правил игры», ограничений и т. п. выходят постепенно из тени подсознательного и попадают в поле интеллектуальной рефлексии. Строя соответствующие смысловые конструкции, всякая культурная система (или подсистема) самоопределяется в своём конфигуративном качестве; ведь вопрос о идентичности – это всегда вопрос о границах и правилах самоизменения. Путь бытия любой автоматизирующейся структуры простирается от предельно широких возможностей полуспонтанного комбинирования и максимально широким полем потенциальных самоизменений до «окостеленого» состояния, когда всякого рода самоизменения укладываются в узкую палитру

незначительных флуктуаций. Ранним состояниям структуры присуща открытость внешнему контексту, который и устанавливает пределы разнообразия комбинаций. И эти границы выступают фактором творческой продуктивности (без кавычек это выражение применимо, разумеется, лишь к поздним культурным системам) не в меньшей степени, чем сам процесс комбинирования. Для поздних же стадий характерна всеподавляющая инертность, когда структура «наслаждается» иллюзией своей окончательности. «Золотая середина» – фаза, неизменно образуемая равновесием нисходящих и восходящих тенденций – счастливый, но, как правило, краткосрочный период, когда контрапункт внутренней гибкости и устойчивости проявляет себя в наиболее мягких формах.

Ограничение поля потенциальных комбинаций по мере структурообразования затрагивает прежде всего две области: центр (несущую конструкцию) и границы. Отсюда начинается самоопределение и соответственно, самоограничение структуры. Именно здесь в первую голову подавляется нелегитимная, «неправильная» и в тенденции деструктивная комбинаторная активность. (Нетрудно заметить, в любой культурной системе наиболее ригидными к изменениям являются структуры и институты, связанные с её сакрально-нормативным ядром и с «внешним контуром» – зоной медиации с окружающим контекстом). Можно, однако, заметить, что в общем ходе эволюции, тенденция гибкости и расширение рамок допустимого комбинирования всё же неуклонно усиливается. Границы структур становятся менее жёсткими, несущий каркас «уходит внутрь», оказываясь всё менее зависим от комбинаторных мутаций в пограничных зонах.

Так даже в ригидных архаичных культурах появляется трикстер – нарушитель установленных правил смыслового комбинирования. А в дальнейшем противоядие от омертвляющей правильности было прочно связано со сферой юмора; часто весьма неудобной, но никогда до конца не подавляемой.

Многочисленными примерами комбинаторных режимов в культуре не раз окажутся в дальнейшем в поле нашего интереса.

Из диалектики дискретного и континуального вытекает принцип **фрактальности**: структурно морфологического подобия (гомоморфизма) локальных образований разных системных уровней. Отрывающиеся (дискретизирующиеся) от изначальной целостности образования, обладающие способностью к автономной самоорганизации и тем отличающиеся от «несамостоятельных» функциональных элементов, в своём имманентном развитии всегда устремлены к воспроизводству той целостности, от которой они отпали, и к воспроизводству максимальной полноты её функций. Другое дело, что эти устремления, будучи ограничены локальностью структурной конфигурации, всегда разворачиваются уже в более узком коридоре возможностей. Любая дискретность как бы стягивает в себя сущностную квинтэссенцию континуального целого. Исходная структура здесь соотносится с континуальным началом на том основании, что структурные связи по отношению к вовлеченным в них элементам действуют непрерывно, т.е. континуально, тогда как сами элементы в своей дискретности выступают диалектическим отрицанием этой континуальности. Стягивание, сжатие, снятие (в гегелевском смысле) онтологических характеристик континуума в границах дискретной структуры обуславливает возможность её вторичного разворачивания в ходе имманентной эволюции дискретной структуры. Модифицируясь в среде её онтологических характеристик, «сжатая» континуальность превращается к генокод будущей эволюционной формы. Так обеспечивается преемственность эволюционного процесса, который можно представить в виде последовательного умаления первичной универсальной взаимосвязанности (континуальности) и почти не ограниченной потенциальности, шаг за шагом «урезаемой» и замыкаемой в рамки всё более и более локальных и онтологически определённых (благодаря нарастающей сложности и дифференцированности) специализированных систем.

Несомненно, кодирование общего в особенном и универсального в специализированном, раскрывающее глубинную природу феномена фрактальности, имеет основания в когеренции квантовых состояний, т.е. опять же воспроизводит универсальную эмпатическую связь, всякий раз искажённую, ослабленную и ограниченную специализированной функциональностью структуры-носителя. Однако наличие фрактальной связи между структурами, иерархизованными по принципу часть – целое, само по себе не инициирует эволюционный процесс, являясь лишь одной из его предпосылок. В подавляющем количестве случаев потенции вторичного разворачивания сжатой онтологической формулы в новом материале так и остаются не реализованы. Чтобы запустить этот процесс, необходим ряд условий, о некоторых из которых было вкратце сказано выше. Однако давление «спящей» потенциальности на всех уровнях фрактальных связей при любых обстоятельствах выступает важным эволюционным фактором. Через неё ГЭВ «нащупывают» слабые звенья в цепи специализированных форм системы, дабы инициировать вертикальный прорыв на следующий уровень своего само проявления.

Феномен фрактальности нередко связывают с эффектом голограммы. При известных различиях в значении этих терминов, оба они, указывают, на одно, по сути, явление. Так, концепцию голограммного устройства человеческого мозга (К. Прибрам и др.) вполне можно описать в терминах фрактальных отношений. На сегодняшний день, можно говорить, ни больше ни меньше как о голографической теории Вселенной набирающей авторитет в полемике с механистической парадигматикой. С лёгкой руки М. Тэлбота,⁴⁷ две ключевые фигуры этой теории физик Д. Бом и нейрофизиолог К. Прибрам теперь фигурируют в глазах читающей публики в тесной связке.⁴⁸ Впрочем, связка эта действительно заключает в себе

⁴⁷ *Talbot M. The Holographic Universe. Harper Collins. 1995.*

⁴⁸ *Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб. 2005; Берснев П. Лабиринты ума. СПб., 2008 и нек. др.*

немалые эвристические горизонты, поскольку впервые открывает возможность системного объяснения явлений микромира в его органической связи с миром психического. Однако, обращаясь к наработкам голографической теории, я всё же предпочитаю термин *фрактальность* термину *голограмма*.

Разумеется, каждый из перечисленных принципов заслуживает гораздо более подробного разговора и, поводы для него будут возникать неоднократно.

1.7. Культура – системное образование

Исходя из вышесказанного, нетрудно обнаружить, что социокультурная реальность, со всеми скидками на искажённость и субъективность нашего на неё взгляда, обладает всеми характеристиками саморазвивающейся системы, являя предельный на данном этапе глобальной эволюции уровень сложности и внутренней дифференцированности. Поэтому, смыслогенетическая парадигма в самом общем виде определяет **культуру как системно самоорганизованный и саморазвивающийся порядок существования надприродных феноменов. «Физическим» носителем культуры выступает ментальная сфера человеческого индивидуума, а структурной единицей – производимый ею СМЫСЛ.** Подробному раскрытию понятия смысла и его значения как своего рода кванта культурного пространства будут посвящены последующие главы.

Аналогия кванта и смысла – не только метафора. Если квант приобретает вид дискретной частицы, только попадая в поле измерения и под действием сознания наблюдателя, то и смысл, существуя изначально в виде интенции, направленности, лишь под воздействием психической концентрации (в пределе – рефлексии) обретает относительно статичные, дискретные формы в семантике, когда континуальный поток возможных смысловых осуществлений «притормаживается» и замыкается в границах *значения*, превращаясь тем самым в относительно автономную дискретную структуру.

Как и в случае с термином *логос* (см. Введение), термин *культура* употребляется двояко: с большой и с маленькой буквы. Культура с большой буквы – всеобщий системный принцип надприродного порядка. С маленькой – развёрнутые в конечном историческом времени и пространстве локальные культурные системы.

Спускаясь с глобального уровня на локальный, направим наше внимание главным образом, на внутрикультурные процессы, включая и межсистемный переход, приведший к самому образованию Культуры как относительно самостоятельной системы. Поскольку за целое берётся уже только Культура (в некоторых случаях АС или межсистемная связка культура – биосистема), то под межсистемными переходами будет пониматься вертикальное эволюционное движение в рамках общекультурного целого. Из этого, однако, не следует, что всё, что говорилось о природе и закономерностях глобальных эволюционных процессах, можно оставить в стороне и забыть. Напротив, исследуя культуру, мы всякий раз будем убеждаться в том, что все эти закономерности в полном наборе присутствуют и проявляются в самоорганизующейся культурной реальности.

Что бы мы ни говорили об автономности этой самоорганизации в смысле независимости имманентного развития культуры от материнской среды – биосистемы, нельзя забывать о логике эпигенеза. Хотя культура является наиболее автономной системой из возможных для данного этапа глобальной эволюции, её развитие детерминировано глубинными эпигенетическими факторами, лежащими за её пределами. Разворачивание этого тезиса составляет один из ключевых мотивов последующих рассуждений. Сейчас же, забегаая вперёд, сформулирую лишь краткие, но чрезвычайно важные положения.

Эволюционные изменения системных конфигураций культуры детерминируются «изнутри» скрытой динамикой эволюции мозга – связующего звена между биосистемой и АС. Причём, что имманентность этой эволюции всё более умалывается встречным воздействием культурных факторов. Иными словами, если на ранних этапах культурной

эволюции её ход в максимальной степени подчинялся динамике эволюции психофизиологической, то впоследствии, по ходу эмансипации культуры от своих природных оснований, эта подспудная психическая эволюция стала, по меньшей мере, существенно корректироваться культурно-историческими факторами и в значительной степени от них зависеть. Зависимость выражается в том, что подспудные тектонические процессы психической эволюции, не изменяясь по своему существу, могут не только ускоряться или притормаживаться в тех или иных культурно- исторических ситуациях, но и в целом их содержание получает возможность *многовариантного (альтернативного) воплощения*. Эта многовариантность есть *пространство свободы*, разворачивающееся, в тех или иных границах, перед каждой локальной культурной системой.

Что же касается имманентных эволюционных процессов в культуре, то они закономерным образом протекают в русле ГЭВ. Так, вектор уплотнения эволюционного фронта не только сжимает географическое пространство культурно-исторического эволюционирования, но и смещает его от больших социальных общностей – этносов, наций, социальных, конфессиональных и т.п. сообществ – к уровню малых групп и отдельных субъектов, манифестирующих наивысший уровень субъектности в общеэволюционном масштабе. Такой субъект, в полном соответствии с эволюционной логикой, перерастает функцию элемента в социокультурной системе и *сам становится системой* или, по меньшей мере, приобретает некоторые её черты.

Характерно, что вектор уплотнения особенно наглядно проявляется в переходные эпохи, когда прорывы к новым конфигурациям происходят точно и в режиме революций (Ш.Ито).

О векторах наращивания сложности и дифференцированности можно даже не упоминать: их проявления очевидны.

Итак, каким же образом можно представить системную эволюцию культуры как продолжение эволюции

глобальной? Предельно обобщённый эскиз может выглядеть так.

Антропогенез явился следствием вертикального прорыва ГЭВ в контексте «сползания» развития млекопитающих и всей биосистемы в целом. (См. гл. 2) в тупик горизонтального эволюционного направления. Уплотняющиеся во времени этапы этого вертикального перехода отмечают последовательное смещение эволюционного фронта от области морфофизиологии к нейро- и психофизиологии, далее – к области психического и, наконец, – когнитивного, где и достигается качественно новый уровень субъектности. Причём носителем этого субъектного качества выступает не только человеческая ментальность, но и вся система культуры в целом. Начиная своё становление с дискретно-точечного состояния и неустойчивых локальных структур, культура оформилась в систему лишь с завершением видовой эволюцией человека в верхнем палеолите. Тем самым закончилась эпоха *раннего культурогенеза*, подспудным психофизиологическим локомотивом которой было пробуждение функций левого мозга (Гл.2). Сама культура в этот период выступала главным образом эпифеноменом самонастройки разбалансированных в процессе вертикального скачка биологических и психических режимов. Впрочем, к концу верхнего палеолита культурная эволюция настолько усилила свою имманентность, что окончательно приобрела способность развиваться за счёт своих внутренних противоречий.

На уровне историко-культурной эмпирии это приобрело вид *чисто культурного ответа* на вызовы, порождённые усилением левополушарных когнитивных технологий и связанных с ними культурных практик, взрывным образом усилившихся в верхнепалеолитической революции. Революция неолита явилась, грубо говоря, попыткой первого «правополушарного реванша» – корректирующей самонастройкой становящейся культурной системы, осуществляемой против течения имманентной эволюции мозга, утверждавшей доминирование левополушарных функций. Неолит, с его двойственными

культурными результатами, – важнейший внутрисистемный вертикальный переход для первой системной стадии существования культуры – *мифоритуальной*. В результате этого перехода присущая раннему культурогенезу стратегия жизни в условиях константного ресурса сменилась стратегией *перманентного его расширения*, определив тем самым переход от раннего культурогенеза (на поздней его стадии – от архаического состояния культуры) к фазе *цивилизации*. Эпоха ранних цивилизаций – финал мифоритуальной системы, завершившийся её системным кризисом. Причины его в предельно лапидарном перечислении «от глубины к поверхности» таковы⁴⁹.

Инерционное доминирование правополушарных когнитивных функций исчерпало свой эволюционный потенциал в форме мифоритуальных системных оснований культуры.

Нарастающее доминирование левополушарных когнитивных технологий не могло более осуществляться в оболочке мифоритуальных форм и ментальных конфигураций: требовался переход к новому типу смыслообразования

К этому времени культура, будучи уже далеко не точечным, а развитым системным образованием со множеством подсистем и специализированных структур, включающая в себя многочисленные и высокоспециализированные социальные группы, нуждалась не только в выработке принципиально новых механизмов координации функций подсистем, но и в их вторичном упрощении: сбросе рецессивного материала и уплотнении эволюционного опыта, – для чего требовались принципиально новые способы кодирования и трансляции.

Уход мифоритуальной культуры в дурную бесконечность горизонтального дробления и самоумножения форм и феноменов привёл к

⁴⁹ Сказанное здесь и далее – не более чем предельно сжатые тезисы, схематически упрощающие многоаспектную полифонию ментальных и культурных процессов в процессе их коэволюции. Некоторые из этих аспектов буду в дальнейшем рассмотрены частично в этой книге, частично – в следующей.

перенасыщению культурного пространства дискретными и хаотизованными смысловыми структурами, что с точки зрения субъекта культуры приняло вид распада традиционного мифоритуального космоса.

Единственно возможным выходом из кризиса был опять же таки вертикальный эволюционный переход к новой культурной стратегии, основанной на левополушарном доминировании. Переход этот, занявший период от рубежа II-I тыс. до н. э. до VII в., определяется как *Дуалистическая революция*⁵⁰, поскольку ключевой формой выражения новых когнитивных технологий и ментальных структур явился доктринальный *дуализм*. Здесь на арену выходит *логос*, в предельно широком его понимании, выступающий «псевдонимом» самой культуры, решительно отрывающейся от своих природных оснований и выходящей на следующий уровень автономности своего развития. При этом важно подчеркнуть, что нацеленность на логос, как концентрированное выражение левополушарной когнитивности, берёт начало ещё, по меньшей мере, в верхнем палеолите с его взрывным развитием языковых практик. Можно сказать, что дискурсы языка стали тем «белым конём», на котором логос триумфально въехал в историю.

Таким образом, Дуалистическая революция дала жизнь новой культурной системе – логоцентрической. В связи с этим радикальным образом усложнилась общесистемная конфигурация культуры как целого. С одной стороны, ментальность человека как субъекта культура стало двуслойной: над первичным слоем культурного сознания мифоритуальной эпохи надстроился второй, связанный с логоцентрическими дискурсами. А в социально-историческом измерении логоцентрический авангард культуры теперь налаживал отношения главным образом, не с природой, а со своими собственными культурными основаниями – мифоритуальным базисом. Так в культурной эволюции проявляется принцип структурно-функциональной диффузии.

⁵⁰ См. *Пелипенко А.А.* Дуалистическая...

Становление логоцентрической системы протекало в фазовом режиме посредством образования дискретных культурно-цивилизационных центров, являющих последовательную прогрессию на пути становления логоцентрического синтеза. Первый шаг в этом направлении сделала Индия, следующий – Китай, затем (в стадийном, а не хронологическом смысле) Иран и Иудея. В средиземноморском ареале логоцентризм достиг своей окончательной зрелости. Греция обнаружила и выявила логос в самоадекватных формах, а христианство и ислам довели логоцентрическую парадигму культуры до предельного выражения⁵¹. Нельзя забывать и о том, что в силу уплотнения эволюционного фронта значительная часть культурно-исторического пространства оказалась «за бортом» Дуалистической революции, Теперь эволюция этой «отодвинутой» от фронта развития культурно-исторической среды определялась с одной стороны затухающими инерционными импульсами горизонтальных изменений, и с другой – ответами на вызовы «сверху», исходящие от доминирующей логоцентрической «надстройки». Средневековье стало золотым веком логоцентризма и логоцентрика как ментального типа. Не случайно в средиземноморье в зрелом средневековье доминировала цивилизация ислама – самая логоцентрическая из возможных.

Однако очередной вертикальный прорыв не заставил себя ждать. Западные европейцы – эти вчерашние варвары и обитатели бедных задворков ойкумены⁵², в полном соответствии с общеэволюционной логикой, совершили в XIV–XVI вв. вертикальный прорыв. Это ещё не было рождение совершенно новой культурной системы, но именно *переходом*. Западноевропейскую культурную систему можно определить как финишную прямую

⁵¹ Там же.

⁵² Если отвлечься от «написанной победителями» всемирной истории с её очевидным европоцентристским уклоном, то становится очевидно, что это именно так. Впрочем, серьезные историки (Ж. Ле Гофф, Ф. Бродель, Г. Франк и нек. др.) этот момент из виду не упускали.

логоцентризма, систему, сочетающую в себе логоцентрический базис и черты, указывающие на исчерпание логоцентрической парадигмы. Субъект переходной эпохи – автономная самодостаточная буржуазная личность – имеет уже трёхслойную структуру ментальности, где над вышеозначенными двумя надстраивается третий, связанный с особым переходным качеством, что собственно и отличает современного «рационального» человека от средневекового.

Современная эпоха являет системный кризис логоцентризма и поворот ко второму правополушарному реваншу. На смену «людям слова» приходят «люди цифры». Причём. В отличие от неолита возврат (на новом, разумеется, эволюционном витке) к стратегическому правополушарному доминированию совершается не против неодолимого течения имманентной психофизиологической эволюции. Доминанты сменяются вновь, и утрачивающая имманентность, эволюция психики подчиняется и корректируется историко-культурными факторами. Иными словами, усиление левополушарных когнитивных функций и движение к их доминированию в форме логоцентризма протекало в русле имманентной, т.е. имеющей природные основания, психофизиологической эволюции. Оттого и неолитический «проект» торможения развития левополушарной когнитивности не привёл к желаемым результатам, а лишь особым образом конфигурировал дальнейший ход культурогенеза в том же предопределённом направлении – к логоцентризму. Но и логоцентрическая система пришла к своему кризису. Однако здесь определяющими были уже не детерминированные природными факторами векторы психофизиологического или даже психического развития, а факторы собственно культурные. Поэтому в ситуации системного кризиса логоцентризма, смена доминант гемисфер оказывается продиктованной главным образом обстоятельствами культурно-исторической эволюции. Это один из многочисленных примеров того, как сложная система подчиняет себе более простую, хотя и вынуждена подстраиваться под базовые конфигурации последней.

Причём, в авангарде завершающей стадии перехода к постлогоцентрической (иного термина пока не существует) культурной системе оказываются те ментальные и, соответственно, культурные типы, которые в начале Дуалистической революции делали первые шаги в направлении ухода от древней мифоритуальной системы. В таких культурных типах правополушарное доминирование лишь немного сдало свои позиции, а логоцентрические дискурсы укоренились с большими компромиссами и в паллиативных формах. Вот почему ментальные типы, сформировавшиеся в Индии и Китае, оказываются в ситуации перехода в наивыгоднейшем эволюционном положении. То, что на протяжении долгих столетий господства логоцентрической системы, было лишь «спящим» избыточным материалом на её периферии, сейчас, на новом эволюционном витке, выдвигается в область вертикального прорыва.

Напротив, отличники горизонтальной эволюции логоцентрической системы оказываются в эволюционном тупике. Причём здесь водораздел между зашедшими в тупик «отличниками» и прогрессией вертикальных переходных форм проводится не точно по границам локальных культур и цивилизаций, В диффузном и глобализующемся современном мире, где в контексте означенного перехода складываются новые формы идентичности, требуются более тонкие дефиниции, учитывающие не столько формальную принадлежность к тем или иным традиционно сложившимся культурно-цивилизационным общностям, сколько особенности ментальной конституции субъекта и малых групп. А субъект этот, как уже отмечалось, теперь превращается в систему в системе. Согласно эволюционной логике, всё, что было до сих пор связано с социальным измерением культуры, должно «уйти в фон» и снизить имманентную динамику своего эволюционирования.

Подробнее темы этой «увертюры», начиная с подробного анализа мифоритуальной системы, будут развёрнуты в последующих частях исследования.

Прибавление

В связи с тем, что было сказано о дуализме универсальных типов связи – когерентности и каузальности, рискну высказать первую из «безумных» гипотез.

Если исходить из идей квантовой физики о том, что существует модальность мира, где нет времени, то можно предположить, что одной из главных интриг изменений Вселенной являются взаимоотношения между двумя мирами: миром всеобщей когерентности (синхронной взаимосвязанности) и миром, данным в модусе пространственно-временных протяжённостей. Чем выше степень разбегания и фрагментации структур, чем сильнее их причастность к пространственно-временным процессуальным отношениям. И тем более скрытой, неявленной становится их когерентность. Быть может, сходство между микро- и макромиром (к примеру, вращение планет вокруг звёзд в сравнении с «вращением» электронов вокруг ядра) было бы больше, если бы макромир не отличался такой чудовищно растянутой растянутостью во времени и пространстве. (Т.е. в этом случае, планетарная модель атома Н. Бора не казалась бы настолько устаревшей). Растянутость эта не столько ослабляет когерентную связь, сколько прячет её. Но она, тем не менее, всегда мерцает, проступает сквозь пелену «расплющенной» во времени реальности. В когерентном мире нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего (по крайней мере, в нашем понимании), и этот когерентный мир – не теоретическая абстракция, а самая непосредственная реальность, присутствующая во всех срезах бытия. (На подобных допущениях основаны некоторые современные космологические гипотезы: концепция «космических нор» Дж. Уиллера и др.)

Я не стану здесь апеллировать к холистическим идеям осевой эпохи (главным образом Индии и Китая), с удивительной точностью корреспондирующим с современными квантовыми представлениями. И не только потому, что такие сопоставления, в силу игнорирования проблемы герменевтики древних текстов, в ряде случаев действительно выглядят легковесно и не вполне научно, а

скорее потому, что заслуживает особого внимания и отдельного культурологического анализа сам феномен возможностей постижения глубинных основ мироздания, открывшийся интеллекту, наполовину отпавшему от древних холистических интуиций и, впервые, благодаря пробуждению дискурсивного мышления обретший возможность облечь эти интуиции в относительно ясные текстовые формы. К тому же, у меня нет желания становиться в один ряд с авторами паранаучных и откровенно «попсовых» изданий, с легкостью необыкновенной выдающие плохо понятые сентенции мыслителей двухтысячелетней (а то и больше) давности и их современных последователей за истину в последней инстанции. (Это замечание отчасти относится и к упомянутой книге Ф. Капры, хотя на фоне многих подобных изданий она – едва ли не образец научной корректности).

В когерентном мире все события каузального мира как бы предсуществуют в виде нереализованных возможностей, чистых потенций, паттернов «свёрнутого порядка» (по Д. Бому). Рождение каких-либо структур в каузальном мире – это считывание «своего» предсуществующего паттерна, соединение с ним, его воплощение в наличном, предметно-овеществлённом бытии, «вытягивание» его из мира возможностей и мир актуального существования.

Вспомним эксперимент Гаряева и Попонина, а также знаменитый парадокс квантовой механики, когда квант превращается из волны в частицу, попадая в поле зрения наблюдателя. Здесь можно вспомнить и «экзотическую» гипотезу всё того же Дж. Уиллера, согласно которой, Вселенная перманентно расщепляется на бесконечное число копий. В этом случае доступная восприятию реальность – коридор осуществившихся на нашем уровне существования возможностей, линейная во времени цепочка актов бытия, нить, выделенная из бесконечной паутины возможностей наличной актуализованностью своего существования.

Рождение структур, как уже говорилось, происходит не путём «ползучего» приращения, постепенного добавления элементов в конфигурацию (тогда, между

свечой и лампочкой существовало бы множество переходных форм), а путём мгновенного совпадения «эйдетической» матрицы с точечной совокупностью дискретных элементов, готовых организовать в структуру, воплотить «эйдос». Стремление формы (наличной структуры) к абсолютному совпадению со своим эйдетическим паттерном рождает имманентную диалектику существования всякого рода образований: от физической и психической организации организма до макросистем. Здесь коренится и онтологическая причина эволюционного типологизма (объясняющая пресловутую проблему отсутствия переходных форм), и дуализм того, что было принято называть материальным и идеальным (психофизический дуализм), и объяснение многочисленных отражений когерентного мира в каузальной реальности на уровне феноменов сознания: предвидения будущего, вещи сны, интуиция и мн. др. Достаточно вспомнить универсально распространённый в архаике (о более поздних временах не говорю) мотив двойничества всех вещей: наличия у каждой вещи или существа некоего незримого психического двойника, онтологически принадлежащего (хотя бы отчасти) иному, трансцендентному миру. Двойник этот, несомненно, есть не что иное, как посредник между каузальным и когерентным мирами, отношения с которыми определяют самые важные и глубинные стороны жизни: идентичность, саморефлексию и экзистенциальное⁵³ самоопределение культурного сознания.

Суть «безумной» идеи такова: скрытый механизм эволюционирования заключается в том, что:

– пронизывающая мир на всех его уровнях интенциональность связывает не просто эмпирически данные феномены, но и несёт информацию о процессах, протекающих (если здесь вообще можно говорить о каком-либо протекании) на иных уровнях существования;

– рождение новых структур связано с актуализацией, «вытягиванием» их из плана потенциального в план

⁵³ Термин *экзистенциальность* здесь и далее употребляется в связи с традицией экзистенциальной философии, т. е. как фигура теоретико-культурного, а не философского дискурса.

наличного бытия по дискретным точкам, интерференционным узлам, созданным интенциональными силами;

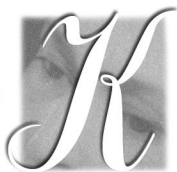
— актуализация эта обусловлена рядом обстоятельств: так, структуры некоего порядка сложности восприимчивы лишь к релевантным по отношению к ним интенциональным импульсам. Т. е. существует определённая корреляция между уровнем сложности наличных структур и сложностью предсуществующих структур следующего эволюционного уровня, испускающего интенциональные импульсы из мира потенциальных возможностей, в котором они изначально пребывают. Иными словами, испускаемые «оттуда» интенции могут быть считаны «здесь» лишь структурами определённого характера и уровня сложности. Поэтому эволюционные преобразования, хотя и носят эйдетический и скачковый характер, но скачки эти, тем не менее, имеют ясно ограниченные пороговые величины, определяемые уровнем и формами проявления ГЭВ в материнской системе, ибо интенциональные импульсы более высокого порядка системой просто не воспринимаются. Этим объясняется стадийно-поступательная компонента эволюционного движения, не знающего перепрыгивания через несколько ступеней.

И хотя различного рода мутации и заглядывания за эволюционный горизонт в единичных случаях имеет место, (феномен гениальности и т.п.) в целом разбег эволюционного фронта — т.е. диапазон считывания паттернов скрытого порядка — определяется дельтой флуктуационной изменчивости «принимающих устройств» наличной системы. Дальнейшее развитие этой темы — в гл. 3.

Маркс Тартаковский

Кибернетика и «Светлое будущее человечества»

коммунизм, если бы мы в него угодили, вызвал бы у нас отвращение и ужас. Все равны – и, значит, одинаковы, как однояйцовые близнецы. А если кто-то родится совсем не таким? А если – как уж от природой заведено! – все мы от рождения разные?..

Даже и в первобытном коммунизме (единственно возможном!) кто-то становился вождём, кого-то угораздило попасть в плен, и становился он (если сразу не убивали и съедали) фактически рабом. Хотя строго говоря, до классического рабства было ещё далеко...

Нам до сих пор предрекают жить счастливо именно в коммунистическом будущем. Это слишком очевидная глупость.

С социализмом – сложнее. «От каждого по способности – каждому по труду». Выглядит вполне логично. И по сей час не менее половины наших современников, обитающих на планете, скажут, как иудейский Бог, озирая сделанное в каждый из дней Творения: «Это хорошо!»

Только почему же социализм, практикуемый, кстати, странами и народами уже тысячелетия, никак не воцарится на Земле?

Формула социализма (см. выше) чрезвычайно привлекательна, но требует уточнения. Кто определит способности каждого, и кто распределит каждому по его труду? В конкретном трудовом коллективе это, вроде бы, сделать несложно: сдай изготовленные за день (неделю, месяц...) детали – получи по выработке...

Но ведь и в примитивном производстве многие не стоят у станков, не держат в руках молоток или другое орудие труда, но заняты, скажем, изобретательством, программированием выпуска изделий или их сбытом... А технологи, бухгалтеры, даже уборщики и охранники, – они не при деле?..

В государственном же масштабе приходится озаботиться тысячью других дел – от охраны материнства и детства до призрения инвалидов и стариков. А образование, науки, культура?..

Словом, замечательно логичная формула начинает несколько расплываться. Растолкуем её несколько примитивнее. При социализме всё произведённое как бы складывается в единое корыто – и оттуда распределяется по необходимости. Так, в общих чертах, происходило уже на заре человечества при появлении государства. Потому что корыто – государственное, и распределением ведают государственные мужи – от владык и всякого рода бонз до плюгавых чиновнишек при этом корыте (или корытах).

Уже не только в Египте фараонов, но и в древнейшем Шумере осуществлялся принцип социализма. И надо сказать, если не иметь в виду владык и немногих высокопоставленных бонз, все прочие были примерно уравнины. Понятно, чем ближе к корыту, тем жизнь сытнее и приятнее, – но во всём прочем граждане, так сказать, уравнины в правах.

И вот такой социализм – принципиально такой! – время от времени принимаются вводить разного рода социальные умельцы – вплоть до Ленина со Сталиным, Мао с дядюшкой Хо, Фиделя Кастро на острове, тут же названном «островом Свободы», вплоть до вот-вот сейчас Уго Чавеса в Венесуэле – на земле, «истекающей не млеком и мёдом» (как Земля Обетованная в Библии), но – нефтью, что куда существеннее.

И мы уже догадываемся (слегка зная историю), что народ этой страны непременно обнищает, несмотря на свою благодатнейшую нефть.

Почему? Потому что формула, приведенная выше и истолкованная чуть ниже, не лишает труженика

(складывающего сделанное в общее корыто) всякой ЛИЧНОЙ ИНИЦИАТИВЫ.

А прогресс человечества, весь ход МИРОВОЙ ИСТОРИИ есть развитие коммунальной человеческой особи в индивидуальную личность.

Об этом доказательно и обстоятельно в моей объёмной книге «Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка», М. 1993 г., официально рекомендованной ГК РФ по высшему образованию, – так что нет нужды растолковывать походя.

Рассмотрим здесь вполне обозримый вопрос: как уже на исходе социалистического эксперимента в СССР вполне вменяемые, даже талантливые люди всеми силами с пафосом неофитов стремились вернуть всех нас «в истинный, неомрачённый ошибками» социализм, присобачивая к этой цели самое выигрышное достижение современности – кибернетику.

Итак:

«МАТЕМАТИКИ! ВЕДЬ ВЫ НАХОДИТЕСЬ ВО ГЛАВЕ – НАЧИНАЙТЕ ЖЕ!»

Клод Анри Сен-Симон.

1. Есть ли жизнь на Марсе?

Столичным бомжем, т. е. беспроектным, всякий раз на протяжении шести лет искавший к ночи, и летом и зимой, хоть какого-то приюта, был я в самое замечательное время. Хрущёвская «оттепель» – молодость моя! Коммунизм ожидался со дня на день. В московских столовых – бесплатные хлеб-соль, горчица и чай. Да, без сахара. Но две-три копейки – на ложечку сахара всегда можно было стрелкнуть тут же, как папироску, даже у незнакомого человека – с обещанием вернуть угольками «на том свете». Прimitивный юмор ценился. Таким способом я выкуривал тогда едва ли не пачку в день. «Человек человеку – друг, товарищ и брат!»

Все мы «оттаивали». Лет за пять до того был я исключён с философского факультета Киевского университета – т. е. знал, что Ленин называл одним из источников «научного социализма» социализм утопический.

Правда, кого я ни спрашивал, никто не знал, что это – коммунизм. По уверению Никиты Сергеевича мы были уже в его преддверии (хлеб и горчица на столах как залог будущего). Надо было только подождать. И я ждал.

Дни напролёт просиживал (больше писал, чем читал) в удивительном Пашковом доме, на террасе которого перед круглой башней с куполом, её венчавшим, Воланд и Азazelло определяли некогда судьбу Мастера и Маргариты. Там же (но внутри) не раз решалась и моя судьба: обе мои замечательные супруги, юные и прекрасные, определены были мне свыше в студенческом читальном зале Ленинки.

Время от времени предпринимал рейд по московским редакциям. Обычно печатали. Иногда вздыхали. Гонорары грошовые – но платили. Так что бесплатные хлеб-соль – на крайний случай. Питался я, случалось, и основательнее...

Ночевать можно было на вокзалах (их в столице с десятков) и в троллейбусах, грудившихся заполночь в Орликовом переулке (между Садовым кольцом и Тремя вокзалами). Это была ещё та замечательная эпоха, когда гармошка двери закрывалась только изнутри. Водитель, уходя, не мог снаружи закрыть дверь, что было поистине благом...

Но это, опять же, как крайний случай. Я, выглядевший тогда куда моложе, чем теперь, как-то проскакивал мимо вахтерши в какое-нибудь студенческое общежитие. А там уж – напрямик на верхний этаж, или на чердак, где непременно была подсобка, куда сваливались старые негодные матрацы.

Один на другом два относительно справных матраца, проложенные между двумя чистыми простынями из моего спортивного чемоданчика, с которым я никогда не расставался, – вот и комфорт!..

(Простыни время от времени сдавались в прачечную – взамен на две другие, уже стиранные, сданные прежде. Олимпийское здоровье – первая забота еврея-бомжа. Всенепременная утренняя зарядка – даже в троллейбусе (на зорьке) и на вокзале. Болеть без прописки – рискованно.

Атмосфера тогда была чрезвычайно творческой. Идеи, можно сказать, носились в воздухе. В прекрасный июльский день 1958 г. к Диме Поспелову (ныне академику) в его коммуналку в Столешниковом (непосредственно над известнейшим тогда и позже винным магазином), где мы тогда озадаченно разглядывали зиявшую белыми пятнами карту предстоящего первопрохождения в горах Кухистана, влетел вспотевший взъерошенный Алёша Данилов с чрезвычайным известием: Фобос и Деймос, спутники Марса, – искусственные. Единственное объяснение сочетанию твердости, неизменности формы спутников и их крайне незначительной средней плотности в том, что оба они полые внутри, вроде пустой консервной банки.

Ну, а возможно ли естественное космическое тело – полое?.. Следовательно, спутники имеет искусственное происхождение...

Я единственный высказал тогда сомнение. Дима Поспелов промолчал¹. Прочие, человек пять, набросились на меня, упрекая в невежестве. Иосиф Самойлович Шкловский, открывший тогда радиоизлучение Крабовидной туманности (и, как видим, разумных марсиан) был, можно сказать, генералом от астрофизики; Данилов же был предан своему профессору, как это случается только в мире животных. Тогда как я среди этих мужественных людей – горюхосходителей, старшекурсников и выпускников мехмата и физмата МГУ, был, можно сказать, штафиркой – корреспондентом «Литературной газеты».

В очерке «Как я вправлял мозги нобелевскому лауреату» (есть в интернете) я рассказал, как попал в эту героическую компанию. Послан был, между прочим, искать

¹ Поспелов Дмитрий Александрович. «С 1989 г. – президент Советской (Российской) Ассоциации искусственного интеллекта, в 1991-м – председатель Совета Советской (Российской) Ассоциации нечетких систем, с 1994 г. – президент Ассоциации «Информационные технологии и компьютерные системы в медицине»... С 1998 по 2003 гг. профессор Д.А. Поспелов – председатель программного комитета ежегодной международной конференции «Мягкие вычисления и измерения». Лауреат международной премии им. А. Тьюринга.

«снежного человека» (дети, галуб-явана), что лишний раз подчёркивает творческую, до романтического упоения, атмосферу эпохи.

«Открытие» искусственных спутников Марса учёный прочно, как ему казалось, обозначил в своей книге «Вселенная, жизнь, разум». Так уж получилось, что в заочном споре со знаменитостью прав оказался я (сама знаменитость об этом, разумеется, не узнала). И в каком-то из очередных переизданий (вероятно, в 11-м) своей книги Иосиф Самойлович повернулся вовсе на 180 градусов – уже доказывал, что «мы одиноки во Вселенной», никакой разумной жизни в ней нет.

Но такой финт ничуть не повредил заслуженной славе астрофизика. Потому что какими бы ни были спутники Марса, это не имело бы к астрофизике ни малейшего отношения. (Точно так же, как и моя гипотеза «Циклы Мироздания», размножившаяся в интернете). Астрофизика – нечто иное.

На Памиро-Алае, где в течение августа того же 1958 г. мы попадали порой в безвыходные ситуации (но как-то выбирались живыми), моё положение – гуманитария среди моих технически образованных спутников – казалось мне всё более двусмысленным. Они при всяком случае азартно доказывали мне, что если ЭВМ доступна уже не только игра в шахматы, но даже стихосложение, гуманитариям, всем разом, пора на покой. На вечный!

Помалкивал на сей счёт только Дима Пospelов. Он же, встретившись как-то со мной уже в Москве, предложил написать вместе статью, которую тут же и назвал: «ТАЙНЫ ТВОРЧЕСТВА И КИБЕРНЕТИКА».

Мы написали эту статью. Лишь несколько лет спустя была она опубликована в провинциальном издании – в киевском журнале («Радуга» № 11, 1964 г.) Я предлагал статью московским редакциям, где был, можно сказать, своим человеком, Дмитрий Пospelов уже защитил тогда кандидатскую, – ответом, однако, было нам примерно одно и то же: авторы (т. е. мы) не верят в преимущества советской науки (кибернетики!) над всякой другой.

На неё, родимую, на, автоматизированные системы управления, программирование т. п. возлагались тогда особые упования в деле строительства социализма. Обычных человеческих качеств в этом упорном деле как-то не доставало; машинное мышление должно было превзойти банальное – человеческое.

В нашей статье утверждалось, что это – в принципе! – не может произойти никогда.

2. Реальность социализма

Спустя почти двадцать лет всё в той же «Литературной газете» Олег Мороз, ведавший там наукой, предложил мне командировку в Киев к Николаю Михайловичу Амосову. Личность не просто известная – знаменитая! Пионер хирургии сердца в барокамере при повышенном кислородном давлении, сложнейших операций, когда тело больного охлаждают почти до состояния анабиоза. Кардиохирург, одним из первых применивший искусственные клапаны при операциях на открытом сердце. В его клинике был создан усовершенствованный аппарат искусственного кровообращения. Желанный гость на телевидении; член Союза писателей; по одной из его книг поставлен был художественный фильм...

– Хирургия – не ваша тема; о ней не будет и полслова, – успокоил меня Олег Павлович. – Сам Амосов считает свои полторы сотни операций в год лишь «работой по совместительству». Теперь его главное увлечение – кибернетика. Он создал отдел в Институте кибернетики Академии наук Украины. У него там какой-то новый рецепт реанимации нашего социализма помощью «искусственного разума». Разберитесь – в рамках, разумеется, известных вам цензурных требований.

Наш социализм к этому времени (конец 70-х), надо сказать, уже сильно сдал. Он и раньше был не ахти, но была надежда, бесплатный хлеб с горчицей. Хлеб ещё по-прежнему был, горчица – не знаю, не интересовался, но прилавки продовольственных магазинов блистали своей пустотой. Фантастика! на километрах блистающих чистотой

металлических застеклённых прилавках под этим стеклом лишь кое-где мороженная рыба хек. Свидетельствую: хек был. Супруга, добывая где-то свиные печёнку и мозги, возвращалась гордая собой. В солидных учреждениях и конторах распределялись пайки. В них были крупа, сахар, масло, что-то ещё. В Тушинском бассейне подводного плавания, где я тренировал студентов Менделеевки (МХТИ), на параллельных дорожках барахтались какие-то пузатые дяди. Мне объясняли, что «так надо»: этот – мясник, этот – заведует винным отделом, ещё кто-то – автослесарь...

Слава Аллаху, Дмитрий Пospelов, с которым мы по-прежнему были дружны, жил уже не в Столешниковом над винным магазином – в Химках-Ховрино. Знаменитый магазин осаждала тысячная толпа, пробиться вовнутрь (не только в магазин, но и рядом, к лестнице на жилой этаж) было делом славы, доблести и геройства.

Я тогда писал уже свою «Историософию» (изданную спустя полтора десятилетия), уже разобрался в том, что такое социализм, только всё колебался в определении коммунизма. «Утопия» – говорили мне умные люди... Тогда как социализм утопией не был. И неоднократно реализовался в мировой истории. В наиболее совершенном виде, очищенном от случайностей, – в изолированном от всего мира южноамериканском государстве инков, сравнимом по площади и населению с Римской или Византийской империей.

Никто в этом государстве не должен был умирать от голода. Поощрялась рождаемость, запрещались (вплоть до смертной казни) аборт; на каждого родившегося выделялся дополнительный земельный надел. Здравоохранение было, разумеется, примитивным, зато – всеобщим. «Империя гарантировала всем человеческим существам, находившимся под ее юрисдикцией, право на жизнь через полное удовлетворение первостатейных физических нужд в питании, одежде, жилище, сохранении здоровья и в половых отношениях» (Луис Валькарсель, современный перуанский историк).

Формула социализма – «от каждого по способности – каждому по труду». Всё так, только упущена одна подробность. Кто в центре – там, где в формуле проставлено тире? Кто определяет способности и кто распределяет по труду?

«Социализм – это контроль», – говорил Ленин и был тысячу раз прав. Абсолютный контроль и всеохватывающая централизованная отчетность – таков был принцип, неуклонно соблюдавшийся в обширном многонациональном государстве инков. Оно было исключительно рационально организовано и спланировано. Не только семенное зерно, но даже птичий помет, гуано, служивший удобрением, распределялся централизованными поставками под строжайшим контролем. Жизнь каждого от рождения до смерти регламентировалась строжайшим уставом. Тунеядство в любой его форме пресекалось. Даже у кумушек, болтавших друг с дружкой, должны были быть заняты руки: они в это время пряли шерсть или вязали...

В основе всей экономической деятельности лежала община. Её социально-экономические функции сводились исключительно к одним обязанностям: община поставляла воинов; сама занималась общественными работами (ремонт дорог, мостов...) или поставляла людей для работ общегосударственного масштаба и значения; община обеспечивала людьми все государственные нужды: целые селения несли службу дровосеков, водовозов, слуг у инкской знати, поваров, специалистов-ремесленников т. п.

Четкая специализация общин обеспечивала высокое качество всех этих служб...

Вместе с тем, общинник избирал руководителей административных подразделений общины из пяти, десяти и даже пятидесяти семей – и, следовательно, сам мог быть избран таким руководителем...

Таков был уровень демократии при абсолютном верховенстве государственной власти – и самого властителя Сапа Инки (Единственного Инки) – как везде и всегда водится при ИСТИННОМ социализме.

Гарантом целостности общины было ее абсолютное бесправие по отношению к верховной власти, скрепленное

личной ответственностью каждого ее члена за всю общину и всей общины за каждого общинника. Мы бы сформулировали: «один за всех, и все за одного». Принцип был можно сказать юридическим и законодательным.

Недонесение о правонарушении каралось так же, как и само правонарушение – смертью.

Покоря очередной народ, инки не стремились искоренить его культуру, уничтожить его богов. Напротив, этнографические особенности приветствовались и закреплялись. Местные боги помещались в центральный пантеон, из чего можно видеть, что национальная политика, как мы бы сейчас сказали, была достаточно гуманной – во всяком случае, целесообразной, как все, что делали инки. Им гораздо важнее было внедрить во все головы азы довольно нехитрой идеологии: что-де свет разума и все блага исходят от Единственного, и народы счастливы, имея такую мудрую и всесильную власть.

Неся свет разума соседям, пребывавшим в благополучной дикости, год за годом покоря неразумных, инки подмяли под себя «четыре объединенных стороны света» (на языке кечуа – «Тауантинсуйю»).

Налицо многонациональная держава, объединенная не экономической или военной необходимостью, но лишь «центральной идеей».

Живые аналогии наш современный читатель подберет сам.

Государство инков воистину явилось торжеством разума. Социальный механизм был отлажен до последнего винтика. Никто не смел уклониться от своего долга, а в случае проступка – ускользнуть от кары. Испанский историк Гарсиласо де ла Вега (из инков!), говоря о податях с населения, замечает, что и паралитики, не способные ни к какому труду, «отдавали подать в другой форме, и заключалась она в том, что через такое-то количество дней они были обязаны вручить губернаторам своих селений несколько пустотелых стеблей со вшами. Говорят, что инки требовали ту подать, чтобы никто (кроме освобожденных от податей) не избегал бы выплачивать дань, каким бы бедным он ни был, и что у этих требовали вшей, ибо, как бедные

паралитики, они не могли сами нести службу, являвшуюся податью, которую выплачивали все».

Принцип был возведен в абсолют; на этом держалась система.

Смертная казнь была наиболее популярным наказанием; мучительность ее градуировалась по степени вины. Инка Гарсиласо описывает натуральный концлагерь и такие жуткие пытки, что, пользуясь его же словами, «мы умолчим ради приличия».

«Империя инков, – пишет другой хронист эпохи конкистадоров Сьеса де Леон, – оказалась такой замиренной, что на столь огромной земле не нашлось бы человека, который отважился бы поднять голову, чтобы не подчиняться властям».

Там, где «качество» людей не берется на расчет, с особым тщанием учитывается их количество – не только для государственных манипуляций, но и для централизованной безличностной социальной защиты: чтобы поданные успешно размножались и не страдали от физиологических нужд, но отдавали бы государству все силы. Для счета же узелковое письмо, кипу, годилось как нельзя лучше. Это было, по сути, своеобразное счетно-вычислительное устройство, хранившее информацию и выдававшую ее по требованию властей.

«Социализм – это учёт и контроль» В.И. Ленин.

С помощью трехцветных нитей и цифровых знаков-узелков фиксировалось абсолютно все, вплоть до диких зверей на воле, предназначенных для царских охот Единственного. Учет ресурсов – в первую очередь людских – был полнейший и точный. Смерть, хотя бы и последнего подданного, рождение, хотя бы и в хижине на краю державы, тут же становилась отчетной цифрой. Все сведения, хотя бы и за тысячи километров, доставлялись пешими гонцами в столицу Куско (лошадей в Новом Свете, как известно, не было); для этого были вымощены поразительные дороги, используемые до сих пор, одно из подлинных чудес света.

За считанные дни и часы приказ Единственного достигал ушей тех, кому он предназначался.

Важно отметить, что в Тауантинсуйю возникло и иероглифическое письмо. Хронист Молина сообщает, что лично видел в храме Солнца близ Куско жизнеописания инков, запечатленные таким письмом. Было, однако, сочтено, что для государственных дел довольно лишь цифровых данных; всякая иная информация, будившая мысль, могла лишь пробудить инакомыслие. Пользование иероглифами было запрещено; когда же какой-то мудрец попытался изобрести даже буквы, его тут же сожгли заживо.

Увы, в этом тоже был сугубо рациональный смысл! Вероятно, запечатленные жизнеописания инков льстили им; то были, надо думать, героические предания. Но превыше славы ценилось полное единомыслие; а оно могло быть достигнуто путем тотального искоренения какой бы то ни было исторической памяти. Следовало помнить лишь официальную легенду об основании инками своего царства «во благо людей»; и слово Единственного было и впрямь единственным словом, которое надлежало передавать из уст в уста. Во всех прочих случаях поощрялось молчание...

3. Доверие разуму

«Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать (!) перед ней возврат к меновой экономике (к НЭПу – М.Т.) как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно попробовать загнать население в иной строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы, власть (!) в этой всероссийской мясорубке».

Это запись личных секретарей Ленина, сделанная под его диктовку в самом конце 1923 г. После кошмарных экспериментов «военного коммунизма», уравниловки, распределитовки, разного рода коммун, после неустанных попыток разжечь мировой пожар, где бы то ни было, наконец, после мясорубки гражданской войны Ленина посещает сомнение в истинности теории, которой,

произвольно интерпретируя ее на ходу, он так фанатично следовал.

Нет сомнения, что Сталин понял это тогда же, если не раньше, что и дало ему решительный перевес над прочими «вождями» и «соратниками».

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство».

Так писал Энгельс, «классик марксизма».

Сталин озабочен был прямо противоположным – «диктатурой пролетариата». Потому что «пролетариат» в данном контексте – вполне абстрактное понятие, фикция; потому что конкретное здесь – диктатура. Диктатором был сам Сталин.

Отдельные люди, «уважаемые граждане» (Зощенко), эти «винтики» (Сталин) были слишком озабочены собственными существованиями. Их никак нельзя было отучить от этой привычки. По отдельности каждому государству трудно было приватизировать, невозможно было заставить, как мечтал Ленин, трудиться «из сознания необходимости работать на общую пользу».

«Назрела» (как некогда у инков) идея коллективизации – трудовой общины...

Последующее, всем нам теперь известное, далеко не сразу было осознано даже мыслящими людьми. Вот в июне 1930 г. К.И. Чуковский записывает в Дневник, который вёлся им на протяжении десятков лет:

«В историческом аспекте Сталин как автор колхозов величайший из гениев, перестраивающих мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин называться гениальнейшим человеком эпохи».

Воистину, «любители народа смотрят на него как на теорию».

Борис Пастернак двинулся «в народ», собирать материал о жизни новой деревни (1932 г.). Увиденное

перевернуло его душу. Много позже он признавался в воспоминаниях: «То, что я там увидел, нельзя выразить никакими словами. Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно... не укладывалось в границы сознания. Я заболел, целый год не мог спать...»

Но жизнь, как говорится, берёт своё. Корней Чуковский и Борис Пастернак приглашены в качестве гостей на X съезд комсомола 22 апреля 1936 г. Ожидание – и вот появился Сталин с членами Политбюро...

«Что сделалось с залом! А ОН (так у К.И. Чуковского. – М.Т.) стоял немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть для всех нас было счастьем. К нему всё время обращалась с какими-то разговорами Демченко (колхозница, инициатор соревнования за высокий урожай сахарной свеклы – М.Т.) И мы все ревновали, завидовали – счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой. Все мы так и зашептали: «Часы, часы, он показал часы!» – и потом, расходясь, уже возле вешалки вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне всё время о нём восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: "Ах, эта Демченко заслоняет его!.."

Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью». (Дневник. 1930-1969. М., 1995. С. 141).

Если вдуматься, не такая уж удивительная реакция. Абсолютное доверие к разуму, его способности создать на рациональных началах новую действительность – обычная привилегия высоких умов. В самом деле, раз уж пустые догмы, глупейшие суеверия, голословные учения столь прочно, порой на века, овладевают общественным сознанием, то почему бы не запустить в дело стоящую идею,

подкрепленную истинным знанием, чтобы она, материализуясь в массах, чудесно преобразила бы нашу жизнь?..

«Свет человеческого разума – это вразумительные слова, однако, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями, – писал в XVII веке английский философ Томас Гоббс, чеканностью стиля подчеркивая благодетельный диктат трезвой и ясной мысли. – Рассуждение есть шаг, рост знания – путь, а благоденствие человеческого рода – цель».

Философ-марксист В. Сагатовский в работе «Вселенная философа», вышедшей, как сейчас принято говорить, во времена застоя, допускает следующее «разумное разделение труда» в социалистическом обществе:

«Надо согласиться с тем, что кто-то ставит и намечает принципы решения глобальных проблем, а кто-то отрабатывает технологию их решения в конкретных вариантах. Специалист второго рода видит (и очень детально) узел какого-то устройства, а может быть, и все это устройство. Специалист первого рода, не вникая в детали, пытается понять назначение и место различных "устройств" в жизни общества в целом».

Итак, «философ смотрит на мир с высоты птичьего полета, а технолог рассматривает в лупу маленький участок ближайшей поверхности... Если науки типа физики управляют производством СРЕДСТВ человеческой деятельности, то философия управляет производством ЦЕЛЕЙ этой деятельности».

Каковы же эти цели? Философ-марксист заблаговременно отвечает на могущие возникнуть возражения; он строит, в традициях средневековых схоластических полемик, литературный диалог, в котором Философу приходится убеждать закоренелого Скептика, в конечном счете, – само собой – одерживая над ним победу:

«Философ. Если мы хотим в каждом сформировать настоящего человека и подлинную личность, надо четко представлять, их отличительные признаки.

Скептик. Зачем формировать? Что вам человек, розовый куст, что ли? Пусть сам свободно развивается.

Свободное развитие личности! Да в этом весь смысл жизни человеческой!

Философ. Свобода без плана и контроля – это стихийность. Хотите вы или нет, но придется понять (! – М.Т.), что современное человечество не может позволить себе роскошь стихийности ни для общества в целом, ни для каждой отдельной личности».

Кто же возьмет на себя функцию «специалиста первого рода» – планировать и контролировать «формирование настоящего человека и подлинной личности»? Такие люди, оказывается, уже есть. Они сами объявляют о себе, о своей готовности взвалить на плечи тяжкое бремя руководства остальными. В. Сагатовский приводит в этой связи слова, сказанные Ромен Ролланом: «Природа создала меня дальноразглядчиком. Другие видят лучше вблизи. Мои глаза устроены так, что видят далеко. Оставьте же меня на моем посту и вместо, того, чтобы мешать дозорному, используйте его!»

Итак, сама природа распорядилась наилучшим образом, разнеся людей по двум разрядам (что имелось в виду еще в утопиях Платона): законодателей и исполнителей, мудрецов и прочих.

«Прочих», само собой, – подавляющее большинство, первых же – считанные единицы; иначе неизбежна разногласия мнений и, в конечном счете, все та же «стихийность» вместо четкого «плана и контроля».

Да, Скептик у В. Сагатовского настаивает на том, что человек-де есть «нечто неповторимое» и потому – «высшая ценность сам по себе, как личность». И Маркс, и Энгельс с этим согласились бы. Но Философ – не просто марксист, но «марксист-ленинист» – тут же язвительно парирует:

«Любой человек?.. А разве всякую неповторимость надо ценить? Неповторимость извращенности или глупости, например, тоже?»

Право определять, что является глупостью или извращенностью, он, разумеется, оставляет за собой, чувствуя себя, как и Ромен Роллан, «дозорным», из тех, «что видят далеко»...

Так что же, доверимся державному, не ведающему сомнений Разуму? Поверим в его способность как-то спрямить извилистый и прихотливый путь человечества, подчинить логике, ввести в рациональные рамки?..

Сама суть этого величайшего творения природы – Разума – не в том ли, чтобы прогнозировать события, упреждать случайности, противостоять хаосу?..

Кратчайший миг мировой истории – 6-8 тысяч лет, немногим больше двухсот поколений прошедших по земле людей, – а сколько крови, страданий и слез!.. Так рискнем, быть может?

Конечно, и на этом пути, выверенном наперед, возможны издержки, ущемление чьих-то личных прав. Но не преувеличиваем ли мы все же индивидуальность каждого из нас? Да и всякая ли индивидуальность в самом деле так уж симпатична?..

И вообще, быть может, то, что не годится для индивида с его непредсказуемой психикой, годится для совокупности тех же индивидов, для их множества – как решает свои проблемы математическая теория множеств – для общества в целом?..

Приветствуя советский народ в очередную годовщину Октябрьского переворота 1917 года, «дальнозоркий» Ромен Роллан – лауреат Нобелевской премии, «великий европеец», как величали его на Западе, – писал: «Великая революция, чьим меченосцем и крестоносцем сделалась Россия, открывает собою новый период развития человечества».

Личный друг Роллана «великий пролетарский художник» Максим Горький благодарит его за поддержку и сочувствие «великому делу». Глаза Горького тоже «устроены так, что видят далеко»...

Интересно, как они реагировали бы, услышав загробные слова Ленина: «Конечно, мы провалились...»?

В моей полемике с Николаем Михайловичем Амосовым вы этих слов тоже не отыщете. Передо мной был убеждённый утопист, абсолютно уверенный в том, что мощью разума можно проломить любую стену. Причём разум этот понимался им куда объёмнее того, что вмещается

у нас в тесном и жёстком «футляре» черепа.

4. «MACHINA SAPIENS»: мысли и сердце

С лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда, академиком АН УССР Н. АМОСОВЫМ беседует писатель М. ТАРТАКОВСКИЙ. («Литературная газета» 6 июля 1977 г.)

М. Тартаковский. Вас, Николай Михайлович, нет необходимости специально представлять читателям «Литературной газеты». Вы известны своими статьями, книгами, телевыступлениями. Вы – член Союза писателей, по вашей повести поставлен художественный фильм... Но для вас, похоже, всё это лишь «вершина айсберга». Главное, невидимое для миллионов людей, знающих вас, – это операции на открытом сердце. Вы одним из первых хирургов начали вшивать искусственные клапаны. В вашей клинике был создан усовершенствованный аппарат искусственного кровообращения. Вы – пионер хирургии сердца в барокамере при повышенном кислородном давлении, сложнейших операций, когда тело больного охлаждают почти до состояния анабиоза, а также других методов оперативного вмешательства.

Всего этого, казалось бы, вполне довольно для одной наполненной жизни.

Но вы словно живёте сразу в нескольких измерениях. Не оставляя практической хирургии. Вы ведёте отдел биокibernетики Академии наук УССР...

Н. Амосов. Избыток комплиментов. Я бы сказал, пожалуй, языком казённых анкет и автобиографий: кибернетика ныне моё основное место работы, а сердечная хирургия – те полторы сотни операций, которые я провожу ежегодно в клинике, – работа по совместительству.

Всё это, конечно, только одна жизнь. Увы, единственная... Потому-то и спешу. Сам век торопит. Мир вокруг не таков, каким я застал его при своём рождении. Науки набрали такой темп, что зазеваться (в смысле познания, конечно) – значит безнадёжно отстать. Я всегда стремился докопаться до самой сути, до сердцевины явлений; не боялся сколь угодно далеко идущих выводов.

Никогда не мог понять тех, кто верил слепо; вся моя жизнь в познании.

Мне недостаточно было окончить лишь один вуз. Учился одновременно в техническом и медицинском. Получил оба диплома. Работал на электростанции, прежде чем заняться врачеванием, и очень скоро понял, что МЕДИЦИНА ПО ТОЧНОСТИ В ПОДМЁТКИ ТЕХНИКЕ НЕ ГОДИТСЯ.

Насколько же увереннее отлаживает инженер работу машины, чем медик человеческий организм! А дело всё в том, что в первом случае мы имеем дело с чёткими, точными количественными данными, тогда как во втором – только с неопределёнными, умозрительными – качественными. А ещё Маркс сказал, что наука лишь тогда достигает совершенства, когда ей удаётся пользоваться математикой.

Нечто подобное тому, что качество – всего лишь непросчитанное количество, мне уже тогда приходило в голову, но необходимо было появление кибернетики, чтобы всё встало на свои места.

Только недосуг было в то время теоретизировать. Война не даёт продыху хирургу. «Чинил» людей в полевых госпиталях вплоть до победы над Германией. Потом вместе с госпиталем переправлен был на восток. Где началась война с Японией...

Уже потом были сформулированы Норбертом Винером основные идеи кибернетики. Это не просто наука, одна из многих. Кибернетика, как и математика, стремится к симбиозу с другими науками, оплодотворяет их. Также и медицину. Кибернетика занимается управляемыми системами. Ну, а здоровый организм нельзя разве рассматривать как отрегулированную управляемую систему? А болезнь считать уже разрегулированием этой системы?.. Если же так, то лечение – это искусственное управление организмом с целью восстановления нарушенной нормы. Это ли не сугубо кибернетическая задача?..

Ограниченность мозга – «Беспредельность ЭВМ»...

М. Тартаковский. ...Кибернетическая задача лишь при условии, когда человеческий организм приравнивается к машине, пусть даже сложной...

Н. Амосов. Эх, однако, как смущает вас понятие «машина» в применении к человеку. Скажем иначе: человек – это сложнейшая самоорганизующаяся и саморегулирующаяся система. Аналоги подобных систем – гораздо более простые, конечно, – но дело ведь в принципе! – инженерами уже созданы.

М. Тартаковский. Ну, пусть человек – «машина». Но – не наполненная ли человеческим содержанием? Так сказать, душа в материальной – «машинной» – оболочке...

Н. Амосов. Далась вам эта «душа»... Нет её! Мы возникли из оплодотворённой клетки по программе, заложенной в её генетической – попросту говоря, химической структуре. Наша деятельность, как и любой другой системы, осуществляется в свою очередь также по программам. Т. е. предопределяется структурой организма в каждый данный момент. Программы меняются по мере их реализации, а также под воздействием извне, принципиально так же, как и в технических самоорганизующихся системах; всё дело только в сложности структуры, которая определяет сложность и разнообразие реализуемых программ.

Возьмите, скажем, программы поведения. Мозг человека – сложнейшая из известных нам структур. Но это вовсе не значит, что сложность его беспредельна. Наш мозг ограничен черепной коробкой. А вот искусственный мозг мог бы быть сколь угодно большим и мощным. Принципиальных ограничений ему я не вижу.

М. Тартаковский. Первое «ограничение» в том, – может ли вообще быть создан искусственный мозг...

Н. Амосов. Любой материальный объект, тем более скромных размеров, может быть воссоздан. В принципе, конечно. Нет ничего утопического в утверждении, что когда-нибудь можно будет сконструировать машину из десятка-другого миллиардов физических элементов, соединённых между собой, – и получить таким образом мыслительный аппарат, идентичный мозгу. Что же в этом нереального, если уже существуют и успешно трудятся ЭВМ, состоящие из сотен тысяч элементов?..

М. Тартаковский. Правомерна ли аналогия? Электронно-вычислительная машина производит ПЕРЕБОР имеющейся информации, тогда как человек, его мозг, делает ОТБОР. Безусловно, компьютер точнее человека решает конкретную задачу...

Н. Амосов. Ещё не так давно гуманитарии, подобные вам, и это начисто отрицали. Так что спасибо за частичное признание!

М. Тартаковский. ...Конкретную задачу, которую можно разложить на составные и выразить в ряде последовательных действий. В этом смысле компьютер «умнее» человека. В принципе на его ленте можно записать больше информации, чем хранится в памяти человека. Нечего и говорить о быstroдействии ЭВМ. Но, быть может, ум человека характеризуют не механические параметры, но – «степени свободы», личностные свойства, отобранные самой жизнью? У машин нет того, что именуется личной судьбой. Значит, машина остаётся «жить» в своём призрачном мире математических символов, тогда как мы живём в реальном физическом мире.

Н. Амосов. Физические сигналы – свет, звуки, ощущения, запахи – перекодируются в глубине органов чувств, в связанных с ними участках мозга, в биоэлектрические импульсы, биотоки. И только в этом, достаточно условном виде мы получаем информацию из внешнего мира. В известных экспериментах мозгу сообщалось, что вокруг безводная пустыня – и человек испытывал жажду, хотя тут же текла реальная «физическая» вода из водопроводного крана. Достаточно раздражать определённые зоны в мозгу, чтобы человек испытывал попеременно удовольствие и неудовольствие – тревогу, тоску, хотя внешние обстоятельства оставались одними и теми же. Т.е. подлинной реальностью для мозга оказываются «символы». Коды, биотоки. Вот поэтому, когда говорят о свободе воли, мне всегда хочется напомнить, что все наши самые неожиданные, казалось бы, решения и поступки предопределены программами, которые переключаются внешними и внутренними раздражителями.

Словом, человеческий интеллект не есть нечто абсолютно оригинальное, работающее по только ему свойственным принципам. Я убеждён, что существуют универсальные законы разума, одно из проявлений которых – наш человеческий разум.

Ступени познания

М. Тартаковский. Вы следуете в своих рассуждениях по абсолютно чёткой логической цепочке – от звена к звену, от рассуждения к рассуждению: мозг материален – можно, значит, создать его искусственно, возможно, следовательно, моделировать психику...

Н. Амосов. Я готов тут же продлить эту логическую связь: можно, значит, **создать также модель рационально функционирующего общества**. Потому что общество – это тоже система. Только на несколько порядков сложнее отдельного человека.

Наше социалистическое планирование и стремится создать такую модель...

М. Тартаковский. Логика – это, конечно, прекрасно. Но всегда ли путь истины – это путь формально логичных рассуждений? Что, если «вопреки логике» общество проще как система, чем отдельная человеческая личность? Мы просто по инерции предполагаем, что сумма всегда сложнее каждой из составляющих её частей. Но несколько воробьёв, присевшие на ветку, не сложнее как система с внутренними связями между ними, чем система жизнедеятельности отдельного воробья...

Н. Амосов. Потому что «сумма воробьёв» не есть общество. Потому что в человеке сложнейшая сама по себе генетическая программа дополнена ещё и социальными программами, воспитанием; а история, т. е. вектор развития общества, есть некая равнодействующая гигантского количества этих сил.

Т. е. мы опять приходим к цифровым характеристикам. Так вот, в определении дальнейшего развития, так же как в выборе оптимальной траектории для запускаемого спутника, только в гораздо большей степени, уже нельзя обойтись без помощи ЭВМ.

В прошлом экономика даже огромных империй была, в сущности, очень проста. Отдельные регионы самообеспечивались, отдавая часть своей продукции на поддержание всей структуры. Современную экономику можно уподобить живому организму, в котором никакая из частей – «сердце, печень, железы и т. п.» – не автономна, но служит целому; существование же органа, в свою очередь, обеспечивается целостностью всего организма.

Сегодня регулирование сложных производств осуществляется с помощью АСУ – автоматизированных систем управления. Не за горами создание единой автоматизированной системы, управляющей экономикой в целом. Такая система будет пожирать уйму информации не только о состоянии дел на различных производствах, в отдельных отраслях, но и сведения об общественном потреблении, которому она в конце концов служит.

Ну, а как определить потребности людей в пище, одежде, жилище, предметах культуры?.. Причём не за один сегодняшний день, но и на грядущий, на будущее. Тут нужна будет математизированная, т. е. оперирующая не умозрительными, но строго количественными понятиями, психология личности. Социология. Вот главный предмет моих размышлений: природа человека, возможности её рационального изменения, определяемые самой этой природой.

М. Тартаковский. Но имеет ли реальные для нашего познания границы само это понятие – «природа человека»? Не изменчива ли она, не текуча ли по самой своей сути?

Н. Амосов. Относительность истин, постигаемых человеком, заключается в том, что сложные явления изучаются способом моделирования. Модель упрощает, отражает отдельные стороны сложного. Можно говорить об «этажности» модели – постепенном приближении к целому. Но никогда модель не может быть точной копией оригинала. Иначе говоря, абсолютная истина недостижима. Тем не менее сравнительно упрощённая модель объективно отражает мир. Пример тому – само наше мышление.

Мозг – колоссальная моделирующая установка. Познать – значит выявить структуру явления, его внутренние и внешние связи, изменения во времени... Вся эта информация об изучаемом объекте закладывается в наш мозг в виде систем, составленных из нейронов. Это и есть модели.

Ну, а если вместо нейронов подставим элементы электронно-вычислительного устройства? ЭВМ, как и мозг, тоже моделирующая установка. Пока что гораздо более простая. Но между ними НЕТ принципиальной разницы – вот что главное. Развитие науки, без чего ныне невозможно развитие общества – это совершенствование и усложнение моделей.

Так вот, для ограниченной структуры – для мозга – границы совершенствования и усложнения в принципе есть (как бы широки они ни были), а вот для машинного моделирующего устройства их принципиально нет.

Рано или поздно будет смоделирован весь комплекс, заключающийся в понятии, которое кажется вам безграничным – «природа человека».

Что же, сидеть сложа руки, ждать, пока накопятся все данные, а моделирующие устройства станут способны переварить их? При большом разнообразии объектов приходится выбирать наиболее общие, существенные для системы в целом. А уже в последующем детализировать их, идти вглубь. Скажем, дальний прицел – получение на ЭВМ модели человеческого организма. В лабораториях всего мира подбираются к этому с разных сторон; мы, например, очень близки к тому, чтобы математически описать работу сердца.

М. Тартаковский. Согласен, что можно найти математические формулы, описывающие сокращения сердца. Но ведь речь у нас о моделировании мышления. Мышление индивида возникает в обществе. Живя среди себе подобных, человек познаёт, что жизнь его конечна. Не на собственном, разумеется, опыте. Но вместе с тем он привыкает переносить на других то, что испытывает сам. Сам он ощущает боль – значит, и другие способны ощущать её также. «Другому больно так же, как и мне». Вот это и

есть основание нравственности – отношение к подобному себе, как к себе самому.

Способна ли на такое машина, функционирующая вне общества равных себе?

Гуманизм – это прежде всего глубоко развитое самоощущение, восприятие себя как самоценной личности и перенос этого понимания на окружающих. Второе невозможно без первого. Животное не осознаёт своего бытия и, следовательно, не может знать, что такое жалость. Чувство справедливости в полной мере, подчас до болезненной остроты, доступно лишь людям с богатой, полноценной внутренней жизнью. Воспитанное обществом, это чувство вместе с тем сугубо индивидуально.

Тогда как вычислительные машины действуют согласно строго заложенным в них правилам – алгоритмам...

Н. Амосов. Только ли машины?.. Посмотрите шире. Само общество не могло бы функционировать без некоторых определённых заранее правил. Мораль регулирует отношения между людьми. В этом смысле она общечеловечна. Её вполне можно сравнить с алгоритмом, согласно которому ЭВМ производит свои действия: того-то делать нельзя ни в коем случае, это делать можно лишь при определённом условии... И т. д. Т. е. если существует общество как некая система с программой, предписывающей выжить, нравственность необходима.

Механизмы нравственности

М. Тартаковский. Да, с очень непривычных «машинных» позиций подходите вы к понятию нравственности. Вот-вот будете готовы ввести количественные характеристики для этого весьма зыбкого, на мой взгляд, понятия. Поначалу нравственность в человеческом обществе действительно зарождалась как система сдержек, принудительных правил, как «алгоритм выживания», паутина жёстких ограничений – табу. Человек, уже антропологически принадлежавший к виду «гомо сапиенс», в нравственном отношении лишь очеловечивался. Из абсолютных запретов вычленилась абстрагированная модель, зафиксированная в форме законов, во многом

действительно общечеловеческая. Но и это было лишь ступенью к высшей, подлинной нравственности, которая весьма мало напоминает простое соблюдение элементарных запретов. Так, например, отношения внутри счастливой семьи, между влюблёнными регулируются вовсе не писаной моралью и со стороны могут выглядеть вовсе даже безнравственными (потому-то считается неприличным вмешиваться в чужую интимную жизнь). Согласие в данном случае идёт только от со-чувствия, со-переживания (я намеренно произношу эти слова в разрядку), когда боль близкого человека действительно воспринимается как собственная. Можно ли это запрограммировать?

Н. Амосов. Нисколько не умаляя суть человеческой нравственности, я всё же решительно возражаю против нематериалистического её истолкования. «СО-чувствие» необходимо для любого стадного животного. В самой своей основе материнский инстинкт есть то же самое «СО-чувствие» своему беззащитному беспомощному детёнышу. У высших млекопитающих наблюдается не только взаимовыручка во время совместных общепользовных, так сказать, действий, но порой и помощь раненому. Фактически уже бесполезному собрату. Чем не «СО-чувствие»? Вероятно, можно говорить о генетическом врождённом «чувстве справедливости» уже тогда, когда появилось стадо, общность. Разумеется, «справедливость» я ставлю в кавычки, поскольку она не осознаётся особью. Лишь человек установил словесные оценочные эквиваленты справедливости. Животное может ответить только непосредственным действием, тогда как человек – и словом, и сложно опосредствованным поступком...

И в животном мире есть особи более добрые от природы и более злые. В человеке это тоже определяется в известной мере генетическими особенностями, но куда в большей степени – воспитанием. Т.е. социальными ПРОГРАММАМИ. Прогресс человечества и состоит в таком регулировании врождённых психических качеств человека с помощью НАУЧНО РАЗРАБОТАННОЙ СИСТЕМЫ ВОСПИТЫВАЮЩИХ МЕР, чтобы это способствовало

монолитности общества, сближению людей, а не их разобщению.

Но тут совершенно необходимо то, что в кибернетике называется «обратной связью». Важнейший фактор воспитания – такое совершенствование общества, когда те принципы, которые закладывались в процессе формирования личности, подтверждались бы затем на протяжении всей жизни человека. Чтобы не вышло так: ухо слышит одно, т. е. высоконравственные поучения, глаза же видят совершенно иное.

РЕЧЬ ИДЁТ О НАУЧНОМ ПОДХОДЕ К УПРАВЛЕНИЮ ВСЕМ ОБЩЕСТВОМ.

Логично ли нелогичное?

М. Тартаковский. И всё-таки сущность человека, по-видимому, в том, что он далеко не так логичен, как, может быть, хотелось бы. Если пользоваться вашей терминологией, в нём как бы запрограммированы неожиданности. Где логика, скажем, в том, что ущемлённый собственным ничтожеством человечешко бывает особенно безжалостным? «Бери плётку, если идёшь к женщине». Кто сказал это? Дон Жуан, покоритель сердец?... Нет, болезненно мнительный, так и не познавший ни одной женщины Фридрих Ницше. Понять это можно лишь «с человеческих позиций». Ведь подлинная человеческая любовь есть не просто «техническое» продолжение рода (вполне объяснимое с позиций «кибернетических»), но и признание личности в другом человеке, понимание его неповторимости, уникальности.

Точно так же и концепция «сверхчеловека» могла исходить лишь от того, кто втайне мучительно презирал себя, а вовсе не от того, кто наделён избытком человеческих свойств. Где логика? Да в самой нелогичности, как бы это ни выглядело парадоксально, – в том, что чувство собственной ущербности заставляет человека взбираться на котурны.

«Кибернетический человек» поступил бы прямо противоположным образом.

Н. Амосов. В саморегулирующей системе заложена некоторая избыточность, которая позволяет ей выжить в непредвиденных критических ситуациях. Это справедливо как в отношении непосредственно биологии человека, так и его психики. Эта-то избыточность и побуждает человека быть отчасти не тем, кем ему «на роду написано», стремиться ввысь, так или иначе утверждать себя. Здесь возможны и парадоксальные, на наш взгляд, ситуации – при этом безусловно логичные.

М. Тартаковский. Интересно проследить, как с ходом истории раздвигались границы применения нравственных норм. Сперва узкие кровнородственные связи, сохранившиеся затем в представлениях об «избранном народе» – том, разумеется, к которому принадлежишь сам. Эллины противостояли всем прочим – «варварам», в их понимании; многие народы именовали себя «скромно» – «люди», в противоположность всем прочим...

Но вот на смену подобным узким представлениям приходит ощущение и понимание единства человечества. Каждый из нас, независимо от расы, национальности, – «Человек разумный» перед лицом окружающей нас природы; каждый вносит свою лепту в человеческое сообщество – и этим ценен.

Но очевидна уже и следующая, высшая ступень нравственности: признание самоценности личности как таковой, её права быть непохожей на других.

Сегодня ещё законы служат как бы дополнительной гарантией нашей нравственности, как бы «внешней линией укрепления» таковой; не позволяют утверждать себя за счёт других. Тому же служит и религиозная мораль.

Но нравственно чуткий человек, признающий за другими право быть непохожими на него самого, «моделирующий», так сказать, завтрашнее отношение людей друг к другу, – он и без внешних преград не может преступить нравственные законы, установленные им самим для себя самого. Ему для того чтобы «утверждаться» за счёт кого-то, надо уже умалить собственную личность, подавить своё «Я». С человеческой точки зрения это вполне понятно, с формальной точки зрения, «математической», – нелепость:

левая часть уравнения не может быть одновременно и больше, и меньше правой. Компьютер, если бы мог говорить, высказал бы чрезвычайное удивление: как это для того, чтобы «возвыситься», надо непременно «унизиться»? А ведь это, по сути, одна из вечных тем литературы – человековедения...

Преступление потому-то и называется так, что преступается нечто внутри себя. И у людей с развитым ощущением уникальности собственного бытия, ценности своей и, значит, также другой жизни «преступление» сопровождается жестоким душевным надломом.

В этом, к примеру, весь смысл толстовского «Воскресения» – «приключения совести» Нехлюдова. Наказание Раскольникова – «Преступление и наказание» – исходит исключительно от него самого. А уж кто более его самого желал самоутвердиться!.. Раскольников, по сути, карает себя сам. Вот ведь какой нефункциональные, «антикибернетические» терзания!

Н. Амосов. «Кибернетичность» в вашем понимании заключается лишь во внешней логичности. Если не сразу, не с первого взгляда, просматриваются все связи, сама логика, – значит «некибернетично». Вот, скажем, смысл сердечной хирургии, вшивания искусственных клапанов – зачастую, увы, ненадёжных, подчас по несколько раз одному и тому же пациенту – смысл ли в том, чтобы вернуть к жизни людей, которые во многих случаях становятся обузой для общества, не окупают затраченных материальных средств? Но понятие «обуза» я бы тут заведомо взял в кавычки. Для меня совершенно очевидно, что спасённый от смерти человек безусловно «окупает» себя, даже если остаётся полностью на иждивении общества. Надо только представить себе всю сложность и многообразность этой структуры – общества – с самыми неожиданными и, вы правы, подчас парадоксальными связями между её элементами. Ведь каждый «элемент» – человеческая личность.

Жизнь человека бесценна уже потому, что это психологически необходимо для всего общества, для отношений между людьми. Возникают порой бурные

дискуссии (среди тех, как правило, кто далёк от практической медицины) не гуманнее ли, мол, облегчить предсмертные страдания человека – попросту говоря, ускорить его кончину? Не устарело ли древнее Гиппократово правило, повелевающее врачу пытаться спасти даже безнадежного больного? Но если бы целителю дали бы ужасное право «гуманно сокращать жизнь», это привело бы к самым губительным последствиям. Для всех живущих.

Ценность нравственности в первую очередь – обменная. В этом смысле её можно бы уподобить деньгам, относительно которых мы как бы условились, что это не просто медяки и бумажки, но нечто эквивалентное чему-то иному. Если бы общество не стало бы содержать безнадежно больных, престарелых, умственно неполноценных, прецедент был бы ужасным. Тут же исчезло бы понимание ценности личности (о чём вы так печётесь!) как таковой. Нацизм «успешно» двигался по этому пути. Мы знаем, чем это кончилось.

Материалистическое понимание природы человека и его психики вовсе не исключает гуманизма. Некогда то же обвинение выдвигали марксизму, давшему материалистическое объяснение общественным явлениям. Но объективная истина существует сама по себе, хотим ли мы её видеть или не хотим. Наука не изобретает истин, но лишь извлекает их на свет.

М. Тартаковский. Благодарю за обмен мнениями, Николай Михайлович.

5. ЭВМ и социализм

Вернёмся, всё же, уже несколько вооружённые знанием, к сказанному в самом начале. Почему же советская власть так и не доработалась до НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, который воплотил бы в жизнь все, что надо? Вот мнение на сей счет генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова ((Е. Чазов. Здоровье и власть): «Главное, мы должны быть сильными, – не раз повторял он. – А это во многом зависит от состояния экономики. А она, в свою очередь, определяется людьми. К сожалению, человеческое сознание

более инертно, чем прогресс общества. Мышление человека не доросло до сознания, что **НУЖНО ТРУДИТЬСЯ ДЛЯ ВСЕХ**. Мы создали собственность для всех, а каждый хочет получить из этой собственности только свою выгоду и прибыль. Поэтому мы должны быть крайне осторожны в реформах. Самое трудное – сопоставить интересы каждого и интересы всех. И самое главное – уровень культуры: общей, политической, труда, межнациональных отношений, общения. Здесь мы не в первых рядах, и это самый главный наш недостаток».

«Мышление человека не доросло до сознания...» – это замечательное признание! Ведь для того чтобы мышлению «дорости» до сознания, ему надо расти... вниз. Ибо сознание изначально присуще человеку, мышление же напрямую связано с интеллектом, не с элементарным сознанием, но с **ОСОЗНАНИЕМ** действительности; себя в ней.

Знание – вот первый уровень. Знает и животное – место водопоя, своего хозяина и т. п. Человек – «знает, что он знает»; это уже сознание. Но человек в историческом развитии, становясь личностью, перерастает элементарное сознание. Уже он не способен жить по чужой указке, даже самой мудрой. Потому что, как ни мудра была бы указка, она – для другого человека, для самого этого мудреца. Это он должен жить по собственным принципам.

Социализму надобна **ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ** человеческая особь. Он всякий раз упирается в природную сущность человека – в самоценную, **ОСОЗНАЮЩУЮ СЕБЯ ЛИЧНОСТЬ**.

Человек не может «трудиться для всех»: у него своя жизнь. Да и не должен он это делать, да и не нужно это. Заботясь (в рамках закона) о себе, семье, близких, он уже сопричастен к благим делам человечества. И принимать его надо, каков он есть. Природа и без нас потрудилась на славу.

Феноменальность природы человека в её двойственности: индивидуальность каждого ничуть не мешает ему быть существом общественным.

Более того, чем уникальнее личность, тем она «общественнее»; во всяком случае, неизмеримо возрастает

ее социальная значимость.

Человек ценен не всеобщим в его сути, а уникальным.

Утопист, же, проектируя свое социальное устройство на всех разом, всегда, имеет в виду «одномерного человека». В утопическом социуме человек ценен не сам по себе, но – в массе, как составная ее частица. Певец социализма Маяковский мечтал «каплей литься с массами», благоговел перед партией, которая вся, разом – «рука миллионопалая, сжатая в один громадный кулак».

Тогда как духовная суть человека – индивидуальна.

Личность исчезает, «растворяясь во всеобщем». Немыслимо творчество, поскольку это прерогатива личности. Никакого движения. Мертвый застой. «Если бы разум правил миром, в нем не происходило бы ничего», – гласит французская пословица.

Так почему же он всякий раз принимается все за ту же задачу?..

Опыт современной кибернетики показывает, что программировать можно лишь строго рациональные действия; спонтанные проявления не программируются. Но без последних немислим человеческий интеллект. У человека, в отличие от какого бы то ни было компьютера, самый рациональный поступок уходит корнями в иррациональную глубину подсознания; выбор происходит там, в глубине. А без выбора, мы уже знаем это, немислима ни сама личность, ни путь к ней.

Движение к личности – а в этом, как мы установили, сам ход мировой истории – физиологически неизбежен, «запрограммирован» самой природой и, – во всяком случае, пока что – не поддается никакому математическому моделированию. Кибернетика все так же далека от создания искусственного интеллекта, как и в пору ее зарождения, в 50-е годы нашего столетия, когда казалось, кстати, что задача эта вот-вот будет решена.

Тем бессмысленнее постоянные попытки «программировать» ход истории.

Андропов жаловался, что, увы, «состояние экономики определяется людьми». А что как попытаться

обойтись без них? Как ни странно, такая идея зрела «наверху». Уже в пору горбачевской гласности на симпозиуме в Тбилиси, собравшем цвет нашей кибернетики, мне в неслужебной раскованной обстановке довелось слышать примечательный разговор двух лиц, едва ли не определявших развитие этой науки в нашей стране. Один – мой знакомый, крупный математик-дискретник (ставший героем моего романа «Номо eroticus», М. «Панорама», 1993), другой – так сказать, куратор этой отрасли знания то ли по линии КГБ, то ли даже ЦК КПСС. Мне он, разумеется, не представился. Они же друг с другом давно на «ты». Диалог я воспроизвожу по старым записям, сделанным тогда же. Он дает некоторое представление об опасностях, подстерегавших всех нас в будущем. Утописты, ставшие профессионалами на государственной службе, не оставляли надежд создать новую, удобную для них реальность.

После некоторого возлияния, достаточно скромного, начал (имея в виду предшествовавшую переборску репликами)

«Куратор»: – Ты вот философствуешь... А марксизм чему нас учит?

Ученый: – Чему же нас учит марксизм?

К.: – Чтобы жить и мыслить, надо иметь пищу, материальные блага. Значит, каков образ жизни людей, таков образ их мыслей. Есть надстройка и есть базис. И базис в основании надстройки, а не наоборот, – так или не так?

У.: – Допустим.

К.: – А ты вот увидел вокруг себя трудности – и уже пустился в философию, уже скис. Тогда как – что?

У.: – Что?

К.: – Трудности созданы для их преодоления, вот что! Я не обещаю тебе райскую жизнь. Так и передай дальше: мы ИМ не обещаем райской жизни...

У.: – Это, слава богу, уже и по «ящику» слышим. Хуже бы не было, – и это уже слышим...

К.: – Тем более важен базис мышления – незываемые принципы. Сахара с мылом нам не хватает?

Нам не хватает веры, это главное! Почитай-ка про библейского Иова...

У.: – Я читал Книгу Иова.

К.: – Досталось же человеку! Проказа с головы до пят, дом рухнул, детей задавило, жену изнасиловали, жрать нечего...

У.: – Жену, по-моему, не насиловали.

К.: – Неважно. Не в этом суть! Главное, он и тут понимает: Господь ни при чем. Это Сатана мутит.

У.: – Это сейчас в парткружках проходят?..

К.: – Да, есть недоработки. У кого их нет? Но история уже сама об этом подумала, уже позаботилась о нас. История специально подсовывает нам наш главный козырь – его будто чуяли наши основоположники, – мы же этот козырь в упор не видим. Там, за бугром, пользуются нашими же козырями, обставляют нас, как хотят, хватают то, что исторически им уже не принадлежит, – пока мы тут хлопаем ушами. Они уже там домохозяек вооружили компьютерами, уже яичницу жарят на компьютерах, – пока мы тут на пальцах считаем. Вот бы где наше плановое – сверху донизу! – хозяйство, наша централизация сгодилась бы – на страх врагам. У них там неуправляемая стихия рынка, а у нас тут – вообрази! – грандиозная, в масштабе всей державы. Государственная Автоматизированная Система Управления, словом, ГАСУ какая-нибудь, – на манер ЦСУ, даже Госплана, даже, я бы сказал, всего Совмина... Грандиозный безошибочный мозг, который каши не просит, а только – учитывает, подсчитывает, распределяет, дает задания, планирует...

У.: – И конечно же, мы закладываем туда нашу идеологическую программу в виде готового алгоритма, какие-то основы нашего государственного устройства, как-то там двоичным кодом растолковываем «ху есть ху», чтобы своих невзначай не зацепило, – и предоставляем полную свободу действий... Теперь мы можем спокойно руководить, не дергаясь по разным хозяйственным мелочам...

К.: – Нет, кроме шуток. Ну, наподобие Единой Энергетической Системы, ЕЭС, которая, кстати, действует в масштабах всей страны. Ночь над Сибирью, там дрыхнут, а

у нас тут еще только вечер, «ящики» включены, – сюда электроэнергию, где-то она нужнее – туда ее... Вот так бы и с мясом, и с маслом, и с мылом, и с гвоздями...

У.: – Ну, а если нигде – ни гвоздей, ни масла?

К.: – Зато сразу ясно, кто виноват, с кого спрос. У нас привычка: спрос – с руководства. Но само оно, ты это знаешь, свиней не пасет. Спроси с него то, что положено: твердости, требовательности, принципиальной оценки, – пожалуйста! Не анекдот ли: мясо с нас спрашивают те, кто сами должны его производить, – это ж абсурд! Государство не может дать народу больше того, что сам он наработал, – это ж элементарная политэкономия. Вы трудитесь, мы руководим, – какие тут счета?.. Если бы каждый работал с огоньком, как положено, – и руководить было бы легче. Тут-то твоя машина и могла бы разработать каждому на его рабочем месте абсолютно четкие, бесспорные, научно обоснованные задания, поставить каждого под научный контроль – и тогда уже требовать, требовать и требовать! Ее, машину, не уговоришь, не умаслишь, не объедешь, не подмажешь. Не подвержена ни пьянству, ни коррозии, ни коррупции: взятки не берет. Где такая машина? Ведь захотели же иметь свою атомную бомбу – сделали! А первую в мире водородную бомбу сам Сахаров делал. Вот на кого бы надо равняться! Ему за это многое прощается...

У.: – Знаешь, чем отличается мини-юбка от компьютера? В первом случае: чем меньше материала, тем больше информации. Во втором – наоборот.

К.: – Информации тебе навалит – успевай обрабатывать.

У.: – Цифири навалит, а не информации. Я как-то посчитал: государству выгоднее бы вовсе отменить кибернетику: как в 53-м году объявить лженаукой. Штука в том, что у любого компьютера уйма конструктивных достоинств, но один принципиальный недостаток: он не переваривает лжи. В машину – такова уж специфика – надо заложить только правдивую информацию. Попадет хоть капля лжи – и ложь оттуда катит уже лавиной, в геометрической прогрессии. Человек с таким свойством может найти у нас профессиональное применение, машина –

нет. Любой бухгалтер в этом случае предпочтительнее: он всегда подправит явный абсурд собственным здравым смыслом. Здравый смысл в машину не вмонтируешь. И она громоздит ложь на ложь до размеров Останкинской телебашни.

К.: – Не учи жить! Я тоже имею к этому кое-какое отношение...

У.: – Ты у Олега в его конторе когда-нибудь был? (похоже, у авиаконструктора Олега Константиновича Антонова; я у него в Киеве-Святошино слышал подобный разговор. – М.Т.) Там у него дивная машина, золотом за нее плачено. И вот – тот же каприз, который даже японцы не смогли превозмочь: для того чтобы выдать точный ответ, нужна правда, только правда, ничего, кроме правды. Олег вот уже который год бьется только над тем; чтобы его люди перестали врать в своих отчетах, перестали бы засорять дорогостоящую вещь, у которой уже отлаженные программы сбиваются из-за этого – из-за цифрового мусора. Ты бы посмотрел, как она невинно мигает своими чудными фиолетовыми глазками, выдавая чудовищную чепуху! Олег при мне однажды чуть ее по физиономии не съездил, – но нельзя, не собственная жена! Тонкая японская штучка!

К.: – Ты мне лапшу на уши не вешай...

У.: – Ты еще, может быть, поставишь передо мной задачу создать такую машину, которая автоматически отсеивала бы правду от лжи. Кстати, задача необычайно интересная, философская задача, но – и я над этим в последнее время только и думаю – принципиально неразрешимая. Как поиск «философского камня», как создание вечного двигателя... Это я говорю тебе как математик. Может быть, ты хотел бы иначе: как-то так закладывать в машину ложь, чтобы она, перерабатывая ее, выдавала правду?

К.: – В идеале только так и должно быть. Из чего-то там, из натурального дерьма, кажется, делается капрон, вообще – синтетика? Ты побывай как-нибудь на химическом производстве, не побрезгуй. Там ведь черт-те что закладывается в аппарат, а выходят чудные изделия!.. Тот же кибернетический «черный ящик» со входом и выходом...

У.: – Идеальный «черный ящик» – козел, жующий солому. И мы знаем, что козла нельзя кормить его собственным дерьмом. И еще – как ни загружай его этим дерьмом сзади, изо рта солома не выпадет.

К.: – Ладно, подойдем смеха ради с другой стороны. Пусть, как ты говоришь, ложь. Но и она, как и всё на свете, как любое счетное множество, подчинена статистическим закономерностям, – нас же этому еще в вузе учили. Я, например, никогда не перебиваю человека, когда он врет. В конце концов, ложь его складывается в итоге в такую чудную полновесную информацию – пальчики оближешь! Россыпи лжи – тот же золотиносный песок. Ты прав, задача лишь в том, как отделить металл от примесей. Так решайте же эту задачу! Великий Сен-Симон...

У.: – Один из источников марксизма или – одна из составных частей? Я всегда путаю...

К.: – Ты Ленина не трогай. Это святое. Так вот, Сен-Симон будто предвидел нашу перестройку: «Математики! Ведь вы находитесь во главе, начинайте!»

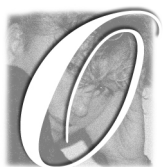
У.: – Итак, пора создать всеохватывающую автоматическую систему, которая и меня бы ежедневно направляла и контролировала – всего лишь... Сам я вот уже сколько лет бьюсь у себя над гораздо более простой задачей: как приучить людей не лгать. Хотя бы в мелочах. Хотя бы тогда, когда это им самим не выгодно. Нет же, привычка – вторая натура. Я ведь – при нашем социалистическом либерализме – не могу даже позволить себе выгнать проходимца просто, по-человечески, без эксцессов и судебных издержек. Он же тебе всегда докажет, что безработицы у нас быть не должно. И я должен выживать его постепенно, топить, гробить, расходовать время, за которое получаю – тебе это известно – вполне приличную зарплату, калечить себе нервы. Я сам постепенно втягиваюсь в ту же всеохватывающую ложь... Понимаю, она, вероятно, тоже необходима: как-то, своей пустотой, держит государственный корабль на плаву. Только компьютеру этого не втолкуешь. Этим он все-таки отличается от человека. И еще тем, пожалуй, что не ворует. У меня, вроде бы, что? чистая наука, математика, – что тут

возьмешь? Берут! Несут! Сразу и не сообразишь, что несут: не формулы же!.. Формулы, впрочем, тоже воруют – готовые программы. Целую диссертацию, чуть подвернется, – сопрут! В масштабах страны, я полагаю, – это же тихий ужас! Кругом ворованное! Богаче нас, поистине, в целом мире нет: сколько ни разворовываем, все что-то да остается. Что же это, скажи на милость: общенародное – значит уж ничье?! Да ведь после нас одни камни останутся!..

Виктор Финкель

Божественное и мирское в жизни Цветаевой

I. публикованная журналом статья «Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой»¹, а также работа «Божественное и мирское»² начинаются строками, не вызывающими каких бы то ни было сомнений в моем отношении к её поэзии:

«Марина Ивановна Цветаева – великий русский поэт, оставивший неизгладимый след в русской и мировой поэзии. Это след раскаленной и не остывающей лавы, kloчущего вулкана мыслей и страстей, беспрецедентного по мастерству и изощренности пера, точнее резца, формирующего пространственное поэтическое изображение и, наконец, это следы крови и смерти... Последние имеют не фигуральный, а, к сожалению, прямой смысл – трагическая кончина Цветаевой, раздавленной коммунистическим молохом, и покончившей с собой в Елабуге, общеизвестна.... Тем более, поразительна её поэтическая продуктивность, высоковольтность её поэзии, непреходящая, неправдоподобная, слепящая яркость поэтических строк. Поэзия Цветаевой – это пронзительный документ, представляющий развернутый во времени срез эпохи. Трагические политические катаклизмы и конвульсии России и Европы оказались удивительным образом связаны с эволюцией личности и судьбой Поэта. <...> Марина

¹ Виктор Финкель// «Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой» //Семь искусств, номер 4(5) – апрель 2010.

² Виктор Финкель// «Божественное и мирское»//Семь искусств, номер 6(7) – июнь 2010.

Ивановна Цветаева достигла уникальных творческих рубежей и с полным основанием квалифицирована Историей, как Великий русский и мировой Поэт»³.

Итак: МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ И ПОЭЗИЯ ЕЁ ПРЕКРАСНА И ГЛУБОКА. ЭТА ПОЭЗИЯ ИМЕЕТ БЕЗУСЛОВНО БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, А М.А. ЦВЕТАЕВА – НОСИТЕЛЬ БОЖЕСТВЕННОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДУШИ.

ВМЕСТЕ С ТЕМ, СУЩЕСТВОВАЛО И МИРСКОЕ ТЕЛО И МИРСКАЯ ЖИЗНЬ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ НА ГРЕШНОЙ ЗЕМЛЕ. А ЭТО – СОВЕРШЕННО ИНАЯ СУБСТАНЦИЯ

II. В работе⁴, я написал: «Было бы совсем не удивительным, если бы ВЧК обратила внимание на Цветаеву еще до 1922 года...». Я попытаюсь объяснить Уважаемому Читателю соображения, на основании которых я сделал подобное предположение. Вот их черед:

1. Виктория Швейцер⁵ пишет: «Открытое письмо А. Толстому... она (М.И. Цветаева) закончила таким рассказом: «За 5 минут до моего отъезда из России (11 мая сего года) ко мне подходит человек: коммунист, шапочко-знакомый, знавший меня только по стихам. – «С вами в вагоне едет чекист. Не говорите лишнего».

2. Наиболее яркой фигурой из окружения М.И. Цветаевой в эмиграции был Константин Болеславович Родзевич. Именно с ним, возможно, было связано одно из самых сильных чувств и яркая любовь в жизни Цветаевой⁶⁷. Они познакомились в 1922 году. Связь началась весной 1923

³ Виктор Финкель//Дикинсон и Цветаева. Общность поэтических душ. Филадельфия.2003.

⁴ Виктор Финкель// «Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой» //Семь искусств, номер 4(5) – апрель 2010.

⁵ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

⁶ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992

⁷ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002. Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

года и длилась два года, в Праге. А затем до самого отъезда Цветаевой они эпизодически встречались во Франции. Это был наиболее близкий к Цветаевой человек. Причем, не только любовник, и возможный отец Мура, но и конфиденгент. Анна Саакянц⁸ пишет, что это был единственный человек, с кем Цветаева не ссорилась, не конфликтовала. Но кем же был этот человек? Из различных источников складывается следующая картина: Родился 2.1.1895 г. в семье военного врача, мичман императорского флота, после 1917-го перешедший на сторону красных. В биографии его имеются странные повороты и совершенно неясные обстоятельства. В 1918 г. он командовал Южной флотилией Красной армии. То ли попал в плен, то ли добровольно перешел к белым, был приговорен к расстрелу. Потом этот приговор отменили, и он очутился в Константинополе. Эмигрант: в Чехии активно сотрудничал с просоветскими организациями. Друг С. Эфрона. В начале 20-х годов Родзевич оказался в Праге; он учился на юридическом факультете и получил масариковскую стипендию, как и Сергей Эфрон. Советский разведчик: с 1926 г. резидент ГПУ в Париже под псевдонимом Луи Кордэ, с 1936 г. – в Испании под именем Луиса Кордеса, резидент ГПУ – НКВД в батальоне белых эмигрантов. На войне был довольно жесток и его боялись... Антифашист: участник испанской войны, активный участник французского Сопротивления, узник немецких концлагерей с 1943-го по 1945 г. Член французской компартии. Умер в Париже в конце февраля 1988 г. Не исключено, что именно с помощью Родзевича и под его руководством шло насыщение Евразийства и его наследников русской агентурой. Тем более что он был секретарем евразийского издательства.

3. Начало политической деятельности С. Эфрона связано с Евразийством⁹. Вначале оно было политико-философским движением. И в него входило много людей, в том числе и Эфрон, и даже, на какое-то время

⁸ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 46-47.

⁹ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

М.И. Цветаева. В 1931 году Евразийство было в такой степени насыщено агентами и провокаторами ГПУ-ВЧК, что превратилось в политическую организацию и оказалось под тем или иным контролем ВЧК... С. Эфрон, его активный член, подал прошение о советском паспорте в 1933-м или даже 1931 г. Виктория Швейцер полагает, что в – 1932¹⁰. В середине 30-х годов был образован «Союз русских эмигрантов», симпатизирующих СССР, «Союз друзей советской родины», преобразованный потом в «Союз возвращения на родину». Последняя структура вообще было преимущественно из агентов ГПУ-НКВД.

4. Общеизвестно, что С. Эфрон был завербован советской разведкой. Когда? Сама Цветаева в письме к Берии и Сталину от 23 декабря 1939 г.¹¹: «Когда, в точности, Сергей Эфрон стал заниматься активной советской работой – не знаю, но это должно быть известно из его предыдущих анкет. Думаю – около 1930 г.». Существует прямое доказательство того, что вопрос о работе С. Эфрона в советской разведке был озвучен и самой М.И. Цветаевой в письме А.А. Тесковой от 22 января 1929 года¹²: «...У евразийцев раскол...Профессор Алексеев (и другие) утверждают, что Сергей Яковлевич чекист и коммунист. Если встречу – боюсь себя... Профессор Алексеев ...негодяй, верьте мне, даром говорить не буду. Я лично рада, что он уходит, но очень страдаю за Сережу, с его чистотой и жаром сердца. Он, не считая еще двух-трех, единственная моральная сила Евразийства. – Верьте мне. – Его так и зовут «Евразийская совесть»... Имеются и указания на то, что вербовка С.Эфрона состоялась в 1928 году. Восторг М.И. Цветаевой по поводу левой деятельности мужа проявлялся всегда. Он, по её словам, «ныне один из самых влиятельных, не хочу сказать вождей, не потому что

¹⁰ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

¹¹]. Марина Цветаева //Собрание сочинений //том седьмой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 246-252.

¹²]. Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 46-47.

не вождь, а потому что вождь – не то, просто отбросив «один из» – **сердце Евразийства...**¹³.

5. С. Эфрон начал получать зарплату от НКВД в конце 1934-го или весной 1935 г.¹⁴. Тогда ставка была приблизительно 1 500 или 2 000 франков в месяц. А у Эфрона может быть, чуть больше из-за семьи... О масштабе цен того времени. На семью в два человека – 1 000 франков в месяц – очень немного, но прожить можно, не нищенствуя и не голодая. Для того чтобы прожить скромно, но сносно, семье в 3-4 человека нужно было около 2 000 фр. в месяц. Отмечается, что ему платили весьма недурное жалование, посылали в секретные командировки, он тщательно готовил агентов для отправки комбригов в Испанию, и только на выпуск очередного номера журнала и газеты своих евразийцев получил от «красных эмиссаров» около 40 или даже – 60 тысяч рублей!¹⁵.

6. Существует распространенное мнение, что Цветаева ничего не знала о деятельности мужа. «Но это неверно.... А то, что он служил в разведке, было известно всем. Это был общеизвестный факт. ...О деятельности мужа она не могла не знать. О ней знал весь Париж. Вся эмиграция об этом знала»¹⁶.

7. Уровень информированности Родзевича в делах семьи Эфрон-Цветаевой был весьма глубок. Ведь помимо всего сказанного ранее, Родзевич был членом той же самой группы агентов НКВД, за участие в которой расстреляли С.Я. Эфрона¹⁷. Он говорил одному из современников об Эфроне¹⁸: «Я его не вербовал – считал, что он слишком

¹³ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

¹⁴ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

¹⁵ <http://www.peoples.ru/family/children/efron-tsvetaeva/history>.

¹⁶ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

¹⁷ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

¹⁸ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

болтлив и откровенен, но я с ним работал» Потом он написал прямо: «К концу жизни в Париже они не были бедными. Сережа Марине помогал. Он ведь вел заграничную работу для большевиков, за которую он получал заработок. И в конце жизни в Париже Марина вовсе не была в безвыходном положении». И еще раз об Эфроне: «у него не было профессии, и он встретился с советским человеком, который его и завербовал». В книге В. Лосской¹⁹ приведены его прямые слова: «Знала ли Марина о работе Сережи? Конечно, знала. Ведь она тогда уже в Париже получала пенсию, это Сережа ей помогал, и она была обеспечена материально... О работе Сергея Яковлевича она знала, но тогда они уже были далеки друг от друга». Кстати, связь с Родзевичем, во всяком случае, письменная, продолжалась до 1938 года!²⁰

8. В районе города Бонвиль, в Савойе, существовал замок Шато д'Арсин. Хозяином его был русский адмирал, Петр Петрович Фантон де Верайон²¹. Среди русских эмигрантов во Франции жила семья Штранге. В 1930 годы они держали в Шато д'Арсин гостиницу-пансионат, где отдыхали многие русские эмигранты. Полагают, что вся семья Штранге сотрудничала с НКВД. Сообщают, в частности, что сын хозяина Михаил Михайлович Штранге, который в ту пору был молодым человеком 26 лет, студент историко-философского факультета Сорбонны был завербован лично Эфроном²². Так вот, это Шато д'Арсин является своего рода визитной карточкой, меткой. Все или почти все, кто побывал там, так или иначе, прямо или опосредованно, были связаны с ГПУ-ВЧК-НКВД. В. Швейцер²³ пишет: «Осенью 1929 года евразийское

¹⁹ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

²⁰ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

²¹ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

²² <http://sever.livejournal.com/313874.html>.

²³ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

издательство и газета «Евразия» кончились, а с ними и небольшая зарплата Эфрона. Он был переутомлен, у него обнаружилась вспышка туберкулеза... С помощью Красного Креста его отправили лечиться в Савойю, в санаторий-пансионат Шато д'Арсин, где он провел девять месяцев 1930 года. Летом Цветаева с детьми жила неподалеку в крестьянском доме». Полагают, что в это же время, т.е. в начале 1930-х гг. в санатории отдыхал и К.Б. Родзевич²⁴. «Шато д'Арсин, где Эфрон провел почти весь 1930 год, две недели в августе 1931 года, не раз бывал там и позже, служил, по-видимому, резиденцией советской разведки. Бывал там и Родзевич...»²⁵. Бывала там и М.И. Цветаева. Имея в виду 1936 год, Саакянц²⁶ пишет об этом так: «31 июля она вернулась в Ванв; оставалась неделя до нового отъезда – в Верхнюю Савойю, там побывала далеким летом 1930 года, когда Сергей находился в Шато д'Арсин. Теперь она с сыном сама жила в Шато д'Арсин, где ее муж бывал несколько раз; это место, вернее, это здание, к тому времени уже превратилось в «очаг советской разведки», в один из мелких очагов, точнее... Впрочем, эта проблема не имела отношения к Марине Цветаевой, имевшей самое общее представление о том, чем занимаются его гости и обитатели; знала лишь, что друзья ее мужа и сам он – друзья Советского Союза и хлопочут о возвращении туда...»²⁷. Так ли уж она и не знала?

9. 1936 г. Ариадна Эфрон сотрудничает в просоветских журналах «Наш Союз», «Союз сегодня», «Франция-СССР» и, по мнению парижской эмиграции, является активным агентом НКВД²⁸.

²⁴ www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm?from=90.

²⁵ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

²⁶ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»// АГРАФ, Москва, 2002.

²⁷ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»// АГРАФ, Москва, 2002.

²⁸ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»// АГРАФ, Москва, 2002.

10. 1937 г. Бегство С.Я. Эфрона в СССР (между 27 сентября и 29 октября). Начиная с этого времени и до самого отъезда в СССР М.И. Цветаева живет с Муром на средства НКВД. Деньги из посольства передавались Цветаевой через кого-то²⁹. Советское постпредство ее «опекало». «А.С. Головина слышала от самой Цветаевой незадолго до её отъезда, что она получает небольшое пособие от советских и не должна сотрудничать в эмигрантских изданиях. Приходилось жить по указке постпредства: переехать в Париж, восстанавливать советское гражданство, оформлять документы, получать визы; из советских рук переписываться с мужем»³⁰. «Некоторые члены семьи, которая была связана с Сергеем Яковлевичем и его работой, считают, что в этот период Марина Цветаева жила с Муром на средства НКВД. Известно, что она из последней квартиры, в Ванв, переехала в сентябре 1938 г. в гостиницу «Иннова», находящуюся в самом центре Парижа, на бульваре Пастера. Вполне вероятно, что переезд этот был связан с решением уезжать и что она тогда ждала разрешения, а средства на оплату гостиницы получала из посольства: зная, что ее комната в отеле была отнюдь не роскошная, все равно в то время платить частному хозяину за квартиру в каком-нибудь предместье было дешевле, чем снимать номер, даже во второсортной гостинице в самом центре Парижа»³¹. «Марк Львович Слоним: «Говорят, что Цветаева на отъезд из Франции получила деньги от советского посольства,...»³².

11. Материальная сторона жизни Цветаевой в первые месяцы в СССР. Вот рассказ свидетеля: «Мы с семьей жили в Болшеве с самого нашего приезда в 1937 г. Сергей Яковлевич тоже там жил с Алей. А на что они жили – ясно.

²⁹ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

³⁰ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

³¹ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

³² Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

Ведь мы-то получали деньги от НКВД. Я помню, как я ходил с матерью на свидание с одной женщиной, всегда той же, и она матери передавала конверт. И сама дача в Болшеве принадлежала НКВД, а не Литфонду»³³.

Итак: МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

Вместе с тем, вероятно, во время жизни в Москве в послереволюционные годы М.И. Цветаева попала в поле зрения ВЧК-ГПУ и с тех пор из этого поля зрения не выходила. Начиная с конца 1934 или весны 1935 года, семья С.Я. Эфрон-М.И. Цветаева находилась на содержании НКВД. И если до бегства С.Я. Эфрона в СССР деньги передавались в семью через него, то после его бегства они передавались непосредственно М.И. Цветаевой. Предположительно, первые месяцы жизни в СССР, в Болшево семья тоже находилась на довольствии НКВД, и тогда, когда она была в составе С.Я. Эфрон-Ариадна Сергеевна, и позднее, когда она была в составе С.Я. Эфрон-М.И. Цветаева-Ариадна Сергеевна-Мур. С полным основанием можно думать, что финансирование прекратилось с арестом Ариадны Сергеевны, С.Я. Эфрона, и отъездом М.И. Цветаевой и Мура из Болшево.

III. Зачастую говорят, что в эмиграции М.И. Цветаева резко отрицательно относилась к советской России. Суть, однако, в том, что после 1928-29 гг. никакого негативного отношения М.И. Цветаевой к советской России и социализму не было! Это видно из собственно поэзии М.И. Цветаевой и её общественных выступлений. О поэзии я уже писал в³⁴³⁵ и процитирую еще раз:

³³ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

³⁴ Виктор Финкель// «Религиозное, политическое и национальное самосознание Цветаевой» //Семь искусств, номер 4(5) – апрель 2010.

³⁵ Виктор Финкель// «Божественное и мирское»//Семь искусств, номер 6(7) – июнь 2010.

«Маяковскому» август 1930:

А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.

«Наша совесть – не ваша совесть», январь 1932:

Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом –
Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чистое твое, кудряш!
<...>

Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.

«Стихи к сыну», январь, 1932:

Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем SOS.
Езжай, мой сын, домой – вперед –
В свой край, в свой век, в свой час, – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,
В наш – час – страну! В сей – час – страну!
В на – Марс – страну! В без – нас – страну!

«Челюскинцы». 3 октября 1934:

Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!
Зв вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!

«Это жизнь моя пропела – провыла», июнь 1934:

Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям наоборот!

«Двух станов не боец, а – если гость случайный» 25
октября 1935:

Два строя: Домострой – и Днепрострой – на выбор!

Квинтэссенция этого:

**Сегодня – да здравствует
Советский Союз!**

и

**Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем SOS.**

Остается ответить на важный вопрос: как быть со
стихотворением «А Бог с вами!»?

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину

Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти крюки.

К сожалению, ответ, до горького, прост. Это стихотворение датировано 23 июня 1934 года. А первую зарплату в НКВД С. Эфрон, а стало быть, и семья М.И. Цветаевой начала получать в конце 1934-го – начале 1935-го! После 35-го года таких ошибок, по меньшей мере, в своей поэзии, М.И. Цветаева не повторяла...!

IV. Но дело не только в поэзии. В общественной жизни эмиграции М.И. Цветаева занимает особую и, определенно, просоветскую позицию. Вот некоторые из её действия, неоднократно эпатировавших эмигрантские круги.

1. Открытое письмо М.И. Цветаевой Маяковскому осенью 1928 года стало поводом для обвинения Цветаевой в просоветских симпатиях и полуразрыва с нею одних и полного разрыва других эмигрантских кругов³⁶. До этого она печаталась в журналах «Воля России», потом в милюковских «Последних новостях». Милюков прекратил сотрудничество с нею за статью о Маяковском...³⁷. Сама Цветаева в письме Маяковскому от декабря 1928 года³⁸ описывает это так: «Дорогой Маяковский! Знаете чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»? Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали – да и то стихи 10-12 лет назад!..» Если бы она приветствовала только поэта-Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...». Вот, в частности, что пишет Швейцер³⁹: «Там, где эмигрантское большинство усматривало прислуживание большевикам, Цветаева видела лишь служение Революции. Маяковский был и оставался «первым» и «передовым бойцом» современной революционной поэзии, ее «главарем», «...без Маяковского русская революция бы сильно потеряла, так же, как сам Маяковский – без Революции». «Цветаева продолжает утверждать величие его, как поэта революции»⁴⁰. В «Эпос и лирика современной России» в 1932 году М.И. Цветаева⁴¹ утверждает: «Эта вакансия: первого в мире поэта масс – так скоро – не заполнится». В том же 1932 году она пишет:

³⁶ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

³⁷ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

³⁸ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том седьмой, книга первая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 350/

³⁹ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

⁴⁰ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

⁴¹Марина Цветаева// «Эпос и лирика современной России»//Собрание сочинений//том пятый, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1997. стр. 53.

«Владимир Маяковский, двенадцать лет подряд верой и правдой, душой и телом служивший –

Всю свою звонкую силу поэта
Я тебе отдаю, атакующий класс!

кончил сильнее, чем лирическим стихотворением – лирическим выстрелом!»⁴².

2. О «библиотеке» Мура Цветаева написала маленький очерк под названием «О новой русской детской книге». Советские книги для детей она, не ведая компромиссов, резко противопоставила «бездарному, бесстыдному, безграмотному вздору эмигрантских изданий и наивно возмутилась, когда поначалу ей отказали в печатании»⁴³. Вот, что пишет М.И. Цветаева: «Что в России решительно хорошо – это детские книжки... Впервые за существование мира страна к ребенку отнеслась всерьез. К дошкольному, самое большее-шестилетнему-всерьез. В Англии, когда ребенок переходит улицу, всё останавливается. В России ребенок всё приводит в движение. «Его Величество Ребенок» – это сказала Европа, а осуществляет Россия... русская дошкольная книга – лучшая в мире»⁴⁴.

3.«Летом в Париже открылась Всемирная выставка. Цветаева посетила ее 14 июня... Советский павильон, по мнению Марины Цветаевой был символом жизни, немецкий – смерти. Она побывала в пяти павильонах, при этом в советском провела два часа, о чем и писала Тесковой»⁴⁵.

⁴² Марина Цветаева// «Искусство при свете совести»//Собрание сочинений//том пятый, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1997. стр. 52.

⁴³ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

⁴⁴ Марина Цветаева// «О новой русской книге»//Собрание сочинений//том пятый, книга первая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1997. стр. 324.

⁴⁵ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

Буквально, в письме Тесковой М.И. Цветаева⁴⁶ пишет: «Первый – жизнь, второй смерть, причем не моя жизнь и не моя смерть, но все же – жизнь и смерть» Речь идет о Всемирной выставке в Париже летом 1937 года.

4. «Наступивший 1936 год стал последним относительно благополучным годом жизни Марины Цветаевой... 15 февраля она выступала на бесплатном вечере эмигрантских поэтов, а на следующий день должна была читать, тоже бесплатно, в совсем другой аудитории: на «возвращенческом вечере», то есть в «Союзе возвращения на родину» (он находился в пятикомнатной квартире дома № 12 на улице Де Бюсси: помещение оплачивало советское посольство»⁴⁷.

Итак: МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

Вместе с тем, Уважаемый Читатель, узнаете ли вы М.И. Цветаеву московских послереволюционных лет? Её политическое восприятие мира кардинально изменилось! М.И. Цветаева 1918-го и 1936 года – это разные люди!!! Изменения начали происходить довольно быстро после эмиграции. Предположительно, они связаны с левыми настроениями Евразийства и прямым контактом с советской разведкой, в лице Родзевича! Как видите, Уважаемый Читатель, жизнь М.И. Цветаевой протекала в непосредственной, скажем более, физической близости с активными деятелями советской разведки! Проще говоря, её путь пересекается с советской разведкой определенно с 1923 года! Но самый крутой поворот отмечается в 1928-1929 годах. Как раз тогда, когда С. Эфрон становится агентом ГПУ-ВЧК-НКВД. В 1936 году М.И. Цветаева – это явный друг и попутчик СССР, сотрудничающий с «Союзом возвращения на родину»! В глазах русской эмиграции Франции, она «красная» не только из-за своего мужа, но и сама по себе!

⁴⁶]. Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 102.

⁴⁷ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

У. Намеревалась ли М.И. Цветаева возвратиться в СССР? Да! Она собиралась, в смысле «намеревалась», а также собиралась и в смысле «готовилась» к переезду в СССР. Доказательства:

1. В своей Автобиографии от января 1940 года М.И. Цветаева, в частности, пишет: «...Осенью 1902 г. уезжаю с больной матерью на Итальянскую Ривьеру, в городок Nervi, близ Генуи, где впервые знакомлюсь с русскими революционерами и понятием Революции... Осенью 1906 г. поступаю в интернат московской гимназии Фон-Дервиз. Пишу Революционные стихи... **В 1939 г. возвращаюсь в Советский Союз – вслед за семьей и чтобы дать сыну Георгию (родился в 1925 г.) родину... В периодической прессе за границей у меня появляются: <...> переводы русских и немецких революционных, а также и советских песен...**»⁴⁸

2. В письме Берии от 23 декабря 1939 г.⁴⁹ и, как следует из комментариев, в аналогичном письме Сталину, М.И. Цветаева, в частности, пишет: «Я – писательница, Марина Ивановна Цветаева. В 1922 г. я выехала за границу с советским паспортом и пробыла за границей – в Чехии и Франции – по июнь 1939 г., т. е. 17 лет. В политической жизни эмиграции не участвовала совершенно, – жила семьей и своими писаниями. Сотрудничала главным образом в журналах «Воля России» и «Современные записки», одно время печаталась в газете «Последние Новости», но оттуда была удалена за то, что открыто приветствовала Маяковского. Вообще в эмиграции была и слыла одиночкой. («Почему она не едет в Советскую Россию?») **В 1936 г. Я всю зиму переводила для французского революционного хора (Chorale Revolutionnaire) русские революционные песни, старые и новые, между ними – Похоронный марш («Вы жертвою пали в борьбе роковой»), а из советских – песню из «Веселых ребят», «Полюшко – широко поле» и многие другие. Мои песни – пелись. В 1937 г. я**

⁴⁸ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том пятый, книга первая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1997. стр. 6.

⁴⁹ Марина Цветаева //Собрание сочинений //том седьмой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 246-252.

возобновила советское гражданство, а в июне 1939 г. получила разрешение вернуться в Советский Союз. Вернулась я, вместе с 14-летним сыном Георгием, 18 июня 1939 г. на пароходе «Мария Ульянова», везшим испанцев. Причины моего возвращения на родину – страстное устремление туда всей моей семьи: мужа – Сергея Эфрона, дочери – Ариадны Эфрон (уехала первая, в марте 1937 г.) и моего сына Георгия, родившегося за границей, но с ранних лет страстно мечтавшего о Советском Союзе. **Желание дать ему родину и будущее. Желание работать у себя. И полное одиночество в эмиграции, с которой меня давным-давно уже не связывало ничто. При выдаче мне разрешения мне было устно передано, что никогда никаких препятствий к моему возвращению не имелось».**

Итак: МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА

Вместе с тем, М.И. Цветаева, вне всякого сомнения, намеревалась вернуться в Советский Союз и готовилась к этому! Именно для этого в 1936 г. она всю зиму «переводила для французского революционного хора (Chorale Revolutionnaire) русские революционные песни, старые и новые, между ними – Похоронный марш («Вы жертвою пали в борьбе роковой»), а из советских – песню из «Веселых ребят», «Полюшко – широко поле» и многие другие». При возвращении в СССР ею двигало «Желание дать ему (сыну) родину и будущее. Желание работать у себя. И полное одиночество в эмиграции, с которой меня давным-давно уже не связывало ничто. При выдаче мне разрешения мне было устно передано, что никогда никаких препятствий к моему возвращению не имелось»

VI. И еще раз в развитие этой темы «хотела ехать» – «не хотела ехать». Известно много фраз М.И. Цветаевой на эту тему, в частности:

«Всё меня выталкивает в Россию, в которую я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна» (Письмо к

А.А. Тесковой от 25 февраля 1931 г.⁵⁰). По поводу этой фразы Швейцер⁵¹ пишет: «Обратите внимание, Цветаева не говорит «не хочу». Случайно ли это?)

Однажды Марина спросила меня: «Ехать мне или оставаться? Мне остаться – это смерть. Я не могу не ехать!»⁵².

«Я здесь никому не нужна»⁵³.

«Живу под тучей отъезда»⁵⁴.

«Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба»⁵⁵.

Б. Пастернак: «Марина Ивановна много говорила о том, что хочет вернуться в Россию. У поэта должен быть резонанс. Но помилуй, какой у нас резонанс?»⁵⁶.

М.Л. Слоним: «Она думала, что ей в России дадут возможность печататься и что она найдет там читателя, которого не нашла здесь»...⁵⁷.

Ариадна Сергеевна: «Тут противоречия совсем нормальны... Маму же привлекало в России наличие собратьев по перу и настоящей читательской аудитории. Она сама говорила, что ей осточертело сидение в консервной банке. Но она себе хорошо представляла сталинскую эру. Поэтому и было, с одной стороны, влечение, а с другой – она ведь революцию пережила сама... Так что колебания были, но, даже если бы обстоятельства не поторопили, она бы все равно поехала. Не в пустую же

⁵⁰ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 64.

⁵¹ Виктория Швейцер// «Быт и бытие Марины Цветаевой»// Москва, Молодая гвардия, 2009. стр. 265.

⁵² Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

⁵³ Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

⁵⁴ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 108.

⁵⁵ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 152.

⁵⁶ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

⁵⁷ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

Америку ехать! Эмиграция ведь ее выпихивала, выталкивала! Вместе с тем она за эти годы одичала и ее пугал коллектив. Она думала, что, приехав, должна будет сразу клясться, и недоумевала. Поэтому не следует преувеличивать ее симпатии и здесь и там. Они были и не были на советской стороне»⁵⁸.

Вместе с тем хорошо известно большое различие между письмами М.И. Цветаевой и той реальностью, которая в них отражается. М.Л. Слоним писал об этом так: «Разница между письмами и действительностью, конечно, есть....В письмах выступал яснее трагизм ее быта»⁵⁹. Ариадна Сергеевна уточняет: «У нее было какое-то разминовение со временем»⁶⁰. И действительно, Цветаева плохо воспринимала современность и стремилась обязательно совершить оборот назад. Она писала: «Оборот назад – вот закон моей жизни»⁶¹.

Наряду со всем этим, следует помнить, что с 1928-1929 гг. Эфрон жил в определенном режиме. Поскольку он участвовал теперь в работе советской разведки, он, вероятно, понимал, что нужны какие-то меры предосторожности. Наверняка, он был по этому вопросу проинструктирован. Легко предположить, что он просил об осторожности и М.И. Цветаеву. И она, как могла, старалась это делать. Вот как описывается подобная ситуация в⁶²: «Цветаева нервничала, зная, что ее не любят в правых эмигрантских кругах. В письме к А.А. Тесковой у нее вырвалось: «Была бы в России, все было бы иначе...». Однако тут же спохватилась: «Но – России (звука) нет, есть буквы: СССР, не могу же я ехать в глухое, без гласных, в

⁵⁸ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

⁵⁹ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

⁶⁰ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Незданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

⁶¹ Марина Цветаева// Собрание сочинений//том шестой, книга вторая. Москва, ТЕРРА – TERRA, 1998. стр. 111.

⁶² Анна Саакянц// «Твой миг, твой день, твой век. Жизнь Марины Цветаевой»//АГРАФ, Москва, 2002.

свистящую гущу. Не шучу, от одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: буквы не раздвинутся... В России я поэт без книг, здесь – поэт без читателя. То, что я делаю, никому не нужно». Вот так, вырвалось, спохватилась и начала «затирать» сказанное. В целом, это похоже на плохо заученную легенду. Я думаю, что дело было не только в правых эмигрантских кругах. Вполне вероятно, в этом последнем случае, как и в некоторых других, М.И. Цветаева стремилась создать ложное впечатление и у французской контрразведки. В пользу последнего говорит и один из ее допросов во французской полиции после бегства С. Эфрона в СССР. В⁶³ приводится свидетельство М.Л. Слонима по этому поводу: «Когда ее вызвали в полицию на допрос, она стала читать свой перевод «Молодца» по-французски. Ее отпустили, сказав, что это просто сумасшедшая».

Итак: МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ И МИРОВОЙ ПОЭТ. ЕЁ ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА.

Вместе с тем, между её высказываниями и реальными поступками, и, в конце концов, добровольным отъездом в СССР, есть серьёзные разногласия. Вполне вероятно, что, по меньшей мере, некоторые из её высказываний, носили камуфляционный, конспиративный характер, с целью дезинформировать эмигрантские круги и французскую контрразведку.

⁶³ Вероника Лосская//«Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников»// Культура и традиции. 1992.

Лазарь Беренсон

**Евреи в жизни Марины
Цветаевой**
Слово автора

первые о Марине Цветаевой я услышал в студенческие годы: академик Белецкий, касаясь темы поэтов Серебряного века, бегло упомянул это имя, но на её творчестве не останавливался (как, впрочем и на поэзии других корифеев), уделив основное академическое время, отведённое теме, поэзии Блока, немного Брюсова, скороговоркой о Мандельштаме, вскользь об Ахматовой... Времена были суровые – исход 40-х, ждановщина.

С поэзией М.Ц. я познакомился в уникальном сборнике «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) и конечно, пленился навсегда – «Сад», «Если душа родилась крылатой», «Глазами казнённых»... (Кстати, здесь же не-(мало)известные стихи Коржавина и Заболоцкого, Слуцкого и Самойлова, Штейнберга, Панченко и Достая... Проза Балтера, Казакова, Окуджавы... Одним словом – именины души.)

Позднее я зачитывался её стихами в сборниках «Избранное», пластинку с декламацией её стихов Дорониной привёз в Израиль.

В конце прошлого и начале нашего века обнаруживал в печати публицистические поединки вокруг личности и творчества Цветаевой.

По мере сил «встрял в баталии» и думал, что тема исчерпала себя. Но публикация статей господ Финкеля и Солонина в «Семи искусствах» оживили во мне прежний интерес, правда, в национальном аспекте (грешен: микроскопическое и глобальное в конечном итоге меня занимает с позиции «а как это будет (было) на евреях».

Итак, без претензий на новаторство и исследовательскую ценность, информации ради –

*Откуда у меня – с детства – чувство
преследования?*

Не была ли я еврейкой в Средние века?

М. Цветаева

Нам остаётся только имя:

Чудесный звук на долгий срок.

Осип Мандельштам – Марине Цветаевой

Иосиф Бродский в диалоге с С. Волковым сказал:
«Цветаева – первый поэт XX века».

Можно не принимать ранжирного числительного «первый», но никто не станет оспаривать факта: Марина Ивановна Цветаева (1892-1941) – ярчайшее явление русской и мировой поэтической культуры.

Она покончила с собой, удавившись, 31 августа 1941 года в городке Елабуге на Каме, захолустном медвежьем уголке, куда с 16-летним сыном Георгием (Мур, Мурлыга в домашнем обиходе) попала из Москвы в эвакуацию.

За несколько дней до этого в соседнем Чистополе, где обосновался филиал московского отделения Союза писателей, Цветаева подала заявление: «Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Но для этого Совет эвакуированных должен был решить вопрос о местной прописке. Заседание было бурным, и если критик Дерман, друг Паустовского, горячо выступил в пользу Марины Ивановны, то один из руководителей филиала, сталинский лауреат Тренев, произнес погромную речь в ее адрес: эмигрантка, муж – белогвардеец, арестован, как и дочь, такой не место в среде советских писателей. Это был последний удар в цепи бесконечных унижений, тяжких испытаний судьбы при полной неприспособленности к советской жизни и панической растерянности перед новой катастрофической действительностью. «Мурлыга, прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але (Ариадна, дочь – авт.) – если увидишь, что люблю их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик», – предсмертная ее записка.

(Мур, не по возрасту взрослый, рассудительный и самостоятельный, все понял.

В его одинокой, очень трудной судьбе ему помогали добрые, отзывчивые люди, среди которых с особой благодарностью и теплотой он в письмах и дневниках называл Мулю Гуревича, Изю Крамова, Лидию Бат, Нину Гордон. Арестованных отца и сестру Алю он так и не увидел: Сергей Яковлевич был расстрелян, Аля вышла на свободу много позднее гибели Мура на фронте в 1944 году.)

В явлении МАРИНА ЦВЕТАЕВА, поэте и женщине, еврейская тема – не доминантная, но и не маргинальная. Восходит она к самым истокам ее биографии.

Клановая основа внутрисемейных отношений Марины Ивановны сплетена из разнопородных, разных верований и духовных пристрастий родов Цветаевых, Иловайских, Мейнов, Эфронов, Дурново. Ее отец академик И.В. Цветаев (основатель и первый директор Московского музея изящных искусств, ныне – музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), сын провинциального священника, воспитанный в духе ортодоксального православия, был человеком жестко консервативным, если не сказать реакционным (сотрудник Каткова по «Русскому вестнику»). В первом браке был женат на В.Д. Иловайской, дочери профессора истории Иловайского, известного своим махровым антисемитизмом. (Дом в Трехпрудном переулке, в котором родилась и выросла Марина, принадлежал Иловайскому и был приданым зятю. Сейчас здесь музей семьи Цветаевых.) Этот ее сводный дедушка, о котором она вспоминает, что он не любил инородцев и особенно евреев, часто гостил у них и оказывал значительное влияние на впечатлительную девочку.

Второй женой Цветаева и матерью Марины и Анастасии была М.И. Мейн, полунемка, полуполька. Цветаева напишет о ее «необъяснимом тяготении к евреям, преклонении перед еврейским гением», «юдоприверженности». В зрелые годы, отмечая «главенствующее влияние» матери, она определит: «Лейтмотивом ее и моей жизни – толстовское "против

течения"! – хотя бы собственной крови – всякой среды (стоячей воды)». А среда, ее в детстве и юности окружавшая, была откровенно юдофобская. Чего в этом смысле стоят взгляды близкого друга семьи, философа В. Розанова, исключенного со скандалом из «Религиозно-философского общества» за пропаганду кровавого навета во время процесса Бейлиса. Может быть, именно этого обстоятельства Марина не знала, когда в 1914 году шлет философу три восторженно комплиментарных «предельно откровенных, исповедальных» письма. В одном из них мы читаем: «...выхожу замуж... его прадед раввин... В Сереже соединены – блестяще соединены – две крови: еврейская и русская. Он блестяще умен, одарен, благороден. Душой, манерами, лицом – весь в мать. А мать его была красавицей и героиней. Мать его урожденная Дурново». Речь идет о ее молодом муже Сергее Яковлевиче Эфроне. Его дед Константин принял христианство и женился на православной. (Всякому, кто знает танахическую строку: «...и отвесил Авраам Эфрону серебро...» – ясны библейские истоки такой фамилии, будь он трижды крещенным).

К вопросу о еврействе Сергея М.И. возвращается спустя годы в других, вынужденных обстоятельствах. В письме к двум представителям эмигрантских антисемитских кругов в Париже она не столь восторженно, как в письме к Розанову, но не менее страстно и убедительно доказывает, что ее муж не может быть «обвинен» в еврействе, ибо ни генетически, ни духовно к нему не принадлежит, что подобные утверждения она «воспрещает». Но тут же в постскрипуме добавляет: «Евреев я люблю больше русских и, может быть, очень счастлива была бы быть замужем за евреем, но – что делать – не пришлось». Похоже, что это все то же унаследованное от матери «против течения – хотя бы собственной крови – всякой среды».

Несколько слов о Сергее Яковлевиче.

Отец был женат на дочери гвардейского офицера Дурново, приближенного в молодости к императору Николаю I. Оба родителя были активными участниками антиправительственных народовольческих организаций «Земля и воля» и «Черный передел», подвергались

преследованиям. Оставшись сиротой в 14 лет, Сергей воспитывался в дворянском доме своего деда Дурново, будучи его единственным внуком. Во взрослой жизни: участие в Первой мировой, служба в Добровольческой белой армии, эмиграция в ее рядах, вначале Турция, потом долгие годы жизнь с семьей в Париже, служба: официальная – литературная деятельность, общественная – в эмигрантском «Союзе за возвращение на родину», подпольная – агент, завербованный ЧК, выполняющий поручения советской разведки. Обвиненный в одном политическом убийстве, он был отозван в СССР, куда вернулся вслед за дочерью Алей. За ними после долгих и мучительных раздумий на родину последовала и Марина с Муром. Это был июнь 1939-го. А уже в августе арестовали Алю, а в октябре той же дорогой навсегда ушел Сергей. Уместно вспомнить её давние строчки:

Я с вызовом ношу его кольцо!
Да, в Вечности – жена, не на бумаге! –
Чрезмерно узкое лицо его
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы и идут на плаху.

Дальнейшее – неприкаянность, бездомность, безденежье, косые взгляды, откровенное хамство литературных чиновников – все так хорошо знакомое советскому человеку окончательно деморализовало М.И. и сломило ее экзальтированную натуру. Она о себе той поры:

Годы твои – гора,
Кожа твоя – кора,
Ложь твоя – нора, –
Прожитая пора!

Похоже, что Эфрон – единственная постоянная, прошедшая через всю жизнь любовь поэта. Их супружеская жизнь сложилась совсем небезоблачно: Марина была перманентно сотрясаема молниеносными увлечениями и страстными влюбленностями, измены мужу были частыми и быстро сменяемыми.

«Эти Эвересты чувств – всегда Эвересты по выси, Этны и Везувии по накалу. Воздух ее чувств был раскален и разряжен, она не понимала, что дышать им нельзя – только раз хлебнуть», – записала в своей тетради её дочь Ариадна.

Сама М.И. о себе: «Без любви я вообще не живу». И в другом месте: «Между любовью и любовью распят/ Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век». Стабильными были лишь чувства к Сергею – от восторженной безоглядности в юности (письмо к Розанову) до прощального «люблю до последней минуты» в трагических предсмертных строках. (Чувственные привязанности поэта, где евреев было немало среди ее возлюбленных обоего пола, подлинных и лишь эпистолярных, – предмет многих исследовательских наблюдений. Работа бостонского профессора Дианы Левис Бургин «Марина Цветаева и трансгрессивный эрос» с разделом «Отчуждающее влечение к евреям» мне кажется достойной интереса и доверия).

К концу своей недолгой жизни М.И. «приняла» несомненного еврея: Мулю, Самуила Давидовича Гуревича, женившегося на Ариадне. Этот публицист и газетчик, правая рука и секретарь М. Кольцова по объединению Жургаз (45 журналов и газет), был деятельным, добрым и ответственным человеком. «Марине Ивановне он очень понравился, она сразу приняла его душой», – вспоминает М. Белкина, близкая приятельница двух последних лет жизни поэта в книге «Скрещение судеб». – Он всячески опекал эту семью, материально и хлопотами ощутимо помогал после ареста Сергея. Оставшийся в одиночестве 16-летний Мур очень ему обязан: постоянные денежные переводы, письма-советы, письма-поддержки, полезное и бескорыстное покровительство. В 1943 году Мур пишет Муле: «Знай, что я к тебе всегда очень хорошо относился и считаю тебя прекрасным человеком, прекрасных качеств и

свойств...» «Если бы ты был рядом около меня, то все было бы по-иному, тебе я поверил бы, тебя бы послушался, ты – мне друг, и тебя в эти подлинные для меня трагические дни, тебя-то мне очень недоставало...». А Гуревич в это время хлопочет о судьбе осужденной жены Али, шлет ей деньги, посылки в лагерь и позже – в Туруханскую ссылку. Все это длится до лета 1950-го, когда Самуила Давидовича арестовали и через год расстреляли за «шпионаж и участие в к-р организации»...

Читая Цветаеву или о ней, нельзя не обратить внимания на благотворную роль наших единоверцев в ее судьбе.

Москва первых постреволюционных лет, голод, холод, разруха гражданской войны. Цветаева с двумя малыми дочками нищенствует в прямом смысле. Из ее дневниковой записи той поры: «Госпожа Гольдман, соседка снизу, от времени до времени присылает детям огромные миски супа и сегодня одолжила мне третью тысячу... Еще Р.С. Тумаркин, брат г-жи Цейтлин, у которой я бывала на литературных вечерах, дает деньги, спички... Усиленное питание по протекции той же г-жи Г-ман». Н. Катаева-Лыткина, многолетний научный руководитель дома-музея М. Цветаевой, уточняет, что М.И. была дружна с Елизаветой Моисеевной Гольдман, «женщиной тонкого душевного склада, обаятельной, элегантной», что Марина «обойтись тогда без Гольдманов не могла... что все, что требовалось в ее «пещерной жизни», она находила в семье Гольдманов». И добавляет: «...Во время боев на Поварской в 1917 году маленькую Ариадну прятали в их квартире». Тут же она свидетельствует, что эта семья спустя десятилетия, храня добрые чувства к Цветаевым, «слала в глухую Сибирь Анастасии теплую одежду и продукты с обоюдного согласия и сочувствия». (Анастасия, сестра Марины, находилась в ссылке.)

Не имея возможности вырастить двух детей, М.И. идет на трагический шаг: младшую Ирину (3-х лет) отдает в детский приют, где та в 1921 году умирает от истощения и тоски. К этому времени ее муж пропал без вести (потом выяснилось, что бежал с Белой армией). Одинокая, нищая,

морально раздавленная, проклиная ненавистных большевиков и их узурпаторскую власть, она эмигрирует. Здесь ей покровительствуют в Берлине близкий друг Абрам Вишняк, владелец издательства «Геликон», в Праге Марк Слоним, редактор эсеровского журнала «Воля России», в Париже профессор Марк (Мордух) Вишняк, соредатор «Современных записок». Печатаясь у них, Цветаева выживает, в том числе творчески. А жилось очень тяжело. Горькое признание тех лет: «Себя причисляю к рвани... В Париже бывали дни, когда я варила суп на всю семью из того, что удалось подобрать на рынке». В этом средоточии эмиграции первой волны гибели от безденежья многие знатные и талантливые люди. Эфронов-Цветаевых постоянно поддерживали меценаты, среди которых часто упоминаются фамилии Гальперн, Цейтлин, Слоним.

Дети ее в эмиграции дружили с евреями, к своей парижской команде (equire) Аля в первую очередь причисляет Юза – Иосифа Давидовича Гордона. В Москве он оставался добрым ее другом, а когда его арестовали, гидом М.И. по опасным московским властным лабиринтам стала его жена Нина.

На разных этапах ее жизни М.И. близко дружила с известными евреями, деятелями культуры: П. Антокольским, О. Мандельштамом, А. Бахрахом, Б. Пастернаком, С. Парнок. Все это очень интимные и сложные отношения. (Последнее имя в этом ряду мало известно: Софья Яковлевна Парнок – в действительности Парнох – была поэтически и музыкально одаренной женщиной, старшей современницей и лесбийской подругой Цветаевой. Ее стихи ценили эстеты, и она вошла в поэзию Серебряного века как российская Сафо. Их близость относится к 1914-1916 гг. М.И. посвятила ей стихотворный цикл «Подруга»).

Заметную роль в ее жизни и особенно в творческом признании сыграл Эренбург. (Так уж случилось, что мэтр литературы Серебряного века В. Брюсов среди поэтических дебютов 1910 года выделил рядом два новых имени – погодков Цветаеву и Эренбурга.) Именно Илья Григорьевич через свои универсальные связи помог ей найти Сергея

Яковлевича в эмиграции; он всячески помогал ей в Берлине и Париже, его имя открывало ей многие нужные двери, а его статьи о необыкновенном поэтическом таланте Марины утвердили ее имя на Западе и вернули его на родину в оттепельную пору (см. статьи Эренбурга «Марина Цветаева», Берлин, 1922 год, «Марина Цветаева», 1956 год, альманах «Литературная Москва»)... Искала М.И. помощи у Эренбурга и в отчаянные для нее августовские дни 41-го, но «...встреча не вышла – по моей вине», напишет И.Г. в своей книге. В 1923 году Марина писала об Эренбурге: «...в благородстве его, в БОЛЬШОЙ доброте и страдальческой сущности ни секунды не сомневаюсь...» Но Берлин 20-х не Москва 40-х, да и оба в них были другими. (Любопытны воспоминания Ариадны о дружбе в двадцатые годы этих двух больших мастеров. «Дружба Марины с Эренбургом была непродолжительной, как большинство ее дружб – личных, неэпистолярных, – но куда более ОБОЮДНОЙ, чем многие иные... Это была дружба двух сил, взаимонепроницаемых или почти. Марине был чужд эренбургов рационализм... публицистическая широкоохватность его творчества, как ему – космическая камерность ее лирики, «простонародность» (просто НАРОДНОСТЬ!) ее Царь-Девы и вообще – российское, былинное, богатырское начало в ее поэзии, вплоть до самой российскости ее языка, к которым он оставался уважительно глух всю свою жизнь».

И то же еврейское почти «засилье» в последний, самый трудный отрезок ее жизни после возвращения в СССР. Юрист Семен Исаакович Барский помогает М.И. в ее хлопотах в Союзе писателей и на таможне (все вещи из Парижа, в том числе и литературный архив она отправила на имя Али, которая арестована), по ее книжным делам бегают Боря Шеперович. В Литфонде Союза писателей в квартире ей отказывают (известен холодно-унизительный ответ всемогущего в те поры А. Фадеева на ее просьбу), и находит ей с Муром жилье незаметный чиновник этого самого фонда Арий Давидович Ратницкий. Ее духовное одиночество скрашивает крупный литературовед Е.Б. Тагер, еврейский писатель Н.Г. Лурье, к которому она была очень привязана.

Из воспоминаний Ноя Григорьевича: «Нехорошо мне, Ной Григорьевич, –неожиданно заговорила она со свойственной ей прямоотой и резкостью. – Вот я вернулась. Душная отравленная атмосфера эмиграции давно мне опостылела. Я старалась больше общаться с французами. Они любезны, с ними легко, но этого мне было мало. Потянуло домой, сама не знаю, что я при этом себе представляла. Но смотрите, что получилось. Я здесь оказалась более чужой, чем там. Мужа забрали, дочь забрали, меня все сторонятся. Я ничего не понимаю в том, что тут происходит, и меня никто не понимает. Когда я была там, у меня, у меня хоть в мечтах была Родина. Когда я приехала сюда, у меня и мечту отняли». Эта отчужденность и обоюдное непонимание в значительной степени и мотивируют ее трагический исход. И опять же на отрезке ее короткой (не дожила нескольких недель до своего 49-летия) и несчастной жизни Чистополь-Елабуга последними ее утешителями были эвакуированные, как и она, из Москвы еврейские женщины Берта Горелик, Жанна Гаузнер, Лиза Лойтер: кто советом, кто ночлегом, кто тарелкой теплого супа, кто тазом теплой воды, чтоб Марина утишила боль в уставших от беготни ногах, кто простым человеческим участием. В последний раз она оттаяла душой, встретив радушный прием в чистопольском доме семьи кинодраматурга М.Я. Шнейдера.

«Мне в современности места нет», – записала Марина в дневнике, ступив на борт советского теплохода, увозившего ее из эмиграции на Родину. Это было за год до кончины.

Стихи М.И. требуют напряженного прочтения. Ее сестра Анастасия писала: «Стихи Цветаевой подчас трудны, требуют вдумчивого распутывания хода ее мыслей». Ее иносказания, отдаленные ассоциации, неожиданные образы и своеобразный синтаксис не всегда доступны не просто любителям поэзии, но и тем, для кого изучение и комментирование ее творчества – профессия. Критик В. Лосская считает, что в строках поэта часто «сказывается вся путаница ее эмоциональных реакций». Сказанное полностью относится к «еврейским» стихам Марины.

ИЗРАИЛЮ

Кто не топтал тебя и кто не плавил,
о купина неопалимых роз, –
единое, что на земле оставил
незыблемого по себе Христос?

Израиль! Приближается второе
владычество твое! За все гроши
вы кровью заплатили нам. Герои!
Предатели! Пророки! Торгаши!

В любом из вас, кто даже при огарке
считает золотые в узелке,
Христос сильнее говорит, чем в Марке,
Матвее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
распятие и снятие с креста.
С последним из сынов твоих, Израиль,
воистину мы погребем Христа.

Генрих Гейне (выкрест, до смерти терзавшийся этим отступничеством) был любимым поэтом Марины. («Женщина, не забывающая о Генрихе Гейне в ту минуту, когда входит ее возлюбленный, любит только Генриха Гейне», – из ее дневника 1917 года.) Этот великий немецкий классик был для нее постоянным знаком еврейства и еврейского. В 1920-м в стихотворении «Евреям» даже роковые и кровно враждебные события в большевистской Москве воспринимаются ею через Гейне:

Так бесребренно – так бескорыстно,
Как отрок – нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. – Аминь. –
Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской – стираю письма.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! – Предан! – Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.

И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха переменял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Читателя, конечно, покоробит впервые услышанное от М.И. «жид», да еще с недвусмысленно отрицательным, обвинительным, враждебным подтекстом. Здесь, вероятно, самое время привести строчку из записных книжек поэта: «Только в 19-м году я научилась слову "жид"». Сомнительно, чтобы общение с Розановым не научило ее этому слову раньше. Допускаю, что употреблять его до большевистской революции и разрушительной гражданской войны поводов и внутреннего побуждения у нее не было. К тому же эмоциональная окраска и поэтическая семантика у этого слова может быть иной. Сравните – заключительная часть 12-й главы «Поэмы Конца», написанной М.И. в трудной пражской эмиграции в 1924 году, звучит так:

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешел вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...
Так не достойнее ль во сто крат
Стать вечным жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,

Жизнь только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь
Овец – палачу!
Право-на-жительство свой лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит! –
Мечь! – В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить – не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты – жидаи!

Известный российский литературовед и критик С. Рассадин комментирует: «Ведь гетто избранничеств, а не изгнанничеств, такое гетто, жаловаться на пребывание в коем так же бессмысленно (да и захочется ли?), как просить Б-га избавить от ниспосланного им дара... «Жид» в том самом смысле, в каком применила слово к себе самой и себе подобным славянка Цветаева». А израильский исследователь Т. Должанская обо всем отрывке говорит: «Впечатление от погромов и еврейской отверженности потрясли юную молодую Марину Цветаеву и побудили ее по-карамазовски «возвратить билет на вход в жизнь».

После всего вышеизложенного есть ли основания говорить о юдофобстве М.И. и называть ее антисемиткой? Печально было бы признать таковым мастера, о котором в другом месте Иосиф Бродский сказал: «Крупнее Цветаевой в нашем столетии нет поэта».

Вопрос не праздный. На исходе прошлого века он яростно обсуждался и в московской юдофобской «Руси Православной» и в московском же еврейском журнале «Лехаим» с участием высокого церковного иерарха Кураева, публицистов Ройзмана, Зорина, Неживого и других. Речь в данном случае идет о талантливом мемуарном очерке Цветаевой времен гражданской войны, «Вольный проезд», где она беспощадно, зло и брезгливо, не стесняясь едких,

убийственно четких выражений, описывает новых хозяев жизни, продотрядовцев Рузмана, Каплана и Левита, изымающих у крестьян продовольствие и ценности. Читателям этого обидного для нас, по мнению Кураева и Ройзмана, «антисемитского опуса», «где Цветаева показала себя кондовой антисемиткой», советую обратить внимание и на другие места очерка: на, скажем, собеседование Марины Ивановны с товарищем Левитом. Речь, в частности, о Леониде Канегиссере, застрелившем председателя питерской Чрезвычайки Урицкого (еврея). Цветаева – о нем: «Еврей. Из хорошей семьи». (В «Нездешнем Вечере» она так пишет о его отце, Иоакиме Самуиловиче Канегиссере: «...известный строитель знаменитого броненосца – высокий, важный, иронический, ласковый, неотразимый – которого про себя зову – лорд». И, напомнив собеседникам о стрелявшей в Ленина Каплан, подводит черту: «...евреи, как русские, разные бывают».

Думается, прав писатель, публицист и киносценарист Аркадий Красильщиков, когда соотносит некую эволюцию в ее «унаследованной от матери «иудоприверженности» с Октябрем 1917 года (российская еженедельная газета «Еврейское слово», № 5 от 29.01.2004). Многократно выразив в ранний период своего творчества любовь к евреям, М. Цветаева в своих записных книжках позднее с грустью отмечала, насколько после революции осложнилась для нее эта проблема. Вот выдержка из ее записной книжки от 15 ноября 1918 года: «Слева от меня (прости, безумно любимый Израиль!) две грязные, унылые жидовки... Жидовка говорит: «Псков взят!» У меня мучительная надежда: «Кем?!» Цветаева чувствует, что ее Россия гибнет, ее муж Сергей Эфрон добровольно борется с большевиками на стороне Белой армии, а возле себя она слышит, как две еврейки, захлебываясь от восторга, сообщают, что красными взят Псков... Наблюдая за гибнущей Россией, она отмечает, что везде «кишат евреи».

Не обошла эта деликатная тема и израильскую русскую прессу. Известный литературовед Генрих Горчаков (Эльштейн), знаток и почитатель творчества М.И., автор книги о Цветаевой, выступил в конце 1998 года со статьёй

«Ученостью меня не обморочишь». Здесь он доказательно возражает литературоведу Леониду Кацису, опубликовавшему в Москве, а потом и в израильской газете, статью «Палестинские отроки с кровью черной...». (О двух еврейских эпизодах у Марины Цветаевой.) Горчаков называет их «антиеврейскими», потому что Кацис в этой статье обвиняет (по формуле другого автора – «уличает») Цветаеву в грубом антисемитизме и даже «кровавом навете». Первый эпизод связан с встречей Марины с А. Бахрахом в 1926 году, когда возник конфликт вокруг ее выражения (не оговорка) «кровавая» колбаса, вместо «кровяная». Кацис путем очень сложных, по-моему, заумных софизмов и надуманных ассоциаций, привлекая творчество Гейне и публицистику Жаботинского, доказывает, что она тем самым обвиняла его, еврея, в кровавых ритуалах. А сама Марина винулась позже, что, дразня Бахраха, была неправа.

Может быть, что-нибудь объясняет следующее ее признание: «...у меня обезьянья гибкость (только в обратную сторону – повторяю наоборот движение). Пример: с любящими евреями – ненавижу евреев, с ненавидящими – обожаю – и все искренне, до слез! Любовь по оттолкновению».

Второй эпизод связан с очерком Мандельштама «Шум времени», в котором в неприглядном цвете, часто в сгущенных красках представлена «Белая армия», столь дорогая взглядам и чувствам М.И. («Белая гвардия – путь твой высок/ Черному дулу – пулю в висок».) Кроме того, он высокомерно высмеял полковника, посредственного поэта, вызволившего самого О.Э. из контрразведки. В «Моем ответе Осипу Мандельштаму» в резкой полемической, далеко не корректной форме М.И. отвечает ему.

«...Не мне – перед вами – обелять Белую армию. За нее – действительность и легенда. Но мне перед лицом всей современности заклеить вас. Большого поэта... Красная армия – не есть Чека и добровольчество – не есть контрразведка... Вы могли предпочесть Красную. Вы не смели оплевывать Белую. Герои везде и подлецы везде. Говоря о подлецах наших, вы обязаны были сказать о

подлецах своих... Если бы вы были мужем... вы бы взяли винтовку в руки и пошли сражаться. У Красной армии был бы свой поэт, у вас – чистая совесть, у вашего народа – еще одно право на существование, в мире – на одну гордость больше и на одну низость меньше».

В одной из записей Марины читаем: «Слава Б-гу, что я не еврейка. При первом же «жидовка» я бы подняла камень с мостовой и убила...» Вот теперь «камень с мостовой», эпистолярный, запущен в оскорбителя ее воинства, армии ее любимого Сергея Эфрона. Истины ради следует предположить, что есть в этом ответе и очень личная обида, восходящая к 1916 году, когда они были близки и посвящали высокие стихи друг другу: 10 – Цветаевой и 3 – Мандельштама.

Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю – он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.

Посвятив Марине эти влюбленные строки, Мандельштам внезапно бежал от нее, чтобы больше никогда не искать с ней встреч...

Как по моему обострённому еврейству, говорить об антисемитизме Марины Ивановны нет оснований: в её жизни и творчестве мы такие, какими нас Бог породил – и великие и гнусные.

Мне близка оценка мудрого Эренбурга (Берлин, 1922 г.):

«Впрочем, все это забудется, и кровавая схватка веков, и ярость сдиравших погоны, и благословение на эти золотые лоскуты молившихся. Прекрасные стихи Марины Цветаевой останутся, как останутся жадность к жизни, воля к распаду, борьба одного против всех и любовь, возвеличенная близостью подходящей к воротам смерти».

Для меня тема закрыта.

Владимир Крastoшевский

Музыка, свет неближний...

арра Белкина — человек удивительный. В свои девяносто с хвостиком лет она поражает своим жизнелюбием, светлым умом, эрудицией, потрясающей доброжелательностью. В ней чувствуется закуска настоящего питерского интеллигента «с тех еще» времен. Несмотря на огорчительные, но, к сожалению, неизбежные проблемы со здоровьем, она посещает чуть ли не каждую неделю симфонические и камерные концерты, пишет статьи и рецензии на музыкальные, театральные и другие события культурной жизни Филадельфии. Друзья и хорошие знакомые называют ее Саррочка, и это не фамильярность, а знак уважения и любви к этому светлomu человеку.

Я хочу начать с небольшой цитаты из статьи бывшего ученика героини сегодняшней публикации. Пишет Аркадий Климовицкий, доктор музыковедения, профессор Санкт-Петербургской консерватории:

«В таком тепер уже далекоm 1953 году ...я оказался среди тех счастливых, кто был в классе сольфеджио и теории музыки у Сарры Евсеевны Белкиной – ее имя тогда уже было окружено ореолом легендарности и произносилось всеми с особой значительностью. Статьe ее учеником почиталось большим везением. И сегодня убежден: высочайшая репутация Сарры Евсеевны обязана и ее виртуозному педагогическому мастерству, и ее личностной незаурядности».

Сегодня мы в гостях у Сарры Белкиной. В гостинной небольшой уютной квартиры стоит пианино, книжный шкаф с частью любимых книг, которые удалось вывезти из Ленинграда. На шкафу – пара бронзовых статуэток, как

память о прошлых далеких годах. На стене висит старая постановочная фотография, изображающая любителей музыки в утрированно выразительных позах, слушающих Крейцерову сонату. Чувствуется, что каждая вещь в этом доме, каждая картинка на стене бесконечно дороги хозяйке.

Сарра Белкина

– **Сарра Евсеевна, давайте начнем с самого начала. Кто были ваши родители?**

– Мои родители ничем не выделялись, они были просто порядочные люди. Родом из Белоруссии. Они происходили из разных слоев общества. Папа – из еврейской богатой семьи, такой барчук. В семье было много детей – все девочки. Его, единственного мальчика, конечно, баловали. Моя мама была из простой небогатой семьи, и родители с двух сторон противились этому браку. Но папа очень любил маму, и он добился своего.

Когда папа с мамой поженились, они переехали на Украину, в Горловку. Они были богатые люди. Когда случилась революция, красные, естественно, первым делом пришли в папин дом, чтобы все отобрать. Папу ранили и швырнули в погреб. Он недолго прожил после этого. Папа

жестоко простудился и умер в двадцатом году. Мама осталась вдовой со мной двухгодовалой.

– **Как вы стали учиться музыке? Это был ваш выбор?**

– Да, это был мой выбор, у нас в семье музыкантов не было, я была первая. Я решила учиться музыке в 10 лет, и моя замечательная мама меня поддержала. Она не получила никакого образования, но тяга к знаниям у нее была удивительная. Мама даже не позволяла мне помогать ей по дому, а когда я садилась играть, она бросала все дела, подходила ко мне вот так... И тихо стояла, слушала.

– **Вы закончили ленинградскую консерваторию?**

– Да, но последний год я доучивалась уже в эвакуации в Ташкенте. Хотя работать я начала еще до войны, в 1939 году. У нас была практика в консерваторском музыкальном училище. Я так недурно проводила свои уроки, что мне предложили там остаться работать. Позднее, окончив Консерваторию в 1942 году, я начала работать и в консерваторской школе-десятилетке. В этих двух учебных заведениях я проработала в общей сложности 52 года (с 1939 по 1991, до самой эмиграции). Преподавала все курсы теории музыки (элементарную теорию музыки, сольфеджио, гармонию, анализ музыкальной формы), причем с 1949 года – специальные курсы для композиторов и музыковедов. У меня была исключительно интересная творческая работа, приносившая большую радость и удовлетворение. Общение с интересными, талантливыми и пытливыми учениками неизменно требовало быть в курсе музыкальных и научных (в сфере музыковедения) новшеств, быть в соответствующей педагогической форме. Я училась вместе с моими учениками, училась у них и благодарна им за это.

– **У вас, очевидно, много учеников. Вы с ними поддерживаете связь?**

– О, да! У меня очень много близких, дорогих мне людей, которые живут и здесь в Америке, и в Ленинграде. Они мне часто звонят, дарят свои книги. Здесь у меня целая полка подарков моих учеников.

– **У вас тоже есть книги?**

– Нет, книг я не писала. Мне муж часто пенял, что я зря трачу время на своих учеников вместо того, чтобы писать диссертацию. Я говорила: что диссертация? Бумага. Ученики – вот мое богатство. И я вижу теперь, что оказалась права. Но я писала отдельные методические статьи, была соавтором ряда учебных пособий по отдельным теоретическим курсам, писала короткие аналитические работы в помощь слушателям концертов Филармонии. Для ленинградской Филармонии к юбилею А.К. Глазунова подготовила в фойе выставку о жизни и творчестве композитора.

До своей эмиграции в 1929 году Александр Константинович был ректором нашей Консерватории. Он был добр и щедро опекал учащихся. Его любили, уважали. Его авторитет был непререкаем. Он был человек необыкновенного музыкального кругозора. Поступив в Консерваторию в 1937 году, я еще застала «дух» Глазунова, некую «патриархальность», обходительность в общении профессуры. Во время обсуждений учащихся после экзамена или концерта в спорные моменты часто раздавалось: «А Александр Константинович в таких случаях говорил...», или «А Александр Константинович придерживался такой трактовки» и т. д. Его присутствие в Консерватории ощущалось долго. Позднее, уже после отъезда Глазунова из России, я часто приходила на его бывшую квартиру на улице Плеханова, 10. Дело в том, что в этой квартире поселился приехавший из Киева и ставший главным дирижером Мариинского (тогда – Кировского) театра оперы и балета Арий Моисеевич Пазовский с семьей. В студенческие годы я училась и дружила с его дочерью Арой (певицей и музыковедом). Мы часто собирались на вечеринки, встречи в этой изумительной, большой, «барской» квартире, где в центре гостиной стоял рояль, а на Новый год устанавливалась большая нарядная елка. Разыгрывали шарады, играли в веселые игры, шутили, танцевали, рассказывали смешные и «страшные» истории, музыкальные «байки». Пазовский очень любил русскую музыку, особенно Римского-Корсакова, его оперы «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», «Садко», «Золотой

петушок» – неизменно были в репертуаре театра. Ара прекрасно исполняла романсы Римского-Корсакова. Говоря условно, если романсы Чайковского можно сравнить с масляной живописью, то Римский-Корсаков писал акварелью. Его романсы полны замечательной свежести, тонкости и поэтичности, мягкой лиричности.

– Вы, ведь, учились в консерватории, когда там работал Шостакович? Я знаю людей, которые на дух не переносят музыку Шостаковича. А как вы к нему относитесь?

– Шостакович – гениальный композитор. Он был человек застенчивый, абсолютно не борец по жизни, но, как художник, он обладал великим мужеством. Чего стоят, хотя бы, написанные в разгар государственного антисемитизма песни «Из еврейской народной поэзии». Его не сломала кампания травли, начатая статьей «Сумбур вместо музыки» в газете «Правда». Это было в 1936 году. А в 38-м году он пишет замечательную Пятую симфонию, которая была впервые сыграна для коллег в Ленинградском Союзе композиторов. Я была на этом первом исполнении. Дирижировал Мравинский. С тех пор я слышала это произведение десятки раз, в исполнении различных дирижеров и оркестров. Я не перестаю восхищаться симфонией и совершенной формой ее. Но главное – в этой музыке запечатлен весь ужас той жизни, которой все мы жили в тридцатые годы.

– Существует мнение, что у Шостаковича не было мелодического дара.

– Конечно, если считать мелодией только то, что мы слышим в музыке композиторов XIX века, то у Шостаковича этого нет. Но ведь у каждого времени свои песни. Так же, как меняется язык, так же, как современная речь отличается от той, которая звучала два века назад, так и музыкальная речь меняется со временем, и это естественно. Меняется жизнь, меняются условия и обстоятельства, с ними меняется словарь. Музыкальный язык тоже меняется по мере развития и изменения общества. Для отражения иной, новой жизни требуются новые слова, иные мелодии, гармонии, ритмы, инструментовка и т. д.

– **Ваша педагогическая деятельность проходила в годы советской власти. Испытывали ли вы на себе давление партийного аппарата?**

– А как же. От нас требовали все разложить по полочкам, все должно было быть идеологически безупречно. Вот это буржуазное искусство, а это – пролетарское.

Это была самая настоящая вульгаризация. Музыка не может быть партийной или беспартийной, она, пожалуй, самое абстрактное из всех искусств. Правда, к такому жанру, как опера, легче предъявлять конкретные претензии, ведь там есть либретто, сюжет. На этой ниве особенно потрудились советские руководители. Вспомните зубодробительные постановления 36-го и 48-го годов, или переименование оперы Глинки «Жизнь за царя» в «Иван Сусанин».

– **Вы говорили, что учились в консерватории у легендарного Соллертинского?**

– Да, Иван Иванович был совершенно потрясающий человек, гигант. Я обожала его, и каждый раз, когда шла к нему на экзамен, ужасно страдала: боже мой, мне стыдно повторять ему его же слова или какие-то сведения из учебников. Что нового я смогу ему сказать? Я помню, сдавала ему экзамен 1 июня 1941 года. Он поставил мне пятерку, а я сгорала от стыда. У меня сохранилась зачетная книжка, где рукой Ивана Ивановича выставлена оценка за вот этот экзамен по истории западной музыки.

– **У вас на стене висит рисунок: Андроников рассказывает о Соллертинском.**

– Ираклий Андроников потрясающе точно представлял моего дорогого учителя. Я благословляю его память за это. Иван Иванович знал около двадцати пяти языков, живых и мертвых, он был художественным руководителем Мариинского театра и Ленинградской филармонии, читал лекции о литературе и писателях в лектории, преподавал историю балета и архитектуры. Энциклопедически образованный человек. Но каким он был простым в общении, живым человеком из плоти и крови! В пору, когда на Шостаковича обрушились все беды, и он был

таким несчастным, сильно нуждался, Иван Иванович его поддержал, он предсказал ему великое будущее.

Я хочу рассказать одну забавную историю, связанную с Соллертинским. На вокальном отделении консерватории учился такой студент Каро Миносян. Он слышал, как все говорят, что Иван Иванович знает решительно все, и решил его проверить. Подошел к нему в коридоре и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, кто такой Каро Миносян»? Я должна вам сказать, что Соллертинский обладал особой речью, он глотал гласные, у него были «спрессованные» согласные. И когда эти согласные терлись друг о друга, летела слюна, брызги во все стороны. «Кро Мнсян? Мнутчку... Это кто? Из какой области»? «Так вот я и не знаю», – отвечает студент. «Каро Миносян? Каро Миносян... Знаете, вы меня заинтриговали. Завтра в 12 встретимся на этом месте, я вам отвечу». Приходит Иван Иванович домой, звонит знакомому академику, звонит другому профессору, открывает энциклопедии. Не спит всю ночь, будит то одного, то другого. Никто не знает Каро Миносяна. На другой день приходит он с головной болью, говорит студенту: «Нет, не знаю. Кто же этот Каро Миносян»? «Это я», – отвечает шутник. Посмотрел на него Иван Иванович и сказал кратко: «Вы драк!»

– Да, это прекрасное дополнение к тому, что рассказывал Ираклий Андроников.

– Знаете, в свое время только от Соллертинского мы узнавали о музыке, которую в советской печати только ругали. Там были такие бранные слова, как додекафония, какофония. Вот и об Игоре Стравинском (этом, по утверждению советской печати, идеологе формализма и космополитизма) мы узнали впервые от Ивана Ивановича, как о композиторе богатой творческой фантазии, блестящего оркестрового письма (школа Римского-Корсакова), широкого творческого поиска и изобретательности. Когда суровые времена немного смягчились, Стравинский впервые приехал в СССР и пришел к своим коллегам в Союз композиторов. Я была на этой встрече. Был исполнен недавно написанный им Октет для духовых, о котором в нашей музыкальной печати была одна страшная ругань. Мы

ожидали услышать что-то ужасное, авангардное, а это оказалась совершенно нормальная, почти классическая музыка. Все можно было расслышать, понять, что собственно, композитор хотел выразить.

– **Вам ваша профессия не мешает слышать музыку, не расщепляет ее на отдельные элементы?**

– Нет, никоим образом. Если вы умеете проанализировать произведение, понять, как это сделано, то приходите в еще больший восторг и получаете еще больше удовольствия от слушания.

– **Если бы вам пришлось сравнивать русских и западных музыкантов, кому бы вы отдали предпочтение?**

– Знаете, здесь, на Западе, больше увлекаются техникой, виртуозностью, внешним блеском. В России у лучших исполнителей все шло изнутри, от сердца. В России, все-таки, очень глубокие песенные традиции. Отсюда замечательная мелодичность, лиричность, особая роль «мелоса», как важнейшей черты русской музыки и русского исполнительства. Задача музыковедов – раскапывать эти родники, разъяснять, из каких глубоких источников можно черпать вдохновение.

– **Сарра Евсеевна, когда вы оказались в Америке, как продолжалась ваша творческая жизнь?**

– Вы понимаете, конечно, что я лишилась всего того, что было моей жизнью... Но я нашла себя в том, что стала преподавать фортепиано, играть. У меня в годы учебы был очень хороший преподаватель по роялю Н.Н. Галанина (она была ученицей профессора консерватории Леонида Владимировича Николаева, основоположника петербургской фортепианной школы) и серьезный, виртуозный репертуар, я не раз играла в Малом зале Консерватории. У нас здесь составилась неплохой ансамбль со скрипачкой Нинель Арнопольской. Мы с ней выступали в Пенсильванском университете, в Еврейском центре, на разных других площадках. Я писала статьи для местных газет, рецензии на спектакли, моя большая статья о моем ученике, композиторе Александре Кнайфеле – к его

выступлению вместе с Ростроповичем здесь, в Америке – была напечатана в «Новом русском слове».

– Я знаю, что у вас и сейчас есть ученики, вы продолжаете выступать и посещаете концертные залы и театры, живо интересуетесь культурными событиями Филадельфии. Я хочу пожелать вам здоровья, бодрости и новых музыкальных и театральных впечатлений. Спасибо большое за беседу.

Беседовал В. Крастошевский

Артур Штильман

Пророк «новой венской школы и его опера «Моисей и Аарон»

рошло лишь около двадцати лет после смерти Мастера из Байройта, и несмотря на активное творчество самых разных композиторов – поклонников гения Вагнера – в числе которых были Густав Малер, Рихард Штраус, Макс Регер, Ганс Пфицнер – на мировую сцену музыкального творчества начал выходить человек доселе неизвестный, ставший однако, довольно скоро пророком «Новой венской школы».

Имя его – Арнольд Шёнберг. Рассмотрим коротко его творческий путь для того, чтобы попытаться понять роль одного из самых важных сочинений последнего периода его жизни – оперы-оратории **«Моисей и Аарон»**, послужившей действительно имморальным целям.

Имя Шёнберга ассоциируется с германским художественным направлением в музыке, поэзии и живописи – экспрессионизмом. Родившийся в Вене в 1874 году на территории бывшего еврейского гетто Леопольдштадт, Шёнберг до определённого времени относился к своему еврейскому происхождению вполне индифферентно. Его мать, родившаяся в Праге, была учительницей игры на фортепиано. Отец, родом из Братиславы, содержал небольшой магазин. Арнольд Шёнберг в детстве проявил любовь к музыке и начал заниматься на скрипке, а также рано проявил интерес к композиции. Одновременно посещал реальное училище. После смерти отца (различные источники расходятся во мнении о возрасте будущего композитора – от 10-12 до 15 лет), когда Шёнберг должен был начать работать, чтобы как-

то поддержать жизнь семьи. Он работал в банке, а также занимался инструментовками различных пьес и даже оперетт. В юные годы руководил рабочими хорами, которые были исключительно популярны в те времена. В целом в области композиции Шёнберг в основном занимался самообразованием. Встреча с известным венским композитором, пианистом и дирижёром Александром фон Цемлинским сильно повлияла на жизнь начинающего композитора. Шёнберг начал брать уроки полифонии у Цемлинского, а вскоре с ним породнился, женившись на его сестре Матильде.

Шёнберг в своей художественной мастерской. Примерно 1910 год

Знаменитый русский критик И. Соллертинский сравнивал Шёнберга с титанами Возрождения, воплощавших в себе тип «всестороннего человека», создавшего по мнению Соллертинского композиторскую школу «единственную в Европе». Действительно, деятельность Арнольда Шёнберга – композитора, музыковеда, теоретика, педагога, дирижёра, литератора и даже художника была необыкновенно многогранна и плодотворна. Теодор Адорно, известный европейский музыковед писал в эссе «Арнольд Шёнберг»: «Он был другом художника Оскара Кокошки; его картины

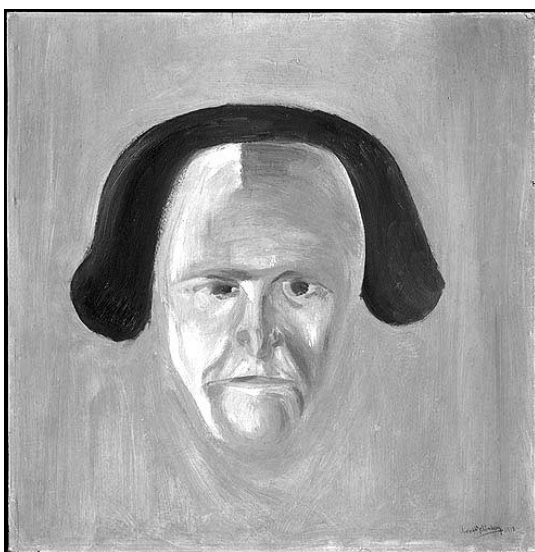
появлялись на выставках и печатались в репродукциях в мюнхенском журнале «Голубой всадник», рядом с работами Сезанна, Матисса, Ван Гога, Кандинского и Пикассо».

Современный исследователь творчества Шёнберга **Марк Райс** пишет в своём эссе, что главные открытия Шёнберга – атональность и додекафония – не утратили своего значения до наших дней. Изобретение Шёнбергом системы сочинения музыки на основе использования двенадцати тонов фортепианной клавиатуры с помощью ряда «серий» из этих любых звуков, открыл действительно новые пути сочинения музыки и композиторской техники. В каждую серию, к примеру, можно взять четыре звука, которые не должны повторяться. Затем брались другие четыре звука, которые также не должны были повторять друг друга и так до исчерпания всех 12 нот звукоряда. Затем были обращения уже созданных фигур, и различные манипуляции с ними. В целом это значительно усложняло гармонический язык и создавало совершенно иной тип полифонии. Так как в основе всего метода лежал принцип отрицания необходимости, как это было принято в классической музыке, постоянного тяготения разрешения диссонансов в консонансы и их чередования, то признание «равности» каждого звука вне какой бы то ни было связи с тональностью родило систему, несомненно, слишком сложную для привычного восприятия слушателем. Шёнберг был пионером, не боявшимся трудностей на своём пути.

Однако, в своих ранних композициях он не преступал канонов позднего романтизма немецкой музыки. Эти его ранние произведения – «Просветлённая ночь», «Пелеас и Мелисанда» приветствовались Густавом Малером и Рихардом Штраусом. С Малером Шёнберг познакомился в 1903 году. В 1909 году Шёнберг закончил длительную работу над большим вокально-симфоническим циклом «Песни Гурре», требующим почти такого же громадного состава участников хора и оркестра, как и 8-я Симфония Малера – «симфония тысячи». И это сочинение Малер воспринял очень дружелюбно.

Здесь следует немного вернуться назад – в 1898 году Шёнберг принял лютеранство. Это не было чем-то

необычным в атмосфере Вены тех лет. Как писала Эмми Бьянколли в своей книге «Радость любви, муки любви», посвящённой жизни величайшего скрипача XX века Фрица Крейсlera: «Венцы ненавидели евреев. А они, несмотря ни на что, продолжали любить свою Вену». Католиками и лютеранами стали многие знаменитые музыканты тех лет: концертмейстер Венской оперы и знаменитый квартетист Арнольд Розе, женатый на сестре Малера, сам Густав Малер, принявший христианство, без чего не мог бы стать музыкальным директором Венской придворной оперы.

Густав Малер. Работа Шёнберга

Всё это, однако, в будущем никак не повлияло на судьбы людей после прихода нацистов к власти. Племянница Густава Малера и дочь Арнольда Розе, крещёная вскоре после рождения, закончила свою жизнь в Освенциме. Но пока что факт крещения Шёнберга имел известный внутренний смысл: после создания своей системы он говорил, что «обеспечил существование немецкой музыки на ближайшие сто лет». Немецкой? Посмотрим на интересное замечание музыковеда Иеғуды Векслера:

«Вот слова композитора Э. Блоха (еврея): "Малер – немецкий (или, по крайней мере, желает выказать себя как насквозь немецкий) мастер – что ему, правда, не удалось, потому что его творчество – истинное Еврейство в музыке, еврейское горе и еврейская страстность". А вот что писал немецкий музыковед Р. Луи в своей книге "Немецкая музыка нового времени": музыка Малера ему противна потому, что она "еврействует", то есть "говорит на музыкальном немецком – если я должен сказать так, – однако с акцентом, с интонацией и, прежде всего, также с жестикуляцией восточного, чересчур восточного еврея"».

Шёнберг. Портрет Альбана Берга, выдающегося ученика и последователя Шёнберга

Это – почти цитаты из памфлета Вагнера «О еврействе в музыке» и из «Майн кампф» Гитлера. Слова музыковеда Луи относятся к *расе*, а не к музыке Малера,

хотя и невозможно отрицать то, что музыка Малера несёт в себе выражение еврейского менталитета.

В 1901 году Шёнберг переехал в Берлин, где преподавал в частной консерватории Штерна. Незадолго до смерти в 1911 году, Малер познакомился с новыми работами Шёнберга, которые уже не в состоянии был понять. Правда, не только Малер.

В 1910 году Шёнберг создаёт свой исторический труд «Учение о гармонии», а в 1912-м своё первое атональное сочинение «Лунный Пьеро» для женского голоса и квинтета (флейта, кларнет, скрипка, виолончель и фортепиано).

В Первую мировую войну Шёнберг мобилизован в армию в возрасте 42 лет. Один из офицеров как-то спросил его: действительно ли он является тем самым известным и уважаемым Шёнбергом? Ответ был, вероятно, характерным для Шёнберга: «Осмелюсь доложить – да. Никто не хочет им быть, кто-то должен им быть, так разрешите мне им быть».

После смерти пианиста и композитора Бузони в 1924 году Шёнберг был приглашён заместить его на посту директора мастер-классов композиции Прусской Академии искусств в Берлине. В этой должности он оставался до начала 1933 года. С приходом к власти Гитлера Шёнберг был уволен из состава академии. После этого он демонстративно «вернулся в иудаизм», хотя, насколько это известно, никогда не практиковал в своей жизни ни христианства, ни иудаизма.

Шёнберг ещё с 1921 года понял опасность, исходившую от Гитлера. Он имел очень травмировавший опыт: его выдворили, как еврея, с курорта Маттзее близ Зальцбурга. Вот, что написал Арнольд Шёнберг в письме к своему бывшему коллеге по группе художников в Мюнхене «Голубой всадник» Василию Кандинскому:

«Я наконец получил урок, потрясший меня в этом году, который я никогда не забуду. Оказывается я не немец, не европеец, и возможно вообще не человек (во всяком случае европейцы предпочитают видеть меня худшим из расы) потому, что я только еврей». Нужно напомнить, что

по-видимому, до этого инцидента в Маттзее, Шёнберг евреем себя не чувствовал и не считал, после официального обращения в христианство в 1898 году. Поэтому этот урок был для него особенно болезненным, но всё же заметим, что он обсуждал свою боль именно с Кандинским.

Василий Кандинский

В эссе Марка Райса мы находим продолжение этой темы – но уже в 1932 году:

«...Василий Кандинский, бывший некоторое время единомышленником Шёнберга, позволил себе высказаться отрицательно о евреях и поощрительно о Гитлере, идеи которого, по его мнению, могут оздоровить дух нации. На возмущённый ответ композитора он написал, что Шёнберг «хороший еврей» и к нему всё сказанное не относится. (Разумеется, эта мысль не была чем-то особенным и представляла собой типичную точку зрения русского обывателя. Вы замечали? Русский обыватель никогда не ненавидит всех евреев поголовно. Он всегда находит исключения – и ими, как правило, оказываются его личные знакомые). Композитор возразил, что, возможно, Гитлер не разделяет его точку зрения. «Разве вы не знаете, что он

готовит новую Варфоломеевскую ночь, и во тьме этой ночи никто не заметит, что Шёнберг хороший еврей?» Кандинский впоследствии признал гитлеровский режим и остался в нацистской Германии».

(Марк Райс здесь ошибается: ряд источников указывают на то, что в середине 30-х Кандинский выехал из Германии во Францию, где в 1939 году даже получил французское гражданство. Кандинский умер в 1944 году в предместье Парижа Нэйи)

Биографы Шёнберга указывают, что именно в 1932 году он закончил свою оперу «Моисей и Аарон» на **собственное либретто**. Последнее обстоятельство очень важно потому, что именно либретто провоцировало будущих постановщиков создавать омерзительный коллективный «портрет» еврейства, как бы опираясь на библейские события.

Даже сегодня неясно, понимал ли сам Шёнберг, как провоцировало его либретто нацистов – его современников и их сегодняшних последователей? Ведь если следовать известной логике, то всегда находятся голоса, которые вещают: «Видите? Даже **сами евреи** показывают свой народ таким вот образом! Так чего же ожидать от окружающих их народов, если же они рисуют **так** самих себя?»

Уже цитированный здесь знаменитый Теодор Адорно весьма деликатно писал, как бы, не замечая сути столь, мягко выражаясь, спорного и спекулятивного либретто:

«Основной мотив этой «драмы идей» – личность и народ, идея и её восприятие массой...Непрерывный словесный поединок Моисея и Аарона – это извечный конфликт между «мыслителем» и «деятелем», между пророком-правдоискателем, пытающимся вывести свой народ из рабства, и оратором-демагогом, который в своей попытке сделать идею образно зримой и доступной по сути дела предаёт её(крах идеи сопровождается разгулом стихийных сил, с удивительной яркостью воплощённым автором в оргиастическом «Танце золотого тельца»).

Снова спросим себя – в каком году, в какое время пришла автору либретто идея показа *своего* народа сборищем алчущих золота и плотских утех в оргии, представленной на сцене? Работа над ораториальной версией 1928 года вылилась в оперную версию в 1932 году. В том году были закончены два акта этого сочинения. Не хочется даже предполагать – сделал ли это автор по своей воле в надежде на некоторое «понимание» рвущихся к власти наци? Но если мы ответим «нет», то тогда зачем и почему именно в то страшное время, когда нацисты с первых же шагов стали демонстрировать всю свою программу прямо на практике, столь уважаемому автору пришла подобная идея? Ответа на это вопрос у нас нет.

Марк Райс писал далее в своём эссе:

«Эту оперу Шёнберг задумал, как антипод произведениям некогда обожжаемого им Вагнера. В зрелых операх Вагнера все положительные герои выделяются прежде всего силой, и тот, кто побеждает, будь то положительный или отрицательный персонаж, побеждает только с помощью силы. Власть – альфа и омега вагнеровского мира. Вся борьба между героями, все интриги совершаются только во имя силы и власти. В "Нибелунгах" для них есть даже специальный символ – злополучное кольцо. С моральной точки зрения герои не подпадают ни под какие нормы – они воруют, убивают, прелюбодействуют – «арийским» героям не только всё позволено, как высшей расе, но даже и поощряется...»

С оценкой Райсом героев Вагнера нельзя не согласиться, но от этого никак не улучшается образ народа, к которому принадлежал сам Шёнберг, преступивший в своём либретто, как это видится сегодня, некоторые моральные нормы – нельзя в тяжелейшие времена для своего народа с помощью музыкальных и сценических средств, даже глядя в древнее прошлое поощрять желаемое для врагов своего народа столь отвратительное представление о нём.

Взглянем теперь на постановки оперы «Моисей и Аарон» в послевоенные годы. До войны это произведение не было поставлено. Первое представление состоялось только в

1950-х годах: в 1954 году в концертном исполнении в Гамбурге и в 1957-м – первое исполнение на оперной сцене в Цюрихе.

В книге Нормана Лебрехта «Maestro myth» рассказана история постановки в Зальцбурге в 1988 году. Он приводит слова непоименованного английского критика:

«Показывая еврейскую расу в шёнберговской опере "Моисей и Аарон" в таком примитивном виде, близком к нацистским карикатурам, что имело особый привкус в вальдхаймовской Австрии, стало "незафиксированным погромом". Действие на сцене происходило на осквернённом еврейском кладбище. Евреи с филактериями и в молитвенных покрывалах носили требуемые нацистами жёлтые звёзды, изображали сексуальные оргии, преклоняясь перед Золотым тельцом. Это ещё более усиливало расистскую пачкотню...»

Далее, критик, как бы убоившись своих собственных мыслей, пишет:

«Такое толкование партитуры, не могло быть, очевидно, намеренно антисемитским, поскольку постановка была горячо поддержана дирижёром евреем Джеймсом Левайном. Левайн уже много лет является "любимым сыном Зальцбурга".

Постановка была воспринята негативно, многие просто уходили из зала театра.

Левайн, как обычно загадочный, никак не прояснял своей вовлечённости. Или он искал случая надсмеяться над прошлыми нацистами и их преступлениями? Или просто показал свой плохой вкус? Или, лучше сказать, помогал очистить историю на сцене от разрастания того зла, которое больше полувека назад разрушало синагоги и евреев убивало на улицах?

Всё это могло быть убедительным из-за музыкальной интерпретации Левайна, когда он избавил шёнберговскую партитуру от острых углов и представил её как ценное сочинение позднего романтизма».

Сам автор книги Норман Лебрехт никак не выражает своего личного отношения к этой постановке. Кстати, вообще совершенно необязательно «избавлять» партитуру

композитора от острых углов, лучше было бы вообще не участвовать в подобной позорной и скандальной постановке. Что бы ни писали критики, как ни «истолковывать» эту оперу, она всё равно несёт в себе зёрна антисемитизма, и потому служит immoralным целям. А теперь время рассказать о постановке «Моисея и Аарона» на сцене Метрополитен оперы в 1999 году, в которой мне самому довелось принимать участие.

Как-то во время репетиции, в кафетерии MET оперы я увидел бруклинского хасида. Его появление, как ни странно, никого не удивило, кроме меня. Как и зачем пришёл этот хасид в явно некошерный кафетерий театра?

Всё оказалось проще: это был вовсе не хасид, а переодетый в хасида артист хора. Готовилась новая постановка оперы Шёнберга «Моисей и Аарон». Постановщики решили одеть хор, изображавший на сцене евреев, в современные костюмы, какие носят бруклинские хасиды. В такой же одежде появились ещё несколько артистов хора. После чего, эти костюмы исчезли. Когда начались репетиции, новая сценическая одежда стала абстрактной и ничего не выражавшей, но с некоторой претензией на библейскую эпоху.

Следовательно, изначально постановщики хотели одеть участников спектакля в современные костюмы, которые **сегодня** носят в Нью-Йорке религиозные евреи. То есть полностью **отождествить** евреев сегодняшнего дня с мерзкой толпой, по изящному выражению Адорно – в яркой **оргиастической сцене танца вокруг золотого тельца!**

Стало ясным, что устроители спектакля показали, во избежание скандала, эскизы костюмов представителям антидиффамационной лиги Бней Брит. Хотя у меня нет никаких доказательств этому, но по итогам происшедших изменений в том нет ни малейших сомнений. Эта организация считает выражением антисемитизма показ религиозной атрибутики в сценах, подобных этой опере, и следовательно нежелательным и неприемлемым, с граничащим или полностью выраженным антисемитизмом. Но так как одежда сегодняшних религиозных евреев по

существу уже является **знаком** принадлежности к еврейству, то во избежание осложнений, эта идея не получила реального воплощения на сцене.

Однако желание постановщиков было! Было потому, что как ни поворачивать эту оперу, в какие костюмы ни одевать актёров на сцене, всё равно из либретто выпирают гнусные уши антисемитизма! В Америке это было бы несколько чересчур. Всё-таки это не Франция, Бельгия или Австрия. В Германии, конечно, того, что произошло в вышеописанной постановке в Зальцбурге, быть бы никак не могло. В Америке, к счастью, пока ещё есть пределы подобным опытам.

Кандинский. «Москва» Приблизительно 1910 год

В итоге костюмы, как уже говорилось, были сделаны более абстрактными. Весь хор и балет в «оргиастической сцене» раздевался до минимума «бикини», возможного для показа на сцене оперы, и «яркая оргиастическая сцена» стала **центральной**, как это и предусмотрено либретто. Всё остальное как-то отходило на задний план. В опере есть потрясающие хоровые эпизоды, но дискуссии Моисея с Аароном носят характер скучный и статичный, да ещё в полностью атональной музыке (надо отдать должное героизму певцов). Всё это имело в той постановке второ- и третьестепенное значение. Не знаю, что писали критики, но

лично у меня было тяжёлое чувство *соучастия* в каком-то исключительно отвратительном деле...

Конечно не всем моим коллегам приходили в голову подобные мысли. Хотя никто из нас ничего не мог изменить, и артистическая дисциплина и просто долг работающих в театре требовал исполнения своих профессиональных обязанностей, но то чувство горечи, которое я испытал тогда, могло быть сравнимым только с подобным же чувством от другого спектакля, в котором мне довелось участвовать за 24 года до того – в Большом театре в Москве.

Игорь Мандель

Видения во сне и наяву

Диалектический экзистенциализм Ирины
Кононовой

1. Краткая история вопроса

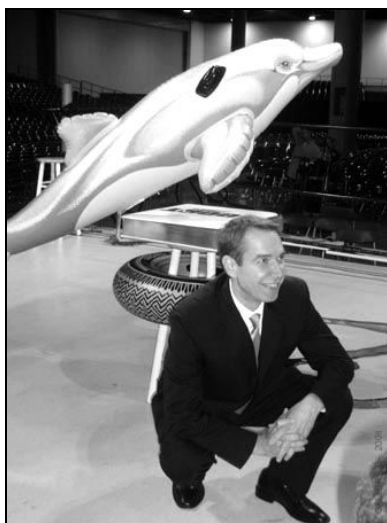
от самый дорогой, пожалуй, в настоящее время художник, британец Дамиен Хёрст (Danie Hirst) возле своей знаменитой работы, акулы (настоящей) в формалине, которая была продана за 12 миллионов долларов (сама акула автору обошлась тысяч в 9). Магическое объявление предметом искусства обыденного предмета (то, что впервые сделал в 1913-1917 годах М. Дюшамп с несколькими предметами, один из которых, писсуар 1917 года, был в 2004 году признан самым влиятельным произведением искусства XX века – в этом много чего есть, однако, начиная с функции этого знаменитого ready-made), плюс случайное знакомство с сумасбродным коллекционером – и ты гений. То что делает Хёрст является крайне типичным для современного искусства, это некая смесь неожиданных (но плоских) комбинаций вещей с присовокуплением претенциозных названий (в данном случае – «Физическая невозможность смерти в сознании живущего»). Раньше это называлось трюкачеством; его стало в последние годы чрезвычайно много. Платят за него по-разному; Хёрсту повезло больше всех.

А вот не менее известный американский плебей Джеф Кунс (Jeff Koons), «художник, о котором пишут больше всех в мире», как он сам считает со свойственной ему скромностью, на фоне одной из его типичных кукольного типа работ.

Source: http://www.saatchi-gallery.co.uk/blogon/upload/2009/09/damien_hirst_death_explained.jpg

Тоже миллионы долларов за каждое изделие. Кунс – предельное выражение старинной тенденции искусства быть массовым за счет максимальной примитивности (помните коврики с оленями на стенах?) в его современном наполнении.

Source: http://www.alicenter.org/press/newsarchive/PublishingImages/goat_JeffKoons.jpg

Раньше это называлось пошлостью, ее было и есть очень много; она упорно борется с трюкачеством, хотя обычно они живут в симбиозе и спокойно перетекают друг в друга.

А вот Ирена Кононова. Ленинград, ЛГУ, филолог, Америка, Pensilvania Academy of Fine Arts, художник, Филадельфия, Сан-Франциско. Она стоит среди характерных элементов своих картин. Почувствуйте разницу. Раньше и теперь это называлось искусством; хотя его становится все меньше, судя по выставкам и галереям. Так что ценить надо пока есть. Особенно такое как у Ирены – больше такого взять негде.

Poster Copyright© Irena Kononova, Greg Nelson

Чтобы дать адекватное представление о творчестве и значении этого совершенно замечательного, но не очень известного художника, я бы хотел сделать некое странное отступление. Оно вроде бы начинает очень издалека и излагает достаточно известные вещи, но, во-первых, «тривиальные истины» слишком часто игнорируются, и, во-вторых, отступление поможет точнее определить место Ирены Кононовой в современном искусстве.

Общим элементом в многочисленных определениях искусства является то что оно больше связано с эмоциональной стороной человеческой психологии, в отличие от науки, связанной с рациональной стороной. Эти аспекты взаимно пересекаются, что не делает искусство

наукой, но часто придает науке характер искусства. В одном аспекте пересечение особенно интересно. Наука ориентирована на «поиск истины», которая, вообще говоря, объективна. Но и искусство очень часто ориентировано на то же самое. Применительно к живописи, о которой идет речь в этих заметках, «истиной» является само изображаемое, как оно видится «обычными людьми», то есть стиль, называемый реализмом, наиболее «научен». Легко представить себе эксперимент, когда двадцати художникам предлагается написать один объект – и все их работы будут крайне похожи, что наглядно подтвердит «объективность» процесса искусства и будет соответствовать вполне научному критерию воспроизводимости результата вне зависимости от личности экспериментатора. Но тогда эмоциональный или духовные аспекты, которые, напротив, субъективны, теряются, то есть «искусство перестает быть таковым», или, точнее, в нем становится доминирующим собственно техническое мастерство, вне связи с эмоциональным наполнением. Игра двух этих аспектов – **духовного (эмоционального) и технического**, – которая часто также принимала форму (но не совпадала до конца) с игрой «формы и содержания», предопределяло развитие искусства очень долгое время.

Техническое совершенство исторически обычно ценилось выше: от художника в первую очередь ожидалось умение передавать окружение адекватным образом, а уже затем – высказывать свое к этому отношение. Но поскольку многие «объекты» не с чем было сравнивать – ни Бога отца, ни Бога Сына, ни Девы Марии, скажем, в окрестности не наблюдалось – то, соответственно, допускалось авторское своеволие, что и привело к огромному разнообразию в изображении одних и тех же персонажей (сравните образы Христа у Рафаэля и у Грюневальда). Степень индивидуальности художника ценилась в той мере, в которой он мог передать неуловимую «духовную компоненту» (обычно имеющую религиозное содержание). Отсюда прижизненная слава Рафаэля, как непревзойденного мастера в передаче ожидаемых «духовных моментов». Ключевым, как кажется, было то, что если отношение

«картина – объект» является строгим и «проверяемым», то отношение «картина – духовное содержание» таковым не является, так как допускает множество интерпретаций. Однако они были все же внутри вполне определенных рамок – никому бы не пришло в голову изображать Христа как злодея и т. п. А вот неправильная передача пропорций тела и пр. воспринималось как техническое несовершенство, ибо единственным способом проверить качество невиданных вещей было свести их к виданным. Поэтому совпадение двух компонент – «духовной» и «материалистической» (технической) – было то, к чему стремились авторы и что в наибольшей мере поощрялось «рынком».

Ренессанс был не только вершиной в смысле передачи **высокой духовности**, но и невиданным прорывом в области **технического мастерства**. Начиная с 1430 годов (Ван Эйк) «техническая линия» в искусстве, в различной степени сочетаясь с «духовной», неуклонно развивалась в течение 400 лет. Различные художники обладали двумя талантами в различных комбинациях. В высшей степени духовно напряженные Босх, Брейгель, Эль-Греко совершенно не стремились к прописке деталей. Духовно «расслабленные» (в основном) Рубенс, Ван Дейк, Снейдерс, «малые голландцы», Гейнсборо, Давид, Энгр и многие другие довели техническое искусство в изображении людей и вещей практически до предела. Редкие гении типа Вермеера, Рембрандта или Гойи могли варьировать степень детальности в соответствии с задачей, демонстрируя высшие образцы и там и там. Затем пришла фотография.

И раньше художники использовали различные приемы для более качественной передачи изображения. Согласно недавней гипотезе Давида Хокни¹, специальные оптические проекции стали применяться в живописи начиная с 1420 годов, что и привело к бурному росту технического мастерства. Но фотография, конечно, изменила дело в принципе. Примерно как Г. Каспаров, удрученный проигрышем компьютеру, решил сменить род

¹ David Hockney. Secret Knowledge. Rediscovering the Lost techniques of the Old Masters. Viking Studio, 2006.

занятий, считая шахматы в какой-то мере потерявшими свой интерес – так и художники и критики того времени предрекали смерть живописи в силу невозможности конкурировать с фотографией. И так же как люди все же продолжают играть в шахматы, понимая, что лучше Деер Блэу все равно не удастся, так и живопись не умерла – но отношение к технической ее стороне стало сильно меняться. Тёрнер и импрессионисты были первыми ревизионистами. После них все пошло, как известно, в разнос. На несколько десятилетий еще оставался резерв из-за отсутствия цветной фотографии – на этом держались в известной степени, например, акции французских академистов (Буржере и др.), многие работы которых с трудом можно от еще не существующей цветной фотографии отличить. Но потом и это закончилось. Стало ясно, что точное следование оригиналу уже не есть критерий высокого искусства – несмотря на то, что оно отнюдь не стало легче в исполнении, чем было сотни лет назад. Двадцатый век был веком модернизма и впоследствии постмодернизма, где можно встретить любые комбинации техники и «духовности», в том числе такие, где автор просто рисует поверх фотографии (как обычно делал Уорхолл). В целом это привело к резкому понижению доли высокотехнических работ в общем объеме искусства – но это совершенно не означает, что увеличилась доля «высоко духовных» работ, как одно время могло показаться (скажем, вся линия от Ван Гога до немецких экспрессионистов, Сутина и Энсора была движением в этом направлении). **Третий компонент – артистическая изобретательность или оригинальность** – стало вытеснять и то и другое.

То что давно присутствовало, но рассматривалось как курьез – оптические обманы у Гольбейна, причудливые проекции Пармиджиниано или фантастические портреты из фруктов Арчимбольдо – стало доминировать. Но если старые мастера, проявляя оригинальность, безусловно владели той самой техникой почти в совершенстве, то в XX веке и особенно в последние тридцать лет это становится все менее обязательным. «Оригинальность» стала критерием сама по себе, в полном отрыве от собственно живописного

мастерства. Я пишу это не для того, чтобы «осудить» подобную тенденцию (в дебатах уже были пролиты тонны чернил), но лишь отметить некий факт: если пройти по крупной современной выставке (как, скажем Armory Show 2010) – то увидеть работы, в которых сочетается высокое мастерство живописца с глубоким содержанием и эмоциональной нагруженностью – огромная редкость. Проверьте сами. Характерно, что крупнейшие мастера прошлого века, при всей своей оригинальности, были первоклассными живописцами с технической стороны – Дали наиболее яркий тому пример (Поллок – контрпример; более всего печально, что подобные несопоставимые персонажи обычно помещаются рядом в списках). В настоящее время знаменитых художников такого типа почти не осталось; Л. Фрейд первый кто приходит в голову, но ему под 90...

И вот, обрисовав вкратце современный фон, уже можно перейти наконец к искусству Ирины Кононовой, в котором ярко присутствует именно это столь ценное по нашим дням сочетание: она мастер, она в высшей степени эмоциональна, она оригинальна.

2. Общие контуры

1. Ее искусство **просто**. Но это простота, отражающая очень сложные вещи – как короткие уравнения, полученных после десяти страниц формул. Каждая ее работа ухватывается сразу, одним взглядом; нет нужды приглядываться к деталям для понимания общей концепции. Но потом становятся ясным, что общая простота как раз обеспечивается деталями, особенностями мазков. Поэтому оригинал производит очень сильное воздействие, часть которого в фотографии теряется – признак живописи высокого класса. Для многих художников это не так.

2. На ее полотнах обычно нет людей, нет мелких деталей, нет движения. Оно **полу-абстрактно** в том смысле, что передает абстрактные чистые идеи в духе Платона но использует фигуративные моменты в максимально лаконичной форме; грань в настоящую абстракцию не переступается. Этим достигается то, чего не удается чисто

абстрактным художникам – Ротко наиболее близкий пример в данном случае. Вполне можно сказать, что Кононова использует близкую к Ротко технику нанесения краски, но если у последнего эффект восприятия совершенно индивидуален для каждого зрителя, не заужен никакими ограничениями (что лишает искусство его важнейшей коммуникативной компоненты), то Ирена, используя ту же эффективную силу абстрактных поверхностей, делает работу не просто эмоционально насыщенной, но и вполне определенной.

3. Ее искусство является **монументальным**; речь идет о вечности, это анти-импрессионизм. Ближайший пример, на моей памяти, ранний де Кирико, с его пустыми пространствами. Но разница не только в том, как вещи изображены (она очень велика), но в общем направлении: де Кирико демонстрирует (возможно, вечный) абсурд, Кононова показывает (возможно, вечный) порядок вещей.

4. Но ее порядок не холодный и определенно не математический, как в бесчисленных геометрических работах, которыми полон прошлый век, начиная с кубизма и авангарда 20-х; это, я бы сказал, уникальный **«эмоциональный порядок»**. Возникающие эмоции и/или чувства таковы: *тревога, ожидание, напряженность, беспокойство, задумчивость, самоуглубление*. Практически никогда не покой, радость или счастье. Почему, в таком случае, людям нравится ее искусство? Обычно «не положительное» искусство не вывешивается дома, а (в лучшем случае) находится в музеях. Ответ, по-видимому, таков: поскольку Кононова сумела вызвать такой набор сложных чувств очень своеобразными художественными средствами. Ее работы не депрессивны; она не пишет в слишком темной гамме и не нагнетает ощущения стресса. Каждое полотно содержит внутренние противоречия – но содержит и гармонический синтез. В конечном счете ее работы остаются оптимистичными, при всей своей явной непарадности и не гламурности, в явном контрасте с работами Кунса и огромного числа других производителей «позитивных эмоций». Возможно, наилучший термин для этого свойства ее живописи будет то, что она отражает

диалектику окружающего мира и человеческой души (при всех печальных коннотациях термин не потерял свое значение за последние два с половиной тысячелетия), за ее внешне неподвижными образами – вечные процессы становления и постижения, а постижение и есть оптимистично по своей природе.

5. За счет чего достигаются подобные сложные эффекты? Вот несколько наиболее важных, как я понимаю, технических и композиционных приемов.

а) Работы Кононовой могут быть довольно уверенно разделены на три группы: «внутри», когда изображаются комнаты или другие замкнутые помещения; «на границе», когда изображаются те же комнаты или коридоры, но с выходом во внешний мир, и «снаружи», то есть пейзажи. Если первые и особенно последний типы работ являются традиционными предметами в искусстве, то второй – по сути, личное изобретение Ирены, по крайней мере, я не знаю сколь бы то ни было значительных произведений такого рода. Такая сосредоточенность творчества на сравнительно ограниченных предметах позволяет добиться **высокой концентрации** энергии.

б) **Обработка поверхностей.** Ее стены шероховатые, как «недоделанные» или облупленные, что вызывает чувство смутной печали, как всегда с образами ускользающего времени и постепенного разрушения – таким образом создается некое сопереживание к когда-то проживающим здесь людям, даже в их отсутствие. Однако иногда она делает абсолютно яркое и блестящее пятно (что как раз трудно передать на фотографии) – что еще более усиливает ностальгическую красоту изображаемого.

в) И. Кононова – выдающийся **мастер цвета**. Она фактически придумала как минимум два из них: желтый и лазоревый (оба находятся в картинах «Выход», Комнаты #31 и во многих других). Используя золотой своего любимого Рембрандта, она добавила в него нечто другое, сделала краску более пастозной и получила совершенно чудесный результат. Сочетание ярких и глубоких цветов с «мрачными» поверхностями делает ее работы эстетически очень сложными и превращает их в блестящие пятна на

стене. То есть тут возникает обычный для высокого искусства, но не свойственный никакому другому феномен: эмоционально нагруженная работа еще и **эстетически прекрасна**; если кто-то не поймет «нагрузку» – оценит просто красоту. Такие вещи как «Без названия» (последняя в статье) «делают» любую комнату.

г) У Ирены интересный подход к **размерам картин**. Как правило, они или очень большие (173 x 122 см) или очень маленькие (20,5 x 25,5 см). Но и те и другие очень тщательно проработаны. Большие заставляют полностью погружаться в них, приводят к чувствам, похожим на медитацию, если смотреть долго. А маленькие представляют собой как бы неожиданные окошки в другой мир: поскольку они очень красочные и выделяются на любой поверхности, то немедленно привлекают внимание в комнате, но так как их содержание столь драматично – то вот и хочется туда сразу вовнутрь и заглянуть. Проверял неоднократно. Не получалось, увы...

Все слова давно использованы. Изобретать новые неприлично. Про диалектику я уже говорил. Но что поделаешь – надо. Второе слово – экзистенциализм. Я не очень его люблю после Сартра (точнее, Сартра после эксплуатации им этого термина). Но больно хорошо оно передает концепции существования. Иначе надо писать «онтология». Но это еще менее понятно. Однако, если кратко, Ирена Кононова говорит именно о проблемах бытия и именно с диалектических позиций. Так я это чувствую. Пусть будет **диалектический экзистенциализм**. Красиво и загадочно. Как и ее творчество.

3. В трех пространствах Внутри

Комнаты и коридоры, иногда с окнами или намеками на них, производят впечатление глубокой сосредоточенности и неустроенности одновременно. На всем лежит отпечаток упадка – но какого-то очень красивого. Она реанимирует старую традицию «поэтики развалин», популярную у романтиков и позднее, но делает

это на современном языке. Разноцветность стен, возможно, есть свидетельство множественности жильцов. Тот факт, что комнаты пустые – оставляет возможность думать и о том, что тут много чего было, и о том, что еще, возможно, что-то будет. Чаще всего мне приходят в голову сравнения с «Крысоловом» Грина – но могут прийти и другие. Глубокий конфликт заложен в изображении пустых комнат и коридоров: они делались людьми и для людей, но никого нет.

Вильгельм Хаммершой (Vilhelm Hammershoi).

Солнечные лучи (Пылинки, пляшущие в солнечных лучах), 1900

http://www.independent.co.uk/multimedia/archive/00039/Vilhelm-Hammershoi_1_39617t.jpg

Замечательный датский художник В. Хаммершой был одним из немногих, кто вообще обратился к такой теме – но посмотрите какая разница. У датчанина комбинация легкой романтичности и домашнего уюта; пустота комнаты смотрится временной. У Кононовой – пустота комнат отражает ожидание: они, как чистый лист бумаги, могут быть заполнены чем угодно или вообще оставаться пустыми как символ бессмысленности усилий на их строительство.

Сто лет между работами двух художников пробежали не даром...

Комнаты # 31, 20.5 см x 25.5см, смешанная техника на панели

Один из лучших примеров изумительных световых решений.

Лестница, 1,22смx1,73см, масло на холсте

Образ лестницы, ведущей не совсем ясно куда – то ли к «влекущей» стене, то ли к не менее влекущему открытому пространству – является одной из наиболее ярких находок, по моему мнению.

Лестница 2, 20,5смх25,5см, смешанная техника на панели
Copyright© Leo Wayn)

Комнаты #32, 25,5смх20,5см, смешанная техника на панели

Фантастическая гамма цветов, где темно-синий напоминает лучшие работы Чонтвари, а остальные, и отдельно и в комбинации – просто уникальны.

Комнаты, # 45, 20,5смх25,5см, смешанная техника на панели

На границе

Ирена изобрела объединение закрытого и открытого пространства в неожиданных формах, и это стало ее крупнейшей творческой находкой; она нашла уникальный и мощный образ, не использованный до нее в искусстве, насколько мне известно. Уже дверь сама по себе есть глубокий символ, имеющий древние корни и ритуалы (см. целое исследование на этот счет у В. Руднева²), а тут не просто дверь, а целые проемы. Они олицетворяют концепцию перехода, границы, стремления вовне или стремления к себе – и художественная интуиция Кононовой такова, что два этих противоречивых стремления не разделены одно от другого; то есть, в отличие от «обычной двери», которая отделяет комнату от, скажем, лужайки во дворе, проем на картине Кононовой соединяет часто два эквивалентных мира. Глубоко человеческое желание

² В. Руднев. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., Аграф, 2009, стр. 40.

устранить «противоречия перехода» от «травмы рождения» Фрейда до пары «Земля-Космос» находят здесь свое художественное разрешение. И эта универсальность делает картины типа «на границе» особенно насыщенными и особенно диалектичными.

Ночная комната, 173см x 122см, масло на холсте

Здесь все загадочно – совпадение зеленого на стенах и в далеком пространстве; лунная дорожка на полу, когда луны вроде нет; привлекательность и тревожность застенного мира; удивительная гармония всей композиции.

Mandel11

Комнаты, # 53, 25.5см x 20.5см, смешанная техника на панели

Идея пространства, открытого с двух сторон, что добавляет мистичность.

Mandel12

Ленинград, 122см x 173см, масло на холсте

Название – редкий случай для Кононовой – приносит дополнительный оттенок. Мрачный интерьер в сочетании с лазоревым выходом в столь необычное для этого города море подчеркивают конфликтность двух состояний.

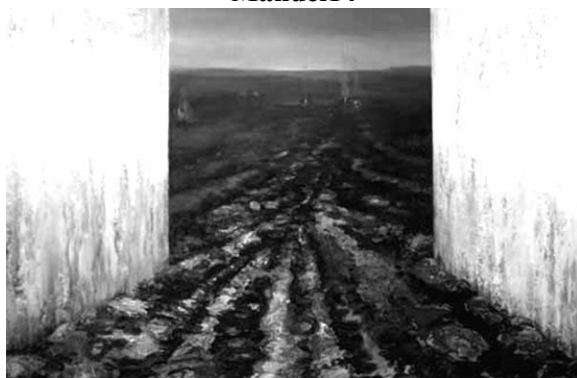
Mandel13

Коридор, 122см x 173см, масло на холсте

Возникает странное чувство: краски на стенах, нежно-лазоревые, обычно ассоциирующиеся с небом или морем, контрастируют с темным пространством за проемом. Но там есть также и голубое небо – то есть концепции светлого и темного присутствуют и внутри и снаружи, контрастность и соответствие становятся пересекающимися. Плюс, метафизическое фронтальное пространство перекрывает вполне реальное освещение из окна сбоку, что добавляет еще один слой интерпретации ко всему образу.

Mandel14

Бесплодная земля, 173см x 122см, масло на холсте

Английское название, The Wast Land, более точно переводится как «брошенная» или «пропадающая» земля. Но поскольку традиционный русский перевод знаменитой поэмы Т. Элиота звучит именно так, я оставил «бесплодная». Но «пропадающая» или «брошенная», кажется, лучше соответствуют замыслу автора. Тогда идея безнадежности становится предельно заостренной: земля одинакова и до, и после «прохода», идти некуда и незачем. Но проход-то есть. Зачем? Именно о таких вещах я писал в начале раздела «На границе».

Mandel15

Выход, 173см x 122см, масло на холсте

У меня дома висит версия этой одной из самых глубоких работ Ирены. Приходят люди, смотрят. Половина считает, что это не выход, а вход; у них чувство «затопления». Другая половина – что да, выход, в прекрасное далеко, так сказать. Удобнее всего мне. Я откидываюсь от компьютера, смотрю на картину и перемещаюсь то туда то сюда в зависимости от настроения. Она не возражает. Тут ведь еще следующее: «хорошее за воротами»; а в другую минуту – «нет, хорошее уже здесь». Или – где разница между прошлым и будущим, если все уже лазорево? Это и называется диалектикой, наверно.

Вовне

Пейзажи Кононовой сохраняют ту же насыщенность, что и интерьеры, но в них проявляется большая лиричность в силу специфики жанра. Они удивительно красивы, лишены ненужных деталей, глубоки и совершенно мастерски выстроены. Мне трудно давать конкретные комментарии к работам, проще всего ими просто наслаждаться. Игра световых плоскостей уже не ограничена строгими линиями комнат, но плоскости от этого не стали менее богатыми. Колористические решения в каждом отдельном случае идеально продуманы; контрастность и гармоничность частей поражают. Такое ощущение, что Ирена сознательно стремится достичь максимального эстетического эффекта минимальными средствами – что опять естественным путем приводит меня к самому началу

статьи, где я уже писал про неосознанную связь ее творчества с математикой.

Mandel16

Исток реки, 173см х 122см, масло на холсте

Mandel17

Озеро, 173см х 122см, масло на холсте

Mandel18

Пейзаж со скалами, 173см х 122см, масло на холсте

Mandel19

**Ночное путешествие, 173см x 122см, масло на холсте
Mandel20**

**Безымянные пейзажи #50, 20.5см x 25.5см, смешанная
техника на панели**

Copyright на все репродукции работ Ирины Кононовой, если не оговорено иное, принадлежит Ирине Кононовой или их владельцам. Копии делались автором статьи, с согласия художника, либо с вебсайта³, либо с фотографий, любезно предоставленных Ириной.

³ <http://www.irenakononova.com/portfolio.html#>

Борис Альтшулер

О юбилейном вечере Ларисы Миллер

десятого апреля 2010 года в Культурном центре «Покровские ворота» в Москве состоялся юбилейный вечер Ларисы Миллер. Были представлены две книги: сборник новых стихов «Потаенного смысла поимка» («Время», Москва, 2010 – <http://prochтение.ru/index.php/publ/4003>) и книга эссе «Упоение заразительно» («Аграф», Москва, 2010).

Вечер вел Александр Городницкий.

Песни на стихи Ларисы Миллер исполнили:

– Галина Пухова и Михаил Приходько (музыкальный дуэт),

– Андрей Крамаренко,

– Лера Картвишвили, которая также исполнила песню «Ангел бедный, ангел мой» (музыка Михаила Приходько) на французском языке (перевод Никиты Макарова). Галина Пухова исполнила ту же песню в русском оригинале: <http://www.larisamiller.ru/pesni1.html>

Лариса Миллер читала стихи из сборника «Потаенного смысла поимка», стихи прошлых лет и совсем новые только что написанные стихи. Также она прочитала эссе «Вперед за Максимом» (о фильмах «Облако Рай» Николая Достая и «Окно в Париж» Юрия Мамина) из новой книги «Упоение заразительно». Это эссе, а также некоторые из прочитанных стихов см. в Приложении.

Александр Гордницкий о Ларисе Миллер и ее творчестве

(выдержки из выступления)

Несколько слов о двух или трех особенностях Ларисы Миллер как литератора. Дело в том, что это обобщающее слово «литератор» сейчас в значительной мере утрачено. Мы живем в эпоху узкой специализации: есть поэты, есть прозаики, есть критики и т. д. А Лариса Миллер являет собой удивительный пример интеллектуальной культуры и объединения разных талантов и разных ипостасей.

Вот и авторская песня специализировалась как самостоятельный жанр, и с этим, вернее всего, связан ее современный кризис. Но ведь начиналось все не так, изначально авторская песня принадлежала литературе, была разделом литературы. И представители первого поколения этого жанра были поэтами. «Поющие поэты», как сказал поэт Булат Окуджава. Как заметил один умный человек с хорошей русской фамилией Альтшулер: «Авторская песня – это музыкальное интонирование русской поэтической речи» (*определение принадлежит автору-исполнителю из Тулы Леониду Альтшулеру*). И это полностью относится к Ларисе Миллер. Потому что ее поэзия интонируется музыкально, в чем мы с вами только что убедились и на примере Андрея Крамаренко. И будем еще убеждаться на примере Михаила Приходько и Галины Пуховой, и убеждались на примере моего покойного друга Александра Дулова, который тоже писал замечательные песни на стихи Ларисы Миллер.

Давайте попробуем понять, в чем неповторимая поэтическая индивидуальность поэта Ларисы Миллер. Обратите внимание, что стихи очень короткие. Это почти танка, я бы сказал танка удвоенная. Они избегают сложных рифм, они практически лишены сложных метафор. Но они невольно проникают в душу. В чем же дело? Сравнение с танкой не случайно. Танка – это не только форма, ее смысл в религии созерцания, синтоистском умении наблюдать за окружающим миром, неспешно его наблюдать. Я не знаю, может быть Переделкино лучшее место для такого наблюдения. В Мокве как-то это ни у кого не получается.

В стихах Ларисы Миллер весь круг мироздания, в этих коротких зарисовках вмещается всё – от птиц до чувств. И создается неповторимый поэтический мир. Ее

стихи можно узнать сразу. Такое воплощение синтоистской японской ситемы не очень типично для русской поэзии. Я не беру крайний случай моего друга Игоря Губермана, это совсем другой поворот, это ироническая поэзия. Но в серьезной философской поэзии мы не избалованы такими примерами. Тем более ценен вклад Ларисы Миллер.

Но Лариса обладает еще одним удивительным талантом. Это талант эссеиста, талант мемуариста. Я много читал о моем любимом поэте Арсении Александровиче Тарковском. Я никогда не читал ничего равного пронзительным воспоминаниям Ларисы Миллер.

Когда читаешь ее эссе – о поэтах, поэзии, о кино, вообще о жизни, всегда видно, что это проза поэта. Где грань между прозой и стихами? В чем содержание стихотворения и поэтическая музыка прозы? Существует ли такая грань? Замечательный поэт Давид Самойлов говорил: «сюжета у тебя нет в стихах, но филе есть». Под словом «филе» он имел в виду поэтическую правду. В ее прозе есть поэтическая правда. Прозаик Лариса Миллер, поэт Лариса Миллер – два звена по существу одной цепи.

Всё это в совокупности и образует то удивительное литературное явление, которое называется Лариса Миллер.

Приложение

**Эссе и некоторые стихи, прозвучавшие на вечере
10 апреля 2010 г.**

1. Из книги «Потаенного смысла поимка»

А смертные смертных младенцев рожают,
Заботой, вниманием их окружают,
Катают в коляске, на ручках несут,
Тетёшкают, но всё равно не спасут.
О Господи, это же бесчеловечно.
Ну разве не ясно, что жить надо вечно?
Сначала у мамы своей на руках
И дальше, и дальше, и дальше в веках.

Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю,
Но больше всё-таки летаю.
Летаю я куда хочу:
То в день грядущий залечу,
То залечу я в день давнишний,
Где сад был с яблоней и вишней,
Где детям было мало лет.
Ей-богу, мне прощенья нет –
Ведь небо нынче так лучилось,
А я вот снова отлучилась.

Всё чисто, тихо, гармонично.
Я убедилась в этом лично.
Тихи снега и облака.
Не поднимается рука
Писать об этом мире плохо.
Какая б ни была эпоха,
Но плакаться в такие дни
И ночи – боже сохрани.

Творенье – разве это труд?
Синь неба, листьев изумруд,
Цветок, что на земле родился,
Да разве наш Господь трудился?
Вдохнул и выдохнул – и вот
Земная твердь, небесный свод.

А я пришла сюда за светом,
За вразумительным ответом,
За добрым словом, за участием,
Короче, я пришла за счастьем.

И все сюда пришли за этим.
Что в результате мы ответим,
Когда нас спросят: «Сердце радо?»
Не надо спрашивать, не надо.

День так светел и тих. Я его не хочу отпускать.
Буду воздух его пить по капле, как через соломку.

Все картинки его буду любящим взором ласкать:
И глазурный сугроб, и на дереве снега бахромку.

День младенчески чист и прозрачен. И всё ещё мой.
Как его ублажить, чтоб ему уходить не хотелось?
Может, радуясь свету, от счастья светиться самой?
Боже, сколько снежинок весёлых на праздник
слетелось!

2. Стихи прежних лет

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: еще секунда –
И твой отходит эшелон!

И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.

1965

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах –
Вот еще один взмах, и еще один взмах –
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность –
Все неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом – небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятный
В этой снежной ночи на земле необъятной.

1971

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает – грудь, рука.
Еще последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она еще нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь ее наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай ее на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

1978

Откуда всхлип и слабый вздох?
Из жизни, пойманной врасплох,
И смех оттуда,
И вешних птиц переполох,
И звон посуды,
И чей-то окрик: «Эй, Колян!»,
И сам Колян, который пьян
Зимой и летом,
И море тьмы и океан
Дневного света.

2000

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни – гаранты,

Того, что варианты есть,
Снежинки – крылышки, пуанты –
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летающих, заживо горящих
В небесном и земном огне, –
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой и летом
Менять событий быстрый ход
И что-то добавлять при этом
И делать всё наоборот,
Менять ремарку «обречённо»
На «весело» и, облегчённо
Вздыхнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: «Какой талант!»

Сил осталось – ноль,
всё ушло в песок,
И кочует боль
из виска в висок...
Всё ушло в песок
золотой речной
Или стало в срок
лишь золой печной.
Но не всё ль равно
что куда ушло,
Коль не жжёт давно
то, что прежде жгло.
Путь закрыт назад,
и потерян ключ,
И горит закат,
я иду на луч,
И другого нет
у меня пути,
Кроме как на свет
до конца итти.

2001

Дитя лежит в своей коляске.
Ему не вырасти без ласки,
Без млечной тоненькой струи.
О Господи, дела твои.
Тугое новенькое тельце
Младенца, странника, пришельца,
Который смотрит в облака,
На землю не ступив пока.

2006

Вы меня слышите там, вдалеке?
Видите, к вам я иду налегке.
Видите, к вам я всё ближе и ближе.
Пёс мой покойный мне руки облизнет.
Он не навеки – земной этот кров.
Встретимся с вами без слёз и без слов.
Все мы, с земного сошедшие круга,
Просто затихнем в объятьях друг друга.

2006

Землю снова осветили
И слегка позолотили.
Осветив земное дно,
Осветили заодно
И меня. А я и рада.
Только это мне и надо,
Чтобы много дней и лет
Появлялась я на свет.

2007

3. Из новых стихов (апрель 2010)

Болела моя детская душа:
Я утопила в море гольша,
Случайно утопила в бурном море.
Насмарку лето. Ведь такое горе.
Купили паровозик заводной,
Но нужен был единственный, родной

Гольш – нелепый бантик на макушке.

А жизнь, как оказалось, не игрушки.

А тогда, на начальном этапе

Рисовала я солнце на папе,

А, вернее, на снимке его.

Я не знала о нем ничего.

Лишь одно: его мина убила.

И так сильно я папу любила,

Рисовала на нем без конца.

Вышло солнышко вместо лица.

4. Из книги «Упоение заразительно»

Вперёд за Максимом

Облако рай и *Окно в Париж* – что, казалось бы, общего между этими столь разными фильмами, которые мне довелось недавно посмотреть. Однако общее есть. И в той и в другой картине идет знакомая до боли, до нервной зевоты, до отвращения жизнь. В фильме Николая Достая она даже и не идет, настолько самой себе обрыдла, а стоит на месте. Разве это жизнь, если все наперед известно: кто куда спешит, что хочет купить, какие вопросы собирается задать, какие ответы получить.

Две бабули на скамеечке даже и не утруждают себя беседой: зачем, если все говорено. И будни на одно лицо, и выходные. Придет Колька к своему другу Феде, поговорят они про погоду, выпьют по маленькой, и день прошел. «Да что ты заладил: дождь обещают, дождь обещают. Хоть бы что–нибудь новенькое сказал», – простонала Фебина жена, глядя на Колю потухшим взглядом. И так захотелось ему сказать «новенькое», что он неожиданно для себя самого брякнул: «Уезжаю к другу на Дальний Восток». Сказал и сам испугался. Но слово не воробей.

Никому теперь не объяснишь, что нет никакого друга на Дальнем Востоке и ехать некуда и незачем. Да и разве простили бы Кольке земляки, если бы он, сообщив им такую сногшибательную новость, вдруг все отменил, лишив людей возможности удивляться, плакать, мечтать. Одним словом, жить на полную катушку.

Как сладко и грустно вертеть в руках глобус и, отыскав свой крошечный поселок, мерить взглядом расстояние, которое скоро будет разделять их и Кольку. Подумать только: он – такой никчемный, недотепистый, неказистый, как пейзаж за окном, вдруг взял, да и круто изменил свою судьбу. И неважно, что они остаются. Ведь он на своих башмаках увезет их землю, к ним будут издалека лететь его письма. Значит, и они причастились чуду.

А Колька, ошеломленный собственной выдумкой, потрясенный небывалым вниманием к своей скромной персоне, измученный выяснением отношений с любимой девушкой, напуганный предстоящим отъездом в никуда, лежит на диване в опустевшей комнате (всю остальную мебель перетасили к себе оборотистые соседи, весьма похожие на соседей героя фильма Юрия Мамина *Окно в Париж*), и глядит в потолок. Да нет, не в потолок, в чистое небо (воистину, крыша поехала), и в душе его рождается песня про облако рай.

Вот какие чудеса: вместо потолка – небо, вместо стены – окно в Париж. Конечно, Питер – не заштатный полугород, и жизнь в нем разнообразнее и пестрее, но душно бывает и там.

Наперед известно, как потекла бы жизнь в предложенных обстоятельствах, если бы не черный кот Максик, открывший обитателям квартиры волшебное окно.

О, какое растроганное и счастливое лицо у Чижова, когда он гуляет по улицам легендарного города. Еще бы, не каждому удастся попасть в мечту. Да еще так просто – через окно.

Впрочем, так ли уж неоспоримо прекрасна эта неведомая жизнь? «Думаешь, кому-то здесь нужно твое вечное искусство? – горячится эмигрант Гуляев. – Черта с два. Ничего им не нужно. Они всем пресытились». И как бы в подтверждение этих слов Чижову предлагают место пианиста в шикарном клубе нудистов. «Я не стану играть Моцарта без штанов», – негодует он.

Вот тебе и «облако рай». Не попал на это облако герой фильма Мамина. Вряд ли попадет и Колька. Царство Божие внутри нас.

И все же, все же. В обоих фильмах пространство преломилось, в стене образовалась брешь, над головой вместо потолка – облако, все озарилось нездешним светом, и неслыханное, невиданное стало почти реальностью. И не хочется думать о том, что «на свете счастья нет», да и покой и воля тоже весьма проблематичны. Не хочется повторять ехидную мудрость: «хорошо там, где нас нет». А хочется вспоминать потрясенное лицо Кольки, напевающего нехитрую песенку собственного сочинения. Хочется снова и снова вспоминать, как в глубине темного шкафа что-то забрезжило, как таинственно и нежно зазвучал Шопен, под звуки которого герои фильма, сами того не ведая, вылезли на парижскую крышу. Хочется идти и идти за черным котом Максиком, открывающим новые горизонты.

1994

Наталия Юхнёва

Стихи 1960 годов

е хочу, чтоб душа моя тлела
Головёшкой в костре погасшем.
Не хочу, чтобы вмиг сгорела,
Ярким пламенем вспыхнув однажды.
Пусть огнём беспокойным и ярым
Постоянно горит пожаром.

Чтобы стало кому-то светлее,
Чтобы стало кому-то теплее,
Чтоб далёко летели искры
И в полёте гасли не даром,
А – подобны молнии быстрой –
Зажигали в душах пожары.

Ты не бойся белого каленья,
Жгуче-золотой огня короны,
Красного костра не бойся жженья,
Берегись одной тоски зелёной.

Не страшись ударов синих молний,
Черноты густой ночного мрака,
Не пугайся белого безмолвия,
Только серость избегай со страхом.

Берегись ползучей этой серости,
Власть её всеильна и вязка.
В пустоте бесцветной повседневности
Родилась зелёная тоска.

В глухие давние столетья,
Когда на души пали цепи,

По всей Руси, как откровенья,
Нерукотворно встали церкви.

По воскресеньям пред иконами,
Созданием гениальной кисти,
Стояли люди, преклонённые
Перед величием чувств и мыслей.

Вчера дрались, за деньги вздорили
И грязли в грубом кутеже.
Сегодня – в радости ли, в горе ли,
Но каждый думал о душе.

Святою музыкой пронзённый,
Неся в себе пресветлый лик,
Высоким чувством потрясённый
Из церкви уходил мужик.

Так в каждой деревеньке русской,
Где с древле божий храм стоял,
Мужик душою заскорузлой
Азы искусства постигал.

Я слышу странные ритмы,
Отзвук давних событий.
Быть может, это молитвы,
Которые были забыты?

Может быть, мне неведом,
Из векового забвенья
Далёкий безвестный предок
В меня проник откровеньем?

Его призывы пойму ли?
Постигну ли внутренним слухом?
Наши души давно уснули,
К чуду стали слепы и глухи.

Чудеса теперь рукотворны,
Лишь тогда признаются нами,
Если мысли людской покорны,

Если можно потрогать руками.

Не прислушиваясь к неуловимому,
И не глядя ему в глаза,
Мы спокойно проходим мимо,
Равнодушные к чудесам.

Есть в жизни великая тайна,
А в ней – непонятная сила.
Однажды я будто случайно
Той тайны покров приоткрыла.

Её я понять не сумела –
Немногим такое по силам,
Но тайна мне душу задела –
Я рада, что так это было.

То, что днём считалось прочным,
Исчезает в мраке ночи.
То, что нам казалось снами,
Остаётся вечно с нами.
Душ неясные движенья
В снах находят выраженье.

В сердце скрыт
Нелепый усилитель.
Тихий шелест –
Гроном отдаётся.
И какой-нибудь ничтожный случай
Может вызвать взрыв землетрясения.
Но – в груди осколки остаются,
И снаружи ничего не видно.
Так и лучше.

Люди бы смеялись,
Вдруг узнав причину потрясения.

Лагери и расстрелы.
Государево слово и дело.
Пусть прошло уже много лет –
Не за всё ещё дан ответ.

Мы тех, кто погиб, не забыли,
Но и долга всего не отдали.
Вспоминаем, как они жили,
Забываем – как умирали.

Кто-то ведь их предавал,
Кто-то ведь их убивал.
Отчего молчим мы о тех,
Что были подлее всех?

Почему наши речи лживы?
Почему палачи ещё живы?
Не молчите, опомнитесь, люди!
Вдруг такое ещё раз будет?

Узнав однажды правду жуткую,
Мы растерялись – кто в ответе?
Вопросы ставили суровые
Отцам обманутые дети.

К ошибкам их непримиримы,
Не соглашаясь на уступки,
С непогрешимости мерилом
Мы подходили к их поступкам,

Не понимая – средь гонений
И казней деспотичной власти
Порой достойно уваженья
Простое было неучастье.

Прошли года. Не стало ближе
То, что нам в юности засветило.
А мы всё виноватых ищем,
Хотя давно уже не дети.

Застывши в позе обвинителя –
Не за вину, а за бездействие,
Мы забываем непростительно,
Что *нам* настало время действовать.

В чём назначенье поколения,
Явившегося на рассвете?
Себе найдём ли извинение?
Ведь *мы* теперь за всё в ответе.

Хочу, чтоб знала ты –
Понятна и близка мне
Нелёгкая судьба народа твоего.
Мои душа и сердце – не из камня,
Их потрясла трагедия его.

Мне эта боль давно
Осколком в грудь попала,
И рана с той поры всегда кровоточит.
Евреев боль
Моею болью стала,
Их вековая скорбь в моей душе горит.

Это было давнего давнее.
Проиграв неравную борьбу,
Потеряли родину евреи,
Получили тяжкую судьбу.

Разбрелись по свету пилигримы,
Разошлись по всем краям земли,
И, тоской по родине томимы,
Новые отчизны обрели.

Прошли века. Влился еврейский гений
В народную культуру многих стран.
И стал поэтом немцев Генрих Гейне,
И стал певцом России Левитан.

Но в сердца потомков тех скитальцев
Иногда врывается печаль,
Оттого, что исчезает память,
Отступая в призрачную даль.

Нельзя забыть народ, забыть его свершенья,
Но не звучит уже его живая речь.
Всё меньше хочет наше поколение

О прошлом думать и его беречь.

Как все мы разны,
Как все мы розно,
И всё же в сердце друг другу врезаны.
И всё не слажено,
И очень сложно,
И неуместна в оценках трезвость.

От усталости,
От застылости,
Этих взрослых недугов сердца,
Жду – не малости,
Жду – не милости,
А иду на свидание с детством.

Утро раннее.
Просыпаюсь – раненой.
Отболевшей болью,
Заботой избытой
Воткнуты колья,
Гвозди вбиты.

За окном – серое небо.
На душе – странная небыль.
Впереди – день долгий, длинный.
За окном – колокольный звон,
Древний, былинный.

Из былинности, из странности –
В дневную трезвость.
Как бы справиться, как бы спрятаться
В двойную крепость.

Человек ведёт себя странно.
Он приходит то поздно, то рано.
Говорит всегда невпопад,
И никто ему как-то не рад.

Он живёт в обычной квартире,

Но в совсем необычном мире.
И, для многих нелеп и странен,
Часто ими бывает ранен.

Впрочем, все мы могли стать такими,
Только мы поступили иначе –
Свои души крепко закрыли
И об этом даже не плачем.

Каждую ночь,
почти каждую ночь
моя маленькая дочка –
ей нет ещё четырёх лет –
спрашивает меня в полусне:
– Мама, войны не будет?
И каждую ночь
я неизменно отвечаю ей:
– Не будет, родная, спи.

Человек идёт по полю.
Человек идёт по полю среди цветов.
Человек идёт по полю,
Где между цветов лежат кости убитых.
Кости сотен солдат.
Человек этот был с ними.
С ними ел из одного котелка
(вот котелок лежит в траве – ржавый).
Он был с ними, когда они умирали.
Это было двадцать лет назад,
А ему кажется, что – вчера.

Что знаю я об убитых?
Что знаю я об этом человеке?
Любой из тех, чьи кости белеют в поле,
Ближе ему, чем мы –
Люди, не знавшие войны.

Борис Кушнер

Азарт зари

Из новых стихов

Апрель – Июнь 2010 г.

Апрельский ветер женской лаской,
Разлив зари и свеж и ал, –
А жизнь была волшебной сказкой... –
Как жаль, что Сказочник устал...

3 апреля 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-76

Ахнешь, и отныне –
Совесьть – адский гул. –
Это по равнине
Вечный ветер дул.
Друга мы обидим,
Оттолкнём и вот –
Ветер над безвидьем,
Ветр над гладью вод.
Доброты ни грамма,
Тягостен итог. –

.....

И создать Адама
Не захочет Б-г...

4 апреля 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-77

Светофор-зелёный глаз,
Добрый страж большой дороги.
И зари весёлый газ
Заливал небес чертоги.
И, поскольку жив в итоге
Всевозможных передряг,
За здоровье ваше, боги,
Пью вино из жизни фляг.
А вино ли, белена ли –
Безразлично, сладок яд! –

Нас столетья пеленали,
Все столетия подряд.
Не реви, мотор, сердито,
Радость – каждая верста. –
Аполлон и Афродита,
Эос розовы перста.
5 апреля 2010 г., Route 22, East

Молчать над тайными словами,
Затрепетать и замереть... –
Ведь мы не объяснились с Вами –
Уже не объясниться впредь.
В пустом пространстве за спиною,
В пустом пространстве впереди
Ты шепчешь, ты идёшь со мною... –
«Не падай, дорогой, иди»...
5 апреля 2010 г., Johnstown

Птичий концерт неистов –
Музыки Муза сама. –
Видимо, первые листья
Сводят с ума.
Видимо или наверно? –
Г-ди, наверняка!
Небо сегодня безмерно
И высоки облака.
Дружно всплеснули руками
Озеро, поле и лес,
И в хроматической гамме
Молодость льётся с небес.
6 апреля 2010 г., Johnstown

Живи, предчувствия гони,
Одно расстройство от предчувствий. –
А Лета ещё слаще в устье,
И дни – как сладостны они!
И если этот день – последний,
Его с улыбкой проживи. –
И станешь ты недолгой сплетней:
«Он жил, ушёл, что ж – *C'est la vie*»...

7 апреля 2010 г., Route 22, West

Рулады птиц над лесом-полем,
Колоратуры на заре... –
И ты вот так же – пой запоем! –
По Моцарту! В мажоре! В ре!
Пой, напрочь выверни карманы, –
Ко всем чертям лиловый плащ!
Смотри – кругом зажглись тюльпаны!
О, радуги тюльпанных чаш!

8 апреля 2010 г., Pittsburgh

Смена ночи и дня,
Звёзды вошли во вкус. –
Время и смерть – родня, –
Крепость родственных уз.
Но – пробуждение в листве,
Внуки галдят во дворе. –
Время с рождением в родстве, –
Свет в моём декабре.
Это знает земля,
Знает весенний клён.
И улыбаюсь я

В ответ улыбке времён.
8 апреля 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-78

И снова птицей из гнезда
В лихой азарт зари. –
Ты, путеводная звезда,
Гори, гори, гори.
Не над могилою моей
Гори, и в этом суть. –
Гори и ярче, и прямей,
Не позволяй заснуть.
Заря разливами лучей,
Погасли фонари. –
Душа, звезда моих ночей,
Гори, гори, гори.
9 апреля 2010 г., Route 22, East

Воздух был снегом пронизан,
Невидимым, но колючим.
Он рвался верхом и низом,
Созвучен кипящим тучам.
А их кружили и рвали
Ветров Аппассионаты,
Швыряли в бешеном ралли,
Скручивали в канаты.
Окна – треск-канонада,
Трубы – хрипы и стоны.
Ревели воронки-торнадо,
Вздыбленные питоны.
Романтику всё бы *fortissimo*,
Мерещатся небывалости. –
Умолкни, так врать немислимо! –
Правды, хоть самой малости!
9 апреля 2010 г., Route 22, West
КАТЫНЬ. 10 АПРЕЛЯ 2010 г.

*Памяти погибших при катастрофе самолёта Ту-154
Президента Польши Леха Качиньского*

Переплетение судёб,
Расстрельных рвов, кровавых неб. –
Мгновения бесповоротье
Уже ничем не побороть, –
Металла острые лохмотья
Терзают плоть.
Пусть Ангел над горящей птицей
Раскинет скорбные крыла... –
Ужели дань свою сторицей
Здесь смерть давно не собрала?
Но свежий шрам земному шару
Наносит утренняя стынь, –
Здесь вечно полыхать пожару,
И эху разносить: «Катынь»...
Молчанье. Ведь никто не в силах
Очнуться от *такого* сна...
Теперь вы вместе – пусть в могилах,
И общий ваш венок – весна.
10 апреля 2010 г., Pittsburgh

ЙОМ ХА-ШОА

Уже и внуки стали б стариками,
Да вам детей не выпало иметь. –
Земля гудит кровавыми веками,
Сверкает сталь и погребальна медь.
За что? – Ты не ответишь, добрый Б-же...
Ни знака, ни могильного холма... –
Вы спите. Пусть ваш сон не потревожит
Досужая суетная молва.
Я тоже умолкаю с этой речью,
По силам ли такая тяжесть-весть? –
Молчание созвучно шестисвечью,
Тюльпанному салюту в вашу честь.
27 нисана 5770 – 11 апреля 2010 г., Pittsburgh

Небо в жемчужных росписях,
В золоте синь.
Что ж ты, куда ж ты торопишься? –
Взгляни и застынь.
Мгновенье вырви у вечности,
У бешеной этой езды
Для солнечной бесконечности,
Для животворящей звезды.
Смотри – пробудились растения,
И кружит стая гусей... –
Да здравствует радость весенняя
Над Вселенною всей!
12 апреля 2010 г., Route 22, East

Весна споткнулась. Что скажешь,
Так уж устроен мир.
Так он с начала налажен
От Бостона до Перми.
Холоден дождь до дрожи,
До ужаса под виском.
Ворона съёжилась тоже, –
Чёрный печальный ком.
Нет лотерей бесполезней,
Жалок счастливый билет.
Ну, а вчерашняя песня? –

Где-то за тысячью лет.
13 апреля 2010 г., Johnstown

Я был со временем «на ты»
И мчался без сомнений,
Не замечая красоты
Сверкающих мгновений.
И что ни день, то новый миг, —
Рассветы и закаты... —
Но вдруг застыл, но вдруг постиг:
Как поседели даты!

14 апреля 2010 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 7-79

Такая распахнулась ширь,
Так сине над холмом —
Летай и щедро жизнь транжирь,
Не думай о плохом!
Гулякой праздным хоть на миг
Ты стань — огонь в крови!
Отринь же мудрость пыльных книг, —
Живи, живи, живи!
И пусть кругами ты летишь,
Как ветру суждено. —
Зари торжественная тишь,
Росы ожог-вино —
Тебе крыла над суетой,
Прорыв в высокий бред.
И в капле влаги золотой
Вселенной дан портрет.

15 апреля 2010 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 7-80

Я объяснился с *alter ego*,
Наш разговор недолог был.
Мы обсудили план побега
Души из тела. Силу крыл.
Мы согласились с *ego alter*
Пустить самих себя в распил,
Но тут вмешался Общий Автор
И нам общаться запретил.
Кричу: где выход из театра?!

Сейчас, не завтра! Скользок лёд!

.....
Позвать на помощь психиатра? –

Да он и сам таблетки пьёт.

15 апреля 2010 г., Johnstown

Дорога не простит оброка,

Я ей изрядно задолжал, –

Чернеет туча – ярость Рока,

И молния – его кинжал.

И речь не о пустой угрозе,

Что сладко записать в дневник. –

Шквал налетит, с дороги сбросит... –

.....
Зато ты больше не должник...

16 апреля 2010 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 7-81

Сны-безобразия –

Ни Европа, ни Азия,

Ни Венера, ни Марс –

Фарс

На фарси,

Скелетность монист,

Эй, пианист,

Аппассионатою в «си»

Не форси!

Ангел в роли министра,

Горилки канистра,

Руза, Клязьма, да Истра, –

Зуд Би-би-си,

Нет, не подпольная «Искра».

У них Москва на оси –

На советские вещи

Клевещут! –

Хоть святых выноси!

Прялки нет Маргарите?

Не врите!

Ночь в колокольном гуде,

Смотрите, добрые люди,

Sapiens доброй воли,

Забывшие о Сцеволе,
И вправду несут!
Святых-не-святых
Без понятых
На волчий не-суд,
Что пострашнее Страшного,
И рядового и маршала
Несут и несут.
Ликует нёсуть и сыть –
Носить, не пе-ре-но-сить.
Человеческий суд? –
Абсурд.
Сны без исхода.
Кода
Вечной Сонаты:
Не очнёшься от сна ты,
Резко остроконечны,
Сны бесконечны.
Гаснет жалкое *SOS*
В россыпях звёзд.
17 апреля 2010 г., Pittsburgh

Горизонта фото,
Купол голубой,
Тяжкий вздох фагота,
Горестный гобой.
Вечность до субботы,
Мокрые крыла... –
Скучные заботы,
Долгие дела...
19 апреля 2010 г., Route 22, East

А заря – ворота рая,
А за ними свет такой,
Что прошепчешь, замирая:
«Мне б с начала, жизнь вторая
Под Простёртою Рукой!
Мы – цветы Твоей теплицы,
Не бросай нас на мороз.
Улыбнись, проснулись птицы,

Кружат над морями рос.
Из простора, из свободы
Их весёлый разнбой. —
Сколь же слаще лучшей оды
Утро, полное Тобой»!

20 апреля 2010 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 7-82

И, кажется, дела простые,
И, в целом, милые слегка,
Но даже и они постыли,
Как грозовые облака,
Что вдруг являются некстати
Напомнить про забытый зонт,
Удушье снов в шестой палате... —

.....

Раз не везёт, так не везёт...

24 апреля 2010 г., Pittsburgh

Столпотворенье облаков.
Собрание туч перед грозойю.
Стихия рвётся из оков,
Чтоб отшвырнуть нас к мезозою.
Чтоб разметать наш жалкий кров,
И по ветру пустить надежды, —
А ветер — не разжечь костров. —
Пустыня. Смерч. Гордыня, где ж ты?
Угрозой стёкла дребезжат,
И дрожь — дыхания заторы.
И стих мой ужасом зажат... —

.....

Налить вина. Задёрнуть шторы...

28 апреля 2010 г., Johnstown

Мая наваждение,
Шёпот волшебства,
Взлёт воображения,
Свежая листва.
Дней запасом тающим
Поделюсь с судьбой —
Всё-таки, пока ещё

Живы мы с Тобой...

1 мая 2010 г., Pittsburgh

Отравление ржавой кровью,

Тяжесть мёртвого пера... –

Привыкал всю жизнь к здоровью? –

Отвыкать пришла пора...

2 мая 2010 г., Pittsburgh

За пеленой дождя рассвет,

Беда сегодня с ним. –

Dum spiro, spero – мой завет –

Сейчас невыполним.

Неодолимо сера мгла,

И только ливня шум. –

О, если бы душа могла

Наполнить солнцем ум!

Но память – страшная игра,

И здесь Мефисто – князь. –

Кружу с теньями до утра,

Вздыхая и казнясь.

И мокрый шелест со двора,

И в шторах непокой... –

И в тучах чёрная гора

За чёрною рекой...

3 мая 2010 г., Pittsburgh

Я сбросил стопудовый груз,

Я плечи распрямил, –

И снова зов весенних Муз

Неотразимо мил.

И снова пылкие слова

Мне звонче всех монет,

И листья правы, и трава –

На свете смерти нет.

И день расплылся до ушей,

Азартно весел он –

Под писки птичьих малышей,

Небесный ксилофон.

4 мая 2010 г., Pittsburgh

Ночных кошмаров братия,
Из ада голоса. –
А поутру апатия
И не открыть глаза.
И жалоба – так голубю
Вдруг синь не голуба.
И клюв стучит по жёлобу –
«Судьба, судьба, судьба»...

6 мая 2010 г., Pittsburgh

В стёклах эхо вдруг,
Дребезжащий звук... –
«Геликоптер-жук,
Облаков рвачи,
Вы зачем-куда»? –
«Город, не ворчи,
Мы с небес врачи,
За рекой беда»...

6 мая 2010 г., Pittsburgh

Полудневная жара.
На бетоне хлеб бы печь.
Безысходная пора.
Застывают взор и речь.
И вздыхаешь о рассвете –
Не был свет ещё свинцов,
И листва ловила в сети
Расшалившихся птенцов.
Жизнь сама была в начале
И не знала слова «мрак»... –
Сердце и часы стучали
В такт: динь-динь, тик-так, тик-так...

6 мая 2010 г., Pittsburgh

Деревья, стволы бугристы,
Наросты – свидетельства драм. –
Годы-кавалеристы –
На шраме – шрам.
Мой бульвар Чистопрудный...

Скрежешет трамвай, тормозя... –
Вспоминается трудно,
Но и забыть нельзя.
Грозили из чащ медведи, –
Газонов дремучи леса... –
Спасаюсь на велосипеде –
Машина в три колеса.
Но камень! Откуда здесь камень?!
И жалобно звякнула ось...
И Мама всплеснула руками –
Колёса-то – врозь!
Такое кино без билета,
И крутят его, что ни ночь, –
Погоня, авария эта,
Колёса, летящие прочь.
8 мая 2010 г., Pittsburgh

9 МАЯ 2010 г.

Победы возраст пенсионный,
Легендами обвита быть.
Истлели дымные погоны.
Музейна пыль.

Оркестров медь, салюты-даты,
Шумит бурьян могильных ям,
И покидают нас солдаты –
Уходят к фронтовым друзьям.

На рвах построены кварталы,
И стадион, и парк чудес,
И ветеранов строй усталый
Прозрачен, как апрельский лес...
9 мая 2010 г., Pittsburgh

Парка влажный полумрак,
Всё без цели, просто так. –
В этом милом полумраке
Люди, белки и собаки,
По верхушкам птиц бедлам –
Просто так – не по делам.
Царствуй, доброе веселье,

Абсолютного безделья!

12 мая 2010 г., Pittsburgh

Длиннот унылые излишья,
Метафор неуместных прыть... –
Достанет и четверостишья,
Чтоб жизнь Вселенной изложить.

13 мая 2010 г., Route 22, West

Какой урок! – От сих до сих
Измерен умерщвлённый стих
Логарифмической линейкой. –
Так назубок садовник с лейкой –
На радость или на беду –
Зубрит любой цветок в саду.
Да только грустно стало что-то
И восхищаться недосуг... –
Живи же стих – так дикий луг
Цветёт без всякого учёта.

15 мая 2010 г., Pittsburgh

Я чувствовал себя счастливым –
Моложе майского ростка,
Я улыбался встречным лицам,
И вдруг – как молния! – тоска.
Забудь же о счастливом годе,
О взрыве листьев и травы, –
Когда ударит Гром Г-ден,
Мы все – равны.

18 мая 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-85

Поезда мелкие стуки,
Скрежет на повороте...
Столпотворение скуки,
Томление духа и плоти.
Вот и рассвет. За окном
Дождь не улыбочиво гадкий.
Но успокоился гном –
Боль за лопаткой...
Шепчет зловещий синклит

Снов ускользающих тыщи:
«Утро. Ничто не болит?
Умер ты ночью, дружище»...
18 мая 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-86

Опять явление орды
Чертей с луной двурогой.
И сочиненье ерунды,
Чтоб не заснуть дорогой.
А задремал, неровен час,
И не очнёшься вовсе. —
Лишь полыхнёт иконостас
Сквозь сломанные оси —
Всех положений, мест и лиц
На огненном плакате —
Сквозь траур птичьих верениц
На пурпурном закате.
Гони лукавую орду,
К чертям, исчадья ада!
Чтоб сочинять белиберду
Мне ни черта не надо!
19 мая 2010 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 7-87

Ветер — наглость авангарда,
В рощах рёв и чехарда.
Я быстрее леопарда
И рычу, упорней барда,
Песнь бездарна, но горда.
Из просвета аквареля,
Солнце брызнуло на миг. —
Я настырней менестреля,
Я дежурнее апреля,
Я умней веков и книг.
Только вот чертям на славу
Нынче выдался денёк, —
Я стихов извергну лаву,
На Судьбу найду управу... —
.....
Но, как парус, одинок.
19 мая 2010 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 7-88

Слова, как майская листва,
Полны огня и озорства,
Поют под ветром вдохновенья.
Кларнет и скрипка, и гобой –
Здесь весь оркестр самой Судьбой
Души поддерживает пенье.
Даны нам огниво и трут,
А острый кремь – враг обману,
И жернова, что перетрут
Зерно в Б-жественную манну.
20 мая 2010 г., Pittsburgh

Облаков горбы верблюжьи,
Синевы живые лужи
Между облачных болот... –
И неслышимо и чинно
Эта вечная картина
В зеркалах реки плывёт.
Так стоял бы и смотрел бы
На лучей-Эротов стрельбы –
Не по мне давно стрельба.
Отлетели мои марты –
«Безопасности не рад ты?» –
Улыбается Судьба.
23 мая 2010 г., Pittsburgh

Птицы в каком-то ладе,
Теорией не воспетом... –
Их крики от озера глади
Отскакивают рикошетом.
Совсем в декадентском вкусе –
Крылья в размах! –
Взлетают канадские гуси –
Эх с холмами – «Ах»!
А рядом папаши-мамаши
Чинно вдоль кромки трусят,
Лелеют – что может быть краше? –
Пушистых рыжих гусят.
24 мая 2010 г., Lake Arthur, near Pittsburgh

Судьба мне что-то говорила,
Кривлялась сновидений рать –
А мне б бетховенское Трио
С самим собою спеть-сыграть.
Иль охватить одним роялем
Его Симфонии миры –
И оду радостям-печалям,
И звон весенней детворы.
Да вот беда – беда всем бедам –
Шумит Шумер, грохочет Ур –
Г-дь, творя сей мир, мне не дал
Искусства чтенья партитур.

25 мая 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-89

Губы-щёлки да глазищи,
Щёки-медный самовар. –
Чаепитие. Мытищи.
Пир на весь безмозглый шар.
Череп да шаровары,
От горилки лопнет стан. –
Это вам не лейб-гусары,
Получай письмо, султан!
Лист, к чертям тебе сутана,
Опиум для чудаков, –
Не нужней, чем для султана
Письма пьяных казаков.
Лучше грянь Мефисто-танец,
Преисподней сладкий яд!
Погляди – полно красавиц,
И у всех глаза горят!
У мужчины мозг из воска,
Лишь желанье жжёт виски. –
И шагнула с крыши Тоска
От неслыханной тоски.
Пышки, плюшки, да ватрушки,
Звон фарфора невзначай... –
Чай в Мытищах под частушки –
Не скучай, друг, не скучай!

26 мая 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-90

Небожитель, а не нытик,
Нет, не зря решает критик,
Кто обруган, кто хвалим. –
Со своих небесных башен
Он Судом сверкает Страшным
Нашим хавел хавалим.

Ада или рая врата
С ним нельзя запанибрата –
Не ума и чести съезд! –
Неподкупнее Фемиды,
Брутом в мартовские иды
Он артисту – *lupus est*.

27 мая 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-91

Ужасов джаз.
Ужасом полночь налита.
Под абажуром,
Нещадно божась,
Призрак старшего Гамлета.
Зайцев не ловит, не ловит лисиц,
Но с упорством историка
Истину ищет в провалах глазниц
Черепу Йорика.
Видимо, духа пришла нищета,
Плод познания горек.
И не дожидаться ответа шута,
Как ни шепчи: «Бедный Йорик»!
А я, похоже, сошёл с ума –
На дьяволе дыбом шерсть. –
И мне теперь не тюрьма-сума, –
Палата за номером шесть.

28 мая 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-92

Шоссе – сквозь скалы полоса,
Восток – пьянее грога. –
Сегодня долгая езда,
Казённая дорога.
И в неба голубой сатин

Нацелен срез капота –
Опасен этот серпантин,
А жизни скудна квота.
И, как Шопен не ищет льгот
В борьбе за стройность лада,
Вот так и ты иди, как Лот, –
Назад – ни доли взгляда.

28 мая 2010 г., Route 22, East

Скала, как чёрный Эльсинор,
И в сто чертей ревёт мотор –
До дрожи перепонок.
И музыка одна в виске,
Что жизнь висит на волоске,
И волосок тот тонок.

29 мая 2010 г., Route 56, East

ВАРИАЦИЯ 7-93

Снова месяца начало... –
Время, жуй своё мочало,
Проползай за кругом круг –
Тот же север, тот же юг,
И под солнцем те же, то же,
Не пронзит событий кожи
Монотонных мигов бег. –
Тот же зной и тот же снег,
Те же рифмы, те же песни –
Только новые болезни,
Только покосился дом,
Только дышится с трудом...

1 июня 2010 г., Pittsburgh

В очаге трещат поленья,
Утром – мёртвых углей лёд... –
Так уходят поколения –
Моему пришёл черёд.
Эх, уйти бы сразу, вместе,
Да не так заведено. –
Крутят траурных известий
Бесконечное кино.

3 июня 2010 г., Pittsburgh

Над весёлыми лугами,
Под жужжание шмелей
Разливались птицы в гамме –
Наслаждайся и шалей!
А из леса – будто мало
Нам пророчеств из газет –
Всё кукушка куковала –
Сколько мне осталось лет.
«Ах, щедра была кукушка,
Ах, невиданно щедра!» –
Мне сорока-хохотушка
Тараторила с утра.
Что ж, спасибо вещей птице –
От несслыханных щедрот
Эти пылкие страницы,
Строф бурлящий разворот.
Дым столбом от пиршеств духа,
Ну а если тьма в умах, –
На старуху есть проруха –
Крематорий для бумаг.
3 июня 2010 г., Pittsburgh

День сегодня такой, хоть плачь,
В защите духа пробита брешь. –
Жарь же *sforzando* смычком, скрипач,
Душу утешь!
В полный сердечный тон,
В верха яростный взвизг –
К чёрту жалобный стон,
Небу предъявим иск!
Жарче, скрипач, гварнерь!
Наяривай, страдиварь!
К раю прорубим дверь,
Здравствуй, Небесный Царь!
4 июня 2010 г., Pittsburgh

Совсем простая истина,
Что жизнь была единственна –
Река, Харона клич.

Об этом книг бесчислие,
Веков единомыслие,
.....

Но жизнь вся, чтоб постичь...

6 июня 2010 г., Pittsburgh

Я не улов в последней верше —
Петь соловьям, кричать грачам,
Раз призраки любви умершей
Ещё тревожат по ночам.
Раз по утрам сердцебиенье
Считает строки, не года,
Раз занебесной скрипки пенье
Ещё я слышу иногда.

6 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-95

В машине мира стёрты втулки,
Пошли подшипники вразнос. —
Собаки воют в переулке,
Звонят по стёклам стрелы ос.
Ни водка не спасёт, ни йога,
Когда воздет возмездья меч.
Свинцова воздуха тревога —
Предсказан смерч!
Молиться надо бы, вестимо,
Да все молитвы — по верхам. —
Мы — гордые потомки Сима,
Но в дальних родственниках — Хам.
И, чёрт возьми, насколько в дальних? —
Не скрыться от грехов-проныр! —
Так грянь, Вселенский Умывальник,
Карай нас, Грозный Мойдодыр!

7 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-96

На чёрных клавишах этюд.
Шопен в концертном чёрном фраке.
Смерть отгонять — напрасный труд,
Как кашель в раннем полумраке.
Бывает только в картах туз,
С плеча Судьбы секира рубит. —

Обречены любимцы Муз
Моцарт, Шопен, Бизе и Шуберт.
Отнюдь не праздные сыны
Гармоний высших таинств. –
Кем в этот мир занесены? –

.....
Спасибо, Добрый Аист.

7 июня 2010г., Pittsburgh

Засилье неотложных дел –
На стол с уныньем я глядел –
Бумаги первобытный хаос.
А было время – Б-же мой –
Мир не чернел забот тюрьмой,
Легко дышалось и вздыхалось.

Я весело творил грехи
И воспарял над суетою,
И неумелые стихи
Строчил с волшебной быстротою.

8 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-99

Портрет столетия анфас,
Историк-Пимен, где ты? –
Взахлёб кричали веку «Фас!»
Писатели-поэты.

Земли не знали под собой
В томительной истоме –
Оргазм швыряния взапой
Камней в стеклянном доме!
Кипела площадь – стар и мал,
И, Стеньки бесшабашней,
Картавил вождь и кепку мял
На ржавой бронебашне.
Он нервно рвал ружьё из рук
Матроса с опохмелки
И раздувал в пожар испуг
Буржуазии мелкой.
И голос был от крика ржав,
И по буржуям – тёркой,

Чтоб сгинули, не дожевав
Их рябчиков с тетёркой.
Как были будни хороши –
Гореть буржуйским Троям! –
От всей души ломай, круши –
Мы новый мир построим!
Интернационал в ушах,
Дрожат Париж и Ницца! –
Держи революционный шаг –
Враг не уgomонится!
Потоки ядовитых стрел,
Ребёнок плачет тонко.
НКВД. Не усмотрел
Г-дь себе ягнёнка.
И ни кресту, и ни плите
Отметить скорбь России, –
Не зря ты пел о клевете,
Улыбчивый Россини.
Залиты кровью весь и град –
Спасите наши души!

.....
Зато им не было преград
Ни в море, ни на суше.
13 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 7-100

Когда б считали по глазам,
Не пальцам, как обычно,
Нам распахнулась бы сезам
В чудесный мир двоичный.
Какой изысканный урок
Чудес на белом свете –
Ведь тысяча сто десять строк
Теперь в твоём Сонете!
Ты отвечаешь, мол, уволь
От этаким волюни –
Один, один, один и ноль
Четырнадцать отныне!
Блистать умом – сойти с ума,
Природа – биполярна,

Как день и ночь, как свет и тьма,
Как Магадан и Варна!
Пески пустынь, пустыни льдин,
Атомоход и парус –
И даже вальс на ноль-один
Считай, маэстро Штраус!
Кругом сплошной антагонизм,
Вокруг сплошные анти –
Без середины верх и низ,
Из рубищ – в бархат мантий!
Мой друг, здоровье пожалей –
О, сладостная пытка:
Год отсверкал – и юбилей!
Ну, как тут без напитка?
Скончалась ночь, и луч колюч
И чертит – царство взвесить. –
Запру-ка я сезам на ключ –
Число чудесно десять!
14 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-2

То не чернь – звоны струн по Неве,
Не слова с запятыми да точками,
Не апостолы Блока с заточками –
Это ветер гудит в голове,
И столетие хлопает
Форточками.
16 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-3

Что-то мысли мои вразброд,
Десять пальцев и каждый сам
Вопиёт, как наш жалкий род,
К безответным морям-небесам.
Разбредается даже «Сурук»,
Чёрных клавиш и вовсе нет, –
Не собрать и четырнадцать строк
Хоть в какой захудалый сонет.
Не дано мне небесных манн,
Вдохновенье – один обман,
Подпущу я метан-туман, –
Анжамбман, закадычный друг,

Загибающий строки в крюк,
Род *perpetuum mobile* всё ж,
По болоту мелкая дрожь.
Сочинять – не до райских куш.
Жаль, что стих мой вялотекущ.
18 июня 2010 г., Pittsburgh

На кончике луча
Раскачиваясь,
Собрание всех чистых
Качеств,
Ласковый одуванчик,
Солнечный зайчик.
О чём этот чардаш-танец,
Милый шалун? –
Спрячу зеркальце в ранец,
Что-то с тобою станется?

.....

Участь погасших лун...

21 июня 2010 г., Pittsburgh

22 ИЮНЯ 2010 г.

Рубиновы деревья, травы,
Река багровой тысяч Трой... –
Рассвет коварный и кровавый.
Июня день двадцать второй.

22 июня 2010 г., Pittsburgh

Скворцы. Броски наперебой
Под самый купол голубой.
И оглашает птицы крик
От пламени ослепший цирк.
О чём тревожиться пернатым?
Ведь им летать, а пасть – солдатам.
22 июня 2010 г., Pittsburgh

Таял дней запас,
Сладко таял он... –
Тёплый лунный глаз,
В искрах небосклон...
Взгляд мой чист и прост,

И без слёз уже –
Где-то там меж звёзд
Странствовать душе...
23 июня 2010 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 8-5

Облаков весёлый бег,
На газоне белки нега – ...
Радостен сегодня век
Без мороза, льда и снега.
Без нытья во весь минор,
Коим стал мой стих несносен –
Слушай песни птиц-кинозвезд,
Возвешенье вечных вёсен!
Розов конь, весны тропа,
Верди пой и шантрапа,
Вместе с птицей трель за трелью!
Всё в ажуре, к чёрту жмурь! –
Что с того, что небо в пене? –
Слушай Музу песнопений:
«Где дежурный по апрелю? –
Я дежурю – ты дежурь»!
24 июня 2010 г., Pittsburgh

День оглашала тишина,
Как неуютно с ней!
Для мима Муза, мне она
Была грозы страшней.
Стояла горла поперёк,
Колола под ребром... –
Сколь слаще звук незваных строк,
Внезапной рифмы гром.
26 июня 2010 г., Pittsburgh

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Деревьев пышные причёски... –
О, лето, полное щедрот!
Чертовски к делу здесь Чайковский,
Октавы – так разинешь рот!
Как не унять кавалериста,
Как не разбить Святой Грааль,
Так не умерить пыл солиста –

Наездник лих, держись, рояль!
Азарт отчаянью полярен,
Грозит зиме нехваткой льдин –
Не зря всемирно популярен
Концерт под номером один!
27 июня 2010 г., Route 22, East

Пейзаж до немоты знакомый –
Всевышний исчерпал казну.
Вот так глядишь до глаукомы,
Ища в известном новизну.
Пусть время царствует в пространстве,
Но знает вдохновенный ум,
Что совершенство – в постоянстве,
И что в молчанье – сумма сумм.
28 июня 2010 г., Johnstown

(Pittsburgh)

Михаил Юдовский

Стихи под осень

олько дело не в снеге. Ступая по голой
земле,

Улыбаясь камням и стирая подошвы в мозоли,
Мы сумеем так нежно, так тихо исчезнуть во мгле,
Так легко, чтоб при этом никто не почувствовал боли.
Горизонтом назвавшись, к себе приближенья не ждут.
Так заблудимся в чаще, лишь шаг не дойдя до опушки,
Наблюдая, как за руки взявшись столетья идут,
И, старея на наших глазах, умирают кукушки.
В предвечернюю синь убегает разбитый огонь,
И, запямятав, что человек человеку полено,
Мы поместимся в мире, ладонь положив на ладонь,
И поместимся в клетке, коленом упершись в колено.
Пусть спасенье нелепо, как айсберг укутанный в мех,
Но, сближаясь в щелчке, уже пальцы не так одиноки.
И над нами рассыплется каплями тихонький смех –
Это ветер смеется о наши небритые щеки.

Шестистишья

Твоя наивность слишком горяча.
А я устал. Ни твоего плеча,
Ни рук твоих, ни нежного затылка
Я не коснусь. Как к пламени свеча,
Так жертва опрометчиво и пылко
Стремится под секиру палача.

Я не злодей, я не нарочно груб.
Звучит печально флейта в хоре труб.
Под ветром осыпается шиповник,
Теряя лепестки невинных губ.

Помилуй Бог – какой же я садовник?
Скорее – поневоле – лесоруб.

В душе моей гуляют декабри –
Темно снаружи, холодно внутри.
Завален снегом сад наполовину,
И, как живые пятнышки зари,
Поклевывают мерзлую рябину,
Сверкая алой грудью, снегири.

Забредшая сюда издалека,
Застыла в изумлении река,
Со всех сторон охваченная льдами.
Но неподвижность стала ей близка –
Мгновения, умножившись годами,
Незримо превращаются в века.

Так было, есть и, верно, будет впредь.
Печально раньше смерти умереть.
Бездарно ощущение здешней скуки.
Вечерний воздух потемнел на треть,
И ветер дует бешено на руки,
Пытаясь их морозом отогреть.

Но даже если нет пути назад,
Заглянем напоследок в этот сад,
Где, с трепетом предчувствуя секиру,
Под снегом ветви голые висят.
И наши судьбы шествуют по миру,
Живя и умирая невпопад.

Я вечераю, я смеркаюсь,
Я привыкаю к октябрю
И – видит Бог – не столько каюсь,
Как невпопад благодарю
Тебя, невидимая осень,
Дождем, сереющим, какмышь,
Грызущую верхушки сосен
И черепицу скользких крыш,
Тебя, вонзившую иголки

В листву, сгоревшую дотла,
Тебя, разбившую в осколки
Небес кривые зеркала.
Они текут, сливаясь в лужи
И отражая фонари.
И неприкаянные души
Спасти пытаются снаружи
От бесприютности внутри.
Они бессмысленны и кротки,
Они с дождем сопряжены
И вертикальностью решетки
Со всех сторон окружены
Меж прутьями мелькают лица,
Сплотясь в размытое кольцо
И, видимо, желая слиться
В одно всеобщее лицо,
Где ближний ближнему невнятен,
Где, сердце горечью скрепя,
Я среди движущихся пятен
Пытаюсь вновь найти себя
И сам с собой перекликаюсь,
Молитву странную творя.
И вечерю. И смеркаюсь
В разбитом небе октября.

Стихи под осень, как ржаной сухарь
Под водку. Я листаю мой стихарь,
Давясь словами, как засохшей коркой,
И каждая пролитая строка
Мне кажется бессмысленной и горькой,
Как поцелуй смертельного врага.

Подставив ливню и чернилам лоб,
Я сам себе и барин, и холоп,
Изрядно заслуживший пару розог
За вечную доuku небесам.
И, кажется, последний отморозок
Мне ближе и понятней, чем я сам.

Просеять бы себя сквозь решето.

Вернувшись в дом и сняв с себя пальто,
Я думаю: не снять ли мне и кожу,
Повесить на распялку, просушить,
И новый стих, сумняшеся ничтоже,
Бескожестью своей приворожить.

Мы с ним оголены, как провода.
Нас самая обычная вода
Прикосновеньем доведет до крови,
С остервененьем выплеснув ушат.
И будет осень выть о нас по-вдовьи,
Пока дожди в кусочки нас крошат.

Но счастлив я, как может только голь
Счастливой быть, глотая алкоголь.
Я каждый год до боли високосен.
И, видимо, в награду за грехи
Мне на ухо нашептывает осень
Смертельные и нежные стихи.

Ты видишь в повседневном неземное,
Из человека ангела творя.
Но у меня не крылья за спиною,
А ровно половина декабря.
Я выгляжу, наверное, нелепо.
Глотающий земную эту пыль,
Я мог бы полетать с тобой по небу,
Но только опираясь на костыль.
Поведай мне, как стать неуловимым
И, обретаясь рядышком с тобой,
Наведываться в гости к серафимам
И уходить в молитву, как в запой.
Прости, мой кругозор довольно узкий.
Мне скучно без чудачеств и затей.
И «Отче наш» читая без закуски,
Я вряд ли стану чуточку святей.
Я мог бы на тебя глядеть невинно,
Прекрасным белым лебедем паря
И отрастив вторую половину,
Как выше говорилось, декабря.

Олебежусь, что вряд ли. А теперь я,
Быть может, самый гадкий из утят.
Ты думаешь, что я теряю перья?
А это хлопья снежные летят.

Смерть цезаря

Обветшал, похоже, наш кумир
Вопреки фанатикам-радетелям.
Римлянин, захватывавший мир,
Мнил себя при этом благодетелем.
Ты в своих деяниях не нов.
Торжеством играет на лице заря.
Рев буцин и раненых слонов
Раньше срока величают цезаря.
Запахи покрытых потом кож
Двигутся лавиной до экватора.
Это время вкладывает нож
В руку, что зарежет императора.
Но пока звучит заздравно речь,
Ложными проникшись мессианствами,
Временем пытаясь пренебречь,
Идол наслаждается пространствами.
Выгнута победоносно бровь,
Мощно длань раскинута над странами.
Что же ты, пролив чужую кровь,
Так ошеломлен своими ранами?
Ты затеял эту круговерть,
Обольстившись лаврами властителя.
Расступитесь, воины. Пусть смерть
Приласкает тело победителя.
Тонут удивленные глаза
В веках венценосного разбойника.
Пусть ему приснятся небеса –
Синие, как губы у покойника.

Но не надо грустить обо мне.
Покаянье придет. А пока –
Посмотри, я танцую в огне,
Словно сердце еретика.
Мои синие вены сплелись,

Искушая отточенность бритв.
Помолись за меня, помолись,
Ибо сам я не знаю молитв.
Или просто со мной помолчи
С пониманьем. Но можно и без.
Посмотри, как чернеет в ночи
Лошадиное око небес.
Наскочила с размаху коса
На булыжную твердь площадей.
Потяни для меня небеса
За прозрачные нити дождей,
Удержи, если сможешь, в горсти
От созвездий пятнистый зрачок
И на волю меня отпусти
Мотыльком, продырявив сачок.
Я с тобою и буду, и есть,
Если в этом жестоком раю
Ты согласишься, как в добрую весть,
В беспробудную ересь мою.

Январский вечер. Рюмка водки.
Проем окна.
По небу в серебристой лодке
Плывет луна.
Деревьев черные зарубки
Покрыли снег,
Где воздух, от мороза хрупкий,
Нашел ночлег.
Внутри тепло. Трещит дровами
В углу камин.
Соприкоснувшись головами,
Сплелись в один
Нечеткий контур наши тени.
И тень твоя
Кладет ладони на колени
Небытия.
Но мне, по правде, неохота
Глотать свинец.
Я позабыл, что миру кто-то

Предрек конец.
Ты погоди – метеосводка
Не столь верна.
Сперва допьем. Не греет водка –
Нальем вина.
Сорви с дыхания покровы,
Стеклом звеня.
Гляди сквозь мрак вина багровый
На свет огня.
Глотай январь, вяжи прилежно
Его петлю.
И ненавидь меня так нежно,
Как я люблю.

Сереющим мартовским утром,
Когда, заскучав, небеса
Плывут над землей перламутром
И рваной полоской леса
Синеют уныло и тускло,
Слегка зачеркнувшись дождем,
С наивным усердьем моллюска
Мы жемчуг словесный прядем.
Прими от меня, ворожея,
Нехитрый от сердца улов,
Надев себе молча на шею
Покатые бусинки слов.
Я вынырну вновь из тетрадей,
Под мерные звуки дождя
По дебрям каштановых прядей
Смущенной ладонью бродя.
В движеньях и мыслях небрежен,
Глаза приподняв к небесам,
Я буду мучительно нежен,
Не ведая этого сам.
В бессмысленных поисках рая
Вторю я твоей ворожке,
Блаженно в тебе умирая
И вновь воскресая в тебе.

Родившись на краю империи
В забытой Господом глуши,
Ты постигаешь суть материи,
Не постигая суть души.
Ты ощущаешь отторжение,
Когда, изрядно подшофе,
Тебе кивает отражение
В окне вечернего кафе.
В толпе заметней одиночество,
И сумрак, мелочен и скуп,
С кофейной гущею пророчество
Слизнет с потрескавшихся губ.
Не слушай пьяного оратора,
Который, гнусно скаля рот,
Пьет за здоровье императора
И благоденственный народ.
Убийцы мнят себя провидцами,
Ножей лаская острие.
Чем отдаленнее провинция,
Тем верноподданней зверье.
Продолжи безрассудно пьянствовать,
Оставь кликушество рабам.
Приличней по стаканам странствовать,
Чем по разбитым черепам.
Да будут дни твои невзрачными,
Поскольку жизнь затем дана,
Чтоб душу каплями коньячными
Однажды выцедить до дна.

Мне помнится дивно бессмысленный город,
Пригревший меня на груди,
Где падало небо, и прямо за ворот
Текли проливные дожди.
Здесь каждый другому был снами навеян,
Запутавшись в ложных узлах.
И время, кружась каруселью кофеен,
Мелькало в кривых зеркалах,
Качалось в угаре и пьяном размахе,

Сжималось в стальную иглу.
И женщины, жадные, как росوماхи,
Глотали коньяк на углу.
Под пятнами туши синели прожилки,
Неон разливался, слепя.
Они предлагали хлебнуть из бутылки
И следом за этим – себя.
Но месяц лохматый с укором почтенным
Скрывался в свою конуру,
И ночь, захмелев, оседала по стенам
Домов, просветлевших к утру.
И в утренней дымке, неясной и зыбкой,
Я пьяный лежал у реки.
И маленький ангел с недетской улыбкой
Кормил меня хлебом с руки.

Закат

Мне мир тогда единокровней,
Когда, до боли языкат,
Неукротимою жаровней
Горит оранжевый закат,
Когда обуглив силуэты
До безымянной черноты,
Костром сжигаемое лето
Со мной становится на «ты»,
Когда, грехи свои очистив
В небесном яростном огне,
Деревья кончиками листьев
Как будто тянутся ко мне.
И я, который больше грешен,
Чем всё, подсудное Творцу,
Глотаю, словно сок черешен,
Закат, текущий по лицу.

Ночной ливень

Ты чувствуешь нечто иное,
Когда отрешенно и зло
Ночного дождя паранойя
Стучится с размаху в стекло,
Как молот о плоть наковальни,

Сжимая потоки в горсти
И, верно, во тьме твоей спальни
Надеясь приют обрести.
Впусти полоумного гостя,
Который, пространство дробя,
Железные мокрые гвозди,
Смеясь, заколотит в тебя
И с бешенством дикого зверя,
Рассыпав на части постель,
Пройдется по комнатам, двери
Со скрипом срывая с петель.
Он грубо войдет в твою душу
Не с тем, чтоб ее размолоть,
А с тем, чтоб исторгнуть наружу
Твою размягченную плоть.
Изменится время до дрожи,
Теряя рассудок и вес.
И ливень задремлет на ложе,
Покуда ты льешься с небес.

Я возвратился к тебе

Я возвратился к тебе – не припомню, откуда.
Нет, я не то, чтобы пьянствовал дни напролет.
Пропусту был в забытье. И предчувствовал чудо,
Робко скользнувшим лучом проломившее лед.
Жаль, ты не сможешь увидеть, как вздыбились глыбы
Этого, как оказалось, не вечного льда,
Как промелькнули блеснувшие золотом рыбы
И покачнулась зеленою толщей вода.
Я возвратился к тебе – из иного пространства,
Тих, как беззвучье, бесплотен, как дым над костром,
С легкой грустью в глазах и клеймом чужестранства,
К старому берегу сердце швартуя багром.
Встреть меня молча. Налей мне горячего чая.
Или попотчуй хорошим стаканом вина.
Вместе с последним глотком догорю, как свеча я.
Хочешь со мной? Вслед за нами придет тишина.
Я возвратился к тебе, собирающий звенья
Рваной цепи, приближая начало к концу.
Что ты, я вовсе не плачу. Должно быть, мгновенья

Хрупкими каплями катятся вниз по лицу.

Много ли нам осталось?
Сделалась даль близка.
Вот и прошла усталость.
Вот и пришла тоска.
Переполюняв елеем
Заново суть и речь –
Мы уже то не склеем,
Что не смогли сберечь.
Мы превратились в слитки,
Мы разучились сметь,
Медленно, как улитки,
Переполюзая в смерть.
Небо над нами звездно,
Высится гор гряда.
Лучше проститься поздно,
Нежели никогда.
Шествуй по миру снова
В алом плаще зари.
Только прошу – ни слова
Больше не говори.
Сумеречно и ложно,
Вьется туда стезя,
Где полюбить – безбожно.
А не любить – нельзя.

Полковник

В субботний вечер в маленьком кафе
На невысокой деревянной лавке
Полковник артиллерии в отставке
Глотал коньяк, в карманах галифе
Раскрыв украдкой тощий кошелек
И мрачно пересчитывая деньги.
Он созерцал бетонные ступеньки,
Немытый пол и скучный потолок,
Испытывая приступы тоски
Дробящие сознание, как свёрла.
Недорогой коньяк царапал горло,
И стягивал удавкой виски.

Существование – повод для вражды.
По крайней мере, повод для запоя.
Наедине с фужером и с собою,
Он в прочих собеседниках нужды
Не чувствовал. Полковник, отчего
Ты сделался чужим и бесполезным,
И вещество объятием железным
Закупорило в панцирь существо?
Полковник, ты скучаешь по войне?
Вдали от смерти жизнь неполнокровна.
Деревья, превратившиеся в брёвна,
Становятся бессмысленны вдвойне.
Не поменять ли в сердце часовых?
Не время ли с собою объясниться?
Как долго наважденьем будут сниться
Живые, хоронящие живых?
Полковник, ты тоскуешь по полям,
Где прорастают сквозь тела колосья
И раздаётся птиц многоголосье
С молитвой поминальной пополам?
Ты не вернулся ни с одной войны.
Пожертвовавший кровью вместе с потом,
Полковник, ты остался патриотом
Давно не существующей страны.
Не те места и времена не те,
И люди на бессмыслицу похожи.
Но если сердце пусто, отчего же
Такая тяжесть в этой пустоте?
По совести скажи: зачем в дыму
Сражений сохранил тебя Всевышний?
Не ты один на этом свете лишний –
Мы все на этом свете ни к чему.
Полковник, пей коньяк. Молчи. Скучай.
И спорь с самим собой, не зная твердо,
Что будет лучше – дать бармену в морду
Или оставить что-нибудь на чай.

Марк Азов

Сочинитель снов

по разному себе представлял жизнь после смерти, но не думал, что будет, как в армии. Всех свежеусопших выстроили в два ряда, и к нам вышел ангел неизвестно какого звания принимать пополнение.

– Сейчас я буду спрашивать, кто чем занимался при жизни, а вы вместо ответа делаете два шага вперед. Всем понятно?

– Понятно... а что тут понимать?.. «но проблем»! – отвечали мы вразнобой.

– Надо отвечать: так точно, господин ангел.

– Так точно, господин ангел.

– То-то. Сапожники есть?

Вышли двое умерших от алкоголизма.

– Портные?

– Я! – закричал какой-то позеленевший от старости еврей из второго ряда. – Да будет вам известно, я обшивал не кого-нибудь, а солистов Большого театра и членов правительства.

– Сделай два шага и заткнись, – посоветовал ему ангел.

– Программисты.

Первый ряд весь, шагнул. Я остался один, как голенький.

– А тебе что? – рявкнул на меня ангел. – Особое приглашение требуется?

– Извините, но я не программист.

– На рабочего не похож, на инженера – тоже...

– А я как раз инженер... но человеческих душ.

– Кого чего?

– Душ человеческих.

– Что же ты раньше молчал? Раздолбай, понимаешь. Надо немедленно доложить по инстанциям. Остальные свободны. Вольно! Разойдись! Можно оправиться.

И полдня не прошло, как прибыл ангел, чином значительно старше предыдущего, – шесть крылышек на погоне.

Я вспомнил – у Пушкина:

«И шестикрылый серафим на перепутье мне явился».

– Умыться! – приказал мне серафим, – затянуть ремень на три дырки, чтоб штаны не спадали, надраить сапоги, чтоб блестели, как у барана яйца.

– У меня сапог нет, господин серафим, только белые тапочки. А штаны, что соседи купили вскладчину, пришлось разрезать сзади, иначе не налезали, а в моих стыдно было показаться людям в гробу.

– Это дело поправимое, есть сапожники и портные! – доложил ангел, принимавший пополнение.

Кирюх усадили тачать мне сапоги, а позеленевший еврей, тем временем, снял с меня мерку, продолжая при этом рассказывать, как он шил фраки тенорам, дирижерам и министрам иностранных дел.

В конце концов, меня, умытого и приодетого, доставили в небесную канцелярию к Самому.

– Насколько мне известно, – сказал Сам, – инженерами человеческих душ называли у вас одно время писателей.

– Да, по определению Горького, Алексей Максимыча. Небось, он тоже здесь у вас.

– Мало ли что брякнет какой-то мертвец. А по сути?

– По сути, я, как бы сказать, сочинитель. Сочиняю всякие увлекательные истории, чтоб не скучно было жить.

– А что, жить не интересно?

– Кому как. Но умирать никому не хочется.

– Ладно, – сказал Сам, – не будем вдаваться в подробности. Чем вы предполагали заниматься на том, то есть уже на этом, свете?

– Я вообще не предполагал...

– Напрасно. Нам нужны профессионалы, особенно программисты: Вселенная бесконечна, галактик

бесчисленное количество, в них беспрерывно происходят самые разные процессы...

– А сапожники зачем и портные?

– Обслуживать программистов.

– А я?

– Будете сочинять, как сочиняли.

– Чтоб не скучали программисты.

– У нас не заскучают. Вы будете обслуживать тех, кого обслуживали раньше.

– Живых людей?

– Вот именно.

– Гм... Конечно, есть такие писатели, которых читают и после их смерти. Это классики. А мои сочинения умерли вместе со мной, некоторые даже раньше.

– Вы меня не поняли. Вы не будете плодить макулатуру, какую фабриковали при жизни.

Здесь, у нас, все заняты исключительно полезным делом. Лично вы будете сочинять сны.

– Сны?! Я?..

Честно, я никогда не думал, что сны кто-нибудь сочиняет. Да и кто может сочинять сны другого человека? Для этого нужно, как минимум, залезть к нему в душу. Ведь персонажи снов – это лица и события, которые выплывают из памяти... Откуда мне знать, что там хранится, в памяти незнакомого человека? Чужая душа потемки.

Я ничего этого не успел сказать, лишь подумал, но Сам, видимо, в словах не нуждался.

– Для нас, – сказал Он, – чужая душа отнюдь не потемки, а вся – как на ладони. Когда человек засыпает, ангел-хранитель берет его душу и приносит сюда, к нам. Здесь ее тщательно изучают, и мы принимаем решение: вернуть человеку к утру его душу или оставить на небесах.

– То есть человек может и не проснуться?

– Да. Если душа его не пригодна для дальнейшего существования на земле.

– Что значит, не пригодна?

– Ну, не способна двигать далее человечество по пути добра.

Ты представляешь, дорогой читатель – если вообще существует читатель моих посмертных записок – какое меня охватило отчаянье? Тысячу раз прав классик, изрекший: «На свете правды нет, но нет ее и выше!»

– Делайте со мной что хотите! Плевать, я и так уже умер. Но я вам прямо скажу: либо вы бездушные бюрократы: бессмысленно штампуете свои решения; либо ослепли, оглохли и окончательно оторвались от жизни: вам сверху не видно абсолютно ничего! Сколько их не проснулось по утрам добрых, хороших, дорогих и детям своим, и женам, и близким своим и далеким, даже святых, если хотите знать, людей! И сколько просыпается всякой сволочи, готовой встать и идти на подлости, даже убийства...

Ни молний, ни громов в ответ не последовало.

– Успокойтесь, – сказал Он. – Оставьте эмоции для ваших сочинений. Пути добра и зла для вас неисповедимы. Отнюдь не такие искушенные люди, как вы, а совсем простые смертные, давно изобрели пословицу «от добра добра не ищут». Но, может быть, самый большой злодей на свете посеет такой ужас в мире, что уже никто никогда не примирится со злом. Нет дня без ночи, отлива без прилива и добра без худа.

Честно – меня этот ответ не удовлетворил. Но что я мог сделать? Если Он так устроил жизнь, значит, не мог иначе. А я, тем более, бессилен что-то изменить.

– Что от меня требуется?

– Помочь человеку пережить это испытание. Еще неизвестно, вернется ли к нему его душа, а он уже ощутит ее отсутствие и перепугается до смерти. Ну вот. А если он видит сон, значит, думает, что жив. Логично?

– Трудно не согласиться.

– Вот и приступайте к делу. На складе вам дадут душу спящего, вы ее потрясете и из того, что вытрясете, соорудите человеку сон. Поинтереснее. Не мне вас учить. С Богом!

Он вызвал ангела, который сопровождал меня в хранилище спящих душ. Они были сложены рядами на стеллажах, впритирку друг к дружке, как книжки в

библиотеке. Только, в отличие от книжек, некоторые сопели и похрапывали.

Я в этом огромном зале оказался далеко не единственным сочинителем. Тут работали толпы моих коллег, среди них члены Пен-клуба и даже лауреаты Нобелевских премий, с кем-то я встречался в курилке Дома литераторов, иных я знал только по портретам или бюстам на площадях. У некоторых присутствовал на похоронах.

Я быстро постиг методы их работы здесь и понял, что Сам совершенно справедливо не дал им доспать до утра. Все они были отпетые халтурщики. Никаких снов не сочиняли. Просто снимали душу с полки встряхивали, как стаканчик с игральными костями, и тот хлам, что оказывалось на поверхности ссыпали в пластиковые мешочки, приклепывали липучку-квитанцию с именем душевладельца и бросали на ленту транспортера, который двигался по кругу, как в багажном отделении аэропорта. Ангелы-хранители расхватывали души с транспортера и летели к своим подопечным. Вот и весь процесс.

А я, что, рыжий? Я последовал их примеру. Снял с полки первую попавшуюся душу, встряхнул, ссыпал, приклеил, бросил... Но, когда ангел-хранитель, схватил упаковку, я к нему подошел.

– Слушай, будь другом, дай поглядеть на плоды своего творчества, если это можно так назвать.

Ангел оказался добрым малым:

– Ладно, можешь посмотреть, что человеку снится. А я, тем временем, перекимарю хотя бы одну ночь.

И вот что приснилось человеку. Будто он живет в большой старой коммунальной квартире, где на кухне 24 плиты, столько же кухонных столиков и 24 бабы дерутся за один кран над грязной чугунной раковиной. Все эти бабы на самом деле секретные сотрудники НКВД и бегают жаловаться на него товарищу Сталину, который живет с ним в одной комнате, за ширмой, и спит в солдатской койке, застланной серым одеялом шинельного сукна с надписью «ноги». Соседки клянутся на сталинской конституции, что человек, которому все это снится, не выключает свет в уборной. Но Сталин, оказывается, не просто Сталин, а его

покойный отец, хотя у его отца была вроде бы совсем другая физиономия, и он не курил трубки. Теперь же Сталин, идя навстречу пожеланиям соседок, принимает решение расстрелять собственного сына. Сын умоляет его пощадить, взывая к отцовским чувствам, но у Сталина отклеиваются усы, и это уже не Сталин, а Путин, и соседки волокут беднягу в уборную – «мочить в сортире»....

Тут он, слава Богу, проснулся: душу сняли с полки и отправили прямиком к владельцу.

А я твердо решил в следующий раз по возможности изучить доверенную мне душу спящего, прежде чем перетряхивать почем зря. Однако к тому времени, когда я пришел на работу, мои коллеги уже расхватали все души с полок и так активно халтурили, что и не подступись.

Но в углу на голом столе, обитом железом, я заметил, лежали несколько папок с душами.

Я сунулся, было, туда, но ангел-уборщик, который катал пылесос, остановил:

– Эй ты, писатель гребаный! Нафиг тебе эти души, когда они почитай, что мертвые? Уже отмечены. К утру переложат на стол регистрации мертвых, и – с концами.

И покатил дальше свой пылесос. А я схватил полумертвую душу, ту, что с краю, раскрыл и провалился в бездну.

Память души вообще бездонна, потому что никто не помнит начала дней своих. А это был уже очень старый человек, взваливший на себя все тяготы века. Смерть вспахивала землю у самых глаз его, глядевших из-под каски на краю окопа. Смерть держала его под прицелом, стоя на вышке над колючей проволокой, окружавшей концлагерь, смерть подстерегала его на скалах, где камни осыпаясь из-под ноги, летели в пропасть, и вот сейчас смерть уселась у изголовья, рядом с тумбочкой бесполезных лекарств и просто лениво ждет.

Я взял его душу под мышку и пошел в канцелярию, где под дверью с табличкой «Ангел смерти» меня остановила секретарша:

– Вы записаны на прием?

– Я уже был...

На самом деле не я побывал у Ангела смерти, а он у меня, но секретарша растерялась, и я вошел.

– За что вы убиваете этого человека? Мало его убивали?!

– Не «за что», – поправил меня ангел, – а «почему». Сколько можно умирать? Человек устал. Здесь ему будет спокойнее. Вы, надеюсь, успели убедиться: не так страшна смерть, как ее малюют.

– Страшна не смерть, а потеря жизни.

С этими словами я вышел, и я уже знал, что делать. Прежде всего, отыскать тайники души. Отыскал и заглянул. Тайников в бездонной душе оказалось немного, всего два: Река и Лодка. Два любящих друг друга существа, которых только он соединял, пока были силы.

И я сочинил ему сон.

Спящий старик ощутил забытую легкость в теле и увидел мужика лет сорока пяти с каштановой бородой, слегка подсвеченной серебристыми волосками. Не сразу догадался, что это он сам и есть. А, когда влез в свою прежнюю шкуру, обрадовался, легко взобрался на стремянку, которая почему-то стояла в передней, и полез на антресоли, где лежали тюки с байдаркой, отданной 30 лет тому назад какому-то салаге, разбившему ее на порогах. Во сне байдарка оказалась целехонькой, упакованной, пересыпанной тальком. И палатка на месте, и спальный мешок, и надувной матрас, и «загорелый» котелок, и даже брезентовые рукавицы «кострового». Все это снаряжение он погрузил на самодельную тележку с двумя колесами от детского велосипеда и отворил двери... Волна влажной свежести ударила ему в лицо, с запахом промытой зелени, всплесками рыб и свистом крыльев стрижей над поверхностью светлеющих вод. Это Река вышла навстречу Лодке. Ее темно-зеленые кудри летели вместо с течением туда, где она намывала елочкой песок и резвились литые рыбы с алым оперением.

Он сбросил штормовку, расшнуровал тюки. Из дерева, пластика и брезента и дюраля в его руках стала формироваться лодка. И вот она уже родилась: длинная, синяя, туго натянутая на деревянные ребра-шпангоуты и

гибкие стрингера. «RZ» – эрзетка, сделанная в GDR, где вероятно еще не забыли об изяществе обводов спортивных речных судов, несмотря на социализм. Высокий и широкий носовой отсек, и низкий зауженный – кормовой соединялись красными полосами фальшбортов в единое – неразделимое, вытекающее одно из другого. Стоит взмахнуть крылатым веслом из отполированного дерева, крытого лаком, как скрипка Страдивари, и синяя птица помчится стрелой, почти не прогибая речное зеркало...

Но он задержался, во сне собирая лодку, до утра, которое не должно было наступить для него. В комнату вошла женщина из социальной службы, приставленная к нему, и увидела лежащего на диване старика с отвисшей челюстью и остекленевшими глазами. Привычная ко всему, она позвонила в скорую и в милицию.

Пока они ехали по городу, он столкнул лодку на воду. Река мягко спружилила, лодка качнулась, днище ощутило ласковый холодок.

– Поцелуйтесь, девочки, – сказал он Реке и Лодке.

Разул кроссовки, рассчитано точно поставил босую ногу так, чтобы не нарушить равновесия, сел и уперся ногами в рулевую планку. Взял весло с развернутыми наподобие пропеллера лопастями – оно лежало вдоль борта...

Когда труп, накрытый с головой, выносили ногами вперед из опустевшей квартиры, он был уже далеко отсюда.

...Пришел ангел-регистратор и душу, над которой я только что трудился, переложил на стол смертей. В тайники никому не нужной души он, естественно не стал заглядывать. И не учел, конечно, что двух вещей, превращенных мною в сон, там не хватает.

Вот он и плывет по моей бесконечной реке в своей длинной лодке.

Хаим Соколин

И сотворил Бог нефть...

**(Роман в двух частях с возможностью
продолжения, если на то будет воля Божья)
(продолжение. Начало в № 7(8))**

14

ля офиса «Дабл Эй» был снят старинный двухэтажный особняк в Буэна-Виста, тихом южном районе Гибралтара. Наверху были кабинеты Алекса, Рона и общая приемная с двумя секретарями. Внизу – зал заседаний и комнаты Габриэля и Гидеона. Кроме того, имелись свободные помещения, которые можно было разделить временными перегородками и превратить в рабочие комнаты. Здание оборудовали системой наблюдения и сигнализации. Все было готово к началу рекламной кампании. Объявления о продаже Камерона были разосланы в несколько ведущих нефтяных журналов, а также в газеты «Уолл-стрит Джорнэл» и «Файнэншиэл Таймс».

Тем временем «Игл Корпорэйшн» и еще две компании, которые вели разведку на остальных блоках в районе трех озер, закончили сейсмические исследования и пробурили пять скважин – по одной на каждом блоке. Все они оказались сухими, без нефти. Такая тотальная неудача на фоне загадочного успеха «Дабл Эй» требовала детального геологического анализа и объяснения.

Билл Дэвис и Джек Тэйлор вынуждены были снова вернуться к этому вопросу. После скандала в Чикаго они приложили немало усилий, чтобы дистанцироваться от итальянской аферы, как она стала официально называться в компании. Во время расследования они старались держать

«низкий профиль», и их репутация не пострадала. По молчаливому согласию они долгое время избегали касаться всего, что связано с «Дабл Эй», ибо именно от нее потянулись нити в Милан. И вот теперь они снова попытались разобраться в этой загадочной истории. И сделали это вдвоем, не привлекая никого больше.

– Итак, Джек, с чего начнем? – Дэвис перебросил мяч Тэйлору.

– Я бы хотел начать с того, чем закончил в тот раз, когда мы обсуждали этот вопрос с Флемингом. Как помните, Билл, я сказал тогда, что если я прав, то на пяти других блоках, включая наш, нефти нет. К сожалению, я оказался прав. И сейчас я более чем когда-либо убежден, что «Дабл Эй» работает прямым методом. Для меня до сих пор остается загадкой, что наш генерал натворил в Италии. На кого он там вышел? Или на кого его вывели? Это вообще темная история. И я бы хотел вернуться к ее истокам. Как вообще возник этот итальянский след? Насколько я помню, впервые намек насчет итальянцев прозвучал в вашем выступлении в Чикаго. Не так ли, Билл?

– Да, действительно, у меня возникло такое подозрение. Но потом, как вы помните, его подтвердил Фрэйзер из «Независимых детективов». Так что Андерсона занесло в Италию не из-за меня, а скорее из-за Фрэйзера.

– Слушайте, Билл, поймите меня правильно. Мы с вами сейчас не на комиссии. И если мы действительно хотим распутать этот клубок, то начинать надо сначала. Могу ли я все-таки спросить – как у вас возникло подозрение насчет итальянцев?

– Ну, во-первых, в Чикаго я сказал, что полной уверенности в том, что «Дабл Эй» итальянская компания, у меня нет. А что касается причин для подозрений, то, честно говоря, сейчас они не кажутся мне такими серьезными. Мне бы не хотелось уточнять. Знаете что, Джек, а не вернуться ли нам снова к записи, которую Фрэйзер сделал в Вермиллионе? Пусть ее прослушает кто-нибудь из наших итальянцев.

– Вы в чем-то сомневаетесь? Я не очень понимаю.

– Сейчас поймете.

Дэвис вызвал секретаря.

– Пригласите, пожалуйста, Сильвию Маленотти из финансового отдела.

Через несколько минут в кабинет вошла женщина лет сорока ярко выраженной итальянской внешности.

– Здравствуйте, Сильвия. Нам требуется ваша помощь. Экспертиза, я бы сказал. Вы сейчас прослушаете короткую магнитофонную запись. Там есть несколько слов по-итальянски. А потом я задам вам пару вопросов.

Дэвис вставил кассету и включил магнитофон. Сильвия внимательно слушала.

– Вы хотите спросить, мистер Дэвис, что такое «буона ноттэ»? Это «спокойной ночи».

– Спасибо, Сильвия. Еще один вопрос. Не могли бы вы сказать, судя по произношению, – это итальянцы или нет?

– Нет, мистер Дэвис, это не итальянцы. Тут нет сомнений. Интонация совершенно не итальянская.

– Спасибо, Сильвия. Вы нам очень помогли.

Когда Маленотти ушла, Дэвис обратился к Тэйлору.

– Ну, теперь вам понятно, Джек?

– Да, теперь понятно. Они обвели нас вокруг пальца. Здесь напрашиваются два вывода. Во-первых, они обнаружили «жучки» Фрэйзера. Такую возможность еще можно допустить. А во-вторых, впечатление такое, будто им было известно, что говорилось об итальянской версии на Совете директоров в Чикаго. И они решили отправить нас по этому следу. Иначе – зачем устраивать этот спектакль с «буона ноттэ»? Теперь у меня нет даже уверенности, что они вообще связаны с «Петролеум Италиано». Бедный Андерсон. Мне начинает казаться, что мы все жертвы какой-то ловкой мистификации.

– Не знаю, Джек, не знаю. Мы что-то еще больше запутываемся. Уж не связан ли с ними кто-то из Совета директоров? Теперь я бы ничему не удивился...

На следующий день Тэйлор зашел в кабинет Дэвиса. Он был заметно возбужден. В руках у него был свежий номер «Файнэншиэл Таймс». Тэйлор раскрыл газету на странице объявлений и положил ее на стол перед Дэвисом.

Текст в большой черной рамке был обведен красным карандашом.

– Что это значит, Джек? Они что – продают Камерон? – Дэвис не скрывал удивления.

– Ничего другого из этого не следует. Это не настоящая нефтяная компания. Они действуют по принципу «хватай и беги», в смысле – «открывай и продавай». Случайные люди в нашем бизнесе.

– Да, но как же тогда им удалось так ловко все проверить на Камероне?

– Это другой вопрос. Я по-прежнему убежден, что у них есть «наводчик», который владеет методом прямого обнаружения. Я имею в виду, что здесь комбинация метода и больших денег. У них нет своей инфраструктуры – это ясно. Только метод и деньги. Поэтому они и сидят в Гибралтаре. С таким же успехом могли выбрать Каймановы острова или любой другой офшорный угол.

– А как же ваша идея насчет того, что за ними стоит какая-то крупная корпорация?

– Теперь я в этом не уверен. В таком случае они не стали бы продавать Камерон.

– Знаете, о чем я сейчас подумал, Джек? Хотя Андерсон и попал в дерьмовую историю, его слова о том, что существуют только два способа выжить, остаются в силе. Я имею в виду – или метод «Дабл Эй» будет работать на нас, или мы должны сделать так, чтобы ни метод, ни «Дабл Эй» не существовали. Проблема не исчезла. И если вы правы в том, что здесь действует не корпорация, а какой-то гениальный изобретатель-одиночка, то наша задача упрощается. Борьбаться с корпорацией трудно, купить ее невозможно. Ну а человека или нескольких всегда можно купить. Вопрос только в цене. Что вы на это скажете, Джек?

– Во-первых, Билл, я бы не стал пользоваться словами «гениальный изобретатель». Просто из суеверия – вспомните статью в «Сан». Возникает неприятная ассоциация.

При этих словах Дэвис рассмеялся. Не удержался и Тэйлор. Чувствовалось, что история с проктоскопом веселит их не в первый раз.

– Ну, а во-вторых, – продолжал Тэйлор, – у нас действительно нет иного выхода. Надо во что бы то ни стало добраться до их лабораторной базы. Кто знает, где они будут работать в следующий раз или уже работают? Поэтому единственная возможность не упустить их из виду – это отправиться в Гибралтар, сделать заявку на торги и принять в них участие.

– Да, пожалуй, вы правы, Джек. Я сообщу президенту. А уж он будет решать – делать это своими силами или опять действовать через Чикаго.

15

Отклик на объявление о продаже Камерона был значительный. Алекс и Рон отобрали семь наиболее серьезных заявителей и послали им приглашения. Многие другие компании проявили определенный интерес, но хотели получить дополнительную информацию до начала торгов. Эти компании решено было включить в список на второй тур – на случай, если месторождение не будет продано.

Среди приглашенных был и канадский филиал «Игл Корпорэйшн». Совет директоров в Чикаго еще не оправился от шока, связанного с итальянской аферой, и поэтому отказался иметь дело с «Дабл Эй». Но против участия канадцев не возражал. Возглавлял группу Билл Дэвис. В нее входили эксперты по вопросам геологии, геофизики, экономики нефтяного рынка, юристы. Всего шесть человек. Аналогичные экспертные группы прибыли и от других компаний.

В назначенный день участники торгов собрались в небольшом конференц-зале офиса «Дабл Эй». Сессия началась с информации Рона Бермана о юридическом статусе месторождения. После этого Алекс дал его геологическую и техническую характеристику, сообщил сведения о запасах нефти, ее физических и химических параметрах. Затем Рон назвал стартовую цену месторождения – триста миллионов долларов. Каждая группа получила полный комплект юридических, геологических и технических документов. В их распоряжение были предоставлены удобно оборудованные

рабочие комнаты, в которых они могли в течение недели изучать материалы.

Габриэль и Гидеон делали свою часть работы. Комната «Игл Корпорэйшн» была поставлена на прослушивание, и был записан разговор между Дэвисом и Тэйлором.

Дэвис: Похоже, что я ошибся. Этот мистер Франк не мелкая рыбешка, а чуть ли не глава всей конторы. К тому же хорошо разбирается в технике разведки.

Тэйлор: У меня такое же впечатление. Пока не совсем ясно, к какой части связки он принадлежит. Я имею в виду связку «метод – деньги». Логически рассуждая, если бы он был причастен к методу, то ему здесь не место. Аукцион – это дело специалистов по маркетингу и юристов. Но и на финансиста он не похож.

Дэвис: Да, пока мы ни на шаг не приблизились к разгадке. Интересно хотя бы узнать, из какой они страны. Со времени итальянской аферы Андерсона мы все еще топчемся на месте. Джек, а не поговорить ли вам с секретаршей? У вас это хорошо получается.

Через некоторое время Тэйлор зашел в приемную и попросил у Мерседес, молодой симпатичной служащей, машинку для заточки карандашей. Между ними завязался легкий разговор о разных пустяках, в том числе о погоде. Тэйлор как бы невзначай заметил: «Интересно, на родине вашего босса сейчас так же жарко?». Мерседес ответила с милой улыбкой: «В Южной Африке? Не знаю, никогда там не была». Тэйлор вернулся и сообщил об этом Дэвису.

– Черт знает что, – прокомментировал Дэвис, – так мы можем гоняться за их лабораторией по всему миру. Потом еще окажется, что она вообще в России или Израиле, как в шпионских фильмах.

В последующие дни Дэвис и Тэйлор больше не возвращались к загадке «Дабл Эй». Другие эксперты обменивались лишь короткими замечаниями о качестве материалов, признавая его весьма высоким. Только однажды возник общий оживленный разговор, который касался отсутствия сейсмограмм. Но Дэвис быстро снизил его накал,

сказав, что не стоит это обсуждать. «Они вообще не делали сейсмику, мы это давно знаем».

Через неделю состоялась вторая сессия, во время которой Алекс и Рон отвечали на вопросы. Наиболее острый вопрос поступил от «Игл Корпорэйшн» – почему в комплекте документов нет сейсмограмм? Ответ был подготовлен заранее. Алекс сказал, что, к сожалению, по техническим причинам сейсмограммы оказались такого низкого качества, что не было ни малейшей возможности использовать их для выбора точек бурения. В то же время сроки бурения были определены заранее жестким контрактом с буровой фирмой. Нарушение сроков грозило выплатой большой неустойки. Поэтому решили пойти на риск и бурить скважины без учета сейсмических данных. К счастью, удача сопутствовала компании, о чем свидетельствует открытое месторождение. Ответ, разумеется, не удовлетворил экспертов «Игл Корпорэйшн», но они промолчали. Остальные были удивлены, но объяснение приняли. В конце концов сейсмические исследования – это лишь промежуточный вспомогательный этап разведки, а ее главный конечный результат – само месторождение. Все понимали, что речь идет о покупке нефти, а не сейсмограмм. После окончания ответов на вопросы участникам были розданы конверты, в которых они должны были представить на следующий день свои предложения о цене.

В десять утра семь конвертов были вручены адвокату «Дабл Эй» Рону Берману. Он вскрыл их, ознакомился с предложениями и объявил: «Нефтяное месторождение Камерон приобретено компанией «Тикоку Петролеум», Япония, предложившей за него триста пятьдесят миллионов долларов». После этого Рон поблагодарил всех участников за внимание и за время, которое они уделили аукциону. Он попросил мистера Хироши Нагата и его коллег остаться для оформления сделки и согласования плана поездки в Канаду.

16

Весь следующий год группа «Дабл Эй» занималась в основном своими финансовыми и организационными делами. Алекс и Андрей переехали в Кесарию, в большие комфортабельные дома, покупку которых помог оформить Рон Берман. В подвальном этаже дома Андрея было оборудовано специальное помещение, в котором установили прибор и все необходимое вспомогательное оборудование. В него вела массивная бронированная дверь, замаскированная под капитальную стену. Для непосвященных она была незаметна. Это обширное помещение, как и весь дом, было оборудовано системой наблюдения и сигнализацией. Андрей собрал еще один прибор – точную копию первого. Он был установлен в таком же специальном помещении в доме Алекса. По существу, обе лаборатории дублировали одна другую. Но вторая считалась резервной. Рахель, физик по специальности, освоила методику анализа и работу на приборе.

В течение года они встречались со Шмуэлем всего несколько раз, время от времени перезванивались. О делах почти не говорили. При одной из встреч, когда он зашел ознакомиться с лабораториями, Шмуэль посмотрел на них со своим обычным хитроватым прищуром и сказал: «Хотите знать, молодые люди, кого мы все трое сейчас напоминаем? Шайку грабителей, которые взяли крупный банк и легли на дно в надежде, что про них забудут. Это обычная философия налетчиков. Но в ней есть два изъяна. Во-первых, про них не забудут. Такие дела не имеют срока давности. А во-вторых, рано или поздно они сами дадут о себе знать, присмотрев где-нибудь другой банк. Это как наркотик». Все рассмеялись, признав, что в этой шутке что-то есть. Но больше они к ней не возвращались.

Однажды Шмуэль пригласил их приехать. На небольшом угловом столике в его кабинете стояла бутылка вина, три бокала и ваза с фруктами.

– Я пригласил вас, молодые люди, чтобы отметить скромный юбилей.

Алекс и Андрей удивленно переглянулись.

– Так я и знал. Вы заняты большими делами и не помните маленькие даты. Но старики помнят все. Сегодня ровно год, как компания «Тикоку Петролеум» купила свое первое нефтяное месторождение в Канаде. Предлагаю выпить по рюмочке за это знаменательное для нас и для японцев событие.

Шмуэль наполнил бокалы и все выпили.

– Но если вы полагаете, что дело закончится только этим, то ошибаетесь, – продолжал он. – Завтра вы вместе с женами приглашаетесь на борт «Звезды Кашмира». Мы выйдем в море и отметим эту дату так, как она того заслуживает.

Им уже приходилось участвовать в морских прогулках с неперменной рыбной ловлей на этой роскошной двухпалубной яхте. И каждый раз впечатление было незабываемым. Однажды они спросили Шмуэля, что означает это романтическое название. «Здесь нет романтики, – ответил он, – яхта названа в знак дружбы». И Шмуэль рассказал удивительную историю.

Он вырос в Галилее в многодетной крестьянской семье. Отец, родом из белорусского местечка, был фермером, тяжело работал на каменистой земле. Еды было в обрез. Два раза в неделю мать выпекала домашний хлеб. Это было самое большое лакомство – теплый душистый хлеб, прямо из печи. В первые два дня он был особенно вкусным, но потом постепенно черствел, и есть его уже не очень хотелось. Однако в семье было твердое правило – никто не получал свежий хлеб, пока не съедал предыдущую порцию. Поэтому дети прибегали к невинной хитрости – незаметно выбрасывали черствый хлеб, чтобы поскорее получить свежий. Часто отец находил его и после короткого дознания обнаруживал виновника. И тогда начинался долгий воспитательный разговор, который предварялся неизменной фразой: «Вот ты сейчас выбросил кусок хлеба. А в это время в Индии дети мечтают о нем и умирают от голода...». Шмуэль не знал, где находится Индия и почему у детей там нет хлеба. Но он возненавидел их.

В возрасте четырнадцати лет Шмуэль, вместе с группой школьников, был послан на две недели в Лондон

для участия во встрече подростков из стран Британской империи. Детей поселили в двухместных комнатах, намеренно перемешав представителей разных народов. Когда Шмуэль вошел в выделенную ему комнату, там уже находился смуглый мальчик. Он приветливо улыбнулся, обнажив ослепительно белые зубы, протянул руку и сказал: «Меня зовут Радж, я из Индии». Шмуэль никогда раньше не видел индийцев. И прежде чем успел что-то сообразить, детские воспоминания вдруг нахлынули на него, и он выпалил: «Я ненавижу индийцев!». Радж замер от неожиданности, а затем чуть не в слезах выбежал из комнаты. Потом они стали большими друзьями и остаются ими всю жизнь. У них даже есть совместный бизнес в Австралии. Радж очень богатый человек, и его яхта называется «Звезда Галилеи». А родился он в Кашмире. Поэтому яхта Шмуэля называется «Звезда Кашмира». «Между прочим, – закончил Шмуэль эту любопытную историю, – Радж тоже участвует в наших делах, хотя и не знает об этом. Часть денег на разведку Камерона я перехватил у него. Под нормальный банковский процент, разумеется».

Погода стояла прекрасная. Это было лучшее время года в Израиле. Не жарко, легкий освежающий ветерок, на небе редкие перистые облака. «Звезда Кашмира» вышла в море на траверзе Герцлии. Когда отошли от берега миль на десять, Шмуэль пригласил мужчин спуститься на нижнюю палубу. Там в специальном вырезе на корме уже были приготовлены три спиннинга. Они сели в удобные глубокие кресла, и азарт рыболовов мгновенно охватил их. «Идет охота на тунцов, идет охота...» – пропел Алекс фальцетом. Андрей быстро вырвался вперед – он вытаскивал этих крупных рыбин одну за другой. Алексу везло намного меньше. А Шмуэль, казалось, и не думал о рыбалке. Ему важен был сам процесс, сидение на корме и наблюдение за азартом своих гостей. «Интересно, – подумал Алекс, – у нас с Андреем и опыт одинаково небольшой, и умение примерно то же. Но у него клюет, а у меня почти нет. Вот яркий пример слепого везения, что бы там ни говорили».

Его размышления прервал голос Шмуэля: «А не поговорить ли нам, молодые люди, о рыбалке другого рода. Как насчет банка?»

Алекс и Андрей поняли его с полуслова. Они улыгнулись и согласно кивнули.

– Вроде бы пора, – сказал Андрей.

– Возражений нет, – добавил Алекс, – надо только осмотреться и выбрать район получше. Чтобы улочка была безлюдная, фонари неяркие, и полиции поблизости не густо.

– Ну, насчет района – это по твоей части. Но вот мне вчера звонил Радж. Он говорит, что в Австралии сейчас нефтяная разведка на подъеме. Упомянул штат Квинсленд. Что ты об этом знаешь, Алекс? – спросил Шмуэль.

– Да, в Квинсленде сейчас нефтяной бум. Там и в соседнем штате Южная Австралия открыты несколько больших месторождений. Район интересный. Но улочка эта уже далеко не безлюдная и освещена довольно ярко. Туда в последнее время ринулись многие крупные компании. И им даже приходится работать локтями. Это как тот ресторан, в который никто больше не ходит, так как там всегда полно народа. Однако посмотрим. Может быть, и нам на бедность что-то осталось.

– Ну что ж, возможно, старина Радж подал неплохую идею. Вот и ты ее поддерживаешь. Одна голова хороша, а две лучше, как говорят мутанты. – Шмуэль произнес эти слова со своим неподражаемым прищуром.

17

– Звонит мистер Эванс из «Альбион Энерджи», – услышал Дэвис голос секретаря. – Вас соединить?

– Да, да, соединяйте.

– Хэлло, Билл, как поживаешь? – послышался густой бас Эванса.

– Все в порядке, Ларри. Рад тебя слышать. Как ты?

– Не могу жаловаться. Много работы. Есть интересные открытия. Мы сейчас влезли в Квинсленд. Очень любопытный район. Слушай, Билл, я тебе как раз звоню по этому поводу. Помнишь, при встрече ты мне говорил про «Дабл Эй»? Так вот, они теперь наши соседи в

Австралии. Как только узнал об этом, сразу вспомнил тот разговор. Ты сказал, что они странные ребята, работают не по правилам. Признаюсь, я тогда не очень понял, что ты имел в виду. А сейчас все стало ясно. Они просто дилетанты. Взяли самый дохлый блок и уже тащат туда буровой станок. Даже сейсмику не сделали. Ты просил известить тебя, если что узнаю. Вот и сообщаю.

– Спасибо, Ларри. Огромное спасибо. Ты не представляешь, какую важную новость рассказал. – Дэвис с трудом перевел дыхание. – И знаешь что, Ларри, не торопись с выводами. Это не дилетанты. Это очень опасные люди. Очень.

– Билл, теперь я опять ничего не понимаю. Не мог бы ты объяснить, в чем все-таки дело?

– Это очень долгий разговор, Ларри. И очень серьезный. Нам надо встретиться. Ты не собираешься в ближайшее время в наши края или в Штаты?

– О'кей, Билл. О'кей. Ты меня просто заинтриговал. Через неделю я должен быть в Денвере. Подскочишь?

– Обязательно. Ну, до встречи, Ларри.

Через неделю они встретились в Денвере, в гостинице «Кембридж», и Билл Дэвис рассказал Ларри Эвансу все, что ему было известно о «Дабл Эй», – до мельчайших подробностей, включая итальянскую аферу и продажу месторождения Камерон японцам. Рассказ произвел на Эванса большое впечатление.

– Итак, – подвел итог Дэвис, – год о них ничего не было слышно. И вот они вынырнули в Австралии. Я не сомневаюсь, что результат будет такой же, как и в Альберте. По воле судьбы твоя и моя компании оказались в одинаковом положении. Я имею в виду соседство с «Дабл Эй». Поэтому мы можем считать себя в известном смысле партнерами. И как партнер предупреждаю тебя, Ларри, – не повторяйте наших ошибок. Мы приложили большие усилия, чтобы что-то узнать о них. Результат почти нулевой. Смешно, но мы даже не знаем, из какой они страны, где их лабораторная база. О том, что именно они определяют в почве, и говорить не приходится. Учти, они мастера путать

следы. То устраивают этот спектакль с Италией, потом вдруг их секретарь в Гибралтаре сообщает, что ее босс живет в Южной Африке. Очередное вранье. Короче говоря, Ларри, мы отказались от дальнейших усилий. К тому же они убрались из Канады и теперь для нас недостижимы. Поэтому передаю проблему тебе. У «Альбион» больше возможностей, чем у «Игл». У вас, насколько я знаю, есть специальный отдел, который занимается нестандартными ситуациями. Вам и карты в руки. Расколите этот орешек. А в случае успеха не забудь старину Дэвиса.

– Спасибо, Билл. Все, что ты рассказал, чертовски интересно. Просто не верится, что после стольких неудач и афер это кому-то удалось. Достаточно вспомнить скандал с нюхающим самолетом «Элф-Аквитан» в начале восьмидесятых... Я немедленно сообщу президенту. Надеюсь, мы что-то придумаем.

Для базы «Дабл Эй» был выбран городок Лонгрич, в центре штата Квинсленд. Скважина на блоке Уинтон бурилась в восьмидесяти километрах от этого места. Единственная достопримечательность городка состоит в том, что он находится точно на широте тропика Козерога. Поэтому его иногда называют городом тропика Козерога, подобно тому как Денвер называют городом одной мили, так как он расположен точно на этой высоте над уровнем моря. Соответственно и самая приличная гостиница в Лонгриче называется «Козерог». В ней и были сняты комнаты для Алекса, Габриэля и Гидеона.

Лонгрич – типичный провинциальный городок в австралийской глубинке. Почти все мужское население его занято в нефтяной промышленности, возникшей за последние годы. Вечера мужчины обычно проводят в пабах и бильярдных. А женщинам вообще нечем заняться, кроме домашней работы. Поэтому, когда в местной газете появилось объявление о предстоящем открытии школы аэробики, это вызвало большой интерес, и желающих оказалось больше, чем она могла вместить. Интерес еще более усилился, когда газета опубликовала интервью с Юдит Добос, инструктором по аэробике и организатором

школы. Юдит рассказала, что окончила физкультурный институт в Венгрии, аэробикой занимается шесть лет. Два года назад эмигрировала в Австралию и сейчас решила открыть собственную школу. С газетной фотографии на читателя смотрела красивая молодая женщина с большими черными глазами и короткой мальчишеской стрижкой. Вскоре Юдит Добос стала популярна в городе. На рекламных щитах были расклеены афиши с ее портретом, пропагандирующие аэробику. Одна из таких афиш красовалась и перед входом в «Козерог».

...Как-то вечером Алекс возвращался со скважины по пустынной дороге. Километрах в десяти от города он увидел на обочине старенькую «мазду» с поднятым капотом и стоявшую рядом женщину, растерянно взиравшую на двигатель. Он остановил машину и спросил, не нужна ли помощь. Женщина неуверенно развела руками.

– Не знаю, сможете ли вы помочь. Кажется, вытекло все масло.

Под машиной действительно было большое масляное пятно. Здесь требовался серьезный ремонт. Поэтому единственное, что Алекс мог предложить, – это подвезти ее в город.

– А я вас узнал, – сказал он, когда она села рядом. – Вы, кажется, занимаетесь аэробикой. А зовут вас...

– Юдит. Юдит Добос, – улыбнулась она.

– Да, вспомнил, Юдит Добос. Я видел вашу фотографию перед входом в «Козерог». Меня зовут Алекс Франк, – представился он.

– Приятно познакомиться, мистер Франк, – ответила Юдит. – Так вы живете в «Козероге»?

– Да. А вы?

– А я снимаю квартиру недалеко от гостиницы.

Наступило молчание. Разговор не клеился. Юдит больше ни о чем не спрашивала, а Алекс считал неудобным проявлять чрезмерное любопытство. Въехали в город, и Алекс подвез Юдит к небольшому двухэтажному дому. Она поблагодарила его и вышла из машины. Он вдруг почувствовал, что не хотел бы вот так оборвать это неожиданное знакомство, и тоже вышел.

– Так ваша квартира в этом доме?

– Да, на втором этаже.

– И что же, вы живете здесь одна?

– Одна, – спокойно ответила Юдит.

– И вам не скучно? Я понимаю, вы заняты школой.

Но ведь это не отнимает все время. А что вы делаете вечерами?

– Скучновато, конечно. Вечерами читаю, слушаю музыку, пишу письма.

– По вечерам я тоже не знаю, куда себя деть. Книги, музыка – это, конечно, отвлекает, но не заменяет человеческого общения. Почему бы нам не посидеть где-нибудь за чашкой кофе, не поболтать. Не сочтите за навязчивость, но мне кажется, у нас найдутся общие темы для разговора.

– Не знаю, право, мистер Франк. Идти в кафе мне не хочется, я немного устала сегодня. А дома у меня такой беспорядок, что было бы безрассудством приглашать вас. – Юдит смущенно улыбнулась.

– Ну, если дело только в беспорядке, то пусть вас это не беспокоит. Такие вещи я просто не замечаю.

– Что ж, тогда идемте. Но пеняйте на себя.

Они поднялись в маленькую двухкомнатную квартирку. Беспорядок был только в том, что на стульях были разбросаны халат, бюстгальтер и пара трусиков. Все это Юдит торопливо схватила в охапку и отнесла в ванную. На стенах висели фотографии с видами Венгрии и портреты пожилых мужчины и женщины.

– Родители, – сказала Юдит, увидев, что Алекс рассматривает их.

– Вы похожи на мать, – заметил Алекс.

– И на отца тоже, – добавила она.

Юдит приготовила вкусный кофе по-венгерски, поставила на стол вазу с печеньем и бутылку ликера. Разговор никак не завязывался, шел натянуто, с неловкими паузами. Юдит почти не задавала вопросов, и Алексу казалось, что он ей просто неинтересен. Это еще больше сковывало его. В общем-то Алекс не был скучным собеседником. «Дело, наверное, в возрасте, – решил он. – Ей

не больше тридцати, ну а мне от моих пятидесяти никуда не деться. Да, эти двадцать лет разницы никаким умным разговором не заполнишь». Он встал, прошелся по комнате, подошел к Юдит сзади и положил ей руки на плечи. Она недовольно отстранилась.

– Нет-нет. Прошу вас, мистер Франк, не надо.

– Ну что ж, не надо, так не надо. – Он виновато улыбнулся.

Они посидели еще немного, и Алекс понял, что пора уходить.

– Время позднее, Юдит. Спасибо за кофе, за вечер в вашей уютной квартире. Если когда-нибудь захотите снова поболтать за чашечкой кофе, то вот вам мой телефон. – Он записал на бумажке номер мобильного телефона.

– Вам тоже спасибо, мистер Франк. И прошу вас – не обижайтесь. Мне нужно время, чтобы... ну, вы понимаете... я не очень быстро сближаюсь с людьми. Такой уж у меня характер.

Первые дни Алекс ждал звонка от Юдит. Потом смирился с тем, что она не позвонит, и стал постепенно забывать о ней. Поэтому когда он вдруг услышал в трубке ее голос, то был больше удивлен, чем обрадован.

– Здравствуйте, мистер Франк. Это Юдит. Вы меня еще помните? Знаете, мне что-то вдруг захотелось снова поболтать с вами, как в тот раз. К тому же сегодня у меня есть повод. Как у вас со временем, и вообще – есть ли настроение?

– Рад вас слышать, Юдит. Настроение у меня всегда есть. А что за повод?

– Скажу, когда увидимся. Так вы зайдете? Где вы сейчас?

– Я по дороге в город. Заскочу в гостиницу, а потом к вам. Хотя бы для того, чтобы узнать, какой повод.

– Бог с ней, с гостиницей. Приезжайте прямо ко мне. Я жду.

Минут через тридцать Алекс был у Юдит. Он не узнал ни ее, ни квартиру. Она была элегантно одета, очень

красива. Квартира сверкала. Стол был сервирован на двоих, горели свечи.

– Что все это значит, Юдит?

– Это значит, что у меня сегодня день рождения. Ровно тридцать. – Юдит улыбнулась, раскинула руки и сделала оборот вальса.

– Но почему же не предупредили? Я даже без подарка.

– Поэтому и не предупредила. Подарок – это хлопоты. А вы человек занятой.

– Все так неожиданно. Я прямо с дороги.

– Ну, примите душ.

– Я это и хотел сделать в гостинице.

– Какая разница. Можете сделать здесь.

Юдит все больше удивляла Алекса. Что с ней произошло? Такая разительная перемена.

– Юдит, а где же друзья, знакомые? Ведь тридцать лет – это такая дата...

– В этом-то все и дело, Алекс. Можно называть вас просто Алекс? У меня здесь нет ни друзей, ни близких знакомых. Поэтому сначала я вообще решила посидеть одна и погрустить. А потом вдруг так захотелось, чтобы хоть одна близкая душа была рядом. Ну и получился этот экспромт.

– Спасибо, Юдит. Мне приятно это слышать. Я имею в виду про близкую душу. А сейчас я, пожалуй, действительно приму душ, если разрешите.

На этот раз их застольный разговор шел легко, непринужденно. Было много шуток, смеха. Алекс чувствовал себя в привычной обстановке. Его экспромты и юмор находили живой отклик. Они выпили на брудершафт и перешли на «ты». Вдруг Юдит сказала:

– Ты, может быть, решил, что я придумала этот день рождения? Вот смотри. – Она вынула из шкафчика паспорт и показала его.

Алекс взглянул на дату рождения. Действительно, сегодня ей исполнилось тридцать лет.

– Ну что ты! Я и не сомневался, – возразил он с недоумением.

– Сомневался, сомневался. По глазам видела, что сомневался, – лукаво укоряла его Юдит.

– А у тебя когда день рождения?

– Не скоро, через пять месяцев.

– И сколько же тебе будет через пять месяцев?

– Может, не стоит заниматься этой арифметикой? – горько усмехнулся Алекс. – Вряд ли тебя вдохновит эта цифра. А впрочем, все относительно. Рассказывают, когда девяностолетнему Чарли Чаплину представили красивую молодую актрису, он воскликнул: «Эх, где мои семьдесят лет!» Так что по его шкале я еще очень молод.

Юдит засмеялась.

– Алекс, дорогой, я же не замуж за тебя собираюсь. К чему такие комплексы и выкрутасы. Если не хочешь сам говорить, давай паспорт. Ты видел мой и теперь должен показать свой. Паспорт, хочу паспорт, – пропела Юдит.

Алекс притворно вздохнул, взял стоявший около двери кейс и достал из него свой канадский паспорт. Он раскрыл его на первой странице и, не выпуская из рук, показал Юдит. Она посмотрела на дату рождения.

– Итак, через пять месяцев нашему Алексу будет пятьдесят. Ничего страшного. Для мужчины это то же, что для женщины тридцать. А ты, оказывается, канадец. Я и не знала.

Потом они еще разговаривали, пили вино, танцевали. И уже за полночь очень естественно, без лишних слов и церемоний перебрались в кровать. От Юдит исходил необыкновенный волнующий запах. Это не был запах каких-то изысканных духов, но тот особый редкий природный аромат, которым может обладать только идеально ухоженное, не имеющее физиологических изъянов женское тело. Его благоухание обволакивало Алекса и вытесняло все другие ощущения. Он будто купался в невидимых волнах этого тонкого нежного аромата... Все было замечательно. Где-то между третьим и четвертым актом «мюзикла», как Юдит это называла, Алекс сказал:

– А я и не знал, сладкая моя, что аэробика так похожа на акробатику.

– Это не акробатика, сладкий мой. Это Камасутра, индийская наука любви.

– Сказав это, Юдит приняла совершенно немыслимую позу. Алекс не мог понять, где ее колени, а где локти. – Эта позиция называется «закрученный узел», – объяснила она.

В конце концов Камасутра доконала его, и он крепко заснул. Юдит встала, вышла в салон и достала из кейса его паспорт. Она открыла четвертую страницу, где был раздел «Извещение близких: в случае несчастья или смерти сообщить такому-то (указать имя, степень родства, адрес, телефон)». Рукой владельца паспорта было вписано: «Рахель Франк, жена, улица, номер дома, Кесария, Израиль, телефон». Юдит сфотографировала эту страницу и положила паспорт на место.

Утром за завтраком она была неожиданно задумчива и грустна. Алекса удивила эта внезапная перемена.

– Я не хотела говорить вчера, чтобы не портить вечер, – объяснила Юдит, – но, видимо, мне придется уехать из Лонгрича. Дела со школой не ладятся, много проблем – и организационных, и финансовых. Впрочем, это сейчас неважно. Я тебе очень благодарна за чудесный день рождения. Запомню его навсегда. Надеюсь, и ты не забудешь. Как только устроюсь на новом месте, обязательно дам знать.

Алекс был обескуражен. Он не находил слов. Юдит, как могла, утешала его. Когда он ушел, она достала свой паспорт и сняла с него тонкую, искусно сделанную наклейку с датой рождения. Затем упаковала вещи и уехала из Лонгрича.

18

Стив Холдер, менеджер австралийского филиала компании «Альбион Энерджи», заканчивал обсуждение контракта с сервисной фирмой «Лог Текникал», которая специализировалась на каротажных исследованиях скважин в штате Квинсленд. «Альбион Энерджи» была очень

крупным клиентом. Поэтому Том Паркинсон, главный геофизик «Лог Текникал», получил указание сделать все, чтобы заказ не достался конкурентам. Все параграфы контракта уже были согласованы, и дело шло к его подписанию, когда Холдер неожиданно выдвинул еще одно условие, которое, впрочем, не должно было фигурировать в письменных документах.

– Послушайте, Том, – сказал Холдер, – вы ведь выполняете работы для «Дабл Эй» на блоке Уинтон. Мы хотели бы получить от вас каротажные диаграммы и материалы перфорации по их скважине. Разумеется, это будет учтено при подписании контракта.

– Простите, Стив, но это невозможно. Мы связаны с ними соглашением о конфиденциальности. Как, впрочем, и с другими нашими клиентами. В вашем контракте, как вы знаете, тоже есть такой параграф.

– Разумеется, Том, мне это известно. И я понимаю ваше положение. Но таково распоряжение из Лондона, и все, что я могу сделать, – это довести его до вашего сведения. Мне также поручено передать, что подписание контракта будет зависеть от принятия этого условия. Очень сожалею.

– Видите ли, Стив, я не имею полномочий обсуждать такие вопросы. Я передам ваше условие руководству фирмы, но, честно скажу, мне не приходилось сталкиваться с подобными делами...

– О'кей, Том. Лондон хотел бы получить ответ сегодня во второй половине дня.

Экстренное совещание у президента «Лог Текникал» Артура Митчелла было бурным и продолжалось два часа. Участники говорили о выкручивании рук, о репутации фирмы, о профессиональной этике. Но все решило напоминание вице-президента по маркетингу Эда Брэдли о жесточайшей конкуренции на рынке сервисных услуг. Борьба за клиентов – это борьба за существование. «"Альбион" действует в серой зоне. Там другие правила, вернее, там нет правил», – заключил он. В итоге было решено принять условие Холдера, но потребовать гарантий того, что репутация фирмы не пострадает.

Гарантии были даны, контракт подписан, и «Альбион Энерджи» получила необходимые ей материалы «Дабл Эй». Они были немедленно переданы в Лондон и легли на стол Ларри Эванса. Из них следовало, что скважина «Дабл Эй» обнаружила два нефтяных пласта – верхний толщиной двадцать пять метров и нижний толщиной сорок восемь метров. Оба пласта перфорированы и дали притоки фонтанной нефти. Кроме того, поступила информация, что на блоке Уинтон начинается бурение двух дополнительных скважин по треугольной сетке.

После того как Эванс сообщил президенту компании Энтони Крэйгу о своем разговоре с Биллом Дэвисом, он получил карт-бланш на руководство всеми операциями, связанными с «Дабл Эй». И сейчас он созвал совещание, на котором присутствовали вице-президент по финансам Эндрю Холл, вице-президент по зарубежным операциям Гарри Бриссон и подчиненный ему начальник отдела специальных проектов Рональд Кларк. «Специальные проекты» – это был эвфемизм, которым обозначались все виды деятельности по защите разнообразных интересов компании – технологических, финансовых, маркетинговых и так далее. От других подразделений отдел отличался широкой независимостью и многими привилегиями, главной из которых было так называемое гибкое финансирование. Иными словами, его бюджет мог быть существенно увеличен, если возникали неожиданные обстоятельства, требующие крупных расходов. О подлинных задачах отдела было известно только руководству компании.

Эванс проинформировал приглашенных об обстановке на блоке Уинтон и попросил их высказать свое мнение. Все согласились с тем, что события разворачиваются по сценарию, который «Дабл Эй» ранее реализовала в Альберте. Затем выступил Кларк. Он коротко остановился на ошибках, которые допустила «Игл Корпорэйшн» в аналогичной ситуации и которые он объяснил отсутствием профессионализма. Кларк предложил без промедления перейти к первому варианту плана, представленного им ранее. Предложение было одобрено, и Эндрю Холлу поручили его финансовое обеспечение.

Кларку предоставили все необходимые полномочия, касающиеся этого варианта, и он должен был в ближайшие дни вылететь в Австралию с тремя другими сотрудниками отдела.

19

Совместный бизнес Шмуэля и Раджа в Австралии был связан с экспортом шерсти и пшеницы и импортом удобрений и текстиля. Их компания занимала не последнее место в австралийской Ассоциации международной торговли. Радж, у которого были также деловые интересы в соседней Индонезии, бывал в Австралии довольно часто. Шмуэль только два раза приезжал в эту далекую страну, но ему всегда хотелось познакомиться с ней поближе. Поэтому, когда Радж сообщил, что пришел на «Звезде Галилеи» в Джакарту и собирается оттуда идти в Перт, главный город штата Западная Австралия, Шмуэль задумал устроить там долгожданную встречу со своим старым другом и пригласить на нее Алекса и Андрея. Раджу понравилась эта идея.

Андрей давно хотел посмотреть, как ведется разведка, бурится скважина, увидеть, что происходит после того, как он заканчивает свою часть работы – анализ образцов почвы. И такая возможность представилась. Шмуэль сообщил ему о предстоящей встрече и спросил, не хочет ли он принять в ней участие. Андрей с радостью согласился. Было решено, что сначала он проведет какое-то время с Алексом в Лонгриче, а потом они вместе прилетят в Перт.

В салоне бизнес-класса «боинга», летевшего из Гонконга в Сидней, Андрей оказался соседом приятной супружеской пары. Завязался легкий дорожный разговор, который вскоре коснулся экономического бума в Австралии. Собеседник Андрея, напоминаящий какого-то известного киноактера, хорошо разбирался в этом вопросе и с увлечением рассказывал о больших возможностях, которые открываются там для предприимчивых людей. Узнав, что Андрей связан с разведкой нефти, он с каким-то особым

чувством заметил: «О, нефть! Когда-то и я ею занимался. А теперь вот сменил профессию. И не жалею, знаете ли. Сейчас у меня в Сиднее совсем другой бизнес. Если когда-нибудь надумаете поселиться в наших краях, буду рад оказать содействие». С этими словами он протянул свою визитную карточку. Андрей прочитал: «"Глобус Корпорэйшн". Торговля недвижимостью. Австралия – Европа – Северная Америка. Карло Тибальди, президент». Мистер Тибальди был бы чрезвычайно удивлен, узнав, какую роль сыграл в его жизни высокий рыжеволосый человек с добродушным лицом, сидевший в соседнем кресле. Впрочем, сам сосед удивился бы не меньше...

Узнай Андрей об обстоятельствах превращения Роберто Массини в Карло Тибальди, он бы поразился тому, сколько людей, не имевших к группе «Дабл Эй» никакого отношения, а зачастую даже не слышавших о ней, оказались втянутыми в водоворот событий, созданный ее внезапным появлением в нефтеразведочном бизнесе. Среди них были руководители корпораций, скауты, работники сервисных компаний, журналисты, частные детективы, скромный электромеханик и его подруга, пылкий геофизик со своей возлюбленной, инструктор по аэробике, отставной генерал, полковник военной разведки и даже католический священник. Всех их так или иначе коснулось то, что делали Андрей и Алекс. И число этих людей постоянно росло, образуя длинную цепочку, в которой одна человеческая жизнь цеплялась причудливым образом за другую, вовлекая все новых участников. Кто может заглянуть в будущее и сказать, когда и на ком цепочка оборвется?.. Некому таинственному режиссеру этих событий, имя которому Случай, было угодно свести Андрея и Роберто вместе на короткое время, словно раздумывая, стоит ли продолжить их знакомство и следует ли открыть им тайну друг друга? Но в конце концов судьба, которая выше случая, распорядилась оставить все как есть, не вмешиваясь в естественный ход событий и не превращая их в тривиальный киносценарий. Поэтому, сойдя с трапа самолета, случайные попутчики попрощались и расстались навсегда.

...Андрей и Кларк появились в Лонгриче почти одновременно. Кларк узнал его по фотографии еще в самолете, когда они летели одним рейсом в Сидней. «Доктор Андрей Шейнман, физик, официально нигде не работает, женат, двое детей» – эту короткую справку Кларк знал наизусть. В аэропорту Андрея встретил Гидеон, и они сразу же отправились на машине в Лонгрич. Группа Кларка задержалась в Сиднее на сутки, где к ней присоединились еще четыре человека. Затем все они вылетели в Лонгрич на небольшом самолете компании «Альбион Энерджи».

А в это время океанская яхта «Звезда Галилеи» входила в устье реки Сван, направляясь к месту якорной стоянки в заливе Фрэш Уотер, расположенном внутри Перта. Яхта шла под двумя флагами: трехцветным индийским с синим кругом посередине и личным штандартом Раджа – два снежных гималайских пика на зеленом фоне, символ его родного Кашмира. Шмуэль должен был прилететь в Перт из Израиля через две недели.

Вскоре после приезда Андрея в Лонгрич Алекс отправился с ним на блок Уинтон – показать скважины и объяснить, как ведется разведка. За мощным джипом «форд эксплорер», который вел Алекс, следовал на такой же машине Габриэль. В течение дня они объехали три скважины, поговорили с инженерами, встретились с Гидеоном и уже в сумерках возвращались обратно. В пятнадцати километрах от Лонгрича дорога делала крутой поворот. Машина Алекса уже вошла в него, и Габриэль на мгновение потерял ее из вида. В этот момент встречный грузовик срезал угол поворота и столкнулся с его джипом. У машины был смят капот, потекло масло и разбито лобовое стекло. Лицо Габриэля было порезано осколками. Грузовик отделался лишь помятым бампером. Водитель выскочил из него и начал извиняться, не отрицая своей вины и пытаясь помочь. Габриэль не стал выяснять с ним отношения, а тут же набрал код мобильного телефона Алекса. Алекс не отвечал. Поняв, что авария подстроена, он внезапно нанес водителю два сильных встречных удара по шее ребрами

обеих ладоней, за которыми последовал специальный болевой прием, бросивший противника на землю в полубессознательном состоянии. Его инструктор по рукопашному бою называл эту комбинацию «цхок бацад» (*«шутки в сторону» – иврит*). Габриэль обыскал водителя и нашел пистолет. Забрав оружие, он вскочил в грузовик, развернулся и помчался в сторону города. Джип Алекса он увидел на обочине в трехстах метрах от поворота. Людей в нем не было. Провода системы зажигания были вырваны. Не медля ни секунды, Габриэль вернулся к повороту. Водитель грузовика все еще корчился на земле от боли. Он связал его, засунул кляп в рот, закрыл повязкой глаза и уложил на пол кабины. Затем позвонил Гидеону на скважину.

– Гиди, хатифа (*похищение – иврит*). Немедленно отправляйся в Лонгрич. На пятнадцатом километре, перед поворотом и в трехстах метрах за ним, увидишь наши машины. Не останавливайся. В «Козерог» не заезжай. Встретимся на Дизенгоф.

Для подобных ситуаций у них было два запасных места встречи, обозначенных названиями тель-авивских улиц; Дизенгоф – это домик, который они снимали на окраине города.

После этого Габриэль позвонил Шмуэлю в Израиль, разбудил его и сообщил о случившемся. Было уже совсем темно, когда он подъехал к домику Дизенгоф. Гидеона еще не было. Габриэль решил подождать его, не выходя из машины. Гидеон прибыл через сорок минут, и они вдвоем внесли в дом водителя грузовика. Привязав его к водяному стояку в подвальном помещении, Габриэль и Гидеон отправились на обеих машинах к крутому обрыву над рекой Томпсон и сбросили с него грузовик. Они подождали, пока машина исчезла под водой, и вернулись обратно на джипе Гидеона.

20

Сразу за поворотом джип Алекса стали преследовать две машины. Одна из них ударила его в левый борт и прижала к обочине, а другая блокировала дорогу. Из них выскочили несколько человек, вытащили Алекса и Андрея,

набросили мешки на голову, перенесли в разные машины и умчались. Вся операция заняла меньше пяти минут. В дороге похитители молчали.

...Алекса ввели в помещение, усадили в кресло и сняли мешок. Он осмотрелся. Помещение выглядело как обыкновенная жилая комната. В кресле напротив сидел человек лет сорока, с пышной шевелюрой и внешностью профессора. Это был Рональд Кларк.

– Здравствуйте, доктор Франк. Меня зовут Майк Гопкинс. Прежде всего я должен извиниться за то, что нам пришлось действовать столь неучтиво, чтобы иметь возможность побеседовать с вами в спокойной обстановке.

– Где мой товарищ? – перебил его Алекс.

– Доктор Шейнман недалеко отсюда, в столь же безопасных и комфортабельных условиях, как и вы. Итак, позвольте мне продолжить.

– Не торопитесь. За нами ехала другая машина. Что с ее водителем?

– Я, право, не знаю, что с ним. Не думаю, что что-то серьезное. Возможно, легкая авария, не больше. Как только узнаю, сообщу. Но я все-таки хотел бы продолжить, с вашего разрешения. Дело в том, что я представляю одну из крупнейших международных нефтяных корпораций. А вы, как нам обоим известно, владеете методом прямого обнаружения нефти. Это колоссальное техническое достижение. Вы преуспели там, где потерпели неудачу все остальные компании и исследовательские центры. Позвольте от имени корпорации выразить вам свое восхищение. Но, оказавшись по воле судьбы, а точнее, благодаря вашему и доктора Шейнмана таланту, обладателями прямого метода, вы не можете игнорировать интересы мирового нефтяного сообщества. Надеюсь, вы понимаете – то, что вам удалось в Альберте и сейчас здесь, в Квинсленде, не будет продолжаться долго. Вы бросили вызов одному из самых могущественных бизнесов в мире. Надо быть безумцем или наивным человеком, чтобы рассчитывать на успех в этом противоборстве. Насколько нам известно, вы ни тот ни другой. Вот здесь мы и подходим к сути дела. Какова ваша цель? Деньги, большие деньги. Это

понятно, логично и справедливо. Но вам следует понять одну простую вещь: с каждым новым разведочным блоком вы будете привлекать к себе все больше внимания. То, что прошло почти незамеченным во время вашего дебюта в Альберте, уже вызвало повышенный интерес в Квинсленде. И этот интерес будет неуклонно расти. Недалек день, когда за вами начнут охотиться в буквальном смысле слова. В этой охоте будут участвовать все те, кто увидит в вас угрозу своим интересам. А это десятки компаний, многие десятки. И даже если в конце концов вы уступите нажиму или шантажу одной из них, это не спасет вас. Охотников, как я сказал, будет слишком много. Они не смогут поделить вас или прийти к соглашению между собой. И они не допустят, чтобы кто-то один из них вырвался вперед и стал эксклюзивным обладателем вашего метода. Но сейчас мы говорим не о них, а о вас. Не хочу пугать вас, доктор Франк, но шансов уцелеть в этой схватке у «Дабл Эй» просто не будет. Я имею в виду не только компанию, но вас и доктора Шейнмана лично. В такой ситуации обладание большими деньгами будет лишено всякого смысла. Когда человека нет, не имеет значения, был он богат или беден. А теперь вернемся к тому, что я сказал вначале. Сегодня наша корпорация единственная, кто всерьез заинтересовался вашим методом. Мы собрали наиболее полную информацию о вас и докторе Шейнмане. И пока вокруг вас еще не бушуют страсти, мы предлагаем вам сотрудничество в любой удобной для вас форме – приобретение вашей технологии и ноу-хау, их совместное использование, доленое участие или другой вид партнерства. Вы, конечно, понимаете, что в любом случае ваше вознаграждение составит огромную сумму. И вам не придется больше думать о личной безопасности. Наша корпорация обеспечит ее как неотъемлемую часть своих собственных интересов. Вот, пожалуй, то, с чего мне хотелось бы начать наш разговор. А теперь я хотел бы услышать ваше мнение обо всем этом, доктор Франк.

– Правильно ли я понимаю, мистер Гопкинс, что вы официально уполномочены некой корпорацией сделать компании «Дабл Эй» определенные деловые предложения?

– Абсолютно правильно.

– И эта корпорация, название которой вы избегаете произносить, действительно является, как вы говорите, одной из крупнейших в международном нефтяном бизнесе?

– Да, это действительно так.

– Почему же в таком случае она действует как мафиозная группировка, а вы, ее официальный представитель, ведете себя как обыкновенный гангстер? И если вы скрываете название корпорации, то, скорее всего, ваше настоящее имя тоже не Гопкинс.

Кларк улыбнулся.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, доктор Франк. Действительно, было бы намного проще договориться о встрече в вашем или нашем офисе и обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес. Можете мне поверить, обычно мы так и делаем. Но в данном случае мы не могли действовать подобным образом. Мы хотим вести переговоры только с вами и доктором Шейнманом. Нас не интересуют те, кто финансирует вас и с кем вы, несомненно, связаны определенными обязательствами. Если бы мы вели переговоры традиционным способом, то эти люди были бы неизбежно вовлечены в них. И я не уверен, что мы смогли бы с ними договориться.

– Я не очень понимаю, каким образом вы можете помешать нам привлечь к так называемым переговорам тех, кто столь нежелателен для вас и кто, как вы говорите, финансирует нас?

– Этот вопрос показывает, что вы, доктор Франк, не вполне адекватно оцениваете ситуацию. Вы же просто лишены возможности связаться с кем-либо без моего согласия.

– И как долго это будет продолжаться?

– Полагаю, до тех пор, пока мы не придем к соглашению.

– Ну, а если мы не придем к нему? Что тогда?

– Мне бы не хотелось сейчас рассматривать такой вариант. Это преждевременно. Но поскольку вы сами затронули этот вопрос, могу лишь сказать, что такая ситуация тоже предусмотрена.

– Вы нас убьете?

– Доктор Франк, я ничего не могу добавить к тому, что сказал.

– Хорошо. Вы сказали, что хотите вести переговоры только со мной и доктором Шейнманом. Но ведь он оказался здесь случайно. Обычно он не приезжает в район разведки. Как бы в таком случае вы вели с ним переговоры?

– Хороший вопрос. Нам бы пришлось доставить его сюда. Не силой, разумеется. У нас есть другие способы. Приезд доктора Шейнмана – это лишь удачное совпадение. Оно избавило нас от дополнительной операции.

– Откуда вы собирались его доставить?

– Из Израиля, разумеется. – Кларк улыбнулся. – Ваши вопросы, доктор Франк, показывают, что вы не отнеслись серьезно к моим словам об информации, собранной нами о вас и докторе Шейнмане. Поэтому я хотел бы показать несколько фотографий, которые помогут вам оценить наши усилия.

С этими словами Кларк раскрыл лежавшую на столе папку, вынул из нее пачку больших фотографий и разложил их перед Алексом. На них были виллы Алекса и Андрея в Кесарии. На одной из фотографий из виллы выходила Рахель, на другой рядом с домом стоял Ури в военной форме. На следующем снимке Андрей и Рахель разговаривали около дома Андрея. Была также фотография с женой и детьми Андрея.

– У вас есть вопросы, доктор Франк? – спросил Кларк, не скрывая удовольствия от произведенного эффекта.

– Зачем вы это сделали?

– Вас удовлетворит, если я скажу, что это рутинная процедура сбора информации о потенциальном партнере перед переговорами? А в данном случае мы были несколько дезориентированы слухами о том, что вы и доктор Шейнман живете не то в Италии, не то в Южной Африке. Поэтому нам пришлось приложить некоторые усилия и установить ваш настоящий адрес. Израиль – прекрасная маленькая страна, но очень беспокойная. Мне рассказывали, что палестинские террористы похищают израильских солдат прямо на

дорогах. У вас ведь сын солдат, доктор Франк. Представляю, как вы должны беспокоиться за Ури...

Слова Кларка звучали все более зловеще. Надо было что-то придумать, как-то переломить ситуацию. Главное – сбить с толку, оглушить, вывернуть мозги этому мерзавцу. Алекс умел это делать. Друзья не раз признавались, что никогда не знают, говорит он серьезно или шутит. И то и другое у него получалось одинаково убедительно. Но раньше это были дружеские розыгрыши, а сейчас речь шла о жизни и смерти. В памяти всплыл знаменитый ответ Хосе Капабланки на вопрос, сколько ходов вперед он может просчитать. «Я вижу только на один ход вперед, но это всегда правильный ход», – ответил чемпион мира. Каков он, этот единственный правильный ход? «В болтовне Гопкинса есть какие-то зацепки. Он упомянул Италию и Южную Африку. Значит, здесь замешана «Игл Корпорэйшн». Что еще? – Мозг Алекса работал как аналитическая машина. – Билл Дэвис сказал в Калгари Ларри Эвансу из «Альбион Энерджи», что «Дабл Эй» – это итальянская компания. «Альбион» – наш сосед по блоку. И это действительно одна из крупнейших международных корпораций. Ну что ж, начну с этого. А там по обстоятельствам. Но сначала – запугать, перехватить инициативу». Алекс приступил к самому дерзкому розыгрышу в своей жизни.

– Я вас понял, мистер Гопкинс. Вы действительно хорошо поработали. Но в вашей концепции переговоров, как вы их называете, есть крупный просчет. Вы сказали, что вас не интересуют те, кто нас финансирует. В этом ваша ошибка и одновременно некая случайная удача, если так можно выразиться. Впрочем, удача лишь временная. Если бы вы направили усилия в этом направлении и попытались выяснить, кто именно обеспечивает нам финансовую и организационную поддержку, а также нашу личную безопасность, то это моментально отбило бы у вас всякое желание предлагать нам сотрудничество и вообще соваться с так называемыми деловыми предложениями. Я сейчас скажу то, что не должен говорить. И делаю это с единственной целью – предостеречь вас и вашу корпорацию от дальнейших глупостей, которые могут иметь для неё

необратимые последствия. – Внезапно голос Алекса стал жестким и он в упор посмотрел на собеседника: – Ответьте мне на один вопрос – вы знаете, что такое «Мосад»? – Алекс сделал короткую паузу и закончил нарочито грубо: – Я не слышу ответа, Гопкинс. Вы что, оглохли?

– А при чем здесь вы? Вы, кажется, решили запугать меня. Вы в своем уме, доктор Франк?

– Я так и не услышал ответа. Слово «Мосад» вам о чем-то говорит?

– Ну, допустим. Это израильская разведка. Уж не хотите ли вы сказать, что вы сотрудник «Мосада»? – Кларк рассмеялся.

– Прекрасно. Значит, вы знаете, что такое «Мосад». Нет, я не сотрудник. Ни я, ни доктор Шейнман. Просто «Мосад» финансировал разработку прямого метода и является его эксклюзивным владельцем. А вся прибыль от продажи месторождений идет непосредственно в бюджет организации. Вам это трудно понять. Вы не знаете израильской специфики. Вы сказали, что Израиль – прекрасная маленькая страна. Но она еще и необычная страна. В ней возможно то, что немыслимо где-либо еще. Я рассказываю это только потому, что вы, Гопкинс, или как там ваше настоящее имя, в сущности конченный человек...

Кларк взорвался:

– Прекратите этот шантаж и демагогию! Я буду вынужден прибегнуть к другим мерам, и вы быстро забудете ваши сказки. Предлагаю вам говорить о деле...

– Поздно, Гопкинс. Вы заварили эту кашу и лучше подумайте, как будете ее расхлебывать. А теперь слушайте дальше. Каждая компания, которая начинает проявлять повышенный интерес к «Дабл Эй», автоматически попадает в поле зрения «Мосада». И на все ее руководство, вплоть до начальников отделов, составляется подробное досье. Так было с «Игл Корпорэйшн», по которой у нас есть детальная информация, начиная от бедняги Джона Андерсона и кончая Биллом Дэвисом и Джеком Тэйлором. С «Игл» мы обошлись мягко. Они просто прогулялись в Италию, и на этом их пыл остыл, к счастью для них. Но с «Альбион Энерджи», видимо, нужно будет разбираться по-другому. Кстати, в

досье на вашу верхушку, которое включает Ларри Эванса и всех, кто выше и ниже его, вплоть до начальников отделов, нет имени Гопкинс. Ну ничего, мы выясним ваше настоящее имя.

Кларк судорожно глотал воздух. Он стучал кулаком по столу и вяло выкрикивал: «Замолчите! Все это ложь! Вы пожалеете!» Но Алекс был в ударе, он и не думал останавливаться. Он понимал, что должен запугать окончательно этого самоуверенного наглеца, рассеять у него малейшие сомнения в истинности этой фантастической истории. Только так можно переломить ситуацию.

– И учтите еще одну вещь, Гопкинс, – условно буду называть вас этим именем, – «Мосад» составляет досье не для того, чтобы потом показывать фотографии жен и детей. Мы такими дешевыми трюками не занимаемся. Когда что-то случается с нашими людьми, то виновные в преступлении просто взрываются в своих машинах и офисах. И если у вас есть хоть капля воображения, то представьте себе, что будет с теми, кто задумал посягнуть на святая святых – бюджет организации. А я и доктор Шейнман – это немалая часть бюджета. И наконец, расскажу вам, что происходит сейчас, в эту самую минуту.

Алекс взглянул на часы.

– Три часа назад ваши бандиты схватили меня и доктора Шейнмана. Офицер «Мосада», сопровождавший нас на второй машине, убит или ранен в результате подстроенной аварии. По существующей инструкции, другой офицер, который постоянно находится в Лонгриче, должен сообщить резиденту в Канберре о нашем исчезновении в течение получаса, если мы не прибудем в назначенное время, и связь с нами будет прервана. Итак, резидент получил сигнал тревоги два с половиной часа назад. Можете не сомневаться, что оперативная группа «Мосада» уже приближается к Лонгричу. Это профессионалы, не чета вашим бандитам. Резиденту известно, что главный подозреваемый – это «Альбион Энерджи». Вы уже давно занимаете первое место в нашем списке, еще с тех пор, как Ларри Эванс узнал о «Дабл Эй» от Билла Дэвиса в Калгари, на конференции в «Холидэй Инн».

Кстати, передайте Эвансу, что его шутка насчет того, что «Дабл Эй» – это филиал Си-Ай-Эй, была не так уж далека от истины. Он поймет, что я имею в виду. Расположение ваших офисов, списочный состав ведущих сотрудников и их домашние адреса хорошо известны. Пеняйте на себя, Гопкинс, если с ними что-то случится. Но это еще не все. Сообщение о нашем исчезновении передано в Тель-Авив, а оттуда – резиденту в Лондоне. Поэтому если Ларри Эванс вдруг исчезнет по пути из дома в офис, вам не следует удивляться. Не хотел бы я сейчас быть на вашем месте.

На Кларка жалко было смотреть. Он напоминал молодого неопытного тигра, который захотел полакомиться маленьким безобидным с виду зверьком, но вдруг вместо мяса напоролся на острые иглы дикобраза.

– А теперь, Гопкинс, или как вас там, немедленно пригласите сюда доктора Шейнмана. Без него продолжения разговора не будет.

Через минуту Андрея привели из соседней комнаты. Вид у него был растерянный. Видимо, ему тоже показали фотографии. Алекс обнял его и прошептал на ухо: «Не дрейфь, Андрюха, я его запугал «Мосадом». У него полные штаны». Андрей сделал круглые глаза, потом как-то сразу подобрался и выпрямился. Он не раз бывал свидетелем знаменитых розыгрышей Алекса...

В этот момент к Кларку подошел сотрудник и сообщил, что Боб Дуглас бесследно исчез вместе с грузовиком. Узнав об этом, Кларк пристально посмотрел на Алекса и прошептал: «Они уже здесь». Сотрудник удивленно спросил: «Вы о ком, босс?» Вопрос остался без ответа. Алекс не слышал их разговор, он был занят Андреем.

21

А в это время в домике Дизенгоф Габриэль и Гидеон занимались Бобом Дугласом. Это был тридцатилетний парень с квадратным подбородком и стрижкой бобриком, коротконогий и широкоплечий. «Роцеах амети» (*настоящий убийца – иврит*), – подумал Габриэль. Он медленно приходил в себя после того, как на нем была отработана комбинация «цхок бацад». У него обнаружили визитную карточку работника «Альбион Энерджи». Сначала он

твердил, что авария произошла случайно, он просто срезал угол на повороте, не ожидая встречной машины. Но через несколько минут его собеседникам надоела эта история. Они применили то, что известно широкой публике как «особое обращение при допросе». И Дуглас заговорил. Казалось, он только и ждет следующего вопроса, чтобы выложить все, что знает. Правда, пару раз между вопросом и ответом возникала слишком долгая пауза, и было видно, что он мучительно придумывает какую-то версию, чтобы уйти от ответа. Тогда Гидеон начинал медленно снимать пиджак, и Дуглас вспоминал подробности, имена и адреса.

Он рассказал, что работает в отделе специальных проектов. Руководит операцией начальник отдела Рональд Кларк, который прилетел с группой из трех человек из Лондона. В Сиднее к ним присоединились еще четверо работников компании. В Лонгриче группа пополнилась двумя сотрудниками австралийского филиала, которые до этого собирали всю оперативную информацию о «Дабл Эй». Целью операции было похищение доктора Франка и доктора Шейнмана, которого они опознали еще в самолете, и прибытие которого в Австралию было для них неожиданностью.

На вопрос, где находятся похищенные, Дуглас не мог дать вразумительного ответа. Он начал описывать некий дом за глухим забором, но не знал его номер и название улицы. Габриэль и Гидеон переглянулись, и Гидеон снял пиджак. Дуглас тут же вспомнил точный адрес и показал место на карте города. Он сообщил, что дом оснащен системой сигнализации и охрана вооружена. Внешнее охранение постоянно несут пять человек. Остальные находятся внутри дома. На просьбу нарисовать его план Дуглас ответил, что не помнит точное расположение комнат.

– Тебе помочь? – спросил Гидеон и выразительно посмотрел на него.

На листе бумаги тут же появился довольно грамотный чертеж с обозначением дверей, окон и внутренних помещений.

– Учти, Боб, – сказал Габриэль, – если хотя бы одна деталь в твоём рассказе окажется неверной, ты последуешь

за своим грузовиком. – В начале беседы Дуглас спросил, где его машина. Гидеон ответил: забудь о ней, ее больше нет, она умерла и похоронена.

– Клянусь, джентльмены, я говорил только правду, – искренне заверил Дуглас.

Гидеон остался с Дугласом, а Габриэль отправился по названному им адресу и провел внешний осмотр дома. Вернувшись, он рассказал об увиденном Гидеону, и они пришли к выводу, что вдвоем бессильны что-либо сделать. Габриэль позвонил Шмуэлю в Израиль, дал подробный отчет о событиях и анализ обстановки.

– Может быть, нам следует обратиться в полицию? – спросил он. – Ведь речь идет об уголовном преступлении.

– Нет, это не годится, – ответил Шмуэль, – ставки слишком высоки. Они убьют их, как только полиция начнет заниматься этим делом. А потом заметут следы.

– Тогда нужны люди, человек восемь. Вдвоем мы не справимся.

Шмуэль сказал, что начинает работать над этим и будет информировать их по мере появления новостей. С этого момента добродушный старик с мягкими манерами, каким его знали окружающие, как бы сбросил с себя груз возраста и снова превратился в того молодого бесстрашного подпольщика, который был известен когда-то под именем Шмулик Пистолет – за умение мастерски владеть оружием и поражать цель из любого положения. Участие в многочисленных секретных операциях, акциях возмездия, доставке в страну оружия и транспортов с нелегальной аией – все это сделало командира группы «Шимшон» (в русской транскрипции Самсон – герой библейской легенды о Самсоне) легендой сороковых годов. И вот теперь тот прежний Шмулик сидел в кресле одного из богатейших людей Израиля и снова обдумывал боевую операцию. Он дал ей кодовое название «Альбион». Взгляд его стал холодным и жестким. Из уголков глаз исчез привычный хитроватый прищур...

Его первая мысль была о Радже. Он уже находится в Перте, правда, на расстоянии трех тысяч километров от Лонгрича, но это все-таки Австралия. Шмуэль знал, что,

выходя на яхте в район Индонезийского и Филиппинского архипелагов, Радж всегда имеет на борту хорошо вооруженную охрану. Внутренние моря между островами этих архипелагов кишат пиратскими судами. Это последний сохранившийся в мире район, где еще существует морское пиратство. Имея быстроходные катера и современное вооружение, пираты нападают на торговые и пассажирские суда, грабят их и убивают пассажиров. Поэтому «Звезда Галилеи» была, по существу, военным кораблем. На ее верхней палубе стояли замаскированные спаренные тяжелые пулеметы, на корме и вдоль бортов имелась целая батарея скорострельных пушек. Яхте уже приходилось топить пиратские катера. Ее экипаж и отряд личной охраны Раджа состояли из отборных индийских командос. Все они были сикхи, как и сам Радж. Этот гордый воинственный народ почти полтора столетия ведет борьбу за свою независимость, с тех пор как в середине девятнадцатого столетия Англия захватила Кашмир, жестоко подавила сопротивление сикхов и уничтожила их государство. После покорения Кашмира сикхи стали лучшими солдатами в британской колониальной армии. Эта слава сохраняется за ними и в современной индийской армии.

Шмуэля и Раджа связывали не только многолетняя дружба и общие деловые интересы. Каждый из них всегда был готов прийти на помощь другому в любых обстоятельствах, как бы сложны и рискованны они ни были. Однажды, восемь лет назад, Радж решил прозондировать возможность участия в нефтяном бизнесе в Ираке. Он отправил своего младшего брата с тремя специалистами в нефтяной район на севере страны для изучения экономической ситуации. Однако время для этого оказалось неудачным – шла затяжная кровопролитная война между Ираком и Ираном. Как и все войны в регионе во второй половине двадцатого века, она велась из-за нефти. Поездка делегации была согласована с высокопоставленным иракским чиновником, но в Багдаде произошла очередная чистка и чиновника расстреляли. Начались гонения на всех, кто был с ним связан. Людей Раджа арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Ирана. Военный трибунал в Мосуле,

главном городе Иракского Курдистана, приговорил их к смертной казни. Четверо индийцев содержались в городской тюрьме в ожидании исполнения приговора. Радж начал немедленно действовать по всем каналам, пытаясь повлиять на власти в Багдаде, но его усилия были безрезультатны. Тогда он обратился к Шмуэлю.

На следующий день майор спецназа Давид Бен-Эзра взял отпуск по личным обстоятельствам и в тот же вечер покинул Израиль. А еще через два дня шейх Мустафа Эль-Бадр принимал у себя дома в городке Захо, в Иракском Курдистане недалеко от турецкой границы, своего старого друга Дауда. Со времени их последней встречи прошло три года. Они сидели в просторной увешанной коврами комнате, ели гургу из мяса молодого барашка и курили кальян. Гость хвалил кулинарное искусство хозяина и поглощал еду с нескрываемым аппетитом, доставляя тому большое удовольствие. Когда подали фрукты и сласти, шейх начал неспешный ритуальный разговор.

– Как здоровье твоего почтенного отца, уважаемый Дауд?

– Спасибо, уважаемый Мустафа. Мой отец чувствует себя хорошо, несмотря на преклонный возраст.

– Как здоровье твоего старшего сына?

– Мой старший сын здоров и занят своими делами.

– А как здоровье твоего младшего сына?

– Мой младший сын здоров и успешно учится.

После этого настала очередь гостя задавать вопросы. Он последовательно осведомился о здоровье сыновей и братьев шейха. К их обоюдному удовлетворению все члены его большой семьи были здоровы и благополучны. О женщинах спрашивать было излишне. Затем Дауд задал вопрос, ответ на который был известен ему заранее.

– Я рад, что твоя семья благополучна и дом полон достатка. Но, может быть, есть что-то, в чем уважаемый Мустафа нуждается?

– Я нуждаюсь в оружии. – Шейх оживился, он ждал этого вопроса. – Мне нужно много оружия. Столько же, сколько я получил от тебя три года назад. Мы потеряли

большую часть того, что у нас было, в тяжелых боях. Можешь ли ты восполнить эти потери?

– К сожалению, сейчас положение изменилось, уважаемый Мустафа, и я не могу снабдить тебя оружием. Но я могу помочь тебе получить много денег, на которые ты купишь все, в чем нуждаешься, – ответил Дауд.

– Говори, – сказал шейх.

...Той же ночью отряд курдов на пяти джипах пересек реку Хабар и устремился на юг к реке Тигр, через район, контролируемый шейхом. Командовал отрядом его брат Масуд, военным советником которого был Дауд, личный друг Мустафы ЭльБадра. Дауд говорил по-арабски на незнакомом диалекте, но курды понимали его. К утру, обогнув охраняемый иракской армией нефтяной промысел Айн-Зала, отряд вышел к деревне Бутма, где его уже ждали двадцать пять оседланных лошадей, специально обученных для передвижения в горах. Курды называют их «сус джабали» – горная лошадь. После короткого отдыха продолжили путь верхом по территории, патрулируемой иракскими войсками. Проводники вели отряд по тропам, которых нет на карте, обходя армейские заставы. С наступлением темноты подошли к развалинам Ниневии на левом берегу Тигра и устроили недолгий привал. Напротив, на правом берегу реки тускло мерцали уличные фонари Мосула.

Майор Бен-Эзра лежал на спине среди древних руин, подложив под голову бронежилет, и смотрел в черное ночное небо Иракского Курдистана. Воздух был кристально прозрачен, и звезды сверкали алмазным блеском. Ниневия... Что говорило ему это слово? Он пытался вспомнить все, что знал о ней. Некогда процветающая столица Ассирийской империи с крупнейшей в Древнем мире библиотекой клинописных табличек, культовый центр Астарты, богини сексуальной любви. После нападения Ассирии на Иудею пророки Цфания и Нахум предрекли Ниневии гибель. Пророчество сбылось – в седьмом веке до новой эры город был разрушен мидийцами и вавилонянами. Что еще? Через Ниневию пролегал маршрут, по которому четыре тысячи лет назад небольшой караван из города Ур в Южной

Месопотамии двигался в торговый город Харан, что в нынешней южной Турции. Во главе каравана шел халдей Терах, которого сопровождали сын Аврам со своей женой Сарай и внук Лот. В Харане Терах умер, а Аврам и остальные домочадцы, повинувшись воле Всевышнего, повернули на юг, в страну Ханаан, обещанную их потомкам. Там Аврам стал праотцем Авраамом, а его жена Сарай – праматерью Саррой. Так начиналась история народа. И сейчас те же звезды сверкали на небе, в которое вглядывался Бен-Эзра, и так же кристально прозрачен был ночной воздух древней страны, как и четыре тысячелетия назад. И по-прежнему здесь шли бесконечные войны...

В полночь отряд бесшумно переправился через Тигр и вошел в спящий город. Курды окружили тюрьму, сняли часовых и ворвались в здание. В короткой рукопашной схватке они перебили внутреннюю охрану и освободили заключенных. Затем с четырьмя индийцами покинули территорию тюрьмы и снова переправились на левый берег. Вся операция заняла менее двух часов. К утру конный отряд вышел к деревне Бутма и пересел на джипы. На следующий день радио Багдада сообщило о нападении иранских агентов на тюрьму в Мосуле и о побеге индийцев, что лишний раз доказывало их принадлежность к иранской шпионской организации и справедливость вынесенного приговора. Через месяц шейх Мустафа Эль-Бадр получил первую партию закупленного им оружия.

Было это восемь лет назад. А сейчас Шмуэль сам нуждался в помощи своего индийского друга. Телефонный звонок застал Раджа в кают-компании за завтраком. Шмуэль рассказал, что произошло, и спросил, может ли он помочь.

– Как, ты сказал, называется это место? Лонгрич? Одну минуту, Шмуэль, сейчас мне принесут карту. Расстояние три тысячи километров по прямой? Вот и карта. Да, есть такой городок. Нашел. Слушай, Шмуэль, я должен обсудить все это со своими людьми. Надеюсь, мы что-нибудь придумаем. Я сразу же сообщу тебе. А пока дай мне телефон твоих ребят в Лонгриче. И сообщи им мой телефон.

Шмуэль продиктовал Раджу номера телефонов Габриэля и Гидеона. После этого он позвонил Габриэлю и сообщил о разговоре с Раджем.

Радж перезвонил через три часа.

– Шмуэль, мои люди вылетают завтра утром. Мы зафрахтовали самолет внутренних авиалиний. Его уже готовят к рейсу. Командир группы сейчас свяжется с твоими ребятами и договорится о встрече. Надеюсь, все будет сделано как надо. Это надежные парни, моя личная охрана.

Через несколько минут зазвонил мобильный телефон Габриэля.

– Здравствуйте, мистер Каминский. Говорит Рой Сингх, командир группы. Нас десять человек. Мы вылетаем из Перта завтра в семь утра по вашему времени и в одиннадцать садимся на полосу в восьми километрах севернее Лонгрича. Самолет «джет командер» компании «Внутренние австралийские авиалинии». Бортовой номер семнадцать двадцать один. У вас есть какие-нибудь просьбы или пожелания? Два «узи»? Нет проблем. До встречи. Конеч связи.

– Роджер (*кодовое слово, означающее, что сообщение получено и понято – международный термин*), – ответил Габриэль, поняв, что разговаривает с профессионалом.

Операция «Альбион» началась...

22

Рональд Кларк ожидал дальнейших указаний из Лондона. После ошеломляющего разговора с Алексом он немедленно связался с Ларри Эвансом, рассказал о возникшей ситуации, об исчезновении Боба Дугласа, а затем включил кассету с полной записью разговора. Эванс слушал кассету и одновременно записывал ее на свой магнитофон. Закончив прослушивание, он задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что должен обсудить ситуацию с президентом. До поступления новых распоряжений Кларку предписывалось людей «Дабл Эй» не отпускать, но дальнейшие переговоры с ними прекратить.

В кабинете президента «Альбион Энерджи» Энтони Крэйга, кроме Эванса, присутствовал вице-президент по

зарубежным операциям Гарри Бриссон. Эванс коротко рассказал о сложившейся обстановке, а затем включил магнитофонную запись. Все слушали с напряженным вниманием. Первым отреагировал Бриссон.

– Я этому не верю. Это блеф. Франк все придумал. Я просто не узнаю Кларка. Он профессиональный психолог. Как он мог поверить в такую чепуху?

– Не торопитесь, Гарри. А если это не блеф? – усомнился Крэйг. – Если в этом есть хотя бы доля правды? Вы представляете, в какую историю мы можем влипнуть? А возможно, уже влипли. Итальянская афера «Игл Корпорэйшн» покажется тогда просто детской забавой. «Альбион», конечно, одна из крупнейших международных компаний, но вступать в схватку с «Мосадом» мы не можем. Вспомните, что они сделали с теми, кто стоял за убийством их спортсменов в Мюнхене. Мы ничего не знаем об Израиле. У них там все тесно переплетено – политика, религия, разведка, бизнес. Европейцу трудно в этом разобраться. Вы исходите из того, Гарри, что Британская секретная служба ни при каких обстоятельствах не стала бы пополнять свой бюджет за счет бизнеса. Это потому, что мы – страна с традициями. В Израиле нет традиций. Вы слышали, что заявил этот доктор Франк? Если с ними что-то случится, то начнут взрываться автомашины и офисы наших людей. Это международный терроризм. От страны без традиций всего можно ожидать. Поэтому я считаю, что мы должны спокойно, без эмоций обсудить то, что сейчас слышали. Кстати, Ларри, что это за шутка насчет Си-Ай-Эй?

– Хороший вопрос вы задали, Энтони. Я только сейчас с трудом вспомнил, о чем идет речь. Это было около двух лет назад в Калгари, на какой-то конференции. Билл Дэвис, вице-президент «Игл Корпорэйшн», рассказывал мне о «Дабл Эй». Кажется, мы стояли с ним в вестибюле, вокруг было много народа. Тогда я впервые услышал от него название «Дабл Эй». И сказал Биллу что-то вроде того – а не филиал ли это Си-Ай-Эй? Просто пошутил, имея в виду сходное звучание. Да, как будто так оно и было. Но теперь вся эта история приобретает совсем другой смысл. И не

потому, что здесь проводится параллель между «Дабл Эй» и Си-Ай-Эй, а потому, что они записали тот наш случайный разговор. Вы представляете, джентльмены, они уже тогда записывали нас! Мы еще ничего о них не знали, а они уже следили за нами. Возможно, их целью была «Игл Корпорэйшн», а мы просто попали в поле зрения вместе с ней. Но это не меняет существа дела. И если, Гарри, ты продолжаешь настаивать, что все это блеф, то как объяснить, что Франк с такой легкостью извлекает из своей памяти мои собственные слова, о которых сам я давно забыл? Я уже не говорю об «Игл Корпорэйшн». О ней они знают буквально все, включая эту итальянскую аферу, которую сами и подстроили. Так могут действовать только профессионалы высокого класса, а не обычная служба охраны нефтяной компании. Добавьте к этому загадочное исчезновение Боба Дугласа вместе с машиной. Он должен был после операции прибыть к месту сбора группы, но как в воду канул. В полиции и в местной больнице о нем ничего не знают. А Дуглас – крепкий парень и был вооружен. Вы же знаете, откуда он пришел к нам. Как хотите, джентльмены, а здесь чувствуется тот же почерк – все делается быстро, бесшумно и не остается никаких следов. Поэтому я не стал бы относиться к словам доктора Франка как к пустым угрозам. А что касается международного терроризма, то мы с вами сами утвердили план Кларка. В нем, помимо первого варианта, есть и второй – на случай, если первый не даст желаемых результатов. Поэтому я предложил бы не уделять столько внимания терминологии и моральной стороне дела, а сосредоточиться на фактах. Факты, которые нам известны, не противоречат тому, что наговорил этот Франк. И наконец последний вопрос – об источниках финансирования секретных служб. Все мы помним «Ирангейт» – аферу Си-Ай-Эй во времена Рейгана с продажей оружия Ирану для финансирования тайных операций в Никарагуа. Если так действуют американцы, то почему мы не можем ожидать чего-то подобного от их друзей израильтян. Одни, чтобы пополнить бюджет, продают оружие, другие – нефть. В этом есть своя логика. А недавно в прессе появились сообщения о причастности

«Мосада» к поставкам российского оружия Анголе в обмен на алмазы. И занимается этим израильский бизнесмен Дов Доваев.

– Вот, вы слышали, Гарри, – заключил Крэйг, – не все так просто, как вам это представляется. Здесь есть, о чем подумать. И я меньше всего хотел бы влипнуть в какую-нибудь скандальную историю. Эта свора борзописцев из «Дэйли Стар» и другой желтой прессы только и ждет случая вцепиться в большой бизнес. Я бы не хотел, чтобы о нас написали что-то подобное андерсоновскому проктоскопу.

– Джентльмены, все, что мы услышали от Кларка и что рассказал Ларри, очень интересно, – подвел итог Бриссон. – Однако это скорее напоминает добротный сделанный детектив, что-то в духе беседы Шерлока Холмса с доктором Ватсоном. Во всяком случае, меня это не убеждает. Но я уважаю ваше мнение. И вскоре у нас будет возможность проверить, что в действительности кроется за развязными тирадами доктора Франка – блеф или что-то серьезное. Я имею в виду эту мифическую оперативную группу «Мосада», которой он запугивал Кларка. Давайте подождем дня два-три и посмотрим, появится ли она в Лонгриче. И тогда будем решать, что делать дальше. А пока пусть Кларк держит этих израильтян у себя и ждет развития событий. Я полагаю, он обеспечил полную секретность операции. Хотя исчезновение Дугласа меня и беспокоит, я не вижу причин связывать одно с другим.

23

Изящный двухмоторный «джет командер» летел на восток навстречу лучам восходящего солнца со скоростью восемьсот километров в час. Рой Сингх рассказывал своим людям о цели операции.

– Дело вот в чем, ребята. У нашего босса есть очень близкий друг. Он израильтянин. Они дружат с юности и не раз выручали друг друга. В общем, это настоящая мужская дружба. А у израильтянина есть бизнес в том городке, куда мы сейчас летим. Там работают двое его людей. Они ему как сыновья. И вот английские бандиты похитили их. Они держат этих людей в своей частной тюрьме, и их жизни угрожает опасность. Мы должны освободить их и проучить

англичан. Босс сказал своему другу, что мы лучшие солдаты Индии и что мы сделаем все как надо. И израильтянин ответил, что он этого никогда не забудет, и что каждый из нас получит его личную благодарность. А он так же богат, как наш босс. Что скажут сикхи?

– Сикхи сделают это, – дружно ответили ребята. – Сикхи не раз били англичан. Мы побьем их и сейчас.

Это были крепкие парни, прошедшие специальную подготовку и в совершенстве владевшие восточными единоборствами. В больших спортивных сумках у каждого находилось все, что могло потребоваться для операции, – холодное и огнестрельное оружие, дымовые шашки, гранаты со слезоточивым газом, защитные маски, наручники и много других нужных вещей.

Габриэль и Гидеон были готовы к приему гостей. В домик Дизенгоф были завезены складные кровати, два больших холодильника, продукты. В компании по прокату автомобилей был арендован вместительный мини-бус «фольксваген каравелла». В подвальном помещении оборудовали угол для Боба Дугласа, где он был почти постоянно прикован к водяному стояку.

Перед тем как отправиться встречать самолет, Гидеон спустился в подвал.

– Послушай, Боб, – сказал он, – у тебя есть последняя возможность вспомнить, не перепутал ли ты что-нибудь или упустил кое-какие детали. Сейчас ты еще можешь все уточнить и исправить. От этого зависит твоя жизнь. Если окажется, что ты сообщил неверные данные, живым ты отсюда не выйдешь. Если ты сказал правду, мы гарантируем тебе жизнь.

Дуглас напрягся и попросил нарисованный им план дома. Он долго проверял его и наконец сказал, что в дальней комнате, возможно, есть еще одно окно, но полностью в этом не уверен. Он отметил это место на плане и поставил вопросительный знак.

– И это все? – спросил Гидеон.

– Клянусь жизнью, – торжественно заявил Дуглас.

Они подъехали на двух машинах к посадочной полосе за полчаса до прибытия самолета. Это не был аэродром в полном смысле слова. Полоса была приспособлена только для взлета и посадки небольших самолетов авиации общего назначения. Ее оборудование включало лишь указатели направления ветра и осветительные устройства. В обычное время полоса была безлюдна. Так было и сейчас. Стоя около машин и вглядываясь в небо, Габриэль и Гидеон вспомнили рассказ своего инструктора, который в 1973 году участвовал в рейде на базы ООП в Бейруте. Рейд был ответом на убийство израильских спортсменов в Мюнхене. Инструктор входил в группу, которая обеспечивала прием морских коммандос и доставку их к объектам атаки. Была темная апрельская ночь. Члены группы стояли на безлюдном бейрутском пляже и всматривались в морскую мглу, ожидая светового сигнала. Наконец, они увидели его и ответили миганием автомобильных фар. Через несколько минут из моря вышли боевые пловцы, неся в водонепроницаемых мешках оружие и гражданскую одежду...

Ситуация была в чем-то похожа. Вот они стоят вдвоем где-то в центре огромного австралийского континента и готовятся принять индийских коммандос, которые помогут им освободить двух израильтян. В небе на западе появилась точка. Она быстро приближалась, приобретая очертания самолета. «Джет командер» коснулся полосы ровно в одиннадцать. После короткой пробежки он остановился прямо около машин. Открылась дверь, и по короткому трапу на землю сошли рослые смуглые парни, одетые в спортивные костюмы. В руках у каждого была большая сумка. Их можно было принять за команду, прилетевшую на соревнования по крикету, столь популярному в странах Британского содружества. Короткая встреча, слова приветствия, и вот все они уже в машинах мчатся в Лонгрич.

После легкого застолья в домике Дизенгоф Габриэль и Рой отправились к тому месту, где содержались похищенные. Проведя рекогносцировку, они вернулись и

приступили к разработке плана операции. После детального обсуждения было принято предложение Роя – в середине ночи забросать двор дымовыми шашками и гранатами со слезоточивым газом. Затем, надев противогазовые маски, ворваться внутрь. У Габриэля была единственная просьба:

– Желательно без жертв, Рой. Если можно – ограничиться только нейтрализацией.

– Мы постараемся, Габриэль. Это и в наших интересах. Мы не хотим иметь дело с полицией.

Они обрушились на объект, как называл это место Рой, в два часа ночи. Все происходило как на учениях. Внешняя охрана была застигнута врасплох, нейтрализована и разоружена. Внутри дома находились еще четверо. Все они спали и проснулись, только услышав шум. Им приказали уткнуться лицом в подушки. Алекса и Андрея обнаружили в той самой дальней комнате, которая вызвала сомнения у Дугласа. Увидев Габриэля и Гидеона с «узи» в руках, они все поняли. «Да, это был правильный ход», – подумал Алекс, снова вспомнив слова Хосе Капабланки.

– Кто эти люди? – спросил он.

– Это люди Раджа, мистер Франк, – ответил Габриэль. – Не хотите ли прихватить кого-нибудь из «Альбион Энерджи» для обстоятельного разговора? Или сказать что-нибудь на прощание?

– Прихватить не хочу. Но с их боссом я бы попрощался. Он назвался Майком Гопкинсом, но это, наверное, не настоящее имя.

– Его зовут Кларк. Рональд Кларк, начальник отдела специальных проектов, – дал справку Габриэль.

– Вот как. Интересно. Спасибо, Габи. Приведи его.

Кларк был в трусах, волосы взъерошены.

– Извините, Кларк, что мы покидаем этот дом без вашего согласия, – обратился к нему Алекс. – Я предупреждал, что мы будем разбираться с «Альбион Энерджи» не так, как с «Игл Корпорэйшн». Надеюсь, вы больше не будете делать глупости. А если это вас ничему не научит, то, выражаясь вашими же словами, такая ситуация тоже предусмотрена. И передайте это Ларри Эвансу. А теперь идите досматривать свои фантастические сны.

С этими словами Алекс, Андрей и участники операции покинули поле боя, забрав трофейное оружие, мобильные телефоны и выведя из строя стоявшие во дворе машины. Весь следующий день «индийские гости», как стали называть их Алекс и Андрей, отдыхали в домике «Дизенгоф». Рой связался с пилотами и удостоверился, что заказанный в Лонгриче заправщик прибыл и баки заполнены топливом. Прощание перед посадкой в самолет было теплым. Габриэль и Гидеон обнялись с каждым членом группы. Рой, широко улыбаясь и пожимая руку Габриэлю, сказал: «У настоящих командос должен быть свой собственный Энтеббе. Это как пропуск в элитный клуб. Теперь он у нас есть. Маленький, но свой». «Вы заслужили этот пропуск», – с полной серьезностью ответил Габриэль.

Домик Дизенгоф снова опустел. Его временные обитатели вернулись в «Козерог». Дугласу завязали глаза, и Гидеон отвез его на противоположную окраину города. Там снял повязку, наручники и отпустил на все четыре стороны. На прощание посоветовал уехать куда-нибудь подальше, так как Кларк не простит то, что он сделал.

Для Алекса опять начались рабочие будни. Бурение скважин приближалось к наиболее ответственному этапу – вскрытию нефтяных пластов. Он и Андрей проводили на буровых целые дни и возвращались в гостиницу поздно вечером. Габриэль и Гидеон неотступно следовали за ними, не расставаясь с «узи». Они пришли к выводу, что сами скважины как источники информации или объекты саботажа не интересуют «Альбион Энерджи» и что главная опасность угрожает их подопечным. Алекс не разделял их тревогу. Он считал, что после урока, преподанного Кларку и его лондонскому начальству, они не решатся на новую провокацию. Однако Габриэль и Гидеон оценивали ситуацию не с психологических, а с профессиональных позиций. Для них не существовало такого понятия, как «урок». В их лексиконе было только слово «безопасность». И они старались предусмотреть любую, даже самую маловероятную угрозу и заранее нейтрализовать ее.

24

Руководство «Альбион Энерджи» собралось для обсуждения возникшей ситуации в прежнем составе. На этот раз все трое не скрывали своей озабоченности. Гарри Бриссон опять выступил первым. Он снова был категоричен, и в его суждениях не было сомнений и колебаний. Но вектор этой уверенности изменился.

– Джентльмены, я признаю, что был не прав. За «Дабл Эй» действительно стоит «Мосад». И это коренным образом меняет дело. В новой ситуации мы должны действовать еще более решительно и жестко. Нам ничего не остается, как принять вызов. Мы не можем проиграть.

– О чем вы говорите, Гарри! – в ужасе воскликнул Крэйг. – Вы что, предлагаете нам вступить в схватку с профессиональной секретной службой? Стрелять на улицах и взрывать офисы? Превратиться из уважаемой корпорации в семейство дона Карлеоне? Куда вы нас толкаете?

– Не надо преувеличивать, Энтони. Мы ни в кого не превратимся. Мы останемся прежней уважаемой «Альбион Энерджи». И то, что я предлагаю, намного меньше по масштабам и последствиям, чем, например, скупка контрольного пакета «Бизон Эксплорэйшн» и ликвидация этой компании, в результате чего две тысячи человек оказались на улице. Как вы знаете, мы провернули это три года назад. Или недавняя сделка, когда мы выставили с европейского рынка скандинавскую группу, что привело к ее банкротству. Там, кажется, было несколько самоубийств. Джентльмены, излишне напоминать, что наше место в бизнесе никем не гарантировано. Если мы проявим слабость, то можем просто исчезнуть, как это случилось со многими гигантами до нас. Угроза, которая исходит от «Дабл Эй», превосходит все, с чем мы сталкивались раньше. Именно к этому я и хочу привлечь ваше внимание. Все остальное – лишь дело техники, как любит говорить наш доблестный Рональд Кларк. Вот пусть он и манипулирует этой техникой. Пусть докажет, что умеет не только составлять планы. А мы докажем себе, что можем не только утверждать их.

– Я слушаю Гарри и думаю, что недаром в колледже его звали Гарри Ковбой, – вступил в разговор Эванс. – Ты, Гарри, до сих пор не расстался с привычкой «стрелять с бедра». А ситуация такова, что начать стрельбу легко, но остановить ее будет трудно. Дальше всех обычно идет тот, кто не знает, куда идти. Я согласен, что «Дабл Эй» представляет большую угрозу для нас. И не только для нас. Но я не уверен, что мы можем решить проблему способом, который предлагает Гарри. Особенно теперь, когда нам стало известно, кто стоит за Франком и Шейнманом. Я предлагаю взвесить все «за» и «против» и попытаться сделать обоснованный прогноз – что мы выиграем в случае успеха и что потеряем в случае провала. А провал никогда нельзя полностью исключить. От него никто не гарантирован.

– Разумное предложение, – поддержал осторожный Крэйг. – Кроме того, Гарри, я не могу согласиться с вашими сомнительными параллелями по поводу «Бизона» и скандинавов. Там мы действовали на своем поле и теми методами, которые приняты в бизнесе. А с «Дабл Эй» вы предлагаете нам перейти на чужое поле и играть по их правилам. Мы быстро превратимся из профессионалов в любителей, и результат предсказать нетрудно. Надо найти какой-то другой выход. Побойтесь Бога, Гарри.

– Другого выхода нет, – жестко возразил Бриссон. – А относительно обоснованного прогноза, о котором говорил Ларри, могу сказать со всей определенностью. В случае успеха мы останемся теми, кто мы есть. В случае бездействия – потеряем все. Исчезнем. Будем упоминаться только в исторических справочниках, как это произошло с компаниями, которые не смогли ответить на вызов времени и угнаться за техническим прогрессом. От них остались пять-шесть строчек в нефтяной энциклопедии. И Бог здесь ни при чем, Энтони. Он существует только для мошенников и глупцов. Первые говорят и действуют от его имени, вторые – во имя его. Но и те и другие думают лишь о собственной выгоде.

Бриссон продолжал давить на своих коллег с неослабевающей силой, приводя новые аргументы,

исторические примеры, рисуя мрачную перспективу. Как это обычно бывает в таких случаях, когда один из троих настроен решительно и убежден в своей правоте, другой чрезмерно осторожен, а третий колеблется, побеждает тот, кто призывает к действию. И хотя окончательного решения принято не было, но Бриссону удалось склонить чашу весов на свою сторону. Гарри Ковбой не знал, что бросает вызов Шмулику Пистолету. А это не то же самое, что иметь дело с «Бизоном» или скандинавами...

25

По мере того как Андрей знакомился с технологией разведки, она все больше увлекала его. Настоящее волнение он испытал, когда присутствовал при перфорации обсадной колонны. Ему вспомнился ночной телефонный звонок Алекса из Альберты и предложение дать команду на прострел. Тогда Андрей вообще не знал, как выглядит перфоратор, и имел представление о бурении скважины только со слов Алекса, который однажды весьма популярно рассказал ему о разведке нефти. И вот теперь он впервые увидел все собственными глазами: бурение, каротаж, спуск колонны, ее цементирование и наконец перфорацию. Он как бы прошелся по всей технологической цепочке, начиная от анализа образцов почвы, затраты на который ничтожно малы, и до проводки скважины, которая стоит миллионы долларов. А в конце этой цепочки находится нефтяное месторождение стоимостью в сотни миллионов. Все это произвело на него большое впечатление. Алекс, видя столь живой интерес Андрея к своей профессии, временами увлекался и, как всякий специалист, углублялся в такие детали, что Андрею приходилось его останавливать. «Ты, кажется, собираешься сделать из меня геолога. Это так же невозможно, как тебе стать физиком. Мне вполне достаточно превратиться из полного невежды в полуневежду. Излишние подробности убивают хороший рассказ. Но я понял главное: пористые подземные пласты на огромных территориях насыщены водой, и только на крохотных участках в них вместо воды содержится нефть. И эти участки на фоне безбрежных водных пространств можно уподобить каплям в море. Задача геолога – искать эти капли.

Здесь можно вспомнить поговорку о поисках иголки в стоге сена, хотя это, наверное, и некорректное сравнение», – подвел итог Андрей во время одной из таких «лекций», когда они наблюдали спуск в скважину обсадной колонны. «Ну почему же некорректное, – ответил Алекс, – если стог сена прощупывать сверхчувствительным металлоискателем, то это примерно то же самое. В таком случае поиск иголки будет вестись прямым методом. Почти аналогично тому, что мы с тобой делаем».

– Ну, тогда последний вопрос, не геологический, а теологический. В Торе сказано, что Бог сотворил и небо, и землю, и свет, и воду, и растения, и звёзды, и животных, и человека. Почему же нефть не упомянута?

– Хороший вопрос, – Алекс улыбнулся. – Бог, конечно, сотворил и нефть тоже. И в Торе сначала было написано: «И сказал Бог: да будет нефть. И стала нефть в земле. И увидел Бог, что это хорошо». Но потом, устремив взгляд в будущее, увидел разрушительные войны и реки крови из-за неё. И понял, что это не очень хорошо. Поэтому, оставив нефть в земле, решил не говорить о ней людям. Так из Торы исчезли слова о сотворении нефти. И всё же первое в истории письменное упоминание о нефти содержится именно в Торе, где в книге Бытия рассказывается о том, что на побережье Мертвого моря было много ям, заполненных асфальтом, и что цари Содома и Гоморры, спасаясь бегством, упали в них. Асфальт, как известно, это нефть, просочившаяся с глубины и окислившаяся на поверхности. Произошла эта печальная история задолго до того, как нефть стала главным источником энергии и богатства, но цари Содома и Гоморры уже тогда убедились в том, что она приносит несчастье...

Через неделю на обеих скважинах предстояла установка «рождественских елок», и после этого у Алекса намечались несколько свободных дней – до начала бурения на двух следующих точках. Как раз в это время Шмуэль должен был прибыть в Перт, и он хотел, чтобы вся группа из Лонгрича прилетела на долгожданную встречу. Габриэль зафрахтовал для этого такой же «джет командер», как тот,

который доставил людей Роя Сингха. Он договорился, что авиакомпания перегонит его из Брисбена, главного города штата Квинсленд, на взлетную полосу около Лонгрича. Расстояние между этими городами более тысячи километров. Поэтому в Лонгриче потребуется дозаправка, и с учетом этого самолет должен будет прибыть не в день вылета в Перт, а накануне.

Время «израильско-индийской встречи», как шутливо-торжественно называл ее Шмуэль, приближалось. Самолет из Брисбена прибывал на следующий день, а еще через день все четверо – Алекс, Андрей, Габриэль и Гидеон – должны были лететь в Перт. Алекс заканчивал оформление технической документации по скважинам и, как обычно в последнюю неделю, работал допоздна в своем номере.

Минут десять назад позвонил Габриэль, убедился, что все в порядке, и пожелал спокойной ночи. Это была стандартная проверка, к которой оба они уже привыкли. Гидеон точно так же опекал Андрея.

...Стук в дверь удивил Алекса. Это противоречило строгим правилам, введенным Габриэлем после похищения. Никто не мог прийти к нему без предварительного телефонного звонка. Алекс подошел к двери и посмотрел в глазок. Это была Юдит.

– Кто это? – спросил Алекс от неожиданности.

– Алекс, почему ты спрашиваешь? Ты же видишь, что это я.

– Ты одна?

– Конечно, одна. Станный вопрос. Или, может быть, ты не один?

Алекс открыл дверь. Юдит бросилась ему на шею.

– Алекс, дорогой мой. Я так рада видеть тебя. Извини, что не предупредила. Все получилось так неожиданно. Ты знаешь, я нашла очень хорошую работу в Эмеральде. Это четыреста километров отсюда. Там есть закрытый элитный клуб, и мне предложили преподавать аэробику. Занятия начинаются через неделю. Это случилось буквально на днях. Я еще даже не успела купить машину, а моя «мазда» совсем развалилась. И вдруг, представляешь,

оказия. Один член клуба поехал сюда по своим делам. И подвез меня...

Юдит тараторила без умолку. Алекс не мог вставить слово. Наконец, ему удалось задать вопрос:

– А где ты остановилась?

– Здесь же, в «Козероге». Зашла в номер, оставила вещи и сразу к тебе.

– Но почему не позвонила?

– Ты так спрашиваешь, будто не рад. Неужели не понимаешь? Хотела сделать сюрприз. И потом, как ты это себе представляешь – звонить из одной комнаты в другую, когда можно дойти за одну минуту. Мы же с тобой не коллеги по работе. Мы с тобой воз-люб-лен-ные, – по складам произнесла Юдит и сняла с себя блузку.

Потом она начала расстегивать на нем рубашку. Алекс уловил знакомый волнующий аромат ее тела и почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Где-то в глубине сознания он понимал, что время для такой встречи не совсем подходящее. У него еще много работы. А завтра последний день перед отлетом, и, как всегда, он отложил на него несколько важных дел. Но, с другой стороны, возражал он себе, жизнь состоит не только из работы. Работа – это лишь фон, а жизнь иногда дарит такие яркие всплески на нем, как Юдит. И именно они, эти всплески, остаются в памяти, а все остальное сливается в сплошную рутину. Не об этом ли слова царя Соломона в Экклезиасте: «Не будь слишком праведным и не слишком мудрствуй... Хорошо, если ты придержишься одного, но и от другого не отнимаешь руки»? Впрочем, сказать, что он спорил с собой, возражал и доказывал, было бы неверно. Просто в мозгу лениво ворочались какие-то вязкие мысли – работа, важные дела, успеть сделать... А из некоего другого участка мозга уже поступила команда его рукам, которые торопливо расстегивали ремень на брюках. Вдруг в каком-то третьем участке, видимо, самом главном, вспыхнуло что-то яркое, и Алекс отчетливо услышал свой собственный голос, произносивший как заклинание: Камасутра, Камасутра... Он понял, что эта яркая вспышка и есть то единственное, чему он должен сейчас беспрекословно повиноваться. Юдит как

будто подслушала его разговор с самим собой, и до него внезапно дошел смысл ее нетерпеливого вопроса: «Ну, отвечай же. Ты что, не слышишь – цапля, сирсасана или закрученный узел?» Алекс стряхнул оцепенение: «Все равно, Юдит, все равно. Ну, пожалуй, сирсасана, если не возражаешь». Юдит не возражала. И он погрузился в нирвану. Потом была еще позиция цапли, а потом закрученный узел. На этот раз Юдит превзошла саму себя. Алексу вдруг вспомнилась нашумевшая пьеса Ив Энслер «Монологи вагины», которую он смотрел как-то в Вест-Сайдском театре на Бродвее. «А ведь Ив было бы чему поучиться у Юдит», – подумал он.

– Алекс, мне надоело быть одной. Я хочу, чтобы мы были вместе, – сказала Юдит, когда «мюзикл» закончился. – Я имею в виду, что мы не должны встречаться лишь на короткое время, а затем надолго расставаться. По крайней мере пока ты здесь, а не в своей Канаде, мы можем себе это позволить. Как ты на это смотришь?

– Но ты же сама уехала из Лонгрича. Не понимаю, чем была вызвана такая спешка? Могла бы остаться на несколько дней.

– К сожалению, не могла. Были особые обстоятельства. Но теперь все изменилось, у меня есть постоянная работа. И это недалеко отсюда, всего четыреста километров. А сейчас вся эта неделя у меня вообще свободна, так что мы можем провести ее вместе.

– Ничего не получится, Юдит. Я послезавтра уезжаю. Мы можем вернуться к этому разговору после возвращения.

– Какая досада. Я так мечтала провести целую неделю с тобой. А нельзя ли перенести поездку?

– К сожалению, нельзя.

– А куда ты едешь? Может быть, мы поедем вместе? Если это, конечно, недалеко и займет не больше недели.

– Нет, Юдит. Это нереально. Я еду не один. И это достаточно далеко. Мы летим самолетом.

– Ну что ж, нет так нет. Очень жалко. Самолетом? Это значит, вы должны сначала добраться до Рокхемптона, ведь авиарейсы есть только оттуда. А Эмеральд как раз по

дороге в Рокхемптон. Вот и прекрасно, ты довезешь меня до Эмеральда. Не возражаешь?

– Нет, Юдит. Мы не едем в Рокхемптон, а летим из Лонгрича.

– Но отсюда нет рейсов. Как же вы полетите?

– У нас свой небольшой самолет. Мы летим прямо отсюда.

– Так все неудачно. Обещай, что позвонишь, как только вернешься. Ну, а завтра у тебя найдется для меня время?

– Когда вернусь, обязательно позвоню. А завтра я, к сожалению, буду занят до позднего вечера.

– Ну, тогда мне нечего здесь делать. Утром уеду автобусом в Эмеральд. Не везет нам с тобой. То у меня особые обстоятельства, то у тебя...

26

«Джет командер» плавно оторвался от взлетной полосы и взял курс на запад. До Перта было ровно четыре часа полета. Они прилетят туда на день раньше Шмуэля. Договорились, что их встретит Рой Сингх и отвезет прямо на яхту. Алекс подумал, что должен прибыть отдохнувшим, в хорошей форме. Поэтому сейчас неплохо было бы стряхнуть усталость, накопившуюся за последний месяц. Он откинул спинку кресла и попробовал заснуть. Но как только закрыл глаза, перед ним возникла Юдит в позиции цапли. «Ну все, – сказал он себе, – началось наваждение. Если уж мысль зацепилась за что-то, то бесполезно стараться не думать об этом». Спать почему-то расхотелось. Он взглянул в окно – они летели над пустыней Симпсон. Унылый пейзаж, смотреть было не на что.

Внезапно возникло ощущение полной беззаботности, как это часто бывало у него в полете, – впервые за долгое время голова была свободна от мыслей о работе, «Альбион Энерджи» и даже о Юдит. Но это ощущение длилось недолго. В голову ни с того, ни с сего полезли какие-то далекие и не очень далекие встречи, события, случаи из жизни. Неожиданно память заработала, как неуправляемый кинопроектор, который стал раскручивать длинную ленту беспорядочных воспоминаний. Будто чей-то невидимый

палец нажал кнопку... Вдруг замелькали кадры той страшной школьной драки во время «дела врачей», когда его беспощадно били всем классом. После этого Алекс твердо решил стать боксером. Боксером не стал, но держать и наносить удары научился хорошо. Это выручало не раз. А крепкий кулак, как говорила мама, ему достался от деда... Потом пошли эпизоды институтской жизни, разведки в разных странах, защита диссертаций – одной, другой. Там были иные удары, но он держал и их. И наносил ответные в виде неожиданных и продуманных аргументов. Оппоненты отступали...

После этого, без всякой связи с предыдущим, вспомнились соседи по коммунальной квартире – сантехник Сергей Дмитриевич, дядя Сережа, одинокий холостяк, занимавший шестиметровую комнатку, и Эсфирь Давыдовна, учительница истории, которой принадлежала самая большая «жилплощадь». С дядей Сережей Алекс любил играть в шахматы. Снимая с доски фигуру Алекса, он обычно приговаривал: «Что, мальчик, попался? Будешь знать, как зевать». В тридцатых годах Сергей жил с родителями в большой отдельной квартире. Отец его был директором крупного завода. В тридцать седьмом, когда ему было одиннадцать лет, родителей арестовали, и больше он их не видел. Через неделю в пять утра пришли за ним. Чекисты вывели Сергея из подъезда, около которого стояла черная «эмка». «Иди в машину», – сказали ему, а сами остановились покурить. Но неожиданно для них и для себя он бросился бежать через пустынную улицу к немецкому посольству, расположенному напротив по очень подходящему адресу – Мертвый переулок. У посольства дежурили два милиционера. «Держи его!» – закричали им чекисты. Один из постовых сделал Сергею подножку, а другой схватил за руку. В это время мимо проходила старушка – из тех, кому не спится по утрам. «Что, мальчик, попался? Будешь знать, как воровать», – донеслись до него ее назидательные слова, последние слова, которые он услышал на свободе. По непонятной причине они прилепились к Сергею на всю жизнь. Потом были пять лет в детдоме, а за ними четырнадцать лет воркутинских лагерей.

Сергей Дмитриевич и Эсфирь Давидовна были в постоянной ссоре и между собой не разговаривали. «Книгоноша», как звали учительницу соседи по дому, жила в их квартире почти всю жизнь, за исключением четырех лет эвакуации. Единственное, что она увезла с собой в октябре сорок первого, когда в спешке покинула Москву, было полное собрание сочинений Ленина. С этими красными томами и вернулась обратно. Тогда и получила свое прозвище...

Потом память вдруг выхватила из сумбурной мозаики встречу в Тель-Авиве с Авнером, отставным полицейским, который в детстве прошел Освенцим и уцелел только потому, что был в крематорной команде. Вместе с другими подростками он выгребал пепел из печей и собирал его в большие контейнеры, а зимой в гололед они посыпали им дорожки перед домами эсэсовцев. В мае 1962 года, когда был сожжен труп повешенного Эйхмана, этому бывшему узнику лагеря смерти, а теперь офицеру израильской полиции, было поручено выйти на катере ВМФ за пределы территориальных вод Израиля и высыпать пепел в море. На вопрос, о чем он думал при этом, Авнер ответил: «Первое, о чем подумал: как мало пепла остается от человека...»

Эта история дала толчок другим воспоминаниям, так или иначе связанным с жизнью и смертью. Когда-то судьба свела Алекса с известным грозненским геологом Николаем Ильинским, детство которого прошло в Центральной России, а работать ему пришлось десятки лет на Кавказе. Мечтал Николай на старости лет вернуться в родные края и поселиться в каком-нибудь маленьком, тихом городке, вдали от промышленных центров. И вот за пять лет до пенсии стал он подыскивать подходящее место. Каждый отпуск супруги Ильинские отправлялись в российскую глубинку и объезжали по пять-шесть городков. Интересовали Николая только кладбища. Он методично обходил все могилы, ряд за рядом, и списывал с памятников в толстую тетрадь годы рождения и смерти. Потом сводил эти данные в таблицы, строил графики и рисовал диаграммы. Был он человеком аналитического склада ума и верил в статистику. Целью его было найти городок с

наибольшей средней продолжительностью жизни. Обследовав около сорока мест по своему вкусу, он нашел, что искал, где-то в Пензенской области. Выйдя на пенсию, Николай с женой переехал туда. Он собирался жить долго. А через год утонул в реке Суре...

Потом «кинопроектор» перенес Алекса в Швейцарские Альпы, где познакомился он однажды с американской супружеской парой. Фрэнку было восемьдесят два года, а Кэтрин – семьдесят пять. Горные лыжи занимали главное место в их жизни. Почти круглый год они гонялись за снегом по всему миру, переезжая с континента на континент – Америка, Европа, Австралия. В одном месте сезон заканчивался, в другом начинался. Алекс любовался их отточенной техникой и каким-то особым изяществом, с которым они закладывали виражи на крутых склонах, то идя след в след, то расходясь в разные стороны, обгоняя друг друга, а затем снова сближаясь. Это напоминало грациозную игру дельфинов. Иногда Алекс намеренно отставал, чтобы наблюдать за ними сверху, когда они были похожи на молодую пару, проводившую в горах свой медовый месяц. И вот во время одного из таких спусков, Фрэнк, шедший на большой скорости впереди жены, упал и умер. Наверное, он сначала умер, а потом упал. Все произошло мгновенно. Алекс едва успел затормозить около них. Кэтрин спокойно сказала: «Фрэнк ушел». Алекс начал было говорить слова соболезнования, но она остановила его: «Все в порядке, Алекс. Он мечтал о таком уходе. Он счастлив». Она не сказала «умер», на ее лице не было скорби. Его особенно поразило слово «счастлив». «Действительно, прекрасный уход, – подумал тогда Алекс. – Альпы, яркое зимнее солнце, ослепительно белый снег. Человек мчится вниз, легко перенося тяжесть послушного тела с одной лыжи на другую и не чувствуя своих восьмидесяти двух лет. Каждая его клетка полна жизни... И вдруг некий внутренний маятник, отмеривающий время, отведенное нам в этом мире, качнулся немного сильнее и безболезненно пересек ту таинственную границу, которая отделяет бытие от небытия и из-за которой уже нет возврата. Что может быть лучше! Я

бы не отказался от такого ухода. В общем-то смерти не следует бояться. С ней надо лишь успеть пересечься на большой скорости...»

Снежные Альпы напомнили о другом снеге, который так и остался для Алекса большой загадкой, чем-то на грани мистики и черной магии. Как-то гостил он у родственников в Бостоне и очень подружился с их сыном, четырехлетним Мирончиком. Однажды мальчик заявил, что не заснет, если Алекс не расскажет ему на ночь сказку. Сказка была рассказана, но Мирончик все не засыпал. И вдруг он спросил:

– А ты можешь быть волшебником?

– Могу, – ответил Алекс, не подумав о последствиях.

– Ну, тогда сделай так, чтобы завтра пошел снег.

Дело было в апреле, последний снег растаял больше месяца назад. «Обманывать детей нехорошо, – подумал Алекс, – но отступать поздно. К тому же завтра все забудется».

– Обещай, что заснешь, если сделаю.

– Обещаю.

Алекс произнес волшебное заклинание, и уже через пять минут Мирончик сладко спал. Рано утром он ворвался в спальню родителей с громким криком:

– Он волшебник! Он настоящий! Он сделал это!

За окном валил снег...

Не обошел «кинопроектор» и самый яркий эпизод в профессиональной жизни Алекса – «яркий» в прямом и в переносном смысле. Перед его глазами в который раз возник тот памятный пожар на нефтяной скважине. Случилось это на одном из островов в Малаккском проливе. Во время бурения неожиданно началось аварийное фонтанирование. Нефтяной пласт вдруг вышел из-под контроля и «заработал». Нефть под огромным давлением прорвалась в скважину и стала выбрасывать с невероятной силой на поверхность все, что в ней находилось. Алекс впервые видел, как тяжелые стальные трубы вылетали из скважины и, извиваясь в воздухе, как макароны, бились, будто в клетке, внутри буровой вышки. В какой-то момент удар металла о металл высек искру, и ревушая струя нефти

превратилась в гигантский факел, плавивший металл и озарявший все вокруг на десятки километров. Это незабываемое зрелище показало Алексу более наглядно, чем все расчетные формулы, вместе взятые, какую сокрушительную энергию таят в себе нефтяные пласты и какая точная ювелирная работа требуется для того, чтобы держать их под контролем. Малейшая оплошность или просчет – и нефть вырывается наружу, сметая все на своем пути... На эти воспоминания хаотически напозлали другие – женщины, эмиграция в Израиль, жизнь в Канаде...

«Э, нет, – сказал себе Алекс, – так дело не пойдет. От этого калейдоскопа можно одуреть еще больше, чем от всего, что произошло за последний месяц. Если уж вспоминать, то что-то одно и упорядоченно». А не восстановить ли в памяти всю ту почти немыслимую цепь случайных драматических событий, которая привела его и Андрея к тому, чем они сейчас занимаются? Эта мысль увлекла его. Сон все равно прошел, а четырех часов полета вполне достаточно, чтобы прокрутить все это в голове кадр за кадром. «С чего начнем? – спросил он себя и тут же решил: – Начнем, пожалуй, с Канады». Как он оказался в этой стране? После двух лет жизни и работы в Израиле Алекс получил приглашение от крупной канадской нефтяной компании занять должность советника по зарубежной разведке и переехал в Калгари. Первоначальный двухлетний контракт превратился в шестилетний, и за это время ему пришлось поработать почти на всех континентах. Но занимаясь разведкой в разных странах, он продолжал внимательно следить за поисками нефти в Израиле. Его поражали их бессистемность, хаотичность, непрофессионализм. При встречах с израильскими коллегами он говорил об этом. С ним соглашались, однако ничего не менялось. Тогда он написал письмо министру энергетики, в ведении которого находилась нефтяная разведка. Ответа не последовало. Но когда через год Алекс вернулся в Израиль, перед ним закрылись все двери. В работе ему было отказано. Сосед по дому, занимавший важную должность в администрации университета, взялся по собственной инициативе переговорить о нем с деканом

геологического факультета, с которым Алекс не был знаком. Он вернулся после разговора обескураженный: «Алекс, что ты такое натворил? Декана передернуло, как только я назвал твое имя». Было ощущение, что какая-то таинственная инстанция, определяющая кошерность граждан, сделала в его личном деле отметку, подобную волчьему билету: «Не подлежит трудоустройству в государстве Израиль». Это ощущение превратилось в уверенность, когда в его руки, по недосмотру чиновника, попало конфиденциальное письмо министра энергетики министру абсорбции, в котором говорилось: «Профессиональные качества геолога Алекса Франка не соответствуют израильским стандартам. Поэтому трудоустроить его даже по специальной стипендии министерства абсорбции не представляется возможным». Вся эта кафкианская ситуация очень смахивала на то далекое школьное избиение во время «дела врачей», когда у маленького Алекса просто не было шансов. И все же тогда ярость одноклассников была хотя и слепой, но справедливой – били за дело, за отравление видных деятелей государства. Сейчас били соплеменники – мстительно, изощренно, основательно, чтобы уже не смог подняться. Целью было лишить возможности работать, а значит, и жить. Так умеют бить только «свои» – за критику, за «несоответствие профессиональному стандарту», за неприятие корпоративной круговой поруки. Вроде бы тоже за дело... Вспомнились слова из документальной эпопеи Юлия Марголина «Путешествие в страну зэка»: «Лагерь представляют собой дикарское неуважение к человеческому таланту и умению. Человек, десятки лет работавший в любимой профессии, убеждается в лагере, что все усилия его жизни пошли насмарку». Какой бы двусмысленной такая аналогия ни была, но запрет на профессию вызывает одинаковую реакцию и в лагере, и на свободе – для человека имеет значение только то, что «все усилия его жизни пошли насмарку», а не то, где это произошло...

Все еще веря в здравый смысл, он написал несколько писем руководителям страны. Никто из них не ответил. Тогда он обратился к Государственному контролеру. Алекс апеллировал к государственным интересам и позволил себе

образно описать ситуацию: «Мое положение еще можно было бы понять, если бы я был экспертом по выращиванию кукурузы, в услугах которого страна не очень нуждается. Но в моей профессиональной области Израиль вот уже в течение сорока лет идет от одной неудачи к другой...» Вскоре пришел ответ, подписанный помощником контролера: «По вопросу выращивания кукурузы вам следует обратиться в министерство сельского хозяйства». Круг кафкианского абсурда, этот израильский национальный бублик, замкнулся. Последняя иллюзия исчезла, что лишь подтвердило старую истину: мечты иногда сбываются, иллюзии – никогда. Побуждения чиновника были, видимо, вполне искренние, но Алекс решил не следовать его совету, а вместо этого предложил свои услуги в качестве консультанта иностранным нефтяным компаниям. То, что было с таким злорадством отвергнуто в Израиле, оказалось с благодарностью востребовано в других странах. Проблемы несоответствия «профессиональных качеств геолога Алекса Франка местным стандартам» не возникло. Впрочем, там, где разведка нефти идет успешно, профессиональные стандарты отличаются от израильских. В его карьере наступил новый этап. Он консультировал разведочные работы во многих странах, в том числе и в России. По его проектам и рекомендациям бурились скважины и открывались новые нефтяные месторождения в разных районах мира. Он снова держал удар.

...Однажды на тель-авивском пляже Алекс столкнулся лицом к лицу с Андрюхой Шейнманом, «рыжим», как его звали в школе. Встреча была столь же радостной, сколь и неожиданной. Когда-то, несколько лет подряд, они сидели за одной партой, и в школе их даже называли «однопартийцы». В десятом классе Андрей прославился переводами Шекспира, которые стали весьма популярны среди одноклассников-акселератов. Бывало, на школьных вечеринках Алекс объявлял: «А сейчас известный поэт-переводчик Шейнспир озвучит собственное видение Шекспира. Вниманию публики предлагается гигиеническая трагедия "О, Тело!"». Андрей входил с кувшином в руке, с

лицом, вымазанным черной ваксой, и читал монолог: «Ты перед сном подмылась, Дездемона? Скорей подмойся. Я не помешаю. Я рядом подожду. Избави бог убить тебя, не подготовив тело». Акселераты громко ржали... После школы пути «однопартийцев» разошлись. Андрей стал физиком, а Алекс – геологом. В первые институтские годы они еще изредка встречались, но затем потеряли друг друга из виду. Алекс колесил по всей стране, а Андрей зарылся в какой-то «ящик» и, по слухам, делал головокружительную научную карьеру. Только однажды за много лет Алекс разыскал его и пригласил на защиту докторской. Потом на банкете, когда гости, как обычно, состязались в непомерном восхвалении «тостуемого», Андрей поднял бокал и сказал: «Вот тут пили за лучшего геолога Татарии, Башкирии, Советского Союза и стран СЭВ. Такими словами можно погубить человека. Я хочу привести новоиспеченного доктора к его истинному масштабу и тем уберечь от гордыни. Предлагаю тост за лучшего геолога с нашей парты, в чем нет ни капли преувеличения и что не так уж мало».

И вот теперь «лучший геолог» и «лучший физик» с одной парты стояли на пляже друг против друга и беспорядочно восклицали: «...Леха... Андрюха... ты здесь... какими судьбами?.. а ты что тут делаешь?.. я и не знал, что ты приехал... и я не знал про тебя... ты давно в Израиле?.. а ты?..» Они стали встречаться, обсуждать свои дела. Андрей рассказал, что сконструировал электронный прибор, который позволяет различать образцы одинакового вещества, находившиеся длительное время в разной физической среде. Стандартный анализ разницу между ними не улавливает. Она проявляется лишь после специальной обработки образцов. Только после этого на экране компьютера, соединенного с прибором, появляются резкие пики, по высоте которых можно с уверенностью отличать одни образцы от других. Андрей не знал, какова природа этого явления, которое было как-то связано с изменениями на уровне кристаллической структуры вещества, но полагал, что метод найдет широкое применение в различных областях. Однако все его попытки заинтересовать

открытием израильские университеты, исследовательские центры и фирмы оказались безрезультатными.

У Алекса сразу же возникла мысль попробовать метод на образцах почвы над нефтяным месторождением и за его пределами. Он, конечно, хорошо знал историю так называемых методов прямого обнаружения нефти и не питал иллюзий на этот счет. Но что мешает попробовать? Через несколько дней Алекс вместе с двумя рабочими отправился на единственное в Израиле нефтяное месторождение недалеко от Ашкелона. Он отобрал несколько десятков образцов – над залежью нефти и на участках, где нефти нет. Андрей сделал анализы и передал ему результаты по телефону. По мере того как Алекс наносил цифры на карту, он стал испытывать состояние интеллектуального оргазма. Образцы отчетливо «высветили» нефтяной участок. Это был поворотный пункт, момент истины, фантастический прорыв в той области, в которой до этого были сплошные неудачи... Но с точки зрения статистики, данных по одному месторождению было недостаточно для уверенных выводов. Алекс поехал в Россию и, используя свои прежние связи, отобрал образцы на четырех нефтяных месторождениях в разных районах. После этого с помощью старого институтского товарища ему удалось получить почву с трех месторождений в Америке. Весь этот представительный статистический материал свидетельствовал об одном и том же – метод указывает присутствие нефти с абсолютной точностью.

Алекс и Андрей понимали, что метод сам по себе еще не дает им возможности вести разведку. Нужны огромные деньги – для участия в тендерах на разведочные участки, бурения скважин и накладных расходов. «Без наличности нет личности», – любил говорить Алекс. Эту проблему можно было решить двумя способами – или привлечь какую-либо крупную нефтяную компанию, или найти очень богатого частного партнера. Они начали с первого варианта. Написали письма в более чем сто международных компаний, предлагая каждой из них прислать им для анализа двадцать-тридцать образцов почвы, отобранных над месторождениями и за их пределами. Они

гарантировали, что проведут так называемый «слепой тест» и точно укажут, какому участку принадлежат те или иные образцы. И в зависимости от этого готовы вести дальнейшие переговоры. Реакция на письма обескуражила. Подавляющее большинство адресатов, в том числе «Игл Корпорэйшн» и «Альбион Энерджи», вообще не ответили. А немногие ответы сводились к тому, что «наша компания уже пыталась использовать различные модификации методов прямого обнаружения, убедилась в их безрезультатности и больше не намерена участвовать в подобных экспериментах». Американская компания «Тоноко», входящая в первую десятку в мировом нефтяном бизнесе, пошла немного дальше, подсчитав, что «отбор такого количества образцов на наших месторождениях в разных странах обойдется в двадцать тысяч долларов», и сделала вывод, что «такие затраты не могут быть оправданы». Ежегодный разведочный бюджет этой компании составляет сотни миллионов долларов! Самым удивительным в письме было то, что подписал его начальник отдела... «новых разведочных технологий». Им предлагались миллиарды, но их воображение не поднималось выше двадцати тысяч. Дело, видимо, в том, что общий мировой запас здравого смысла в области оценки новых открытий и технологий – величина постоянная, а «оценщиков» становится все больше. К тому же, как говорили древние римляне, *hominis est errare, insipientis perseverare* (людям свойственно ошибаться, глупцам – упорствовать, лат). Эта мудрость справедлива во все времена и для всех цивилизаций. Что касается «Игл Корпорэйшн» и «Альбион Энерджи», то из-за отсутствия внутренней координации в них не смогли уловить связь между группой «Дабл Эй» и странными письмами, которые были получены когда-то от двух изобретателей из Израиля и, видимо, выброшены в корзину. Письма попали в отдел так называемых новых технологий, а оперативной разведкой занимались совсем другие люди. И постоянного контакта между ними не было. Во всяком случае, первые никогда не сообщали вторым о большинстве предложений, которые к ним поступали.

Отказы и полное отсутствие интереса разочаровали Алекса и Андрея. Но разочарование могло быть еще большим, если бы не сходная судьба многих других открытий, о которых им было известно и которые сегодня прочно вошли в повседневную жизнь и технологию. Пожалуй, одна из самых впечатляющих историй связана с копировальной машиной «ксерокс». Драматическую сагу об этом изобретении рассказал Джон Дессауэр, вице-президент «Ксерокс Корпорэйшн», в книге, которая красноречиво называется «Миллиарды, которых никто не хотел». Более захватывающей и поучительной документальной истории им не приходилось читать. Изобретатель ксерокса Честер Карлсон предлагал свое открытие более чем двадцати крупнейшим американским компаниям. Ни одна из них не проявила к предложению ни малейшего интереса. Оно было безоговорочно и единодушно отвергнуто всеми адресатами, среди которых были такие гиганты, как Ай-Би-Эм, «Дженерал Электрик», «Кодак». Они просто не допускали, что копировальный процесс, основанный на электрофотографии (первоначальное название ксерографии), возможен. А люди, отвечавшие в этих компаниях за «новую технологию», были начисто лишены любопытства и воображения. Глава исследовательского отдела фирмы «Кодак» ответил Карлсону: «Наша компания интенсивно экспериментировала в области создания копировальной техники и приобрела в этом значительный опыт. Мы полагаем, что процесс, основанный на электрофотографии, не имеет технологической и коммерческой перспективы, и не намерены вкладывать средства в его разработку». Речь шла о двадцати пяти тысячах долларов... В таком же духе отреагировали и другие компании. «Бог почему-то больше любит президентов компаний, чем изобретателей», – с горечью сказал Карлсон жене после очередного отказа. Через несколько лет фирма «Кодак», поняв свою ошибку, сделала попытку «вскочить в поезд», но было уже поздно.

В США нашлась только одна небольшая малоизвестная фирма «Галоид», производитель фотобумаги, со штатом в несколько десятков человек, которая сумела оценить изобретение Карлсона, увидела в нем огромный

потенциал и вложила в его дальнейшую разработку все свои скромные ресурсы. Одним из побудительных мотивов ее руководителей была борьба за выживание в условиях жестокой рыночной конкуренции, что делало их особенно восприимчивыми к новым идеям. «Жирные коты» из больших корпораций лишены такого качества. За десять лет, благодаря этому изобретению, фирма «Галоид» превратилась в гигантскую «Ксерокс Корпорэйшн», в которой были заняты более шестидесяти тысяч человек. Джон Дессауэр пишет в своей книге: «Если бы счастливый случай не свел Карлсона с "Галоид", ксерография никогда не стала бы реальностью, а фирма не превратилась бы в одну из крупнейших и наиболее динамичных американских корпораций». Воистину, случай слеп, но щедр. И приходит он к тем, кто его ищет.

Алекс и Андрей продолжали упорно искать свой «случай». Оставался второй вариант – привлечение богатого партнера. В Израиле много мультимиллионеров. Но все, к кому они обращались, либо открыто подозревали их в мошенничестве, либо посылали предложение израильским «экспертам по нефтяной разведке». Через короткое время им сообщали, что заключение «экспертов» отрицательное, и это означало окончание переговоров. Возможно, не все руководители международных нефтяных компаний и израильские «эксперты» были знакомы с историей изобретения парохода, но все они без исключения вели себя подобно французским адмиралам. Они не хотели даже попробовать. И вот когда «однопартийцы» уже стали отчаиваться и терять надежду на успешный исход своего дела, они обратились к Шмуэлю, который сыграл в их судьбе такую же роль, какую английские адмиралы сыграли в судьбе Фултона, а «Галоид» – в судьбе Карлсона...

«Да, есть что вспомнить, – подумал Алекс. – Когда-нибудь я напишу обо всем этом. Воспоминаний хватит на большую книгу. Но будут ли ее читать?» Он раскрыл томик «Письма Плиния Младшего», который захватил в дорогу, и нашел знакомое место: «Всякий раз, думая о том, что наводит на читателя скуку и что доставляет ему удовольствие, я прихожу к выводу: главным достоинством

книги является ее краткость». Это Плиний писал Луперку, другу и постоянному рецензенту своих сочинений. А царь Соломон сказал совсем просто: «Много читать – утомительно для плоти». «Ну что ж, учтем мнение древних. Не дадим читателю скучать и не станем утомлять его плоть. В книге будут лишь факты, никаких отвлекающих пассажей и размышлений. И только правда. Ну, и еще то, что могло бы ею быть. Плюс немножко игры. Без нее нельзя». Вспомнился Максимилиан Волошин: «Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру». «А как она будет называться – "Прямое обнаружение", "Прорыв"? Или, может быть, "Серая зона"? Да, "Серая зона" – это, пожалуй, неплохо». В голове сразу же возникло объяснение такого, казалось бы, «бесцветного», но в то же время адекватного и точного названия. Чтобы не забыть, Алекс вынул из дорожной сумки ноутбук и начал печатать. «А имя героя? Придумаю потом, – решил он, – пока условно можно использовать свое». Он напечатал три фразы. Перечитал. Понравилось. По странной ассоциации в памяти всплыл забавный каламбур с очевидным подтекстом: «Серые начинают и выигрывают». Появился мимолетный соблазн обыграть его. Но это была бы явная натяжка – к будущей книге он не имел никакого отношения. Как обычно, поставил под текстом дату и точное время – 8 августа 199... года, 11 часов 40 минут. Потом закрыл ноутбук и положил его обратно в сумку.

...Почти вся жизнь промелькнула перед ним будто в причудливом калейдоскопе. События – как ничем не примечательные, заурядные, так и кажущиеся нереальными, фантастическими – тесно переплелись в его судьбе, превратив ее в плотно сбитую, хотя и не слишком гармоничную мозаику, где каждый фрагмент был на своем месте и где ничего нельзя переставить. Удалась ли жизнь? Счастлив ли он? По большому счету, наверное, да. Уже одного метода прямого обнаружения достаточно для утвердительного ответа на этот хрестоматийный вопрос. Алекс усмехнулся. «Осторожно, – подумал он. – Боги не любят счастливых людей. Они знают, что не нужны им. Кто это сказал? Кажется, Геродот...». Все эти сумбурные, волнующие и не всегда приятные мысли и воспоминания

утомили его. Алекс почувствовал, что действительно устал и должен вздремнуть. Трое его спутников уже давно похрапывали. Он откинул спинку кресла, закрыл глаза и уснул почти мгновенно.

Шмуэль прилетел на следующий день. Его встречал Радж. Они обнялись. Шмуэль заглянул через его плечо и оглянулся вокруг.

– А где мои ребята? Еще не прилетели?

Радж молча протянул ему газету «Перт Морнинг Геральд», раскрытую на странице «Происшествия». В небольшой заметке «Авиационная катастрофа» говорилось: «Вчера в двенадцать часов дня в районе городка Форрест, штат Западная Австралия, произошла катастрофа самолета "джет командер". Очевидцы рассказывают, что он взорвался в воздухе. Все пассажиры и экипаж погибли. Среди остатков багажа, разбросанных в радиусе двух километров, обнаружена обгоревшая дорожная сумка одного из пассажиров. Она была заполнена мягкими вещами, в которых находился уцелевший ноутбук. За двадцать минут до взрыва на нем был напечатан следующий текст: "В серой зоне миллиардных прибылей правила игры одинаковы и для белых воротничков из роскошных офисов на верхних этажах небоскребов, и для наркобаронов из колумбийских джунглей. Алекс понимал, что работая методом прямого обнаружения, они рано или поздно вползут в эту зону с ее смертельными схватками в буквальном смысле слова. Большой бизнес никогда не отступает..." Следователи полиции полагают, что этот текст не имеет отношения к катастрофе и не может пролить свет на ее причины. Скорее всего, это отрывок из какого-то литературного произведения».

27

– На линии Давид Бен-Эзра. Вас соединить? – спросила секретарь.

– Да, конечно, – ответил Шмуэль.

– Шалом, Шмуэль. Если ты не очень занят сегодня, я бы предложил пообедать в старом Яффо «У Бени-рыбака». Как ты на это смотришь?

– Хорошо. Встретимся в двенадцать.

Они заняли столик в тихом дальнем углу. Сделали заказ. Помолчали.

– Через неделю ровно год, как погибли ребята, зихронам левраха (*да будет благословенна память о них – иврит*), – прервал молчание Давид.

– Были убиты, – поправил Шмуэль.

– Да, были убиты.

– Какие новости у Мориса? – спросил Шмуэль.

Вместо ответа Бен-Эзра вынул из кейса свежий номер «Интернэшнл Геральд Трибюн» и раскрыл его на странице «Происшествия». В короткой заметке «Катастрофа в Северном море» сухо сообщалось: «Вчера в двадцати милях от Абердина, Шотландия, упал в море вертолет компании "Альбион Энерджи", летевший на новую нефтяную платформу. Все восемь человек, находившихся на борту, включая президента компании Энтони Крэйга и двух вице-президентов Ларри Эванса и Гарри Бриссона, погибли». Шмуэль прочитал заметку, помолчал немного и жестким голосом Шмулика Пистолета произнес слова из книги «Шемот» (*«Имена» – вторая книга Торы*):

– И сказал Бог Моше: «Если кто злонамеренно умертвит человека, то даже от алтаря Моего бери его на смерть».

– Амен, – сказал Давид, в ушах которого вдруг зазвучал голос командира группы «Шимшон».

– Когда возвращается группа Мориса? – спросил Шмуэль.

– Самолет прибывает через три часа.

Шмуэль снял с пояса мобильный телефон и набрал номер секретаря.

– Офра, заседание Совета директоров переносится на завтра. Сегодня я занят.

Официант принес бутылку вина. Шмуэль поднял бокал.

– Лехаим, алуф (*полковник – иврит*).

– Лехаим, мефакед (*командир – иврит*)

Был первый день августа 199... года – последний
день операции «Альбион».

г. Иерусалим

Дмитрий Вайншельбаум

Посвящение. Переводы из западноевропейской поэзии

т редакции. По инициативе Эрнста Левина редакция сетевого портала «Заметки по еврейской истории» организовала на форуме «Поэзия» конкурс переводчиков одного стихотворения Райнера Марии Рильке «Пантера». Было представлено 12 переводов, и читатели голосованием выбрали лучший. Победителем этого конкурса оказался Дмитрий Вайншельбаум, набравший наибольшее число голосов. Он награжден дипломом Победителя и правом настоящей публикации. Желаем Дмитрию новых творческих успехов и надеемся на продолжение сотрудничества.

Hugo von Hofmannsthal

(1874-1929)

Widmung

Ich glaube, aller Dinge Harmonien
Und was von Schönheit auf dem Leben ruht,
Das ist der Dichter ausgegoss'nes Blut
Und Schönheit, die ihr Sinn der Welt geliehen:

Da schufen die aus ihres innern Glut
Des Ringens und des Lebens Poesien,-
Und jene stillen Leidens leises Ziehen
Verklärend, was beklemmend auf uns ruht.

Doch wo des Abends zitternd zarte Töne
Unnennbar schmerzlich singen vom Entsagen,
Und wo die Dinge, die verschwimmen, tragen

Die rührendste, die nächstverwandte Schöne:
Die Stimmung nenn' ich, Herr, mit deinem Namen
Und glaube, dass du sie geschaffen. Amen.

Посвящение

Секрет гармонии явлений мира
И всё прекрасное, что жизнь сулит,
Поэтов кровь излитая хранит,
И дарит людям красоту их лира:

В них творчества, я знаю, жар пылал,
Борьба и страсть поэзию рождали,
И с ней к страданию тягу побеждали,
Преображая тёмных чувств накал.

Но звуки, что вечернею порою
Нас к самоотреченью призывают
И с грустью нам о вечном напевают,

Несут особую красу, не скрою,
Мы не признать той красоты не можем,
Я верю, Ты её творец, о, Боже.

Reiner Maria Rilke

(1875-1926)

Der Panther

Sein Blick ist vom Vorübergehn der Stäbe
So müd geworden, dass er nichts mehr hält.
Ihm ist, als ob es tausend Stäbe gäbe
Und hinter tausend Stäben keine Welt.

Der weiche Gang geschmeidig starker Schritte,
der sich im allerkleinsten Kreise dreht,
ist wie ein Tanz von Kraft um eine Mitte,
in der betäubt ein großer Wille steht.

Nur manchmal schiebt der Vorhang der Pupille
Sich lautlos auf – Dann geht ein Bild hinein,
geht durch der Glieder angespannte Stille –
und hört im Herzen auf zu sein.

Пантера

Усталый взгляд мельканье прутьев клетки
Не в состоянии преодолеть.
Ей кажется, что кроме этой сетки
Другого мира там, снаружи, нет.

Изящны и сильны её движенья,
Но путь по кругу безнадежно мал,
То танца силы вечное круженье,
А в центре – воли спящей пьедестал.

Лишь иногда случается такое:
Завеса с глаз – и снова мир открыт,
По телу движется волна покоя,
Покуда сердце дверь не затворит.

Gottfried Keller

(1819-1890)

Die Zeit geht nicht

Die Zeit geht nicht, sie stehet still,
Wir ziehen durch sie hin;

Sie ist ein Karawanserei,
Wir sind die Pilger drin.

Ein Etwas, form- und farbenlos,
Das nur Gestalt gewinnt,
Wo ihr drin auf und nieder taucht,
Bis wieder ihr zerrinnt.

Es blitzt ein Tropfen Morgentau
Im Strahl des Sonnenlichts;
Ein Tag kann eine Perle sein
Und ein Jahrhundert nichts.

Es ist ein weißes Pergament
Die Zeit, und jeder schreibt
Mit seinem roten Blut darauf,
Bis ihn der Strom vertreibt.

An dich, du wunderbare Welt,
Du Schönheit ohne End,
Auch ich schreib meinen Liebesbrief
Auf dieses Pergament.

Froh bin ich, dass ich aufgeblüht
In deinem runden Kranz;
Zum Dank trüb ich die Quelle nicht
Und lobe deinen Glanz.

Время

О, время, неподвижно ты,
Мы сквозь тебя идём;
Ты словно караван-сарай,
Мы – пилигримы в нём.

Нет цвета, формы у тебя,
Расплывчат образ твой,
В нём тонем и всплываем мы,
Чтоб сгинуть под водой.

Так капля утренней росы

Блестит под солнцем миг,
Так радость дарит день один,
Век целый – хмурый лик.

Да, время, ты бумаги лист,
И жребий наш жесток:
Мы кровью алой пишем в нём,
Пока не смыл поток.

К тебе, о чудный, дивный мир,
К любви и красоте
И я пишу своё письмо
На этом же листе.

Я рад в венок цветов твоих
Вплести судьбу свою,
Источника не замутив,
Я блеск их воспою.

Hans Christian Andersen

(1805-1875)

Der Spielmann

Im Städtchen gibt es des Jubels viel,
Da halten sie Hochzeit mit Tanz und mit Spiel,
Dem Fröhlichen blinket der Wein so rot,
Die Braut nur gleicht dem getünchten Tod.

Ja tot für den, den nicht sie vergisst,
Der doch beim Fest nicht Bräutigam ist:
Da steht er inmitten der Gäste im Krug,
Und streichelt die Geige lustig genug.

Er streichelt die geige, sei Haar ergraut,
Es schwingen die Saiten gellend und laut,
Er drückt sie ans Herz und achtet es nicht,
Ob auch sie in tausend Stücken zerbricht.

Es ist gar grausig, wenn einer so stirbt,
Wenn jung sein Herz um Freude noch wirbt,
Ich mag und will nicht länger es sehn!
Das möchte den Kopf mir schwindelnd verdrehn!

Wer heißt euch mit Fingern zeigen auf mich?
O Gott ß bewahr uns gnädiglich,
Dass keinen der Wahnsinn übermannt.
Bin selber ein armer Musikant.

Музыкант

Веселья и радости пробил час,
Играют свадьбу сегодня у нас,
Алеют в руках бокалы вина,
Лишь только невеста как смерть бледна.

Она мертва от мыслей своих,
О том, другом, кто, увы, не жених:
Он здесь, среди весёлых гостей,
Он их развлекает скрипкой своей.

Сверкает в его волосах седина,
Смеётся и плачет послушно струна,
И кажется, скрипка под игом тревог
Расколется так же, как сердце его.

На деву младую больно смотреть,
Ведь сердцу от радости надо бы петь,
Я видеть не в силах мученья её!
Меня эта пытка, я знаю, убьёт!

Но что это – явь иль болезненный сон?
Я слышу вокруг – это он, это он.
Открылась, к несчастью, тайна моя,
О Боже, ведь бедный скрипач – это я.

Нина Воронель

Герой своих романов

(сценарий художественного фильма)

Пролог

1. Музыкальный зал во дворце царя Николая – вечер

Музыканты настраивают инструменты, пока нарядные кавалеры и дамы занимают места в зале. Среди гостей – генерал Липранди. Большие часы бьют восемь, Дирижёр нервно оглядывается на распорядителя, тот пожмает плечами.

ДИРИЖЁР Пора начинать! Как быть?

РАСПОРЯДИТЕЛЬ Подождём немного – Его Величество никогда не опаздывают на концерты.

Головы всех присутствующих повернуты в сторону длинного, увешанного гобеленами коридора. Коридор пуст. Через пару секунд в дальнем конце коридора появляется высокая фигура царя в длинной походной шинели и в высоких ботфортах для верховой езды, и направляется в сторону зала. Вслед за царём семенит крошечная фигурка в парадном мундире, карлик тщетно пытается угнаться за царём.

Распорядитель делает знак дирижёру.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ Его Величество приближаются.

Дирижёр взмахивает палочкой, музыканты берут первые аккорды, когда царь входит в зал. В руке у него кнут, которым он со свистом рассекает воздух. Музыка испуганно обрывается. Кавалеры и дамы в ужасе прячутся на искаженное гневом лицо царя.

ЦАРЬ (*выждав несколько секунд гробового молчания*) Господа офицеры, седлайте коней! В Европе революция!

Никто не решается прервать гробовое молчание. В этот момент карлик, министр иностранных дел граф Нессельроде, запыхавшись, вбегают в зал. Все взгляды вопросительно обращаются к нему. Он торжественно кивает, подтверждая, что слова царя не шутка.

НЕССЕЛЬРОДЕ Да, революция распространяется по всей Европе, как пожар. Мятежи повсюду – в Париже, в Праге, в Дрездене.

ЦАРЬ (*щелкая кнутом*) Не беспокойтесь – у нас этого не будет! Мы задушим эту гидру в колыбели!

Царь подает Липранди знак следовать за ним, круто разворачивается на каблуках и выходит из зала.

2. Кабинет царя Николая во дворце – вечер

Царь и Липранди входят, за ними вбегают запыхавшийся Нессельроде. Царь швыряет шинель на покрытую тонким матрацем раскладушку, расстеленную в углу роскошного кабинета, и начинает раздраженно шагать их угла в угол. Липранди вышагивает в ногу с Царём, поспешно записывая в блокнот его приказания.

ЦАРЬ Каждый взбунтовавшийся крепостной будет подвергнут телесному наказанию, всякий, кто выживет, будет забрит в солдаты. Каждый взбунтовавшийся солдат будет расстрелян. Каждый взбунтовавшийся студент будет сослан в Сибирь!

НЕССЕЛЬРОДЕ (*слегка задыхаясь*) Наш посол в Австрии докладывает, что во главе мятежа в Праге стоит русский офицер Андрей Ставрогин.

ЦАРЬ (*внезапно останавливаясь*) Андрей Ставрогин? Разве я не приказал немедленно вернуть его в Россию?

ЛИПРАНДИ (*почти налетев на Царя*) Вы приказали, Ваше Величество, но он сбежал из нашего консульства в Берне.

НЕССЕЛЬРОДЕ А теперь он в Праге, строит баррикады.

ЦАРЬ *(в гневе)* Мне нужны имена всех его друзей в Петербурге.

ЛИПРАНДИ *(вынимая из папки лист бумаги)* Он принадлежал к группе поэтов и философов, о которых я недавно докладывал Вашему Величеству.

ЦАРЬ Ах, эти? Всех арестовать!

ЛИПРАНДИ Но, Ваше Величество, они всего лишь безобидные болтуны!

ЦАРЬ Во время революции нет безобидных! Всех арестовать сегодня же ночью! *(проглядывая список)* Федор Достоевский? Уж не тот ли писака, книга которого наделала столько шума?

ЛИПРАНДИ Он самый, Ваше Величество. Его тоже?

ЦАРЬ Я сказал – всех, значит всех!

ЛИПРАНДИ По какой статье, Ваше Величество?

ЦАРЬ По какой? *(решает быстро)* За преступный заговор против самодержавной власти.

ЛИПРАНДИ Но, Ваше Величество, за это полагается смертная казнь.

ЦАРЬ Что ж, раз полагается, придется приговорить их к смертной казни.

Титры. *Появляются на фоне петербургских улиц, по которым едет полицейская карета в сопровождении двух конных жандармов*

3. Комната Феди – ночь

Федя спит на кушетке в своей комнате. Его будит громкий стук в дверь – через секунду комнату заполняют жандармы, которые открывают все ящики и шкафы и выбрасывают на пол их содержимое.

ФЕДЯ *(в ужасе)* В чем дело? Что происходит?

ЖАНДАРМСКИЙ ОФИЦЕР Вставайте и одевайтесь, Достоевский. Вы арестованы секретной службой Его Величества.

ФЕДЯ Арестован? За что?

ЖАНДАРМСКИЙ ОФИЦЕР За преступный заговор против самодержавной власти.

ФЕДЯ Уверю вас, это ошибка.

ЖАНДАРМСКИЙ ОФИЦЕР Поторопитесь, арестант Достоевский! Или вы хотите, чтобы мы увезли вас в тюрьму без штанов?

Федя поспешно одевается, путаясь в рукавах.

4. Ворота Петропавловской крепости – зимний рассвет

Полицейская карета под конвоем конных жандармов пересекает мост через глубокий ров по пути в крепость.

5. Длинный тюремный коридор, похожий на туннель с вереницей дверей в каждой стене

Тюремщик ведет Федю по коридору, далеко впереди в смутном свете виднеется еще одна удаляющаяся группа, подобная этой. Подойдя к одной из дверей, Тюремщик отпирает ее ключом из большой связки и вводит Федю в камеру.

6. Камера Феди – ночь

Федя в тюремной одежде лежит на койке, его мучает бессонница.

ФЕДЯ (*шепчет, прижимая ладони к лицу*) За что? За что? Так хорошо все начиналось!

7. Комната Феди – весенний рассвет – видение

Федя спит на кушетке в своей комнате. Его будит громкий стук в дверь – сквозь полуприкрытые веки он следит, как в комнату входят Некрасов и Ставрогин, молодой гигант необычайной красоты, который ни на миг не может стоять на месте.

СТАВРОГИН (*трубным голосом*) Просыпайтесь, Достоевский, к вам пришел сам Некрасов!

Федя смотрит на ранних гостей, не веря своим глазам.

ФЕДЯ Тот самый Некрасов? Почему он здесь?

СТАВРОГИН Я привел его, чтобы он сказал вам, что он думает о вашей книге!

НЕКРАСОВ Тише, Андрей, тише, не пугайте юного автора.

СТАВРОГИН Я привел его, чтобы он сказал вам, что вы – гений! Мне бы вы не поверили!

8. Элегантная Петербургская улица – весеннее утро видение

Извозчикья коляска с Некрасовым, Ставрогиным и Федей подъезжает к дому Авдотьи Панаевой.

ФЕДЯ Куда мы приехали?

НЕКРАСОВ К Авдотье Панаевой. Вы слышали о ней?

СТАВРОГИН Каждую среду она угощает завтраком всех знаменитых литераторов Петербурга.

ФЕДЯ А при чем тут я?

Все трое выходят из коляски, Некрасов расплывается с извозчиком.

СТАВРОГИН (*подталкивая Федю к подъезду*) Вы выпьете кофе у Авдотьи и станете одним из них.

ФЕДЯ (*пятясь*) Нет, нет, мне туда нельзя. Что я им скажу?

НЕКРАСОВ А вы молчите. Мы покажем ваш роман Белинскому, и вам ничего не надо будет говорить.

ФЕДЯ Самому Белинскому?

СТАВРОГИН Конечно Белинскому, кому же еще? Если ему понравится ваш роман, Авдотья будет каждую среду приглашать вас на завтрак.

Все трое входят в подъезд.

9. Столовая в доме Авдотьи – утро – видение

Некрасов и Ставрогин почти силком вталкивают Федю в комнату, где накрыт стол для завтрака. Муж Авдотьи Иван Панаев, сидит во главе стола. Пара слуг подают завтрак группе молодых литераторов, среди них Белинский, Тургенев, Майков, Григорович.

Некрасов и Ставрогин целуются с некоторыми из них.

НЕКРАСОВ А где наша очаровательная хозяйка?

ПАНАЕВ На кухне. Печет торт по новому рецепту.

НЕКРАСОВ Не дожидаясь ее, я хочу представить вам нашего нового гения – Федора Достоевского (*показывает толстую бухгалтерскую книгу, исписанную мелким почерком*). Его роман – просто чудо!

БЕЛИНСКИЙ *(не переставая жевать)* Опять новый гений? Что-то последнее время они растут, как грибы.

СТАВРОГИН Но на этот раз мы привели настоящего гения, поверь мне. Мы с Некрасовым не могли оторваться от его романа, я читал его вслух всю ночь....

Входит Авдотья, молодая женщина необычайной красоты, в сопровождении горничной, которая несет блюдо с красивым тортом.

НЕКРАСОВ ...А когда он совершенно охрип, мы поменялись ролями, и так, пока не дочитали до конца.

СТАВРОГИН А чуть забрезжил рассвет, мы помчались за автором, чтобы привезти его сюда.

БЕЛИНСКИЙ *(протягивая руку к рукописи)* Ладно, уговорили. Покажите мне это чудо *(погружается в чтение)*.

Тургенева явно раздражают столь громкие похвалы неизвестному юнцу. Заметив стоящую в дверях Авдотью с тортом, он восклицает:

ТУРГЕНЕВ А вот и долгожданный торт!

Горничная ставит на стол блюдо с тортом, Авдотья нарезает его под гром аплодисментов. Все восторженно жуют, и только Белинский, неотрывно читает Федину рукопись. Авдотья протягивает Феде руку, он склоняется над ней, очарованный, хочет поцеловать, и вдруг теряет сознание и падает к ее ногам в глубоком обмороке.

10. Камера Феде – ночь

Феде в тюремной одежде лежит на койке, глаза его открыты, но он не видит стен камеры.

11. Столовая в доме Авдотьи – сумерки – видение

Стол накрыт к обеду, горничная зажигает свечи в канделябрах. Кое-кто из утренних гостей ушел, зато пришли другие. Тургенев, Некрасов, Панаев и Ставрогин оживленно беседуют у окна, Белинский неотрывно читает Федину рукопись. Авдотья пытается уговорить Федею остаться к обеду.

ФЕДЕЯ Нет, нет, я и так злоупотребил вашим гостеприимством...

Внезапно Белинский вскакивает с места и подбегает к Феде

БЕЛИНСКИЙ Кто вы? Откуда вы взялись? Как вы сумели в двадцать лет проникнуть в страшную правду человеческой души?

ФЕДЯ *(потерявший голос от смущения и счастья)*
Мне уже двадцать четыре...

БЕЛИНСКИЙ Долгие годы мы, философы и критики, пытаемся выразить в бесчисленных трудах то, что вы выразили на двухстах страницах!

СТАВРОГИН *(торжествуя)* Я же говорил!

ТУРГЕНЕВ *(недовольно)* Потрудитесь объяснить, Белинский, что такое этот юноша сумел сказать, чего мы, несчастные, не сумели?

БЕЛИНСКИЙ Он постиг универсальную истину!

12. Камера Феде – ночь

Федя наконец уснул.

13. Семёновский плац – зимний рассвет.

Идет подготовка Семеновского плаца к церемонии смертной казни.

Порывы ветра метут снег через площадь, смутно освещенную дрожащим пламенем многочисленных факелов. Одни солдаты возводят большой помост в центре площади, шеренги других выстраиваются по ее краям под громкие команды офицеров.

14. Ворота Петропавловской крепости – зимний рассвет

Поток полицейских карет под конвоем конных ЖАНДАРМОВ пересекает мост через глубокий ров по пути в крепость.

15. Длинный тюремный коридор

Тюремщики идут вдоль коридора и громко стучат в двери.

16. Камера Феде – зимний рассвет

Федя спит на тюремной койке. Услышав громкий стук в дверь, он стонет во сне, но не просыпается. При

повторном стуке он на миг приподнимает голову и снова засыпает.

Из коридора доносятся быстрые шаги, Тюремщики входят в камеру. Федя вскакивает с койки, протирая глаза. Тюремщик швыряет ему сверток с его гражданской одеждой

ТЮРЕМЩИК Заключенный Достоевский! Одеваться, быстро!

Федя поспешно натягивает одежду, в которой он был в ночь ареста.

17. Ворота Петропавловской крепости – зимний рассвет

Поток полицейских карет под конвоем кавалерии пересекает мост через глубокий ров по пути из крепости. Среди кавалеристов Антон. В окне одной из карет мелькает бледное лицо Феда.

18. Элегантная Петербургская улица – зимний рассвет

Поток полицейских карет проносится по спящим улицам. Стекла карет затянуты узором инея. Федина рука протирает дырочку в инее, он прижимается к ней лицом и смотрит на темные окна квартиры Авдотьи Панаевой.

19. Семёновский плац – зимний рассвет

Порывы ветра метут снег через площадь, смутно освещенную дрожащим пламенем многочисленных факелов. В центре плаца возвышается большой помост, затянутый черной тканью, его окружают шеренги солдат, конных и пеших. Поток полицейских карет въезжает на плац, солдаты начинают выводить заключённых, в их числе Федя. Заключённые поднимаются по ступеням на помост, где их выстраивают в шеренги по трое. Три толстых дубовых столба врыты в землю перед помостом, за столбами пристроилась большая телега с гробами, едва прикрытыми соломой. Несколько солдат проходят по помосту и заставляют заключённых надеть белые саваны с капюшонами и длинными до земли рукавами. Первых трех из

первого ряда сводят с помоста вниз и привязывают к столбам рукавами их саванов.

20. Кабинет царя Николая во дворце – рассвет

Царь лежит на раскладушке в длинной ночной сорочке. Он лежит на животе. Пока придворный врач выдавливает гнойные прыщи, усыпавшие его ягодицы, Липранди читает ему заключение суда.

ЛИПРАНДИ ...признаны виновными в преступных замыслах против самодержавной власти.

ЦАРЬ Не то! ...в преступном заговоре против самодержавной власти. Так звучит лучше.

ЛИПРАНДИ (*поспешно записывает*) ...признаны виновными в преступном заговоре против самодержавной власти и в посещении заседаний преступного сообщества...

ЦАРЬ Хватит! Теперь читай приговор.

ЛИПРАНДИ Суд приговаривает всех членов сообщества подвергнуть смертной казни расстрелянием. Зачитать имена?

ЦАРЬ Не надо (*хлопает в ладоши*). Дальше!

Четким шагом входит адъютант, он держит в руке белый запечатанный конверт, который он вручает Липранди.

АДЪЮТАНТ (*торжественно*) От его императорского величества!

Липранди медленно срывает с конверта печать, вынимает оттуда документ и начинает читать.

ЛИПРАНДИ. Его величество царь Николай по милосердию своему...

ЦАРЬ Нет, слишком быстро (*берет у Липранди документ и показывает, как надо делать*). Распечатывать надо осторожно, потом вынуть документ и сделать паузу. И только после паузы читать «Его величество царь Николай по милосердию своему...». Ясно?

Протягивает документ адъютанту, тот кладет его обратно в конверт и выходит. Царь хлопает в ладоши. Четким шагом входит адъютант, он держит в руке белый запечатанный конверт, который он вручает Липранди.

АДЬЮТАНТ (*торжественно*) От его императорского величества!

ЦАРЬ (*нетерпеливо*) Что за спешка? Когда ты введешь на плац, там наступит мертвая тишина. Выжди пару секунд и только потом вручи конверт (*хлопает в ладоши*). Выйди и начнем все с начала.

Адъютант кладет документ обратно в конверт, запечатывает его и выходит. Липранди возобновляет чтение приговора.

ЛИПРАНДИ (*читает приговор*) ...признаны виновными в преступном заговоре против самодержавной власти...

21. Семёновский плац – зимний рассвет

Липранди стоит на помосте перед шеренгами заключённых, одетых в белые саваны.

ЛИПРАНДИ (*Читает, порывы ветра подхватывают и уносят его слова*) ...признаны виновными в преступном заговоре против самодержавной власти... Суд приговаривает всех членов сообщества к расстрелу... Федор Достоевский, двадцати восьми лет отроду...

Бледное лицо Феди крупным планом. Рядом с Федей стоит Первый. Слышится эхо голоса Липранди, уносимого ветром

ЛИПРАНДИ ...виновными в преступном заговоре ...заговоре ...заговоре ...Суд приговаривает ...к смертной казни расстрелянием... расстрелянием. Федор Достоевский... Достоевский...евский...ский... расстрелянием... расстрелянием... расстрел... расстрел...

Все громче и громче начинают бить барабаны. Офицеры, среди них Антон, проходят среди рядов заключённых, ломая над их головами ипаги.

Священник с большим крестом в руке следует за офицерами, некоторые из заключённых целуют крест, некоторые гневно отворачиваются. Один солдат подходит к трем заключённым, привязанным к столбам, и опускает капюшоны, закрывая их лица. Барабанный бой все громче. Взвод солдат с ружьями выходит вперед. Священник

предлагает первому крест для целования, тот отворачивает лицо.

ЭХО Приговорен...Федор Достоевский... Достоевский...евский...ский... подвергнуть смертной казни...казни...расстрелянием... .. расстрел. .. расстрел...

Священник с крестом приближается к Феде, полные ужаса глаза которого заполняют весь экран.

ЭХО подвергнуть смертной казни... казни... казни... расстрелянием... казни... казни... казни... расстрелянием... расстрел... расстрел...

Дрожащий свет факелов выхватывает из сумрака три привязанные к столбам фигуры в белых саванах с закрывающими их лица капюшонами. Напротив них белые ряды приговоренных к смерти, вокруг – темные ряды солдат. По краям плаца кавалеристы на нервно топчущихся на месте лошадях. Офицер выходит на площадку перед взводом с ружьями.

ОФИЦЕР Ру-жья на- из-го-тов- ку!

22. Отдалённая часть Семёновского плаца – зимний рассвет

В толпе любопытных позади воинского кордона Антон замечает заплаканное лицо своего юного кузена барона Врангеля и поспешно направляет коня в его сторону.

АНТОН (гневно) Ты зачем здесь! Живо убирайся прочь!

ВРАНГЕЛЬ Это бесчеловечно! Это жестоко! Они не сделали ничего плохого!

АНТОН А заговор против государя – по-твоему хорошо? (пытается вытолкнуть Врангеля из толпы, напирая на него конской грудью) Пошел прочь! Прочь! Если тебя тут увидят, всей нашей семье несдобровать!

23. Семёновский плац – зимний рассвет

Первые лучи солнца освещают шпиль соседней церкви. На площади еще по-прежнему темно. На помосте – белые ряды приговоренных к смерти.

ОФИЦЕР Руж-жья н-а-а при-цел!

Солдаты поднимают ружья к плечу. Одна из белых фигур на помосте теряет сознание и с грохотом падает. Федя обнимается со своими ближайшими соседями по помосту, Первым, Вторым и Третьим, их юные лица мокры от слез. Цокот копыт врывается в барабанную дробь.

Адъютант на коне въезжает галопом на плац и вручает Липранди белый конверт, запечатанный императорской печатью. Липранди медленно взламывает печать и неторопливым движением достает из конверта лист бумаги. Не спеша развернув его, Липранди внимательно читает написанное. Барабанный бой стихает, Над плацем воцаряется мертвая тишина.

Голос ЛИПРАНДИ разносится эхом Его величество царь Николай по милосердию своему... милосердию...сердию...казнь отменяется...няется...помилование...милование...лование..е-е-е!

Солдаты опускают ружья. Трех, привязанных к столбам, отвязывают, один из них падает в обморок, двое других рыдают.

Голос ЛИПРАНДИ разносится эхом Федор Достоевский... Достоевский... к четырем годам каторжных работ... разжалован в солдаты... в Сибирь... десять лет... ...в Сибирь... ...в Сибирь.

24. Отдалённая часть Семёновского плаца – раннее утро

Рассветные лучи озаряют все небо. Светает. Врангель проталкивается поближе к помосту и видит, как кузнецы заковывают руки и ноги заключённых в тяжёлые кандалы, соединенные цепями. Антон опять замечает Врангеля и скачет к нему.

АНТОН (наступая на Врангеля) Ты еще здесь? Разве я не велел тебе убираться прочь?

Врангель пятится от наступающего коня и роняет в снег книгу, спрятанную у него на груди. Крупный план книги – Федор Достоевский, «Униженные и оскорбленные», книга украшена портретом Феди. Антон глядит на книгу, не веря своим глазам.

АНТОН Ты что, совсем спятил?

Антон направляет коня так, чтобы копыта того затоптали книгу в снег. Врангель ныряет под копыта, пытаясь спасти книгу. Антон в ярости поднимает коня на дыбы над головой стоящего на коленях Врангеля

АНТОН Ну, погоди, брат! Вечером я поговорю с твоим отцом!

С этими словами он скачет прочь – к помосту. Врангель поднимается с колен, зажимая в руке несколько смятых листков, он спас и обложку. Бережно расправляет он ее на колене – с изорванной обложки на нас смотрит лицо Феди.

25. Прихожая в доме Авдотьи – вечер – видение

Крупный план книги – Федор Достоевский, «Бедные люди», книга украшена портретом Феди. Авдотья стоит на пороге своей квартиры и с улыбкой смотрит на Федю, сжимающего в руке только что вышедшую книгу.

АВДОТЬЯ Заходите, Достоевский. Вы в самый раз к обеду.

ФЕДЯ (*протягивая книгу*) Вот она – лучшая книга в мире! Я мечтал, что вы первая увидите ее.

АВДОТЬЯ (*целует его в щеку*). Ах, какая красивая! Пойдемте, покажем ее всем (*шутливо*). Вы уверены, что это лучшая книга в мире?

ФЕДЯ (*очень серьезно*) Уверен. Ведь это я написал ее.

АВДОТЬЯ А как же Тургенев? Говорят, что лучший писатель в мире – он.

ФЕДЯ (*очень серьезно*) Тургенев пишет слишком красиво и разумно, чтобы открыть истину. Писатель, ищущий истину, должен быть безумцем.

АВДОТЬЯ (*смущена*) А вы, Достоевский, достаточно безумны?

ФЕДЯ (*страстно хватая ее за плечи*) Я достаточно безумен, чтобы потерять голову из-за вас! Ваша красота пронзила мое сердце.

АВДОТЬЯ Вовсе ни к чему терять голову из-за меня. Нам лучше оставаться друзьями.

Она гибко выскальзывает из неловких объятий Феди и открывает дверь в столовую. Оттуда в прихожую выходит Ставрогин, которому она показывает Федину книгу и входит в столовую. Там у двери стоят Панаев и Тургенев. Тургенев берет книгу у Авдотьи и начинает ее листать.

СТАВРОГИН *(не замечая, что дверь открыта)* Поздравляю, Достоевский! Какая красивая книга! А вы не боитесь ревности Тургенева?

ФЕДЯ *(так же)* С чего ему ревновать? Он прекрасно понимает, что я пишу несравненно лучше, чем он.

СТАВРОГИН Заткнитесь, ради Бога! Зачем вам его раздражать?

ФЕДЯ *(очень серьезно)* Я всего только хотел подчеркнуть, что тот, кто пользуется синтетическим методом, никогда не достигнет тех вершин, которые дает метод аналитический.

ТУРГЕНЕВ *(намеренно громко)* Правду говорят, что ничто не растет быстрее, чем прыщ вечной истины!

Федя поднимает глаза и видит глядящих на него Панаева, Тургенева и Авдотью. Переводя взгляд с одного лица на другое, он чувствует внезапное головокружение, ему видится, что он мечется между всеми присутствующими, которые бросают друг другу его книгу, как мяч над его головой, а он никак не может ее схватить. Напряги все силы, он стремительным движением выхватывает свою книгу из рук Тургенева и убегает.

26. Петербургская улица – дождливый вечер

Федя, униженный и огорченный, бесцельно бредет по мокрому тротуару. В подворотне он видит дрожащую от холода женскую фигуру – молоденькая проститутка Минна поджидает клиентов. Федя подходит к ней и после короткого разговора они уходят вместе.

27. Убогая комната Минны – ночь

Федя одевается, Минна в ночной сорочке сидит, поджав ноги, на разворошенной постели.

ФЕДЯ Сколько тебе лет?

МИННА Восемнадцать. А что?

ФЕДЯ И ты не боишься продаваться первому встречному?

МИННА А чего мне бояться? Я делаю своих клиентов счастливыми. Разве тебе не было со мной хорошо?

ФЕДЯ (*неожиданно враждебно*) Что ты о себе воображаешь? Я влюблен в другую. Пока я был с тобой, я думал о ней! А ты – никто, ноль без палочки! Вот, возьми свои деньги!

МИННА (*пересчитывая деньги*) Бедный вы, бедный! Здорово, видно, она заставила вас страдать, ежели вы так щедро платите мне за то, что я ее заменила.

ФЕДЯ Ты не сердишься? Ты меня жалеешь? Откуда у тебя столько мудрости и сострадания?

МИННА Я сама очень страдала, чуть не умерла от горя...

ФЕДЯ Бедное дитя! Ты простишь меня?

МИННА А чего прощать-то? Заплатили вы мне хорошо...

ФЕДЯ Что деньги? Пачка грязных бумажек. Я знаю – я подарю тебе свою книгу. Ты будешь первая, кому я ее дарю!

Федя вынимает из кармана книгу и отдает Минне. Та берет ее осторожно, не зная, что с ней делать.

МИННА Что я должна с ней делать?

ФЕДЯ Прочти ее – она написана для тебя!

МИННА Нет, нет, я не могу взять такой ценный подарок!

ФЕДЯ (*погруженный в себя*) Ты знаешь, я ужасный человек – самонадеянный и тщеславный. При мысли, что я могу кого-то разочаровать, я прихожу в отчаяние. Я так жду, что ты скажешь о моей книге, так жду. Прощай! (*убегает*)

МИННА (*разглядывает портрет на обложке*) А ведь и вправду он. Жалко, что я не умею читать!

28. Ворота Петропавловской крепости – морозный рождественский вечер

Михаил, брат Феди, стоит возле взвода солдат, охраняющих вереницу открытых саней, поджидающих у ворот. Четверо заключённых – Федя, Первый, Второй и

Третий, – выходят из ворот под конвоем жандармов. Когда Федю подводят к саням, Михаил прорывает кордон и бросается к Феде. Он целует брата, украдкой пряча ему под тулуп маленький пакет.

МИХАИЛ Бери скорей! Это книги, которые ты просил.

ФЕДЯ Почему ты плачешь? Я ведь еще жив

МИХАИЛ Неужели я тебя больше никогда не увижу?

СОЛДАТ *(пытаясь оттащить Михаила от Феди)*

Сейчас же уходите. Вам тут не позволено.

ФЕДЯ Уходи, уходи! Я уверен, что мы еще встретимся.

МИХАИЛ *(рыдает)* Нет, нет, я не позволю им увезти тебя!

ФЕДЯ Люди со стороны могут подумать, что это тебя ссылают на каторгу.

МИХАИЛ *(рыдает)* Лучше бы меня, лучше бы меня!

СОЛДАТ *(пытаясь оттащить Михаила от Феди)*

Ради Бога, уходите, а то меня побьют плетью из-за вас!

ФЕДЯ *(отталкивая брата)* Уходи, брат, и жди меня – я еще вернусь!

Солдат, наконец, оттаскивает Михаила и толкает Федю в сани. Сани трогаются и мчатся сквозь снег через ведущий из крепости мост. Перед крепостью остается только одинокая фигура Михаила.

29. Элегантная Петербургская улица – морозный рождественский вечер

Сани с заключёнными под конвоем жандармов проезжают по городским улицам, украшенным в честь Рождества. Из окон многих домов доносятся обрывки праздничной музыки. Сани проезжают мимо весело освещенного дома Авдотьи, в незашиторенном окне видна нарядная рождественская елка.

30. Столовая в доме Авдотьи – вечер – видение

В центре столовой стоит нарядная рождественская елка. Обычная компания – Тургенев, Некрасов, Панаев, Ставрогин и Белинский – играют в

карты за угловым столом. По комнате расхаживают нарядно одетые дамы и господа, они окружают Авдотью. Печальный Федя одиноко бродит среди веселых гостей, щелкая костяшками пальцев. Он останавливается за спиной Тургенева.

ТУРГЕНЕВ *(не оборачиваясь)* Перестаньте щелкать пальцами, Достоевский, у меня от этого мурашки по спине бегают.

ФЕДЯ А от карт у вас мурашки по спине не бегают?

НЕКРАСОВ Напротив, карты – лучший отдых.

ФЕДЯ Лучше бы я почитал вам свой новый рассказ.

НЕКРАСОВ Это сюрприз! Вы написали новый рассказ?

ФЕДЯ Да, я приготовил его специально на Рождество!

ТУРГЕНЕВ *(Белинскому)* Ваш ход. *(Феде)* Это подарок нам всем?

ФЕДЯ Я две недели писал его – не сомкнул глаз.

ПАНАЕВ У меня стрит.

ФЕДЯ *(Белинскому)* Скажите им, Белинский. Ведь вы читали мой рассказ.

Белинский, поглощенный игрой, не отвечает.

ТУРГЕНЕВ Ставлю 50 копеек.

Авдотья вносит в комнату большую корзину, полную масок. Гости берут бокалы с подноса. Один из гостей обходит присутствующих с бутылкой шампанского. Когда он подходит к Белинскому, тот поспешно закрывает свой бокал ладонью, не отрывая взгляд от карт.

ГОСТЬ Не волнуйтесь, я не собираюсь тратить на вас шампанское.

АВДОТЬЯ *(хлопая в ладоши)* Внимание! Внимание!

Кто-то начинает играть на фортепиано, пока Авдотья раздает маски. Белинский получает совиную голову и рассеяно надевает ее, Федя получает большой желтый нос с красным прыщом и послушно надевает его.

ФЕДЯ *(умоляюще)* Белинский, неужто хоть на секунду нельзя оторваться от этих дурацких карт?

ТУРГЕНЕВ (*недобро*) А если предположить, что ему не понравился ваш рассказ и он просто не хочет испортить вам Рождество?

БЕЛИНСКИЙ (*торжествуя, швыряет карты на стол*) Четыре туза!

Некрасов выкладывает на стол свои карты, Белинский сгребаёт их со стола со счастливым смехом.

ФЕДЯ (*в отчаянии*) Ну что же вы, Белинский!

Группа Гостей в масках, среди них Тургенев, образует хоровод вокруг Феди, распевая во все горло веселый куплет:

Достоевский, Достоевский,
Сердцем прост и духом нищ,
На носу литературы
Вырос он, как алый прыщ!

Пение сопровождается взрывами пьяного хохота. Федя, неуклюжий в своей дурацкой маске, мечется в центре круга, пытаясь заглянуть под маски поющих. Ему это не удастся – он не может никого узнать. Он разрывает круг, бросается к карточному столу и сгребаёт карты на пол.

ФЕДЯ (*задыхаясь от ярости*) Вы, вы, вы! Воображаете себя поэтами? Какие из вас поэты? Вы мельче самых жалких чиновников!

Во внезапно наступившей тишине Белинский смотрит на Федю сквозь узкие прорези маски, словно видит его впервые.

АВДОТЯ (*стараясь обратить все в шутку*) Смейтесь вместе с нами, Достоевский – ведь это такая веселая песенка.

Взмахивает рукой, ХОР поет

В Достоевском нет угрозы,
Хоть упрям и духом нищ,
На лице у русской прозы
Вырос он, как алый прыщ!

Задыхаясь, Федя пытается сорвать с себя маску, но пальцы его не слушаются. Он нетвердым шагом направляется к двери.

ФЕДЯ Будьте вы все прокляты!

Выскакивает за дверь. Ставрогин в маске ястреба бежит вслед за ним.

31. Прихожая – видение

В прихожей темно, она освещена только светом, проникающим сквозь стеклянную дверь столовой. Феде, наконец, удается сорвать с себя маску. Перед ним зеркало, отражающее бледное лицо, но это не лицо Феди, а мертвое лицо его отца, покрытое синяками и пятнами запекшейся крови. Из комнаты выходит Ставрогин и обнимает Федю за плечи.

СТАВРОГИН Что с тобой? Они ведь просто забавляются.

ФЕДЯ Я не должен был их проклинать. После смерти отца я поклялся никогда никого не проклинать

СТАВРОГИН При чем тут смерть твоего отца?

ФЕДЯ Я проклял своего отца и его убили.

СТАВРОГИН *(потрясен)* Кто убил?

В прихожую выглядывает Авдотья.

АВДОТЯ *(с притворным весельем)*

Вы что, выпить не хотите? Без вас никто не хочет поднимать бокалы

ФЕДЯ *(берет ее руки в свои)* Вы способны меня простить – мое тщеславие, мою гордыню, мой несносный характер, мой глупый язык?

АВДОТЯ Вы слишком серьезны для рождественского праздника.

ФЕДЯ *(снимает с вешалки свое пальто)* Я просто опечален, что буду вынужден жить, никогда больше не видя вас.

Распахивает входную дверь и выбегает.

СТАВРОГИН *(хватает с вешалки свое пальто)*

Стойте, Достоевский! Я с вами.

АВДОТЯ *(удерживая его)* Куда вы, Андрей? У нас ведь рождественский праздник!

СТАВРОГИН Разве вы не видите, что его нельзя оставлять одного?

АВДОТЬЯ А меня можно оставлять?

НЕКРАСОВ *(выходя из комнаты)* Сколько можно ждать, хозяйюшка? Скоро пробьет полночь.

СТАВРОГИН Я думаю, Некрасов вас утешит! *(убегает)*.

32. Роскошный банный зал – видение

Большой овальный бассейн в центре зала многократно отражается в бесчисленных зеркалах, которыми увешаны стены. Голый Федя лежит на полке парной, терпеливо снося жестокие шлепки березового веника, которым хлещет его Ставрогин. Спина его полыхает багровыми полосами, губы закушены, пальцы вцепились в край полки.

СТАВРОГИН *(продолжая хлестать)* Ну как? Все в порядке?

ФЕДЯ Лучше быть не может.

Опустив веник, Ставрогин проводит пальцем по багровой Фединой спине, Федя вздрагивает.

СТАВРОГИН А ведь здорово болит, правда? Я уже было подумал, что ты наслаждаешься болью.

ФЕДЯ Ты что, нарочно?

СТАВРОГИН Уж конечно не нечаянно. Мне любопытно было проверить, как долго ты выдержишь.

ФЕДЯ *(вставая на четвереньки)* Мне тоже было любопытно – насколько тебя хватит.

СТАВРОГИН Насчет Тургенева тебе тоже было любопытно? Хотелось проверить, как сильно он может тебя ужалить?

ФЕДЯ Честно говоря, я и сейчас сожалею, что не сдержался тогда у Авдотьи. Ведь я без них жить не могу.

СТАВРОГИН Не стоит скучать по этим жалким писакам. Нам обоим пора о них забыть.

ФЕДЯ А тебе-то что? Ходи туда на здоровье! Авдотья тебя обожает, Белинский прислушивается к твоему мнению.

СТАВРОГИН И что мне в том? Если бы ты знал, как я в них разочаровался! Что они умеют? Слова нанизывать, и все, одни слова! Пойдем со мной, я познакомлю тебя с настоящими людьми – мыслителями, философами, революционерами.

**33. Бедно убранная комната, полная табачного дыма –
вечер – видение**

Вдоль стен ряды книжных полок. Маленькие оконца затянуты инеем. Дюжина молодых людей, среди них Первый, Второй и Третий, сидят вокруг большого стола и пьют чай. Отворяется дверь, входит Ставрогин с Федей.

СТАВРОГИН Господа, я счастлив представить вам лучшего писателя России, Федора Достоевского.

**34. Бедно убранная комната, полная табачного дыма –
вечер – видение**

Комната выглядит так же, как и в предыдущем кадре, только в открытые окна заглядывают ветви деревьев. Те же молодые люди сидят вокруг большого стола, пьют чай и слушают Федю.

ФЕДЯ (страстно) Россия не нуждается в проповедях, она нуждается в пробуждении народного достоинства, много лет тонущего в грязи. Самый важный вопрос сегодня – отмена рабства и применение существующих законов.

Федина речь прерывается аплодисментами. Особенно громко аплодируют Первый, Второй и Третий.

35. Заснеженная ухабистая дорога – день-ночь, день-ночь

Сани, запряженные усталыми лошадами, тащатся по бесконечным российским просторам под конвоем двух жандармов. В санях две пары узников, скованных по двое цепями – Федя и Первый, Второй и Третий. Надвигается буйная снежная буря. Федя лежит, скорчившись под меховой полостью. Вой ветра сливается в его ушах с развязной мелодией тургеневских куплетов:

*Достоевский, Достоевский,
Сердцем прост и духом нищ,
На носу литературы
Вырос он, как алый прыщ!*

Снежные вихри вспыхивают мириадами разноцветных искр в свете заходящего солнца и перед глазами Феди возникает веселый хоровод маскарадных масок под предводительством Тургенева в маске льва.

В центре снежного месива появляется большое круглое зеркало. Федино лицо в сдвинутой набок маске носа с прыщом прижимается к зеркалу, вокруг которого кружит веселый хоровод маскарадных масок. Каждая маска, преследуя Федю, набегает на зеркало и исчезает в нем – в конце концов Федя остается один. Он срывает свой желтый нос и вглядывается в мутное лицо, глядящее на него из глубины стекла – это не его лицо, а мертвое лицо его отца с открытыми мертвыми глазами, покрытое синяками и пятнами запекшейся крови. Неожиданно зеркало раскалывается пополам, его рассекает большая черная трещина.

36. Скала на границе Европа-Азия – сумерки

Сани под конвоем жандармов остановились на обочине узкой заснеженной дороги. Четверо узников, скованных по двое цепями – Федя и Первый, Второй и Третий стоят перед скалой, глаза их полны слез.

37. Темный подвал в Тобольской тюрьме

Подвал мутно освещен крошечной свечой, горячей перед прибитой в углу иконой. В ее слабом свете полдюжины одетых в лохмотья истощенных мужчин скорчились на грязном полу – каждый прикован к стене длинной цепью. Медленно отворяется тяжелая дверь, пропуская Федю и Первого, Второго и Третьего в сопровождении тюремщика с масляной лампой в руке. Каждый узник несет набитый соломой мешок. Бросив свои мешки на пол, узники испуганно озираются.

ТРЕТИЙ Господи, ну и вонь!

ВТОРОЙ (*нетвердо*) Неужто мы должны спать в этой дыре?

ТЮРЕМЩИК Меньше болтайте. Лучше устраивайтесь, пока я тут с лампой. Я не собираюсь провести тут всю ночь.

ПЕРВЫЙ (*расстилая мешок*) Почему эти люди прикованы к стене?

ТЮРЕМЩИК Они все – разбойники, душегубы, убийцы, вот почему. У каждого на счету десятки жизней (*уходит, унося лампу*).

Федя ложится на свой мешок, невидящие глаза его смотрят во тьму.

38. Петербургская улица – видение

Федя и Ставрогин идут по улице.

СТАВРОГИН (*страстно жестикулирует*) Я восхищаюсь твоим талантом, Достоевский, но то, к чему ты призываешь – чушь! Твой страдающий маленький человек просто смешон. Он насквозь фальшив, он ни на что не способен. Единственный революционер в этой стране, способный что-то изменить – это разбойник, душегуб. Он выражает отчаяние погрязшего в рабстве народа.

ФЕДЯ Боюсь, такая романтическая фигура существует только в твоём воображении, Андрей.

СТАВРОГИН Ты ещё встретишь его, вот увидишь. Если только когда-нибудь решишься покинуть бонбоньерку своего сладкого существования. Да, он безжалостен и жесток, но он борется в одиночку, пока народ спит! Но он ещё разбудит народ, и они пойдут все вместе громить этот мир направо и налево!

ФЕДЯ И к чему это приведет? К крушению жизни?

СТАВРОГИН Да, к благословенному крушению! Старый мир обречен и должен погибнуть!

ФЕДЯ И мы вместе с ним?

СТАВРОГИН Туда нам и дорога!

ФЕДЯ И культура, и музыка, и книги?

СТАВРОГИН Да кому нужен этот мертвый хлам?

ФЕДЯ Нет, я не хочу писать о разбойнике, разрушающем мир. Я лучше напишу о Христе, о его вечной борьбе с дьяволом в наших душах.

СТАВРОГИН Ладно, пиши о Христе, если тебе так хочется. Но прошу тебя – сделай его неудачником, слабым, нелепым, беспомощным!

39. Заснеженная ухабистая дорога, – день-ночь, день-ночь

Сани с узниками продолжают свой путь по российскому бездорожью.

40. Заснеженная площадь перед Зимним дворцом

Роскошные сани, запряженные тройкой коней в нарядных пополах, скользят по снегу. В санях – царь со своей любовницей Варварой, одетые в меховые шубы. Подъезжая к высокому сугробу, наметенному в центре площади, кучер поворачивается к своим седокам.

КУЧЕР Готовсь!

Кучер резко натягивает вожжи, сани наклоняются, и царь с Варварой вылетают прямо в сугроб. Весело хохоча, они, обнявшись, барахтаются в снегу. Потом опять взбираются в сани и уносятся прочь, чтобы снова вернуться к сугробу.

КУЧЕР Готовсь!

Кучер резко натягивает вожжи, сани наклоняются, и царь с Варварой вылетают прямо в сугроб. Весело хохоча, они, обнявшись, барахтаются в глубоком снегу. Крошечная фигурка карлика Нессельроде утопая в снегу, приближается к сугробу.

НЕССЕЛЬРОДЕ *(склоняясь над Царем)* Простите, Ваше Величество, но мне хотелось обрадовать вас как можно скорей *(вынимает из кармана письмо и читает)*. Руководитель Пражского мятежа, русский офицер Андрей Ставрогин, арестован в Австрии и приговорен к смертной казни.

ЦАРЬ (*поднимаясь и отряхивая снег*) Немедленно напишите Австрийскому императору и от моего имени потребуйте немедленной выдачи офицера Ставрогина.

НЕССЕЛЬРОДЕ (*удивлен*) Ваше Величество желают его помиловать?

ЦАРЬ Что за чушь! Мое Величество желают его наказать. Но русского дворянина может наказывать только русский самодержец!

41. Мрачный подвал в австрийской тюрьме

Ставрогин лежит на каменном полу, прикованный к стене длинной цепью, скованной с металлическим ошейником на его шее. Входит австрийский Офицер.

ОФИЦЕР Ставрогин, встать! Выслушать приговор императорского суда.

Ставрогин с трудом поднимается с пола, звеня цепью.

ОФИЦЕР (*читает*) Бывший русский офицер Андрей Ставрогин признан виновным в организации мятежа против его величества императора Австрии, за что императорский военный суд приговаривает его к смертной казни через отсекновение головы.

Крупный план лица Ставрогина – он потрясен, но силится сохранить на лице подобие улыбки.

ОФИЦЕР (*продолжает*) Однако, идя навстречу пожеланиям его величества царя Всея Руси, император Австрии милостиво соглашается вернуть вышеназванного Ставрогина его родной стране.

Крупный план лица Ставрогина – он теперь неспособен даже на подобие улыбки, его лицо выражает только ужас.

42. Мост на русско-австрийской границе – предзакатный час

Австрийские жандармы пересекают мост, ведя с собой Ставрогина в кандалах. Их встречают два русских жандарма, которым австрийцы вручают узника. Прямо на мосту ему меняют австрийские кандалы на более тяжелые

русские. Ставрогин пересекает границу, волоча за собой тяжелую цепь.

43. Высокие стены омского острога – предзакатный час

Волоча за собой тяжелую цепь, закочневший Федя с усилием вылезает из саней, и в сопровождении жандарма идет к воротам тюрьмы. Стены тюрьмы окружены глубоким рвом. Федя проходит мимо двух вооруженных охранников и входит в узкую полосу, образуемую между двумя медленно раздвигающимися створками ворот. Там его поджидает Комендант Кривцов, щелкая в воздухе кнутом. Ворота затворяются, скрывая крошечную фигурку ФЕДИ на фоне бесконечной белизны.

44. Кабинет Кривцова – ранний вечер

Раздетый до белья Федя стоит перед Кривцовым, сидящим, развалясь, в кресле у стола. Жандарм вытряхивает на пол содержимое Фединогo вещемяшка и роется в нем. Кривцов поднимает несколько книг, принесенных на прощанье Михаилом.

КРИВЦОВ (*сердито*) Ты должен вбить в свою тупую башку, что книги у нас не дозволены (*замечает среди вещей блокнот и карандаш*). А это еще что? Или ты собираешься писать здесь свои дурацкие книги?

ФЕДЯ Нет, нет, это только для писем!

КРИВЦОВ Для писем? Ты что, свой приговор не читал? Там написано черным по белому – без права переписки! И не надейся увильнуть от тяжелых работ, ясно? Запомни, у нас за попытку увильнуть от работы положены телесные наказания!

Кривцов бросает книги, блокнот и карандаш в полосатый мешок и выходит. Жандарм берет этот мешок и выходит вслед за ним. Федя ползает по полу, собирая свои остальные пожитки. Когда все выходят, он украдкой хватает со стола карандашный огрызок и зажимает его в кулаке.

45. Тюремная парикмахерская – вечер

В железной печке пылает огонь. Парикмахер бреет половину Фединой головы и сбривает ему бороду. Другой заключённый сидит на стуле, не отводя глаз от раскаленного жезла, лежащего на конфорке над пламенем, пока жандарм привязывает его к спинке стула. Закончив с Федиными волосами, парикмахер оборачивается к жандарму.

ПАРИКМАХЕР Держи его покрепче.

Жандарм хватает заключённого за плечи и прижимает его спиной к спинке стула. Парикмахер быстрым движением хватает раскаленный жезл и прижимает его к правой щеке заключённого. Тот взывает от боли. Парикмахер убирает жезл, на щеке заключённого видно полыхающее клеймо «КАТ». Федя в панике вскакивает со стула.

ПАРИКМАХЕР Не пугайтесь, господин. Дворян не клеймим.

Крупный план лица парикмахера – на правой его щеке выжжено клеймо «КАТ».

46. Ветхий барак – сумерки

В двухцветной тюремной куртке с желтым червовым тузом на спине Федя входит в барак. Пара дюжин наполовину выбритых голов поворачиваются к двери посмотреть на новичка, у каждого на правой щеке выжжено клеймо «КАТ». Обозрев Федино лицо, единственное в бараке без клейма, рослый заключённый по имени Газин поднимается с нар и отдает Феде салют, громко перднув.

ГАЗИН Приветствуйте благородного гостя, братцы! Мы поможем ему стать одним из нас!

Федя, беспомощно сжимая свой мешок, стоит перед недружелюбной толпой. Газин щедро плюет ему в лицо. Пока испуганный Федя утирается рукавом, пара весельчаков вскакивает с нар, оглушая его громкой канонадой пердежа. Остальные радостно хохочут.

47. Берег реки – полдень – ранняя весна

По обе стороны полузамерзшей реки стелется бескрайняя унылая степь. Заключённые, среди них Газин, Федя, Кузьма, Зайцев и Алеха разбирают старую баржу, частично затонувшую. Несколько солдат-охранников сидят на бревнах на берегу. Газин лениво бродит по берегу, надзирая за работой остальных и время от времени делая глоток из водочной бутылки, которую он держит в кармане ватника.

ГАЗИН (*громко*) Пойду поссать.

Он подходит к борту баржи и, остановившись возле Феде, пытающегося оторвать толстую доску, пишет в реку. Федя сторонится, чтобы пропустить Газина и неловко ударяет Кузьму доской.

КУЗЬМА (*замахиваясь*) Ты что, одурел? Гляди, куда ступаешь!

Федя пьтится и налетает на Газина, который намеренно загородил ему дорогу.

ГАЗИН (*отталкивая Федею*) Вечно ты путаешься под ногами, мудака!

Федя падает и ударяется лицом о деревянные обломки. Все заключённые, кроме Алехи, надрываются от хохота. Федя неловко поднимается, вытирая кровь с разодранной щеки.

ФЕДЯ (*показывая окровавленную ладонь*) Что, моя кровь так отличается от вашей? Она другого цвета?

КУЗЬМА Не все ли равно, какого цвета у тебя кровь, твое благородие, если ты не знаешь, как вести себя с людьми?

ФЕДЯ Что я сделал не так?

КУЗЬМА Нет в тебе никакого к нам уважения.

ГАЗИН Хочешь оказать нам уважение, твое благородие? Сигай в реку – чтоб мы все видели!

Федя стоит неподвижно.

ГАЗИН (*раздражаясь*) Чего стоишь? Сигай в реку, раз тебе говорят!

ФЕДЯ С чего вдруг я стану прыгать в реку?

ГАЗИН Ты ведь должен работать, как все, правда? Вот и лезь в воду, и отрывай те доски, что снизу.

Федя входит в воду, которая доходит до верха его сапог. Вокруг плавают льдинки. Полуоторванные доски торчат из борта, как неровные зубы. Федя хватается за ближайшую доску и пытается ее оторвать. Алеха, молодой крестьянский парень, говорит ему с палубы.

АЛЕХА Почему ты работаешь голыми руками? Возьми топор, так будет сподручней.

Федя берет топор и замахивается, чтобы ударить по доске, которую он держит другой рукой.

АЛЕХА Стой! Ты отрубишь себе пальцы!

Федя испуганно опускает топор.

АЛЕХА Ты что, никогда не работал с инструментом?

ФЕДЯ Только пером.

АЛЕХА Ну и ну! Что можно делать пером?

ФЕДЯ Писать книги.

АЛЕХА Не пизди. Книги пишут писатели.

ФЕДЯ Я и есть писатель. Ты мне не веришь?

АЛЕХА Что-то не похож ты на писателя!

48. Берег реки – поздний полдень – ранняя весна

Федя все еще в воде – оторванные им доски кучей лежат на палубе. Внезапная судорога искажает Федино лицо, он качается и вот-вот соскользнет в воду. Ему слышится отдаленный шепот: «Федя-а-а! Федя-а-а!» и он видит, как над ним склоняется Авдотья. Ее рука хватается Федю за плечо и тянет его на палубу. Круги перед глазами Феди расходятся – это Алеха вытащил его из реки.

49. Грязная тропка в степи – сумерки

Заключённые парами идут по тропке. Федя идет последним в паре с Алёхой. Газин, пьяный в стельку, спотыкаясь бредет позади колонны, пытаясь наступать на пятки Феде.

ГАЗИН Опять ты путаешься у меня под ногами, твоё благородие.

Федя молча отступает в сторону, Газин почти падает вперед и опускается на четвереньки. Подбегает Солдат и толкает Федю прикладом.

СОЛДАТ Сейчас же в строй!

АЛЕХА *(тянет Федю назад)* Он в порядке, начальник, просто споткнулся.

ГАЗИН идет перед ними на четвереньках, распевая похабную песню.

АЛЕХА *(как ни в чем не бывало)* Хочешь, я ночью перережу ему горло?

ФЕДЯ Ты что? Зачем?

АЛЕХА Я знаю этого гада, он ни за что не оставит нас в покое.

ФЕДЯ Но ты рискуешь жизнью!

АЛЕХА Мне нечем рисковать – у меня пожизненное.

ФЕДЯ За что?

АЛЕХА Барина своего я убил.

ФЕДЯ *(недоверчиво)* За что?

АЛЕХА Наш барин был неплохой человек, пока его жена не померла. А как померла она, он прямо сбесился, девок портить стал. Позволил он мне жениться, а как ехали мы с Анной после венчания, выскочили откуда-то его слуги, скрутили меня и уволокли мою Анну в барский дом. Меня же отвезли в мою избу и привязали к скамейке. Не помню, как я провел эту ночь, а наутро Анна вернулась, отвязала меня, но глаз на меня не поднимает и слова не молвит. Только плачет и плачет и головой об стол бьется. Дом наш стал, как могила – ни света, ни тепла, ни еды. Ну я и решил – наточил свою косу и пошел в барский сад дожидаться, пока барин гулять выйдет. Тут я по имени его окликнул, а как он обернулся, голову ему косой вчистую снес.

ФЕДЯ А совесть тебя не мучит?

АЛЕХА С чего вдруг? Меня б совесть мучила, если б я голову ему не снес!

50. Высокие стены омского острога – предзакатный час

Заключенные приближаются к воротам. Их поджидает стая бродячих собак. Большинство заключенных не обращают на собак внимания, некоторые даже отпихивают особо настойчивых ногами. Красивая дворняжка, черная в белых пятнах, притирается к Феде. Он гладит собаку по голове, та лижет ему руку.

51. Ворота Петропавловской крепости – весенние сумерки

Возок, везущий Ставрогина, пересекает мост и направляется к воротам.

52. Мрачная тюремная камера

Ставрогин обследует камеру – потолок слишком низок, чтобы он мог выпрямиться, единственное окошко забито снаружи досками. Железный стол врыт в пол. Ставрогин берет со стола ложку и царапает на стене «А. Ставрогин, 1850».

53. Ветхий барак – ночь

Федя пишет огрызком карандаша на бумажном обрывке, не замечая, что за ним следит весь барак. Слежку начал Кузьма, который позвал Газина, к ним присоединились остальные. Федя обнаруживает это, только когда большая рука Газина выхватывает у него листок.

ГАЗИН Ты что задумал, твое благородие?

КУЗЬМА Жалобу на нас пишет, чего ж еще?

ГАЗИН Кто может эту дрянь прочесть?

Все молчат, Алеха протискивается вперед.

АЛЕХА Дай-ка мне, я попробую.

ГАЗИН Нешто ты читать умеешь?

АЛЕХА Ну да, умею, Покойная барыня нас сизмальства читать учила.

КУЗЬМА *(неприличный жест)* Чему еще она вас научила?

Пока все смеются, Алеха взглядывается в листок

АЛЕХА Ну да, это начало его новой книги.

КУЗЬМА Какой еще книги, амбарной, что ли?

АЛЕХА Нет, такой книги, какие писатели пишут.

ГАЗИН Ну, попер! Что, наше благородие – писатель, что ли?

КУЗЬМА *(хочет вырвать листок у Алехи)* Жалоб он писатель, вот он кто!

АЛЕХА *(поднимает листок над головой Кузьмы, которого он намного выше)* А мы его сейчас проверим.

Пусть он нам расскажет романы, какие в книгах пишут. Если сумеет, значит, он писатель, не сумеет, значит – нет.

КУЗЬМА *(все время подпрыгивает, чтобы вырвать у Алехи листок)* Вели ему, Газин, листок этот отдать!

ГАЗИН *(с интересом Феде)* Ты что, и впрямь можешь романы из книжек рассказывать?

ФЕДЯ Могу, конечно, только отдай мне мой листок.

ГАЗИН *(забирает листок у Алехи)* Вот тебе твой листок, твое благородие, и готовься! Сейчас мы будем тебя проверять! Если не справишься – не жить тебе, так и знай! *(зычно)* А ну, мудилы! Все – по койкам!

Пока заключённые расходятся по койкам, Алеха стоит рядом с Федей

ФЕДЯ *(шепотом)* Спасибо, Алеха. Почему же ты не сказал мне, что умеешь читать?

АЛЕХА А я и не умею.

54. Ветхий барак – ночь

В бараке царит мертвая тишина. Никто не спит. Федя рассказывает.

ФЕДЯ Этого морского офицера звали Эдмон Дантес. Он никак не мог поверить, что никогда не выйдет из тюрьмы и никогда больше не будет водить корабли по морям. И никогда, никогда не увидит больше свою невесту, прекрасную Мерседес.

Все слушают, затаив дыхание.

55. Высокие стены Омского острога – летние сумерки

Колонна заключённых подходит к воротам. Их поджидает стая бродячих собак. Знакомая красивая дворняжка, черная в белых пятнах, прыгает Феде на грудь и лижет его лицо. Он гладит собаку по голове.

56. Ветхий барак – ночь

В полной тишине Федя рассказывает:

ФЕДЯ Королева немедленно узнала почерк. Сердце ее задрожало. Она положила письмо на тумбочку у кровати и глубоко задумалась...

В тишине слышно только жужжание насекомых.

ФЕДЯ На сегодня все!

Взрыв огорченных голосов:

– Кто же написал письмо?

– Ну еще немножечко расскажи.

– Да не томи ты, мудак, скажи, кто ей написал!

СТРАЖНИК *(стучит в дверь)* А ну, тише! Чего разорались? Хотите, чтоб я начальству доложил? Барак стихает.

ФЕДЯ Пора спать! Завтра я вам расскажу конец.

57. Тюремная баня полная пара

Баня переполнена заключёнными. Шум голосов перекрывается звяканьем тяжёлых цепей о каменный пол. Голый Федя неуклюже роняет свою шайку и ошпаривает голого Газина. Тот замахивается на Федю шайкой, но ему на спину тут же прыгают Кузьма и Зайцев.

ЗАЙЦЕВ Уймись, Газин, а то мы не узнаем, кто написал ей это письмо!

Газин неохотно опускает шайку.

ГАЗИН Ладно, твое благородие, скажи им спасибо – проживешь еще день.

58. Грязная тропка в степи – сумерки

Заключённые парами идут по тропке. Федя идет последним в паре с Алехой. Газин, пьяный в стельку, спотыкаясь бредет позади колонны.

АЛЕХА Знаешь, я бы хотел умереть поскорей, – а вдруг я встречу со своей Анной в загробном мире!

ФЕДЯ Ты все еще ее любишь?

ГАЗИН *(втискиваясь между Федей и Алехой)* Чего любить-то? Все бабы – суки! Только татарки – другое дело, у татарок все поперек, что у других баб вдоль, то у них поперек.

ФЕДЯ *(игнорирует Газина)* Жизнь так жестока – стоит двум сердцам прикипеть друг к другу, их тут же разносит прочь.

ГАЗИН А кому нужны сердца? Мне главное, чтобы титьки на месте были!

АЛЕХА А ты? Ты тоже любил какую-нибудь в той твоей жизни?

ФЕДЯ Любил одну, да она меня даже не замечала. Вокруг нее были другие – красивые, сильные, нарядные.

ГАЗИН Я и говорю, все бабы – суки! Разве что татарки. Что у других баб вдоль, то у татарок поперек.

59. Впереди появляются высокие стены Омского отрога – предзакатный час

Заключённые приближаются к воротам. Их поджидает стая бродячих собак. Большинство заключённых не обращают на собак внимания, некоторые даже отпихивают особо настойчивых ногами. Красивая дворняжка, черная в белых пятнах, притирается к Феде. Он вынимает из кармана огрызок сахара и дает собаке, та лижет ему руку.

60. Мрачная тюремная камера

В камере Ставрогин стоит на полусогнутых ногах, упираясь руками о койку – потолок слишком низок, чтобы он мог выпрямиться, единственное окошко забито снаружи досками.

*На стене колонка надписей, процарапанных ложкой
«А. Ставрогин, 1850»*

«А. Ставрогин, 1851»

Ставрогин берет со стола ложку и царапает на стене

«А. Ставрогин, 1852»

61. Ветхий барак – ночь

Все лежат на нарах. В полной тишине Федя рассказывает:

ФЕДЯ Тогда граф де ла Фер взял ножницы и разрезал ее ночную сорочку – на плече у нее было каторжное клеймо. И тут...

ГАЗИН *(прерывая рассказ)* Волки! Кто мою бутылку спер? Барак внезапно взрывается воплями, топотом ног, падением тел с верхних нар. Кто-то зажигает свечу в

подвесном фонаре над дверью. Страшный в гнев Газин отдает команды.

ГАЗИН Построиться, живо!

Заключённые выстраиваются в неровную шеренгу. Тюремщик приоткрывает дверь и заглядывает в щель. Быстрым движением Газин выталкивает его и захлопывает дверь.

ГАЗИН (*дрожащей шеренге*) Последний раз спрашиваю, кто спер водку? Лучше сознавайтесь. Даю одну минуту.

Федя, так и оставшийся сидеть на нарах, видит, как испуганы его сотоварищи – их бледные лица искажены неровным пламенем свечи. Тем временем Газин берет свой веревочный пояс и делает на его конце петлю. Потом он снимает фонарь и ставит его на стол.

ГАЗИН (*тихим и оттого еще более страшным голосом*) Та-ак, вы прикусили языки. Ничего, сейчас высунете.

Он хватает огромной лапой маленького Зайцева за шиворот, надевает петлю ему на шею и вешает на крюк от фонаря. Остальные в ужасе уставились на висящего Зайцева, лицо которого начинает быстро синеть и язык вылезает изо рта.

ГАЗИН Думайте быстрее, пока я вам всем языки не развязал!

Внезапно дверь распахивается и в барак врывается Кривцов в сопровождении тюремщиков. Увидев висящего на крюке Зайцева, Кривцов приходит в ярость.

КРИВЦОВ (*Газину*) Ты что о себе вообразил, говнюк? (*тюремщикам*) Снять этого засранца!

Тюремщики снимают Зайцева, освобождают от петли. Тот постепенно приходит в себя.

КРИВЦОВ (*Газину*) Хозяином себя вообразил, да? Сейчас я покажу тебе, кто здесь хозяин! (*тюремщикам*) Вяжите его и – в погреб. А завтра он получит двести розог.

Тюремщики уводят Газина, связав ему руки. Взгляд Кривцова падает на бледное лицо Феди, скорчившегося на нарах.

КРИВЦОВ А ты почему не в строю, как другие, господин писатель? Или, может, ты сообщник этого говнюка? Если так, тебя следует наказать вместе с ним. Или лучше дать тебе розги в руки, чтобы и твоя доля в том была, а?

62. Тюремный двор – дождливое осеннее утро

Солдаты построены во дворе в два ряда. Кривцов лично надзирает за подготовкой к порке. Он с удовольствием погружает пучок березовых веток в бочонок с водой. Макает палец в воду, облизывает.

КРИВЦОВ Недостаточно солона (командует).
Добавить соли!

Солдат добавляет соли в бочонок. Два Солдата выводят из барака бледного Федю и ставят его в один из солдатских рядов.

КРИВЦОВ Сейчас мы посмотрим, так ли ты ловко орудуешь розгами, как пером!

Пока солдаты разбирают розги, во двор выводят Газина и раздевают догола. Руки его привязывают к ружейным прикладам. Его ведут между солдатскими рядами так медленно, чтобы каждый солдат успел хлестнуть его розгой по голой спине. Очень скоро он начинает визгливо вскрикивать при каждом ударе. Федя стоит в солдатском ряду с розгой в руке. Когда наступает его черед, он хлещет розгой воздух, не касаясь спины Газина.

КРИВЦОВ А ну, без фокусов, Достоевский! Хлестни его как следует, если сам не хочешь отведать розги!

Взгляд Феди мечется между лицом Газина и лицом Кривцова.

КРИВЦОВ Ну, ударишь ты или нет?

63. Крупный план Фединога лица

В голове Феди начинает звучать ангельское пение, солдаты кажутся ему поющими ангелами. Он начинает заходиться в предчувствии эпилептического припадка.

64. Тюремный двор – дождливое осеннее утро

Ангельское пение продолжается. Под это пение солдаты стоят двумя рядами, перед Федей лицо обнаженного Газина, на губах у него подобие издевательской улыбки. Федя издает нечеловеческий крик и падает на землю в эпилептическом припадке. У него на губах выступает белая пена. Кривцов с отвращением тычет Федю носком сапога в лицо.

КРИВЦОВ Дешево отделаться надеешься, господин писатель?

65. Тюремная больница – вечер

Федя лежит без сознания на койке. Ангельское пение продолжается. Федя со стоном открывает глаза и видит своего брата Михаила, распростертого на животе. Спина его – сплошное кровавое месиво. Пение прекращается, туман перед глазами редет – это вовсе не Михаил, а Газин.

ГАЗИН Что, оклемался, мудака?

Федя и Газин начинают говорить, не слушая друг друга – оба в полубреду. Это два встречных монолога глухих.

ФЕДЯ Вчера я видел осенний лист, весь желтый, только по краям еще зеленый. Я закрыл глаза и представил его зеленым-зеленым со светло-зелеными прожилками.

ГАЗИН Или ты ждешь, что я скажу тебе спасибо, раз ты не смог розгой меня ошпарить? А может, ты этим гордишься? Так я тебе скажу – гордиться тут нечем!

ФЕДЯ Разумеется, я дитя своего века, века неверия и сомнений, и жажда верить причиняет мне ужасные муки. Но жажда эта растет в моей душе, хотя мой ум не хочет это принять.

ГАЗИН Не воображай, что ты сделал это ради меня – ты сделал это ради себя. Думаешь, мне не все равно, сколько розог я получил, двести или сто девяносто девять?

ФЕДЯ Но бывают моменты, когда я воссоздаю в своей душе священный символ веры. В такие моменты я способен любить и быть любимым.

ГАЗИН Если ты воображаешь, мудака, что я люблю тебя за это, так ты просто последний дурак. Я, может, захочу завтра тебя убить, я ничего тебе не должен!

ФЕДЯ А бывают моменты, когда я всех ненавижу, невинных и виноватых одинаково. Они все кажутся мне подонками, укравшими мою жизнь.

ГАЗИН Кишка у тебя слаба, мудака. На тебя плюнуть и растереть, так ты спасибо скажешь. Я на твоём месте, знаешь, что б сделал? Я б так тебя хлестнул, чтоб твоё гнилое мясо до костей слезло! С волками жить – по-волчьи выть!

ФЕДЯ *(неожиданно врубаясь в реальность)* Да лучше сто раз сдохнуть, чем один раз с тобой по-волчьи завывать!

66. Высокие стены Омского острога – сумерки, зима

Заключённые приближаются к воротам. Их поджидает стая бродячих собак. Некоторые заключённые бросают собакам огрызки хлеба, те начинают драться между собой за хлеб. Красивая дворняжка, черная в белых пятнах, притирается к Феде. Он вынимает из кармана огрызок сахара и дает собаке, она прыгает Феде на грудь и лижет его лицо. Он гладит собаку по голове. Кривцов стоит у ворот, наблюдая эту сцену. Когда Федя проходит мимо него, Кривцов хлещет воздух своим неразлучным кнутом.

КРИВЦОВ Я вижу, ты наконец нашел себе друга, недоумок!

(продолжение следует)

Рената Муха

Устные рассказы, были, байки

Собрал по различным источникам и объединил
Владимир Слуцкий

Содержание

От составителя

Вместо предисловия. Кто такая Рената Муха, если коротко.

1. Талантливый пересказ различных авторов

1.1. Дина Рубина

1.1.1. Знаменитое английское «несколько»

1.1.2. Смеяться за рулем... позор!

1.1.3. Умные глаза

1.1.4. Есть у Ренаты и обо мне два устных рассказа:

Конечно, б-дь...

Сэр, вы носите справа или слева?..

1.1.5. Какая у нас квартира

1.1.6. Индийская зарисовка

1.1.7. Чтоб «терли ножки»

1.1.8. Великое кормление

1.2. Вадим Ткаченко

1.2.1. В гостях у Б. Заходера

1.2.2. «Извините, пока что не могу»

1.3. Из бесед Ренаты Мухи с *Лиорой Ган (Полина Капшгеева)*

1.3.1. Storytelling, что в переводе на русский – «сторителлинг»!

1.3.2. Комрад Смирнов и Мистер Браун!

1.3.3. Путешествие с рабом.

1.3.4. Зубы и Рот.

1.3.5. Я всех люблю, и мне всех очень жалко».

1.3.6. Кстати, о детях...

1.3.7. «Слишком автобиографично!..»

1.3.8. Автор широко известен, а произведений нет.

1.3.9. Мой любимый литературный жанр – давать интервью.

1.4. Марина. Бородинская. Круг чтения в эвакуации.

1.5. Полина Лимперт. Вдвоем писать трудно, но...

2. Выступления на вечерах, радио, телевидении

- 2.1. Вечер в Ашдоде 7 февраля 2004 г.
- 2.1.1. Калоши
- 2.1.2. Туфли
- 2.1.3. «Нет, про Муху это все понятно, но Рената почему?»
Вариант: Из разговора с Л. Ганн.
- 2.1.4. I want You («Я хочу вас!»)
- 2.1.5. Стояла плохая погода или шел человек по городу...
Вариант: из живого журнала В. Левина и интервью

Л. Ганн

- 2.1.6. Две строчки или ... «недоговорки»
- 2.1.7. А дальше?..
- 2.1.8. Математика
- 2.1.9. Диетические конфликты
- 2.1.10. А что ты тут делаешь?
- 2.2. Памяти поэта Ренаты Мухи. «Эхо Москвы».
- 2.2.1. Мои ошибки.
- 2.2.2. История с тараканом
- 2.3. А короче, можно? Видеоролик. Беэр-Шева. Зима

2008 г.

2.4. Телепрограмма «Персона» В. Бейдера: Рената Муха,
поэт. 2008 г.

- 2.4.1. Есть такая профессия – рассказчица.
- 2.4.2. Премьера в харьковском КГБ.
- 2.5. Второй международный книжный фестиваль в

Иерусалиме. 2007 г.

- 2.5.1. Реагируйте, Рената, реагируйте.
- 2.5.2. Предисловие к ненаписанной книге.
- 2.5.3. Марк Галесник в моей судьбе.
- 2.6. Я родилась в Одессе.
- Фотоприложение

От составителя

днжды (так и тянет написать, вслед за Ренатой, «а может быть дважды») в «Комсомольской правде» (14.03.1992 г.) прочитал удивительные стихи «О плохой погоде» в **3-х** частях, состоящих из трех строф!

Стихи немедленно включил в свою коллекцию «Метеорологический юмор». Позже, нашел еще много других метеорологических (и не только) улыбок. Уже в Израиле (с 2004 г.) я прочитал все ее стихи, интервью, а когда она ушла, то и добрые, зачастую пронзительные, воспоминания ее близких друзей. Не только читаю, но и активно пропагандирую через Интернет всех своих респондентов. Опубликовал заметки в «Персоне» (журнал в Томске) и «Атикве» (газета в Полтаве). Оказывается, что и в России и в Украине мало знают кто такая Р. Муха, даже в среде филологов, хотя, казалось бы, издаются книги, ей посвящают свои произведения известные авторы, ее стихи используются в учебной литературе по русскому и английскому языкам – парадокс.

Рена рассказывает. Пало-Альто. Калифорния. 2007 г. Семейный Архив

И, все-таки, мне показалось, что **одна грань** (а по ее словам их четыре) творчества Ренаты Мухи представлена в печати и в Сети довольно **разбросано**, в то же время все авторы отмечали ее прекрасную способность к **рассказыванию**.

Появилась идея собрать все рассказы Ренаты Мухи воедино, в один блок, чтобы концентрировано почувствовать вкус глубокой мысли, озорства, юмора и

иронии. Сначала я это делал для себя, а потом подумал, что может и другим так будет интересно и не только техническим причинам («плутать» в Интернете надо иметь определенный навык, надо время), но и по восприятию рассказанного в едином блоке.

При составлении сборника устных рассказов я стремился к тому, чтобы выбрать фрагменты текстов в которых, главным образом присутствует **прямая речь** (хотя, без диалогов не обошлось, собеседники выделены курсивом) Р. Мухи в аудио или видео материалах или талантливо пересказанные тексты, но тоже в формате прямой речи, в различных печатных публикациях. Возможны повторы, но следует учитывать, что это устный рассказ: ситуация та же, а нюансы другие, другая аудитория.

Рената Муха – выпускница школы. Харьков 1950 г. (фото Юрия Куюкова из архива Ф. Рахлина)

Источник всей информации – Интернет. Каждый рассказ сопровождал ссылкой (линком), Благодаря такой «услуге», читатель имеет возможность без особых хлопот услышать или даже увидеть обаятельную Р. Муху «вживую». К сожалению аудио- и видео – материалов в Интернете не так уж много, хотя в ближнем кругу друзей и знакомых они, вероятно, существуют. Качество аудио, в

основном неважное и пришлось немало потрудиться, чтобы воссоздать письменный текст. Молодцы «Эхо Москвы», они выставляют в Интернете стенограммы радиопередач.

В Живом Журнале в 2009 г. открылось новое сообщество – **«Общество памяти Ренаты Мухи»**, цель которого: *«собрать как можно больше воспоминаний о Ренате, опубликовать как можно больше всего, что связано с ней и её жизнью. Пусть это станет виртуальным и реальным фрагментом той картины, которая будет складываться многими, помнящими о Рене и её улыбке»*. Задача благородная, но по моему мониторингу за 2010 г. новой информации там очень мало.

Еще не знаю, как сборник может внедриться в Сеть, но если это осуществиться, то все отзывы, пожелания, советы, даже критика и замечания будут приняты со смирением и благодарностью. Мои координаты:

Slutskiy Vladimir Hardoof ha-Nechalim 2/2 Geva-Binyamin Adam ISRAEL (ИЗРАИЛЬ) 90632

E-mail: slava0509@bezeqint.net тел. 02 5851586 пел. 0545955591

Слущкий Владимир (в миру – Израильевич). Август 2010

Вместо предисловия

Кто такая Рената Муха, если коротко

(ораторы по алфавиту)

Владимир Бейдер:

Рената Муха автор стихов, которые навсегда останутся в анналах русской литературы наряду со стихами Чуковского, Маршака, Барто, Заходера, Юнны Мориц. И пока будет существовать русский язык, будут читать эти стихи, большинство из которых увидели свет в Израиле и распространились по миру из Израйля.

Елена Галесник:

Есть поэты, которые много пишут, и все что пишут, печатают. Есть поэты, которые много пишут, печатают избранное, а Рената Муха сразу писала Избранное.

Игорь Губерман:

Я хочу обратить внимание на ёмкую лаконичность волшебных стихов Ренаты Мухи. После таких стихов невозможно вырасти полностью плохим человеком, за что автору – огромное спасибо.

Вероника Долина:

Рената хрусталь абсолютный со своим английским безукоризненным, со своей методикой английского. Когда ещё многие наши люди с расчудесным образованием и воспитанием искали место в жизни, а Рената Муха его уже нашла в Израиле, и была полнейшим молодцом. Это был кусок света в нашей жизни. Тут со многими так. Будем жить без них, видимо, но хотя бы с их книжками.

Евгений Евтушенко:

Маленький, но большой поэт Рената Муха достойна того, чтобы ее стихи не только включались в школьные хрестоматии, но и сопровождали по жизни нас всех, даже седеющих, но не стареющих душой, ибо такие стихи нам этого не позволяют

Стихи «для бывших детей и будущих взрослых» были «широко известны в узком кругу», хотя достойны гораздо более широкой аудитории.

Она ведь одесситка, а своеобразное одесское омархажество не увядает даже вдалеке от этого легендарного города.

Она поэт мыслящий, но непобедимо веселый, как будто ей не позволяют жаловаться на жизнь все те, в ком жил генетический страх от давних одесских погромов, и от нацистских душегубок, и от убийства Соломона Михоэлса, и от «дела врачей». Жизнелюбие, которое она преподает своими стихами, – это побежденный ею страх.

Будут любить старики и все дети
самую умную Муху на свете!

Борис Заходер:

Очень талантливая дама – Рената Муха.

Удивительно талантливый поэт.

Аркадий Коган:

Рената писала трудно. Она была невероятно требовательна к каждому слову. Некоторые свои

миниатюры она вынашивала долго, как ребенка. Может быть поэтому среди ее вещей нельзя найти ни одной слабой.

Корф Ольга:

Рената Муха – удивительный поэт, потрясающий исполнитель собственных устных рассказов, великий знаток английского языка, который она учила преподавать даже самих англичан.

Феликс Кривин

Человек впадает в детство, как река впадает в море, вырывается из тесных берегов и категорий.

Прочь заботы, прочь напасти и другое в том же духе. Выпадает в жизни счастье, как стихи Ренаты Мухи!

Вадим Левин:

В моей судьбе она за каждой датой –
Мой верный друг, соавтор мой крылатый
Сам не пойму, да как же я когда-то
Жил без «Калош», подаренных Ренатой!

Кому – покой, кому – разбой,
кто славой жив, а кто – зарплатой,
а я-то – помни! – жив тобой –
моей сестрой, моей судьбой,
моим соавтором Ренатой!

Полина Лимперт:

Не встречала более гениальной, парадоксальной

Михаил Польский:

В русской поэзии она, безусловно, была леди. Её коротенькие стишки – что это? Может быть, это просто укороченные лимерики? Рената чуждалась какой-либо устоявшейся формы. Форму диктует мысль. И тут же сама получает толчок от вновь возникающей формы. И когда мысль столь отточена и лукава, стих как бы заигрывает с читателем – то как озорной ребёнок, то как премудрый дедушка.

Сергей Никитин:

Человеческая мощь Мухи настолько огромна, что ее хватило бы на десятых. Остается устыдиться собственной

слабости, суетности и постараться научиться у Реночки жить по-настоящему, а не вчерне.

Леонид Финкель:

Такое чувство, что мы сегодня прощаемся с гениальным ребенком, очень большой, очень талантливый, умный и мужественный, отважный озорной и веселый поэт. Я очень благодарен судьбе, что она свела нас, для меня она друг на вырост на всю жизнь, мне ее всегда не будет хватать.

Рената Муха – рассказчик

Майя Пешкова. *Непрошедшее время. 2009 г. Эхо Москвы.*

Не знаю, **найдется ли человек**, который напишет о ней книгу, или так и останутся рассыпанными ее воспоминания, коими она так щедро делилась

Из Интернета <http://www.trediakovsky.ru/content/view/69/34/>

О степени её владения этим языком красноречиво свидетельствует такой факт: в 1994 году она приняла участие в фестивале устных рассказов в американском городе Прово, штат Юта. За всю, уже 20-летнюю, историю этого, одного из самых популярных в США, ежегодного фестиваля рассказчиков она остаётся единственной приглашённой к выступлению участницей, для которой английский язык – неродной. А ведь все свои рассказы излагала, естественно, по-английски: таковы условия фестиваля. В последний день Рената сумела настолько овладеть вниманием семи тысяч зрителей, что они вслед за ней спели колыбельную, – но уже на русском языке!

«Никаких призовых мест и наград на этом фестивале нет и не было», – рассказывает муж Ренаты, профессор математики Вадим Ткаченко, – «наградой явилось само приглашение выступить на нём в числе 5 других знаменитых рассказчиков».

Вадим Левин:

Свои бесчисленные больничные истории, каждая из которых могла оказаться последней, Рена рассказывала так,

что слушатели не могли удержаться от смеха. «Лежу я на столе. А из одежды на мне только шесть шрамов...»

Марина Меламед:

Таких рассказчиков, как она – мало вообще, но не знаю, как про это написать... надо собирать не только рассказы о ней, но и – её собственные рассказы.

Дина Рубина. *Непрошедшее время. 2009 г. Эхо Москвы.*

Рената была убийственно эстрадным человеком. Рената была мастером и гением устного рассказа! Когда Рената выступала, зал сидел просто как стадо кроликов, слушая ее и не отводя глаз. И когда Рената – это был особый фокус – когда она рассказывала про Сару Абрамовну, свою тетю, то ее голос взлетал в такие высоты, звенел и разбухал. Вообще, я боялась, что упадет люстра, потому что так он звенел! Это было блестяще, и **я надеюсь, что кто-то записывал это.** И это можно записать на какие-то диски, потому что Рената в качестве рассказчицы – **это дипломированный лауреат конкурса английских рассказчиков.**

Мне и весело и грустно,
Но не письменно, а устно.

Р. Муха

1.1. Талантливый пересказ различных авторов

1.1. Дина Рубина

1.1.1. Знаменитое английское «несколько»

(История, записанная Д. Рубинной в ИЖ № 31. 2009 г и рассказанная в программе «Непрошедшее время» (Радиостанция «Эхо Москвы». 27.12.2009).

<http://www.echo.msk.ru/programs/time/644294-echo/>.

Дина: *Эта история про то, как Р. Муха заболела и победила. Впервые болезнь обнаружилась лет 25 назад, и тогда ее прооперировал американский врач. Сначала ей давали вообще три недели жизни, потом – три месяца...*

Рената:

Когда после операции я очнулась от наркоза, надо мной стоял улыбающийся профессор. Он сказал:

– Рената, у меня для вас отличные новости. Я думаю, что у вас впереди несколько хороших лет.

– Есть ли у вас вопросы? – спросил он.

– Есть, – сказала я. – Один. Филологический. У нас в институте однажды на семинаре возник спор, как следует понимать знаменитое английское «несколько»: один-два? два-три? Или все-таки семь-восемь?

– Знаете, – помедлив, произнес профессор, – я в этом бизнесе сорок лет, и чудес пока не встречал. На вашем месте я бы считал, что «несколько» – это два-три, и не строил иллюзорных надежд, что это семь-восемь... Мой вам совет: не начинайте ничего нового, завершите все для вас важное, и совершите то, что всю жизнь хотели сделать, но откладывали на потом. Повернулся и вышел.

Дина: *И затем последовали долгие недели мучительного лечения, в течение которых – отлично представляю это, зная Ренату! – она покорила, завоевала своим неисчерпаемым обаянием весь медицинский персонал.*

Рената: Когда я выписывалась и явилась на прием к своему профессору, который должен был дать ей последние наставления.

– Рената! – сказал он на прощание. – Я благодарю вас за ваши усилия по очеловечиванию американской медицины.

И когда я уже взялась за ручку двери, он окликнул меня.

– Рената! Вы помните, что я сказал вам по поводу этих «несколько»? Так вот, повторяю: я сорок лет в своем бизнесе, и с чудесами не сталкивался ни разу. Но если все-таки когда-нибудь такое чудо произойдет, оно произойдет с вами...

Дина: *И чудо произошло, и Рената много лет после той операции жила полноценной яркой творческой жизнью, написала много замечательных стихов, объездила много стран, преподавала, выступала, дарила любовью и дружбой множество людей: совершала немыслимые усилия по очеловечиванию мира. А, когда становилось немножко хуже, она чуток замыкалась в себе, но все равно никогда не переставала быть человеком в самом ярком и самом упоительном смысле этого слова).*

(Продолжение)

Дина: *И когда, несколько лет назад, болезнь возникла снова, у Ренаты уже был опыт борьбы, успешной борьбы. Возможно, именно поэтому она не сдавалась так долго. Иногда казалось, что она наблюдает со стороны за своей собственной борьбой за жизнь. Одна из телефонных бесед:*

Рената: – Вот эта болезнь, которой я болею, она очень добросовестная. Сначала у человека выпадают волосы, потом всякие другие приспособления для нормального существования... и если вы думаете, что человеку не нужны ногти...

Дина: *По настоянию младшего сына Алеши они поехали в Америку – за «вторым мнением» Беседуем с Ренатой после возвращения:*

Рената: – Ну что ж, мы убедились, что израильские врачи ни разу не оказались отставшими. Меня послали на генетический анализ – это там сейчас модно. Кроме того, подвергли строжайшему допросу на предмет того – умер ли кто в семье от рака. А у меня, надо вам сказать, Дина, буквально все со всех сторон умирали от рака. И вот сидит американская врачиха, профессиональная улыбка до ушей, задает вопросы:

– От чего умерла ваша мать?

– От рака.

– Какой она была расы?

– Еврейской.

– От чего умер ваш отец?

– От рака.

Далее следовали вопросы о племянниках, сестрах, братьях, которые все исправно помирали от рака. А врачиха все держала на лице широкую улыбку.

– От чего умер ваш дед со стороны отца?

– От бандитской пули, – отвечаю я, радуясь разнообразию.

Врачиха вытаращивает глаза. Но улыбка приклеена.

– Почему?

– Время было такое, – говорю я. – Была революция.

– А от чего умер ваш дед со стороны матери?

– От бандитской нагайки.

Я смотрю, что врачиха хотела бы драпануть отсюда как можно дальше. Но улыбка на месте.

– То есть как? – спрашивает. – Почему?

– Время было такое. Революция.

И тогда она делает паузу и осторожно осведомляется:

– А зачем они все этим занимались...?

И Рената переживает мой смех, и говорит спокойно:

– А что делать? Я бы всех их с удовольствием похоронила от рака...

1.1.2. Смеяться за рулем... позор!

(Иерусалимский журнал № 31.2009)

Дина: Есть и целые, рассказанные ею эпизоды, вроде истории с их другом, врачом из Германии, которого однажды немецкая полиция подвергла интересному наказанию:

Рената: – Понимаете, Дина, вообще-то он врач, и к тому же святой человек. Это трудно совместить, но у него получается... Так вот, на днях он ехал домой и смеялся, вспомнил за рулем что-то смешное. Оказывается, этого в Германии нельзя. Его остановил дорожный патруль, его сфотографировали, и фотографию повесили на такую доску – она есть в каждом районе, как у нас раньше, помните: «Они позорят наш район!». В Германии обычно на таких вывешивают фотографии проституток...

1.1.3 Умные глаза

(Иерусалимский журнал № 31.2009)

Дина: В молодости на телевидении в Харькове Рената участвовала в программе по изучению английского языка. Играла в «разговорных» сценах то официантку по имени Наташа («была очень убедительна, что вы думаете!»), то еще какую-нибудь четко говорящую по-английски куклу.

Рената:

– И вдруг директора программ, редактора, главного редактора и режиссера передачи, а также меня, вызывают в Обком. Не Рай! И не Гор, Дина! А Обком. Харьков большой

город... «Получили анонимный сигнал о вашей передаче», – говорит Дурасиков. Был такой инструктор. Любил мальчиков, что никому не возбраняется, но одного утопил в бассейне, что уже хуже.... Однако все это выяснилось позже, а в тот момент он высадил нас всех по ранжиру и говорит, мол, получили письмо от трудящихся, в котором такая фраза: «И вот эта Наташа с ее глупыми глазами, у нее такой вид, как будто хочет сказать – ой, как я сама себе нравлюсь!».

Рената делает паузу...

– И все эти милые люди, Дина – *продолжает она мягким и даже меланхоличным тоном*, – и директор программ, и редактор, и режиссер передачи... вдруг обосрались. Они перестали на меня смотреть. Инструктор Дурасиков их спрашивает: «У нее глупые глаза?»

Я поднялась и сказала: «Нет. Умные».

И все эти кролики замерли и затряслись. Дурасиков помолчал, прокашлялся, выпил воды из стакана и сказал: «Тогда ладно...»

1.1.4. Есть у Ренаты и обо мне два устных рассказа

(глава девятая внесезонной книжки «Больно только когда смеюсь» 2008 и Иерусалимский журнал № 31. 2009 г)

Первый: Конечно, блядь...

Один – про то, как мы познакомились «вживую». Она живет в Беэр-Шеве, я – под Иерусалимом. В переводе на российские пространства это все равно, что Севастополь и Екатеринбург. Но однажды меня пригласили выступить в Беэр-Шеве. Я и поехала с намерением непременно побывать у Ренаты Мухи.

Так вот, это убийственно точный по интонации, хотя и придуманный от начала до конца устный рассказ. С выкриками, вздохами, жестами, комментариями в сторону. Буквально все это я передать не могу, могу только бледно пересказать:

Итак, я впервые являюсь в дом, в «знаменитой» широкополой шляпе, с коробкой конфет и подвявшим букетом цветов, которые мне подарили на выступлении.

И вот, «папа Вадик» (муж Ренаты – Вадим Ткаченко) расставляет стол, сын Митя что-то там сервирует... а Рената «делает разговор». Я при этом изображаю страшно культурной элегантной дамой, даже слегка чопорной. Кажется, даже в лайковых перчатках, которых сроду у меня не бывало.

Рената, которая волнуется и хочет «произвести на эту селедку впечатление», начинает рассказывать «про Гришку» (есть у нее такой уж точно смешной рассказ).

– И тут я вижу, что Динино лицо по мере повествования вытягивается, каменеет и теряет всяческое выражение улыбки. Я продолжаю... Рассказ к концу все смешнее и смешнее... Трагизм в глазах гостьи возрастает. Что такое, думаю я в панике, ведь точно смешно! Заканчиваю... И вы, Дина, замороженным голосом, сквозь зубы говорите: «Рената, какая же вы бядь!»

– *Ничего для первого раза, да? А?! (Ее любимый выкрик: «А?!»)*

– И когда я так осторожно говорю, что в моем возрасте это, пожалуй, уже комплимент...и интересуюсь, чем, так сказать, заработала столь лестное...

Дина сурово обрывает:

– Вы хотите сказать, что этот рассказ у вас не записан?

Я отвечаю:

И этот, и все остальные.

Дина с каменным лицом:

– Конечно, бядь!

Самое смешное, что этот рассказ основан на моем действительном возмущении: каждый раз я – письменный раб, пленник кириллицы, – услышав очередной виртуозно детализированный, оркестрованный колоссальным голосовым диапазоном устный рассказ Ренаты Мухи, принималась ругать ее:

– *И это не записано?!*

Второй: Сэр, вы носите справа или слева?..

– *про то, когда я приезжаю в следующий раз, – еще более пикантный.*

Как Рената открывает мне дверь, и я спрашиваю с разгоряченным лицом:

– Рената, почему у вашего соседа яйца справа?

Якобы я ошиблась дверью, мне открыл сосед на нижней площадке, и он был в трусах. И что в этом вопросе якобы никакого криминала нет. Оказывается, все английские портные-брючники, снимая размеры, непременно спрашивают клиентов: сэр, вы носите яйца справа или слева?..

...И вот, переночевав у Ренаты, наутро я ухожу, цветы оставляю, конфеты забираю с собой...

В этом месте рассказа я всегда подозрительно спрашивала:

– *Конфеты?! Забираю?! Как-то не верится. Это не про меня...*

Рената сразу поправлялась:

– Или оставляете... Конфеты, впрочем, говно, – кажется, «Вечерний Киев»... За вами захлопывается дверь, и тут мы слышим страшный грохот! Поскольку вы явились в каких-то умопомрачительных туфлях на гигантских каблуках, то вы и грохнулись как раз под дверь соседа с яйцами. И правильно! Нечего заглядывать, куда вас не приглашают!

1.1.5. Какая у нас квартира

(Д. Рубина. «Больно только когда смеюсь». 2008.)

– Понимаете, Дина, папа Вадик – большой математик касательно интегральных и дифференциальных эмпирей... Но вот когда кило рыбы стоит, положим 19 шекелей, и сколько тогда будет стоять полкило – этого он не может... А я могу только рыбу посчитать. Взять хотя бы эпопею с продажей квартиры. Дина, вы знаете, что такое маклеры — это племя особей, которые считают себя особыми психологами.... Ну и Вадик осел под первым же маклером...

Тут надо отдать отчет, что квартира у нас плохая. Район тоже плохой. Вы знакомы с соседом, что живет под нами – тот, который с яйцами. Наверху живет алкоголик. Я не знаю, где он носит яйца, и даже не знаю – есть ли они у него.

Раньше там жила хорошая женщина, отошедшая от дел – ремесло ее было горизонтальным. Она была уже тяжело немолода. Приезжала на такси, и у дома говорила таксисту, что денег у нее нет, но если он хочет, она может расплатиться иным способом. А таксисты, знаете, Дина, они легки на подъем... Во всяком случае, когда человек на время поднимается, и потом спускается – я полагаю, он не ремонт ходил смотреть.

Так вот, сейчас в этой квартире поселилась марокканская женщина. Муж не обозначен.

– *Это ужас! – говорю я искренне...*

Рената умолкает и тяжело вздохнув, говорит:

– Да, Дина, это большой и страшный, и непредсказуемый ужас. Главное – непредсказуемый. Вот, положим, у вас горе: в квартиру по соседству въехала эфиопская семья. Это горе. Но предсказуемое горе: ну, там, они варят селедку, нежно кричат с утра до вечера пронзительными голосами, – все это привычно и понятно... А марокканская женщина... – помимо того, что она выбрасывает мусор из окна, – у нее такое племенное качество: она развешивает белье, не ведая, что на свете существуют прищепки. В связи с чем, ветер сносит подштанники и огромные бюстгалтеры вниз, все дерево под нашим окном увешано подштанниками.

Дина, вы помните такое произведение для детей — «Чудо-дерево?»

1.1.6. Индийская зарисовка

(Д. Рубина. «Больно только когда смеюсь». 2008)

Рената преподает в университете в Беэр-Шеве. На какой-то мой невинный вопрос о работе следует мгновенная зарисовка про коллегу из Индии. Та ходит в черном сари, и сама очень черная.

– Оказывается, в Индии тоже есть евреи, и это, Дина, уже серьезно.

Так вот, эта еврейская индианка в зарисовке представляется абсолютной параноичкой. Подходит она к Ренате и заявляет:

«Рената, вы тут единственная леди! Остальные все – негодяи. Тут сплошной харасмент. А нас с вами преследуют из-за цвета кожи».

После этих слов Рената выдерживает паузу и говорит безмятежным голосом:

– Она абсолютно черная... Меня вы видели... И я совершаю ужасную ошибку, которую делать нельзя – я начинаю ее переубеждать и отговаривать от того, что все негодяи. Параноиков, оказывается, отговаривать нельзя. Надо соглашаться, – что харасмент, и все негодяи, и по цвету кожи...

«Ну, – говорит еврейская индианка, – посудите сами, как же не харасмент! Вот мы едем вчера в машине (завкафедрой, – *вставляет Рената*, – которая главная негодяйка, ежедневно после занятий развозит безлошадных педагогов по домам на своей машине, вероятно, из врожденной подлости), – и вдруг полицейский останавливает машину, и мне одной – мне одной! – говорит: у вас не пристегнут ремень!»

«Что вы говорите? Вам одной? Почему?»

«Потому что у других он был пристегнут...»

– Ну, и так далее... – *вздыхнув, завершает Рената.*

1.1.7. Чтoб «терли ножки»!

(Д. Рубина. «Больно только когда смеюсь». 2008)

Жемчужина среди ее устных рассказов – миниатюры о тете Иде, одесской тете Иде, Иде Абрамовне, – у которой на гастролях театра Моссовета останавливалась сама Раневская.

Раневская, которая не признавала никаких эстрадных писак, – она писала свои тексты сама, из жизни, – поняла, что в лице этой женщины она имеет бриллиант. Достаточно было послушать, как тетя Ида проклинает непочтительного соседа:

– Азамен (эдакий) сифилистик! Азамен мерзавец! Азамен неуважение к женщине!

Рената утверждает, что тексты ролей Раневской пересыпаны словечками и выражениями тети Иды.

– Когда в детстве меня привозили на лето в Одессу, тетя Ида имела цель в жизни: ребенок должен вернуться

поправленным. Что значит «поправленным»? Чтoб «терли ножки»! Для этого: каждый день гоголь-моголь мит дем булочких, мит дем масло, мит дем мед.

– И вот на этом деле, – *говорит Рената*, – я была поправлена на всю жизнь.

Обряд кормления проходил так: тетя Ида брала газету и торжественно зачитывала передовицы.

Но если это не помогало, тогда выпускали Розочку. Розочка, как известно, была замужем за начальником ОРСа. Вы, Дина, маленькая, вы не знаете этого магического слова. Начальник ОРСа! Отдел Рабочего Снабжения! Все слова произносятся стоя. Он был большим начальником, и «дер коммунист впридачу», но по части секса, как я понимаю, не дотягивал.

Розочка говорила мне вкрадчивым голосом: «Если ты съешь ложечку, я расскажу тебе, как вчера мы гуляли со Стасиком».

Мужа, «дер коммуниста впридачу», звали Миша.

«Если ты съешь ложечку, я расскажу тебе, откуда берутся такие синяки...» – и она осторожно спускала бретельку сплеча...

А я открывала рот...

1.1.8. Великое кормление

(Д. Рубина. «Больно только когда смеюсь». 2008)

Больше всего я люблю рассказ Ренаты Мухи о том, как в эвакуации в Ташкенте тетя Ида выкармливала народного артиста.

В администрации театра ей сказали: «Подкормите его, нам надо его подкормить. Он вас озолотит. А ему сказали: "Мы дадим вам женщину, что у вас еще не было такой женщины!"»

И тетя Ида стала выкармливать народного артиста. Она продала свои золотые сережки. Всю ночь, в эротических мечтаниях, она придумывала все новые еврейские блюда. Штрудл! Штрудл-вертячку, большую простыню раскатанного теста, которое подбрасывают на руках. Это умели не все хозяйки. Тетя Ида умела. Манделех! Манделех в курином бульоне!

Дети – Рената и двоюродный брат Мишка — припухали с голоду.

Бабушка брала в руки топор, стояла над ребенком, который не хотел есть жмых, и говорила: — Ешь, майн кинд, а то я пойду за госпиталь. Там есть яма, куда от операций выбрасывают руки и ноги, принесу сюда, и брошу на стол руку мертвяка!

Артисту варили курицу, детям не давали. Рената помнит каждый пупырышек на нежной коже этой золотистой курицы!

Артист приходил, садился за стол. Тетя Ида препоясывалась чистым полотенцем, и пышная невеста плыла в ее руках к обеденному столу.

Артист кушал, опускал глаза, хвалил еду и, уходя, говорил: «Большое спасибо».

Наконец, наступил последний день «кормления».

Все собрались в своем огороженном простыней углом, который снимали у раскулаченных.

Артист явился, поел, похвалил, как всегда еду, поднялся, пожал, опустив глаза, руку тете Иде.

И ушел.

Ушел...

Они – две женщины и дети — сидели и долго смотрели друг на друга.

Взрослые, конечно, знали фамилию этого знаменитого артиста. Но при детях она не произносилась в семье никогда.

Поэтому, уже взрослым человеком, оказавшись в каком-нибудь московском театре, Рената каждый раз шла к фотографиям в фойе и всматривалась в лица — этот? Этот? Может, этот? И не узнавала.

Она не любила театры. И не любила народных артистов.

Самое смешное, что брат Мишка, который припухал вместе с ней в ту холодную ташкентскую зиму, стал артистом, причем, московским. Приезжая к нему в гости, она приходила к нему в театр и точно также, выманивая его после спектакля в уже пустое фойе, вела к фотографиям и спрашивала: «Мишка, а не этот ли?»

Седой оплывший Мишка всматривался в знакомую ему уже тридцать лет фотографию с новым интересом, пытаясь оживить в памяти тот день последнего кормления, ту последнюю райскую курицу, уплывающую под взглядами детей в жующий рот народного артиста... и говорил, наконец:

– Нет. Не он!

1.2. Вадим Ткаченко (муж Ренаты)

(Иерусалимский Журнал № 31, 2009 г.)

1.2.1. В гостях у Б. Заходера

В ней никогда не было зависти к успехам других, мелочных расчётов (в духе: вы нам – пароходик, а мы вам – паровозик). Однажды, в самом начале их знакомства, будучи в гостях у Бориса Владимировича Заходера, она разразилась смехом, услышав его строчки:

*Никакого нет резона
На дому держать бизона,
Ибо это жвачное –
Грубое и мрачное.*

Борис Владимирович, по-видимому, заподозрив желание ему понравиться, спросил Реночку: «А чем это вы так восторгаетесь?» И услышал в ответ скорее всего неожиданное для него: «Я просто представила себе, как должен был обрадоваться человек, когда он придумал такие строчки». Б.В. немедленно нашёлся: «Галя! – закричал он жене, – скорей иди сюда и послушай, что она говорит! И налей ей ещё одну тарелку супа!»

Вариант. Из рассказа ведущей «Эхо Москвы»

М. Пешковой

Рената Муха приехала к Борису Заходеру, это было в самом начале тех самых лет, когда она начала писать. Она ему прочитала свои стихи, мэтр чуть морщился. Но потом, прочитав одно из стихотворений, он закричал: «Галя, налей ей ещё тарелку супа», в такой восторг пришёл писатель.

1.2.2. «Извините, пока что не могу»

Реночка была истинно добрым, душевным человеком, но не добреньким и всепрощающим. С очень немногочисленными знакомыми, которые незаслуженно и серьёзно обидели её или её друзей, она умела расставаться навсегда, а случайным обидчикам умела давать отпор на месте. Вот один из таких случаев, происшедших во время её лечения в Онкологическом центре АМН в Москве, медицинском заведении, с которым было связано много надежд и много тяжкого в жизни лечившихся в нём людей.

Дело шло к концу дня, принимавший врач устал от потока больных, прошедших через него, ожидавшие больные устали от мыслей о своей судьбе. Когда подошла её очередь, Реночка замешкалась на входе в кабинет, на что врач разразился тирадой, смысл которой сводился к обычному совковому **«Вас тут много, а я один!»**

В ответ она сказала: **«Выслушав вас, доктор, можно подумать, что болеть раком легче, чем его лечить. Так это не так»**. Врач вначале опешил, потом буркнул стандартное **«Извините»** и получил вполне заслуженное: **«Пока что не могу»**.

1.3. Из бесед Ренаты Мухи

с Лиорой Ган (Полина Капшеева)

1.3.1. Storytelling, что в переводе на русский – «сторителлинг»!

– *А наши общие знакомые рекомендовали тебя как приличного человека. Еще с уважением именовали тебя «профессиональным травилкой».*

– Очень обидные и очень неправильные слова. Дело в том, что рассказчик – это не профессия, а призвание, к которому почему-то нас не приучили, почему-то в СНГ такого нет.

– *А Ираклий Андроников?*

– Он чудо, но для того явления, о котором говорю я, его рассказы слишком гладки, отполированы, отшлифованы. Не хватает спонтанности или, по крайней мере, впечатления спонтанности.

– *Что же это за такое редкое явление?*

– А всё просто: собираются люди, которым хочется что-то рассказать, – вот они и рассказывают.

– *Ну, такое часто можно наблюдать во время застолий. И поучаствовать можно.*

– Правильно, в нашей бывшей стране это начиналось с застолий. И тут же заканчивалось. В других же странах проходят фестивали рассказчиков, работают кружки, выпускаются специальные журналы. Впервые собираясь в Америку, я думала, что там устным рассказом занимается, наверное, целая тысяча человек. Но оказалось, что разве только тысяча американцев этим не занимается – все остальные рассказывают байки.

– *И это так и называется – «устный рассказ»?*

– Когда я впервые в России писала в «Учительской газете» статью на эту тему, мне пришлось обогатить русский язык новым словом. Пожалуйста, продаю для будущих биографов: storytelling, в переводе на русский – «сторителлинг». А что такое, чего хихикаешь? «Бодибилдинг» есть – а это чем хуже?

– *Но чем тебя не устраивает словосочетание «устный рассказ»?*

– Да не рассказ это, а рассказывание, в котором главное – не результат, а процесс.

– *А чем тебя не устраивает словосочетание «профессиональный травила»?*

– Несочетаемостью. Получается (прошу тебя помнить, что я всё-таки – доцент лингвистических наук) оксюморон.

– *Ой!*

– Ага! В словарь полезешь или рассказать?

– *Полезу в словарь, а ты расскажи.*

– Это когда определяемое слово с определяющим находятся в полном противоречии. Например, «живой труп». Так вот, «профессиональный травила» – и есть этот самый... повтори, пожалуйста!

{– Оксюморон [греч. – «острая глупость»] – термин античной стилистики, обозначающий нарочитое сочетание противоречивых понятий. Пример: «Смотри, ей весело

грустить/Такой нарядно-обнаженной» (Ахматова). Из Википедии. В.С.}

– Молодец, хорошо. Давай зачетку.

– *Я, между прочим, филфак закончила!*

– А что, у вас в Запорожье оксюморон не проходили?

– *Эка невидаль: стилистическая фигура, сочетание противоположных по значению слов (мое, кстати, определение поточнее твоего будет). Правда, в то время, когда мы это проходили, я занималась «сторителлингом» в курилке под лестницей.*

1.3.2. Комрад Смирнов и Мистер Браун

Поступив на английское отделение факультета иностранных языков Харьковского университета, я приготовилась к тому, что все будет хорошо и интересно: новые слова, новые книги, герои... Но меня ждала встреча всего с двумя героями. Если ты изучала английский язык, то тоже, наверняка, должна их знать: комрад Смирнов и...

– *Мистер Браун!*

– Точно. Эти двое кочевали из учебника в учебник. Комрад Смирнов, был, в зависимости от профиля вуза, то шофером, то строителем, то инженером, но всегда женатым на враче – члене партии, у них всегда было двое детей: девочка-отличница, мальчик-отличник. А мистер Браун, в отличие от комрада Смирнова, работал... Кем мог работать мистер Браун в учебнике иностранного языка?

– *Ой, не помню.*

– Стыдно! Мистер Браун во всех учебниках неизменно работал безработным. И если комрад Смирнов всегда жил в современной комфортабельной квартире со всеми удобствами, то мистер Браун квартиры не имел, посему и ночевал на скамейках в Гайд-парке – это уж обязательно. Надо тебе сказать, что когда много-много лет спустя я попала впервые в жизни за границу, и именно – в Лондон...

– *Хочешь сказать, что встретила с мистером Брауном?*

– Почти. Я приехала туда по приглашению, и пригласившая меня дама сказала на присущем ей

английском языке: «Ты можешь делать что угодно, жить здесь сколько хочешь, ездить куда глаза глядят. Прошу об одном: не смейся так громко, как ты это делаешь обычно». Я пообещала, но слова не сдержала, что бывает со мной редко. В какой-то из дней я поехала вместе с уважаемыми англичанами в двухэтажном автобусе на прогулку по Лондону. Всё было нормально, вела я себя хорошо, ни к кому не приставала. Но когда мы приехали в Гайд-парк, где на скамейках обычно ночевал безработный мистер Браун... Бедные попутчики-англичане... Почему я так громко смеялась, как ты думаешь?

– *Понятия не имею.*

– В Гайд-парке, во всяком случае, в том месте, куда нас привезли, не было скамеек.

– *Рената, с твоими очаровательными «сторителлингами» мы забудем, о чем говорили.*

– А нечего было со мной связываться.

Ладно, возвращаемся в университет. Тексты были ужасно нудными. Мы их читали, переводили, отвечали на вопросы, меня же к концу первого семестра занимал только один вопрос: а что я вообще тут делаю? При своей хорошей памяти я совершенно не могла запомнить ничего, включая количество комнат и качество удобств в современной квартире комрада Смирнова. Я даже собралась уйти. И вот в один день, который я с полной серьезностью называю счастливым днем своей жизни, мне попала маленькая английская адаптированная книжечка. Я ее открыла наугад – и прочла: «Слушайте, слышите и понимайте, потому что это было и случилось, и произошло, когда все домашние животные были дикими. Но самым диким из всех диких животных был кот, который, размахивая своим диким хвостом, ходил по мокрому лесу сам по себе», – узнала?

– *Естественно.*

– И вот я, которая не в состоянии была удержать в памяти двух фраз про мистера Брауна, прочитав рассказик, запомнила его весь – и почувствовала непреодолимое желание с кем-нибудь немедленно поделиться этой историей. Я выскочила в коридор в поисках первого встречного, которым оказался студент математического

отделения Володя Мацаев по кличке Мац. «Мац, – сказала я ему, – хочешь, сказку расскажу по-английски?» На это он мне ответил: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я с английского только что сбежал, а от тебя и подавно уйду», – и пустился бежать. Но я его догнала, схватила за рукав и начала по-английски: «Слушайте, слышите и понимайте...» Знаешь, Мац перестал сопротивляться – и дослушал сказку до конца. И всё понял, хотя я ни слова не перевела. И очень скоро по университету пошла обо мне слава как о человеке, который рассказывает английские сказки по-английски, да еще и так, что это понятно окружающим. Приходили ко мне слушать эти несколько киплингеских сказок студенты с разных факультетов.

– *И все немедленно заговорили по-английски?*

– Чудес не бывает, но относиться к языку они стали лучше. И ко мне – тоже. Один из них даже на мне женился, но самое обидное в том, что тот, который на мне женился и до сих пор женат, знал английский язык еще до встречи со мной. Вот так я начала собирать истории, которые мне хотелось рассказывать. Потом, окончив вуз, я училась в аспирантуре, работала на факультете иностранных языков. И когда у студентов возникали трудности с каким-то временем, определенным артиклем или пассивным залогом, я говорила: «Сказку хотите?» Рассказывала им сказку по-английски, они ее понимали, и, самое интересное, у них исчезали проблемы с артиклем и залогом. Хочешь – смейся, хочешь – нет, но получилось так, что использование устного рассказывания в обучении иностранному языку придумала я. Советник Британского совета мне сказал:

– Боже мой, идея давно витала в воздухе, но чтобы русские до этого дошли...»

– *То есть, ты – первая в мире?*

– Сколько там того мира?.. Уточним: не знаю, кто этот метод первым применил, но писать о нем начала я. Про мою методику узнали англичане и пригласили меня в Англию для исследований по этой теме. Тут же я получила приглашение в город Эксетер на международную конференцию преподавателей иностранного языка. Случилось так, что я приехала позже, обо мне объявлено не

было, и на уроке, где я демонстрировала свои приемы, было немного людей. Но выступление удалось, после него ко мне подходили люди и спрашивали, где можно еще услышать мои рассказы. Тут оказалось, что вечером того же дня состоится фестиваль рассказчиков, меня пригласили выступить, и я очень быстро оповестила всех желающих. Фестиваль проводил Эндрю Райт, знаменитый педагог, писатель, художник и, как выяснилось, – рассказчик. В зале сидело человек сто, рядом с Эндрю было пустое место, которое занимал очередной выступающий. Перед началом Райт предупредил:

– Никаких чужих и учебных историй. Только – личные.

Я даже не очень расстроилась: мне просто стало совершенно ясно, что никакими силами, никогда и ни по какому поводу меня не заставят выйти, сесть перед этой сотней англичан, чтобы рассказывать им личные истории. Да не было у меня никаких личных историй! Я успокоилась, немного пожалела, что придут какие-то люди меня слушать – и не услышат, но злорадно подумала, что Райт каждого нового рассказчика сейчас будет тянуть за язык. Ничего подобного. Постоянно в кресле рядом с Эндрю оказывался очередной доброволец. Я в этот вечер, совершенно забыв, где нахожусь и зачем я туда пришла, услышала несколько совершенно пленительных историй. В самом конце фестиваля Эндрю Райт посмотрев на часы и опустевшее кресло рядом с собой, сказал:

– Так, а что насчет этой русской дамы? Где Рената?

Я услышала какой-то хриплый крик: «No!» – это кричала я. Но Райт так призывно на меня посмотрел и сказал:

– Ну, Рената.... Показал на это пустое кресло, а я подумала: «Боже мой, Британский совет заплатил за меня, за эту поездку, за эту конференцию, за эту гостиницу, я пригласила людей – и они услышат только это дурацкое: «No!» И я поднялась, буквально вытянув себя за шиворот, со своего места. Десять шагов, которые я проделала до этого пустого кресла, были, наверное, тяжелее, чем десять шагов Жанны Д'Арк до костра. В голове не было ни одной мысли.

Я шла и приказывала каким-то своим воспоминаниям: «Так, сами разбирайтесь: я ничего не знаю». В общем, надеялась на чудо. А чудо, видимо, надеялось на меня. Я села в это кресло, а англичане смотрели на меня нехорошо. Хотя это было уже время перестройки, и к русским относились нормально, но уж никак – не в качестве рассказчиков.

И что она нам расскажет? – думали англичане, глядя на меня холодными стальными английскими глазами. И я начала с самого начала. Рассказать?

– Только, пожалуйста, по-русски.

– Хорошо. Слушайте, слышите и запоминайте.

1.3.3. Путешествие с рабом

(Сказка, рассказанная англичанам)

Когда-то Антон Чехов писал, что у него было трудное детство, и потом всю последующую жизнь он по капле выдавливал из себя раба. Я очень часто вспоминаю эти чеховские слова...

Впервые за границей... До этой поездки я совершенно официально входила в число невыездных людей. Никаких шансов поехать не было, и я договорилась с самой собой, что нет вообще никакой заграницы. Но вдруг – приглашение Британского совета. Единственное, что требовалось от университета, – купить мне билет в Лондон. И я впервые в жизни отправилась в иностранный отдел, который занимался поездками и явно чем-то еще. Благодаря перестройке в иностранном отделе, моей поездке не сопротивлялись. Мне сообщили, что заказан билет в бизнес-класс. Я много путешествовала по Союзу – в поезде, на лодках, на лошадях, пешком, но в самолетах летала всего пару раз: в Одессу и обратно. Что такое бизнес-класс, хорошо это или плохо, – я не знала. Но само слово «бизнес» у нас в стране приобрело отрицательную коннотацию. Я взяла этот билет, не задав никаких вопросов (ты можешь удивиться, почему я не спросила в иностранном отделе, что такое бизнес-класс. Объясняю: иностранный отдел – не то место, где нужно задавать вопросы. Наоборот, желательно постараться, чтобы их не слишком много задавали тебе).

Я пошла домой заниматься делом, ставшим для меня последние два месяца привычным: волноваться. Обо всем на

свете: кому чего повезти в подарок, что с собой взять, и вообще... Муж моего волнения не одобрял чрезвычайно. Вообще мой муж все во мне не одобряет. Я даже думаю иногда, что он женился на мне именно для того, чтобы иметь постоянный повод для неодобрения. И в этот раз он орал, чтобы я, получившая такое престижное приглашение, прекратила нервничать и чтобы немедленно выдавила из себя раба. В назначенный день я пришла в аэропорт с четырьмя чемоданами. В этом месте впервые раздался хохот. Теперь-то я знаю, что главное удовольствие для иностранца, едущего хорошо проводить время, – тащить с собой поменьше барахла. И дальше в рассказе пошел двойной план, такое шизофреническое раздвоение ситуации. Продолжаю.) «...Пришла с четырьмя чемоданами, четырьмя бутылками водки, четырьмя килограммами сыра, четырьмя метрами колбасы», – тут слушатели уже не смеются, а просто лежат на полу. Вот они смеются, а что бы в этом месте, как ты думаешь, спросил советский человек?

– *«А чего так мало с собой взяла?» Рената, пожалуйста, не отвлекайся. Что было дальше? И – при чем тут раб?»*

– Дальше я рассказываю англичанам. Оказалась я, наконец, в своем бизнес-классе с одной сумкой, остальное все в багаж сдала, а надо вам сказать, что денег английских у меня с собой не было ни копейки. В смысле, ни пенса: меня должны были встретить в аэропорту Хитроу и обеспечить необходимым. Зато у меня было целых четыре тысячи рублей – именно столько тогда меняли. Я села в свое кресло, и раб внутри меня чего-то начал гундосить, спрашивая, что делать, если что-то придется покупать. Я его успокоила, заверив: ничего покупать мы с ним не будем.

Летим, сию, в окошко смотрю, на бизнесменов – боюсь: отрицательная коннотация, помните? Вдруг слышу стук колес. Поднимаю глаза – стоит стюардесса со столиком на колесиках, а на столике... бутылки, бутылки, бутылки! Да я сроду таких не видела: зеленые, красные, синие, длинные, короткие, разноцветные, чем-то перевитые. Она мне по-английски: – «Виски, коньяк, шампанское?» Кричу: «Нет!» – а раба успокаиваю: «Да не бойся ты, что я, ненормальная?»

Она мне: «Сухое вино, красное, белое; сок апельсиновый-лимонный-грейпфрутовый?» Я: «Нет, нет, нет!» – даже охрипла. Тут она мне предлагает последнее: минеральную воду – и я как-то срываюсь, решив, что за минеральную-то воду меня не повесят. С удивлением слышу собственный голос, произносящий: «Yes». Стюардесса, по-моему, удивилась больше меня, но открыла мне бутылку минеральной воды, которую я, отмахнувшись от раба, выпила без всякого удовольствия. Жажда не прошла, настроение испортилось, продолжаю смотреть в окно. При этом успокаиваю раба: «Всё, всё. Раз сорвалась, но больше... Не волнуйся». Посидели мы так с рабом минут пять – стук колес. Передо мной опускается столик с двумя подносиками, а на них я вижу вещи, которые в то время могла найти только в словаре. Как сейчас помню: четыре сорта ветчины, один из которых оказался колбасой, два сорта сыра, два цвета икры в двух половинках одного яйца. Я, конечно, рабу обещаю: «Ничего не бойся: все будет хорошо». Ну, посмотрела я на эту ветчину-колбасу, ну, понюхала – а что, нельзя? Короче говоря, когда я в очередной раз повернулась от окна – пустой был подносик. Съела... Мы скинули с рабом уже оба: одно дело – минеральная вода, другое – четыре вида колбасы и двух цветов икра. Когда стюардесса подошла ко мне в следующий раз с этими ненавистными колесиками и спросила: «Мясо, цыпленок, рыба?», – я твердо решила, о чем и рабу сообщила: пусть посадят, так хоть нажрись перед этим. Правда, выбрала то, что считала самым дешевым блюдом меню: рыбу. (В этом месте моего рассказа все сто англичан опять со смеху упали со стульев на пол: рыба-то в Англии дорогая). Я думала: мойву дадут жареную, а привезли осетрину. Но к концу этого обеда вдруг начала во мне какая-то сумасшедшая надежда шевелиться. Я уже рассмотрела этих бизнесменов, которые пили далеко не минеральную воду и уж больно спокойно все поедали, и появилась у меня в мозжечке дерзкая мысль: «А вдруг это всё – бесплатно?» И тут так тошно стало... Господи Боже, первый и, скорее всего, последний раз в жизни еду за границу этим самым бизнес-классом, и уже привалило

счастье: и икра, и ветчина – и то не сумела воспользоваться. Но я сказала рабу: «Знаешь что? Если еще что-нибудь принесут – все возьму. И вот не лезь, понимаешь?» Между прочим, принесли. Черный кофе, которого мне нельзя, и черный торт, который ненавижу. Из вежливости что-то по тарелке размазала и с тяжелым сердцем повернулась к окну. Лететь еще минут сорок – все уже, думаю.

Нет, не все. Опять слышу стук колес. Поднимаю голову (чего мне уже терять-то?) – стоит стюардесса, у нее на столике дикой красоты бутылки водки, горлышки которых обвиты янтарными ожерельями. Сейчас я объясню, почему это меня привело в такой экстаз. В Англии у меня к тому времени уже были знакомые, и хотели-то они от меня в подарок именно водку и янтарные ожерелья. Водки четыре бутылки, как известно из предыдущего изложения, я купила, хотя надо было мне гораздо больше, а ожерелий не достала. Я сказала рабу: «Вот тут-то мы отыграемся! Молчи теперь». Помню, что в правой руке у меня была книга, но я почему-то не догадалась ее отложить, а левой рукой через правое плечо схватила одну бутылку с ожерельем (бусы – для Рут, водка – для ее мужа Кристофера), протянула руку опять и цапнула вторую бутылку с ожерельем (для Лиз с женихом), потянулась в третий раз (подарю ожерелье Энн, у которой, правда, мужа нет, но есть брат, которого я не знаю, – для него бутылка). А потом вспомнила, что у меня нет янтарного ожерелья, и взяла четвертую бутылку: я давно мечтала о таких бусах, а водку кому-нибудь подарю. Тут стюардесса сказала, что с меня не помню сколько, но – фунтов. Всё наше общение до сих пор шло на хорошем английском языке, но сейчас я услышала свой голос, спрашивающий по-русски: «А рублями нельзя?» И стюардесса вдруг тоже перешла на русский: «Вы шо?» – и покрутила пальцем у виска. И медленно и так же неловко я поставила назад бутылку с ожерельем для Рут и водкой для ее мужа, и бутылку с ожерельем для Лиз и водкой для ее жениха, и бутылку с ожерельем для Энн и напитком для ее брата, и последнюю, с ожерельем для себя и водкой для кого-то... А через двадцать минут мы уже были в аэропорту Хитроу, в зал которого я вошла с четырьмя чемоданами,

четырьмя метрами колбасы, четырьмя бутылками водки и рабом внутри себя.

Мне до сих пор непонятно, чему так смеялись англичане. Более того, наутро я проснулась знаменитой. За завтраком ко мне подсакивали люди, которые говорили, что ничего смешнее (смешнее!) они в жизни не слышали, что на следующей конференции, которая состоится в будущем году в Париже, для моих рассказов нужно выделить целый вечер (тут уже смеялась я). Те несколько месяцев, которые еще пробыла в Англии, я беспрерывно рассказывала о том, как рассказывала эту историю. И, знаешь, неожиданно оказалось, что мое рассказывание почему-то интересно, по крайней мере, англичанам. Позже выяснилось, что – не только им. Я даже принимала участие в Международном фестивале рассказчиков, но это опять отдельная история. По-моему, очень интересная, но длинная.

1.3.4. Зубы и Рот

– Рената, ты буквально напичкана историями. А любимая есть?

– Знаешь, в Бостоне у меня брал интервью прекрасный журналист Леня Песок – и задал тот же вопрос. Я сказала тогда, а сейчас повторяю, что эта история не моя, а моего друга Фимы Бейдера. Фима родился в Одессе. Думаю, что в Израиле не надо рассказывать, насколько это особенный город. Как и не надо рассказывать, что одесситы очень любили частное обслуживание и торговлю задолго до всех этих приватизаций. Поэтому, например, если надо было постричься, шли не просто в парикмахерскую, а к кому-то, у кого была знакомая парикмахерша. А если надо купить спички, то незачем ходить в магазин: отправлялись к кому-то, кто в магазине покупал спички, перепродавал – и на этом делал маленькое дело. Ну и, конечно же, с врачами – то же самое... Однажды Фима Бейдер, тогда еще очень молодой человек, сидел с кем-то в кафе, разговаривал, ел мороженое и машинально расшатывал беспокоивший его зуб. И вдруг обнаружил, что нечаянно его вырвал. Он ужасно испугался и с этим зубом в руке помчался к знакомому зубному врачу. Знакомый дантист был знакомым врачом не только Фимы

Бейдера – в приемной сидела целая очередь. Фима же, размахивая зубом, стал ломиться в дверь кабинета, а другие больные начали кричать на одесском языке. И тогда вышел врач и сказал: «Ша, шо такое? Шо тут происходит? Вус титсах?» Фима Бейдер ответил: «Они черствые люди: я вырвал зуб – и не знаю, что мне делать». Врач ответил: «Я вам скажу, что надо делать: идите ко мне в помощники». Фима попытался разъяснить: «Нет, вы не понимаете: я сам себе зуб вырвал». Врач ответил: «Тогда, молодой человек, я сильно извиняюсь – вам надо работать самостоятельно». И вот, рассказав в Бостоне эту чужую историю, я вдруг вспомнила свою. В каждом городе есть замечательный остряк, который острит всегда, безошибочно и на самом высоком уровне. И у нас был такой – Яков Михайлович Гордон, пусть земля ему будет пухом. Каждая его острота могла обогатить любую эстраду. Единственный недостаток – Яков Михайлович слишком много их всегда произносил. В день, о котором идет речь, я очень спешила: опаздывала на телевидение, а до этого мне надо было забежать к Якову Михайловичу за какой-то книгой. Я позвонила в дверь, он открыл, я выпалила, что спешу, он дал мне книжку и – остроту, остроту, остроту... Гордон был намного старше меня, прервать его казалось неудобным. Я подышала сразу со смеху и от ужаса: опоздать на телевидение – это, знаете... Вдруг хозяин на мгновение остановился, чтобы перевести дух, – и я «встряла»: «Ну, я пошла. Закройте за мной рот». Только внизу я сообразила, что произнесла.

Так вот, я в Бостоне рассказала Лене эти две истории и предложила выбрать. Подумав, он спросил: «А третьей нет?»

1.3.5. Я всех люблю и мне всех очень жалко».

– Твои персонажи неизменно вызывают сочувствие:

«Едят ли Дятлы Червяков?» –

Спросил Червяк.

И был таков.

Да любое возьми:

«По-моему, уже не та я»,

–Сосулька прошептала, тая.

И что это они у тебя такие несчастные?

Дочка моих друзей, прелестная тихая еврейская девочка Сашенька, росла очень грустным ребенком. Однажды ее спросили о причине грусти, и она ответила: «Я всех люблю, и мне всех очень жалко». Вот и я всех люблю, и мне всех очень жалко. Иногда встречаю какое-нибудь слово и немедленно начинаю его жалеть: «Какое бедное слово – оно никогда не бывало в стихах». Это же несправедливо: другие слова – в стихах, а оно – нет. И тогда я сочиняю стихи с этим словом.

Дополнение из беседы с Полиной Лимперт

– У меня любовь ко всем животным. Но у нас дома не живет никто, и вот по какой грустной причине: когда мне было три года, мне купили птичку, и эта птичка умерла. Горе было такое большое, что до сих пор боюсь опять его пережить. Я, как все нормальные люди, к животным отношусь хорошо, но, в отличие от многих нормальных людей, мне кажется, что я иногда их понимаю. Иногда у меня бывает такое чувство, что вот кошка мяукает, а дерево скрипит – вроде они мне жалуются. Но это я наполняю эти звуки содержанием.

А бывает и по-другому. Недавно мы с мужем и нашим другом ехали в машине. Я вышла – и в голове вдруг прямо-таки протанцевалось:

«Ну, дела, – подумал лось. –
Не хотелось, а пришлось».

Мои мужчины расхохотались. Я даже обиделась: «Чего смешного?» А муж говорит: «Ты ничего не понимаешь: это ведь жизненное кредо всякого настоящего мужчины». Теперь я использую эти строчки в качестве теста: засмеялся человек – значит, настоящий мужчина. Правда, несколько растерялась: многие женщины тоже смеются. И дети.

– У меня любовь ко всем животным. Но у нас дома не живет никто, и вот по какой грустной причине: когда мне было три года, мне купили птичку, и эта птичка умерла.

Горе было такое большое, что до сих пор боюсь опять его пережить. Я, как все нормальные люди, к животным отношусь хорошо, но, в отличие от многих нормальных людей, мне кажется, что я иногда их понимаю. Иногда у меня бывает такое чувство, что вот кошка мяукает, а дерево скрипит – вроде они мне жалуются. Но это я наполняю эти звуки содержанием.

1.3.6. Кстати, о детях...

– А как дети вообще реагируют на твои произведения?

– Как правило, если и смеются, – только в тех случаях, когда при них сидит взрослый. И еще очень радуются, когда встречается слово, принадлежащее к «страшилкам». Например, точно знаю: стихи

Чуть-чуть похудеть захотелось скелету
И он ради этого сел на диету –

неизменно вызывают у детей бурный восторг. Их мало волнует диета, но слово «скелет» – это да. Чтобы потрафить слушателям, мне пришлось развить эту тему и сочинить совсем уж детское стихотворение:

Шел скелет к скелету в гости
И стучал о крышку костью.

Можно похвалиться? Иногда достигаю такой головокружительной высоты, что читаю стихи – и дети уже смеются. Даже – без скелета.

– *Давайте перейдем к вашему детскому поэтическому творчеству...*

– Мы к нему перейдем с трудом, потому что я свое творчество не считаю только детским. Или не только детским. И вообще-то, ежели приглядеться, так оно и не детское. Я так и называю свои стихи – для бывших детей и будущих взрослых – это в шутку, но так оно и есть. И я так пишу не потому, что у меня такая точка зрения, у меня такая точка зрения потому, что я так пишу. Негоже отделять

взрослого от ребенка в период накопления поэтического багажа.

– *Я где-то читала, что все мы становимся безнадежно взрослыми, если теряем детскость своей души. Есть взрослые, которые не потеряли ее, и вы, безусловно, яркий представитель этого «племени», а есть безнадежно взрослые, которые давно забыли, как они были детьми.*

– Я с этим согласна. Более того, есть люди, которые еще в детском возрасте уже расправились со своей детскостью. А некоторым мамам, когда у них бывают проблемы со своими детьми, я советую подумать: «Так это же я в этом возрасте!». Не должна уходить детскость. Что значит – уходит детскость? Для этого надо определить это понятие: это благодарность окружающему, восторг перед ним и многое другое, что присуще людям в любом возрасте. Поэтому я не делю поэзию на детскую и взрослую. Тот же Маршак писал стихи и для детей, и для взрослых. А Заходер? Разве это – чисто детский поэт? Он продлил линию, которую начал Маршак. Я думаю, что чисто детским поэтом был Чуковский, когда он писал для детей. Но это не означает, что он не был интересен и взрослым.

– *Если говорить о больших именах, то узок круг детских писателей вообще и детских поэтов в частности. Чем объяснить, что вас так мало?*

– Эта ситуация объясняется, и вполне практическими причинами. В связи со всеми дефолтами издатели в течение многих лет не хотели рисковать и выпускали книги только известных поэтов. Многие писали детские стихи, причем очень хорошие стихи, но остались в тени по известным причинам. А года три назад издатели спохватились и начали искать уже современных детских писателей. Не верю я, что может литература и человечество отказаться от новых стихов для детей, потому что меняется восприятие. Незаметно, но когда-нибудь современных детей перестанут удовлетворять замечательные стихи, которые написаны давно.

**На эту же тему из программы В. Бейдера Персона
(2008 г).**

Б. – В. Бейдер; Р. – Рената Муха.

Б. Ваши стихи детские?

Р. Я уверена, что мои стихи не детские и не взрослые, а «всехние». Когда меня вообще спрашивают, кому я адресую стихи, да никому я не адресую, пишу до востребования.

Говорят, это Маршак сказал, что стихи надо проверять дважды. Один раз, если стихи нравятся только взрослым, то это недетские стихи, если стихи нравятся только детям, то это возможно и вовсе не стихи. А если стихи нравятся детям и взрослым, то это правильные стихи.

Б. Вы для кого пишете, Вы на ком-то проверяете?

Р. Я проверяю, конечно, Я проверяю на своем муже, который, ну не поэт, моего мужа зовут Вадим. Потом я проверяю на своем соавторе. Его тоже зовут Вадим. Можно было бы различать по отчеству, но они оба Вадим Александровичи. Они оба в очках и оба не очень кучерявые (показывает). И когда студенты спросили, как же Вы все-таки их различаете, я ответила, что не всегда их различаю. Ничего плохого не имела в виду. Хохот был ужасный. Я проверяю на муже, я проверяю на соавторе, если он где-то под рукой. И я проверяю на детях, не только потому, что они очень хорошие судьи, они говорят правду, они любят говорить неприятную правду.

Б. Они говорили когда-нибудь такую правду?

Р. Да, ну я не знаю приятную или неприятную. Я написала стихотворение

На вершине два Орла

Пили прямо из горла.

Моими слушателями были два ученика Миша и Анатолий. 6 лет и пять с половиной. Младший спросил: Что это прямо?

Не прямо, она сказала пепси
И в книжку вошло стихотворение:
На вершине два Орла
Пили пепси из горла.

1.3.7. «Слишком автобиографично!..»

Одно стихотворение сослужило несколько странную службу в моей жизни. Однажды в Москве, Дина Рубина пригласила меня и назначила мой вечер, я очень хотела встретиться с людьми, но я очень люблю и умею болеть, и я заболела, и ко времени вечера заболела совсем, у меня очень сильно начала болеть нога, но совершенно не поэтому стихотворения я не пишу, они ко мне приходят или не приходят, но в этот раз пришли такие четыре строчки:

*Простое предложение лежало без движения,
И ждали продолжения внизу пустые строчки.
– Какое продолжение? – сказала предложение, –
Вы что, не понимаете, что я дошло до точки?*

И тут позвонил мой муж, который имеет две формы – если ему нравится, он говорит «нормально», а если не нравится, он говорит «надо поработать». Но он позвонил из Израиля, и я говорю ему: «*Простое предложение лежало без движения...*», и муж сказал: «Слушай, это кажется, гениально, да?» «Нет, говорю, – это не гениально», но решила, что на следующий день я, наверное его прочитаю, но когда встала, я не встала, потому, что у меня уже очень сильно болела нога, мне принесли палочку, и я пошла на это выступление, прихрамывая, но очень веселая, там более, что пришло много народу, много знакомых и было очень славно, и поскольку, все все-таки с испугом смотрели на мою палочку, я решила брать быка за рога, решила, что сразу прочту это мое веселое стихотворение, и говорю, вот вчера, у меня случилось стихотворение, и прямо вам его прочту, и читаю про простое предложение, и в конце, как опытный оратор, останавливаюсь и жду взрыва смеха ...нет, нет, но вижу несколько кулаков, которые почему-то трут скулы, я свои права решила отстоять и говорю: «Подождите, я вообще-то вам прочтала смешное стихотворение, может быть, я плохо прочтала?» И я читаю его выразительно, медленно, еще раз. И тогда уже не один кулак поднимается, а несколько, и трут уже не одну скулу, а много. Я говорю: «Так смешное же!» И поднялась дама, и сказала: «Слишком автобиографично!»

1.3.8. Автор широко известен, а произведений нет

Но мы с тобой, между прочим, так и не выяснили: почему народ так ждал выхода «Гиппопоэмы»? Как ты думаешь?

– Ну, мать, тут без байки не обойтись. Как тебе уже известно, я долгое время являлась автором одного единственного стихотворения.

– *Про ужа? Вспомним:*

Бывают в жизни чудеса –
Ужа ужалила Оса.
Ужалила его в живот,
Ужу ужасно больно.
Вот.
А доктор Еж сказал Ужу:
«Я ничего не нахожу,
Но все же, думается мне,
Вам лучше ползать на спине,
Пока живот не заживет.
Вот».

– Всё правильно. Вадим Левин, возглавлявший нашу, знаменитую не только в Харькове, литературную студию, вечно надо мной издевался. Заставлял читать «Ужа», потом просил почитать что-то еще и в финале неизменно подводил итог: «Известный поэт, а ничего не пишет». Травля продолжалась очень долго... На десятилетие студии мы пригласили англичанку мисс Энн Нэпп, блестяще знавшую русскую литературу и язык. Кроме всего прочего, она слышала традиционный монолог Левина, после чего вышла к трибуне. «Я хочу вам сообщить, что Западный мир сейчас переживает литературную сенсацию. В течение многих лет все зачитывались детскими романами, фамилии автора которых никто не знал: он скрывался под псевдонимом. Недавно этот человек умер, а псевдоним так и не раскрыт... Я никогда не думала, что, приехав в СССР, встречу с обратной ситуацией: автор широко известен, а произведений нет».

1.3.9. Мой любимый литературный жанр – давать интервью

– Мой любимый литературный жанр – давать интервью. До сих пор я себя считала жуткой оригиналкой, но вчера меня познакомили с девочкой, у которой излюбленный жанр – заполнение анкет.

– *Почему ты вдруг заговорила о жанре интервью?*

– Потому что интервьюеры всегда шли ко мне с установкой: чтобы было смешно. Мне все время хотелось дать несмешное интервью.

– *А что вообще говорят о Вашей книге?*

– Разное. Самый распространенный отзыв: «Шикарная книжка! Такая бумага, такая обложка, такие рисунки». Отзыв более квалифицированный: «Особенно понравились предисловие Эдуарда Успенского и послесловие Игоря Губермана».

– *Самое время спросить: про что книжка-то?*

– Ох, и вопросик... Наверное, опять же, про то, что всех надо понимать и всем надо сочувствовать. Про то, как грустить улыбаясь и улыбаться с грустью. Еще про то, что времена и ситуации меняются, а что-то вечное остается неизменным. А еще – про мою жизнь.

– *Жизнь свою считаешь счастливой?*

– Безусловно. Даже обижаюсь, когда в этом сомневаются.

– *Не любишь, когда тебя жалеют?*

– Когда грамотно жалеют – через моих Тараканов, Червяков, Жаб, – еще как люблю! Но когда считают мою жизнь несчастливой – ну уж нет! Разве не счастлив человек, который сохранил друзей с молодости и приобрел новых? Человек, у которого установились доверительные отношения с вещами, зверями и явлениями природы?

– *Считаешь, что твои стихи смешные?*

– Как раз я-то не считаю. Но многие почему-то считают... Вот ты слушаешь – тебе становится смешно?

– *Мне становится хорошо.*

– Спасибо, лучше не скажешь. Иногда, проводя много времени с детьми, замечаю, что им становится если и не хорошо, то – лучше.

– *Какая профессия, кроме той, которой вы владеете, Вас привлекает?*

– Голубчик, это несчастье моей жизни, у меня четыре профессии, и они меня все привлекают, и в какой-то степени я их привлекаю, выбора я сделать не могу, потому что преподаватель, переводчик, рассказчик, и вот поэтому, можно, я уже не буду привлекаться ни к какой профессии?

1.4. Марина Бордицкая. Круг чтения в эвакуации

(из радиопередачи на «**Эхо Москвы**» Памяти поэта Ренаты Мухи. 29.08.2009)

<http://www.echo.msk.ru/programs/children/615676-echo/>

Абсолютно был солнечный человек, я не в юности с ней познакомилась, я была уже постарше. Но абсолютно был солнечный человек. У нас есть такая передача «Литературная аптека», и мы её туда пригласили. И как обычно, мы своих приглашённых людей мучаем по поводу книжек, которые они читали в детстве и в отрочестве, и находили их лечебными и целебными. Она рассказала такую потрясающую историю. Всё это просто встаёт у меня перед глазами. Когда увозили в эвакуацию, и она была ещё девочкой, и ей удалось схватить две книжки, нельзя было брать никакой вес, потому что вес был сильно ограничен, но она каким-то образом протащила эти две книжки, первые, которые она хватанула дома, и они попали с ней в эвакуацию. Это были её два основных сокровища. А в эвакуации, это я знаю ещё по рассказам собственной мамы, было ужасно тесно. И люди, я вот свою детскую метафору так и представляю. Эвакуация это то, где люди спят на столе, под столом на сундуке, в сундуке. А Рената спала под кроватью. И вот там под кроватью было её место. Мы с ней смеялись на этой передаче, как есть Алиса в зазеркалье, так у нас Рената в Подкроватье. И две эти книжки были, одна «Тарас Бульба» а вторая Яна Лари замечательного, книжка, которая в 1937-м году как раз вышла, «Приключения Карика и Вали». Она потом у меня в детстве тоже была, я даже не знала, что она уже до войны тоже была. И вот эти две книжки она читала и перечитывала под кроватью, и обе эти книжки были для неё каким-то лечением, убегом в чужую жизнь, каким-то бомбоубежищем, как обычно, книжки

бывают такие разные. И вот под кроватью она лежала, их читала, и выучила их в конце концов, наизусть. Вообще замечательные совершенно, эти её крошечные вещи, опирающейся на какой-то английский весёлый абсурд.

1.5. Из беседы Ренаты Мухи с Полиной Лимперт.

Вдвоем писать трудно, но...

Трудно представить, что стихи можно сочинять вдвоем. Но вы это делаете, и больше всего – с Вадимом Левиным, вашим постоянным соавтором. Как это началось и как это технически происходит?

– Действительно трудно – писать стихи вдвоем. Вот об этом надо бы написать книгу, и даст Б-г, мы ее напишем. История нашего соавторства и забавна, и длинна, и трогательна, и дело не только в том, что у нас очень много совместных стихотворений, хотя у нас их действительно много. Дело в точке зрения, в какой-то совместно высеченной искре. Наше соавторство состоит в том, что мы одинаково слышим этот мир. Я себя называю переводчиком. Я «перевожу» то, что животные, или вещи, или дети воображают, – для всех. Так вот, мы с Вадимом близко владеем «техникой перевода». А что касается «техники соавторства», то, бывает, что он добавляет в стихотворение только одну строчку или даже одно слово, но это для нас – настоящее соавторство. И самое главное, наше сотрудничество с Вадимом вызвало к жизни новый жанр, которому я дала название, которым до сих пор горжусь, – «Начало следует». Дело было так. Когда я познакомилась с Левиным, он был уже известным, сформировавшимся поэтом, а я никаким поэтом не была и не собиралась быть.

Но у меня было одно стихотворение, а дальше я все придумывала строчки и звонила ему, а он говорил, что хорошо, дописывай. А я говорила – не могу, помоги. И он начал всюду меня представлять: «Рената Муха, которая называет себя поэтом, но, кроме двух строчек, ничего написать не может и бежит ко мне с криком – Вадик, помогай!» Слушала я это, слушала и сказала, что «если ты не бросишь издеваться, я буду писать просто двухстрочные стихотворения, и ты мне будешь не нужен». Он сказал: «Ну-

ну, попробуй!» И я придумала строчки, которые сейчас уже довольно известны:

Вчера крокодил улыбнулся так злобно,
Что мне за него до сих пор неудобно.

И:

Один осьминог подошел к осьминогу
И в знак уваженья пожал ему ногу».

И я их принесла Вадиму. И Вадим сказал: «Ого! Я эти две строчки тоже хочу писать». А я ему сказала: «Эти две строчки ты можешь не писать, я их написала». А тогда было время всяких кооперативов. Вадик мне сказал: «Тогда давай делать так: ты пиши две, а я припишу еще две, и мы это назовем – кооператив поэтов». Я послушно спросила: «А какие мне писать две строчки?» Он мне ответил: «Пиши последние, я первые напишу всегда!» Я пошла домой и уже по дороге поймала такую строчку:

И это для дятла такая наука,
Что он никуда не заходит без стука.

Это – конец, как вы видите. Я позвонила Левину, он это очень одобрил, сказал – работай дальше. Я говорю: «А начало?» Он сказал: «Не беспокойся! Я вот освобожусь и закончу». Я пошла дальше придумывать последние две строчки. Ну, не придумывать, а подслушивать у себя. И у меня стали появляться освобожденные две последние строчки:

Пожалуйста, я откажусь от короны.
А можно сначала доесть макароны?

И много еще чего было... А Вадик ездил, читал свои стихи, и руки у него никак не доходили написать начальные строки. И потом он сам сказал: «Слушай, это как-то неудобно. Ты пишешь, а я не успеваю. Давай будем выступать вместе, я так и объявлю, что это кооператив поэтов, мои слова еще не дописаны, я буду их стучать ладошами – тра-та-та-та-тра-та-та-та. А ты свои две строки

прочитаешь». И тут я сказала: «А название будет – «...Начало следует». И таким образом у меня уже на сегодняшний день набралось штук двадцать пять таких стихотворений, и я их не публикую – жду, когда человечество напишет первые строчки.

– *Но какие-то строки человечество уже придумало?*

– С первым – про дятла – произошел следующий эпизод. Однажды, лет пятнадцать назад, Вадим Левин выступал в ЦДРИ в Москве. Я там тоже была, это были его знаменитые встречи с родителями и детьми. Он позвал меня на сцену и сказал, что вот у нас такая история, Рената написала две строчки, а я никак не придумаю две первые, мы сейчас так и прочитаем. Я завопила: «Начало следует!», он прохлопал две первые строчки, а я прочитала остальные. Народ немного оторопел. Но в зале оказалась Вероника Долина, и она сказала: «Тоже мне проблема придумать две первые строчки», вышла на сцену, отодвинула меня и Вадима, и сказала:

С утра этот дятел сидел на столбе.

Соседи о нем донесли в КГБ.

И это для дятла такая наука,

Что он никуда не заходит без стука».

Вот тут мы с залом рухнули. Но вообще-то это такой жанр, что трудно дописать равноценное начало. Мне часто их присылают. Но шедевров среди них было совсем немного. Например, у меня было такое: «С тех пор он питается разными кашами. По-моему – так хорошо. А по-вашему?» К ним мой друг московский литератор Марк Зеликин написал такое начало: «С яслей ненавидел он манную кашу / И с этим покинул он Родину нашу». Лихо? Лихо!

2. Выступления на вечерах, радио, телевидении

2.1. Ашдод 7 февраля 2004 года

Запись вечера с Ренатой Мухой, который состоялся в Ашдод 7 февраля 2004 года. Редакция ИЖ сердечно благодарит Вита Гуткина за предоставленную запись (ИЖ 31 2009 г.).

Нам – Светлане и Александру Менделевым и мне – посчастливилось выступать с Ренатой Мухой на одной сцене... Вел вечер Марк Камцан. От этого концерта осталась старая видеокассета, и я иногда пересматривал ее, а сейчас смог сесть и просто как можно более точно записать её слова. Представляя Ренату, ведущий зачитал, правда, не без труда, с нескольких попыток, название её диссертации: «Синхронические и диахронические процессы в становлении сложной синтаксической конструкции прямой речи и транскоммуникативный характер ее предикативности». Вит Гуткин

2.1.1. Калоши

Я хочу вам рассказать, какую роль в моих литературных занятиях, или как говорят про себя живые люди, «творчестве» играет ...обувь. Дело в том, что когда я приехала в Израиль, то в течение лет шести не могла уйти от одной темы – потому что, когда меня приглашали, то естественно задавали один вопрос: «А как вы начали писать стихи?» или «Когда вы начали писать стихи?» Но тут я наострилась отвечать: «Я начала писать стихи поздно, а закончила рано», что чистая правда, но потом это все неизменно выходило на первое придуманное мною стихотворение; хорошо, что оно было такое короткое:

*Жили в одном коридоре калоши,
Левый – дырявый, и правый – хороший.*

Я много раз рассказывала это по телевидению, по радио, живьем, в разных странах, и теперь уже научила почти всех, что в этом стихотворении, в двух строчках, я сделала одну ошибку. Когда я спросила: «Хорошее ли это стихотворение?», мне ответила моя подруга – преподаватель русского языка: «Будет хорошее, когда исправишь ошибку! Слово "калоша" – женского рода». И много лет я не могла, и даже не смогла исправить это стихотворение, это сделал за меня мой друг, Ефим Бейдер, который подарил мне на день рождения такое стихотворение:

Жили в одном коридоре калоши,

*левый – дырявый, а правый – хороший.
Им бы гулять по дождливой погоде,
если стояли бы в правильном роде.*

От этих калош совершенно было некуда деться, потому что я начинала это рассказывать, потому что начинать-то надо сначала, а к тому времени, как эта трагедия с калошами заканчивалась, – заканчивалось и время, отпущенное на это. И я дала себе великую и серьезную клятву – я больше про калоши рассказывать не буду! Я, может быть, даже когда-нибудь это напишу, название у меня есть – «Неисправимые калоши»,

2.1.2. Туфли

*Все в комнате стихло, все лампы потухли,
Лишь ходят по кухне домашние туфли.
И шепчут в тоске, и вздыхают в обиде, –
Так что, мы на улицу так и не выйдем?
Стоим мы здесь месяцы, дни и недели,
И нас никогда никуда не надели.*

Достаю черновики со стихами, и они говорят мне: «Лежим мы здесь месяцы, дни и недели, нас никогда и нигде не опубликовали», и я начала торопиться и решила, что в первое же следующее выступление, а оно было за месяц до этого, расскажу что-то новое. Поскольку у меня было приглашение в Тель-Авив, и была очень дождливая погода, я решила, что обязательно расскажу это стихотворение про туфли, вспомнила про туфли и решила, что надо будет взять с собой туфли, так меня предупредили еще в Америке: «Что угодно можешь забыть, но туфли должны быть на каблуке!». Я взяла эти туфли на каблуке, сказала им: «Ну не плачьте, вот я вас сейчас надеваю», но были жуткие дожди, и поэтому я решила, что туфли пока положу в сумочку, а сама пошла в чем стояла, ну почти в комнатных тапочках. Мы пошли на вокзал, я имею в виду – мой сын и мой муж, мы все вместе ехали в Тель-Авив, а поскольку собиралась читать новые стихотворения, то положила в эту сумочку туфли и новые написанные стихотворения; положила все в

великолепную сумку и взяла ее. Тут подошел муж, который сказал: «Дай сумку». «Я старый турист, – сказала я, – человек должен сам нести свой груз и сам за него отвечать», но он поступил грубо, он сказал: «Я не позволю тебе нести эту сумку», он вырвал ее у меня из рук, и мы приехали на вокзал. Приехали на вокзал, подождали поезда, зашли в вагон, уселись, и я сказала: «Ну, дайте мне мою сумку, начну готовиться к выступлению». Он успел сказать: «А где сумка?», я успела увидеть, как на платформе остается сине-красно-желтая сумка, и в ней туфли на высоких каблуках, которые жаловались, что их никогда никуда не надели, и новый период творчества. Я вам уже сказала, что я старый турист и очень люблю владеть собой. Первое, что я сделала, – кинулась к дверям, а двери, первое, что сделали – закрылись, автоматически. Я начала владеть собой и получать удовольствие, потому что, честно вам скажу, больше всего я люблю, когда неправ оказывается мой муж! Который в большинстве случаев в нашей жизни оказывался прав. Поэтому я готова уплатить любую цену (правда, не такую, чтобы в комнатных тапочках выступать на концерте), чтобы он оказался неправ. И он оказался настолько неправ, что я ему об этом даже ничего не сказала. Муж побежал по поезду в направлении паровоза, не знаю, зачем... а я ему ничего не говорю, смотрю на него мягко и понимающе, он этого не видит, потому что смотрит в сторону, но за ним приходит какой-то человек и что-то у него спрашивает, он спрашивает: «Какого цвета сумка?». А у меня еще перед глазами эта платформа, на которой никого нет, и на длинной скамье – красно-желто-синяя сумка. И на этот вопрос мой муж, который волновался и еще немножко дальтоник, отвечает: «Сумка зеленая!» Но поскольку я привыкла, что он всегда прав, то раз сказал «зеленая», значит, так, наверное, надо. Этот человек позвонил по телефону; выяснилось, что он успел предупредить, чтобы не расстреляли мои туфли. Вы можете себе представить, они лежали-лежали, просили, чтобы их надели – и вот пожалуйста... Значит, полпроблемы было решено – туфли обещали не взрывать и не расстреливать, а стихи, что? Когда мы приехали в Тель-Авив, я вырвалась и побежала в первый

же магазин обуви, но он меня догнал, он уже забыл, как был неправ, и сказал, что мы не успеем. И вот, когда я пришла туда, начала думать мучительно, где и как я буду стоять, или сидеть, и если каким-то чудом меня не загонят на сцену, то ничего не скажу про туфли, а если загонят, надо будет объясняться. И было все очень хорошо, потому что поставили стол; я считала, что не очень видны мои тапочки, и начала что-то рассказывать, и начался крик: «Нет, ее не слышно, пусть идет на сцену». И тогда я покаялась, рассказала людям, что произошло, и объяснила им про туфли. Но когда мы приехали, нам не отдали эти туфли, потому что приказ был «Не расстреливать туфли из зеленой сумки», а она была красная, желтая и немножко синяя... Вот такое было стихотворение, и такой красной нитью проходит тема обуви через мое, как сейчас про себя говорят живые люди, «творчество».

2.1.3. «Нет, про Муху это все понятно, но Рената почему?»

По поводу фамилии... В какой бы аудитории я ни выступала, если есть время на вопросы, знаю, что первый вопрос будет обязательно такой: «Скажите, почему у вас такой псевдоним?» И тогда я отвечаю чистую правду: «Это не псевдоним, это моя девичья фамилия, от которой я с четвертого класса мечтала избавиться, потому что сочетание имени "Рената" и фамилии "Муха" меня в детстве уже доставало». Но особенно начало доставать, когда к нам в класс пришла учительница английского языка – Джульетта Спиридоновна. И я решила, что второй Джульеттой Спиридоновной я не буду. Моя мама сказала: «Пока я тебе ничем не могу помочь, подрастешь, найдешь мужа с подходящей фамилией». Поэтому я думала о том, чтобы найти мужа с подходящей фамилией – с четвертого класса; мне попадались подходящие фамилии, но они были не совсем подходящие мужья, или были подходящие мужья и подходящие фамилии, но я им не подходила, и мне пришлось согласиться в конце концов на мужа с фамилией Ткаченко. Рената Ткаченко, конечно, лучше, чем Рената Муха, но я – преподаватель английского языка, и после перестройки начала часто ездить в Англию и в Америку, и

вот тут я пожалела, что не оставила Ренату Муху, потому что ни один англичанин, ни один американец не может вымолвить сочетание Рената Ткаченко. А два года назад я была в Ленинграде, в книжном магазине ко мне подошел знакомый математик, которому кто-то подарил мою книгу, и сказал: «Моему сыну очень понравилась ваша книжка, он очень хочет с вами познакомиться, он тут». Это был хороший ребенок математика, хороший воспитанный мальчик, он сказал мне: «Мне очень понравилась книжка, я хочу задать вам вопрос, может быть вам на него будет неудобно отвечать. Почему у вас такой псевдоним?» И я рассказала ему всю эту историю про фамилию, мальчик слушал вежливо-вежливо и потом сказал: «Нет, про Муху это все понятно, но Рената почему?»

Из разговора с Л. Ган

– *Слушай, а почему ты – Муха? Это, что, кличка?*

– Конечно, Муха в сочетании с именем Рената очень напоминает кличку. На самом деле, это – моя девичья фамилия. У меня всегда была в жизни твердая цель: выйти замуж за человека – не миллионера, не бизнесмена, не профессора, но чтобы его фамилия сочеталась с именем Рената. Даже чуть ни вышла замуж за слесаря с фамилией Деонегга – не захотел он на мне жениться. Рената Деонегга, представляешь? Не получилось...

– *А что получилось?*

– Рената Ткаченко. Я договорилась так со своими фамилиями: если случаются детские стихи, подписываюсь Рената Муха, а если какая-нибудь научная работа, – Рената Ткаченко.

2.1.4. I want You («Я хочу вас!»)

Когда я приехала сюда, то работу каким-то невероятно счастливым случаем получила буквально в первые две недели – на факультете иностранных языков Беэр-Шевского университета, что вполне можно считать чудом. Времени на подготовку не было, семестр начинался сразу же, и заведующая кафедрой сказала мне: «Какой вы хотите курс: первый, второй, третий, четвертый, пятый?» И поскольку последние десять-пятнадцать лет я руководила пятым курсом в Харьковском университете, то небрежно

сказала: «Все равно». И напрасно так сказала, потому что мне дали первый курс, и там я сразу увидела, что учебники и система обучения языку совсем другая, но главное, что они мне сказали: «Рената, вы опытный преподаватель, но вот одно предупреждение: вы можете заниматься чем угодно, можете применять любую вашу методику, вам запрещается только одно – студенты не должны знать, что вы из России!» Так как студенты у меня были «русские», то я ужасно удивилась и сказала: «Почему?». Она сказала: «Я сама не знаю, почему, но меня очень удивляют "русские" студенты. В прошлом году мы прислали к ним "русскую" преподавательницу, замечательную, я была на ее занятии – прекрасное занятие, прекрасный английский, но студенты написали, что они не хотят преподавателя из России, и я не понимаю, почему». И я обязалась не говорить ни слова по-русски, это не проблема, но я сказала: «Скажите, а за кого мне себя выдавать? Я со своим типом экзотической внешности вряд ли сойду за англичанку, или американку...» И она мне сказала: «Да, действительно, но вы знаете, с вашей фамилией вам очень легко выдать себя за итальянку!» А поскольку я только-только приехала, и все страшно, все непонятно, думаю «Не буду спрашивать», но рядом со мной стояла знакомая дама, и она сказала: «Пойдите и посмотрите на свой почтовый ящик, что там написано». Там, где у всех были имя и фамилия и на моем ящике должно было быть написано «Рената Ткаченко», было написано «Рената Кончини»! Именно так на слух восприняла секретарша мою фамилию. И я очень обрадовалась, мне понравилось быть Ренатой Кончини, мне понравилось быть итальянкой, и я на нее уже вроде как и смахиваю, и я помчалась к мужу, который сидел в том же университете в своем офисе, и говорю ему: «Всё, я по-русски не говорю, я итальянка – Рената Кончини!» Муж сказал, в переводе на русский язык, что я неумная женщина, он спросил: «А если вдруг в твоей группе окажется итальянец?» ...Я пришла на первый курс, сидело двадцать студентов, все «русские» дети. Нет проблемы говорить по-английски сложно; очень трудно говорить просто о сложных вещах, да еще людям, которые не знают языка. А текст у меня был бешеной сложности: про

мистера Генри Форда, у которого были three pets, три домашних животных, чего-то там с кошками, с собаками, и даже parrots (попугаями), и вот эти извилины этого богатого текста, ни разу не переходя на мой родной итальянский, со скоростью, уже не знаю, сколько слов в минуту – студентам в голову могло прийти что угодно, кроме того, что я из России – я говорю, говорю, говорю, и никакой реакции, они же не понимают, а даже если понимают, то не могут ответить, и когда прошло уже сорок пять минут, и я обсудила все аспекты того, что “Mister Henry Ford has three pets” а также “Does he had two pets or three pets?” – два у него животных или три, две кошки или три собаки или наоборот, а студенты все молчали, и тут прозвенел звонок, я расслабилась и сказала: «Итак...» Студенты вскинулись, а я, панически думая, что же это могло быть на итальянском языке, сказала: “Ithaca is city in Greece”. Студенты приготовились слушать про город в Греции. Я, к своему ужасу, ничего не могла вспомнить про этот город, и сказала: “After...” Такое было мое мучительное первое занятие. Студенты, кроме того, как-то очень раскованно пользуются русской речью, их не смущают и собственные девушки, а уж преподаватель-итальянец тем более не смущает. Мне понадобилась вся моя профессиональная выдержка, чтобы это выслушивать. Особенно оказалось трудно, когда на одном из занятий открылась дверь, просунулась очень кудлатая голова, которая сказала по-русски: “А где Хаим?” Я начала безудержно хохотать, а так как фраза была по-русски, то студенты совершенно не могли понять, почему преподаватель смеется этой фразе? Мальчик оказался удивительно способный, потому что тут же освоил английский язык и спросил: «Вер Хаим?» и «Ху Хаим?» Я ему ответила в том смысле, что не знаю, где Хаим, а также “Who is Хаим?”. Дверь закрылась, я вернулась к своим студентам, но дверь открылась, и мальчик, который за это время овладел английским, сказал: «Ай вонт ю!» что в переводе означает «Хочу вас!» Я ничего не сказала, но как потом поняла, он решил: зачем искать какого-то неизвестного Хаима, когда есть такая веселая преподавательница, и он ее хочет. Он меня хотел весь этот

семестр, он меня встречал и провожал, он говорил со мной на языке, который он считал английским, а муж внимательно спрашивал: «Все ли в порядке?» Он остался у меня в группе, и, между прочим, писал на сто, потому что это был необыкновенно способный мальчик. Но занятия идут, материал становится сложнее, а язык у них не прибавляется, и я каждый раз, когда что-то говорю, говорю им: «Понятно?», а они говорят «Нет». И как раз в центре обычно сидел очень красивый мальчик, а слева и справа, и сзади и спереди от него всегда сидели хорошенькие девочки, которым он «уделял внимание». И я, как-то объясняя и ориентируясь на него, говорю по-английски: «Понятно?», он отвечает бегло, по-английски “No”. Я говорю: «Попробуем еще раз», три, четыре, пять раз объясняю, все адаптирую и адаптирую, а он все говорит “No”, и я опять говорю: «Вот еще раз попробуем», и он (может, это будет неловко слышать от дамы таких лет) улыбаясь говорит: «Ну скажи хоть слово по-русски, старая дура»... Я выдержала!!! Мои закаленные на их нетрадиционной лексике нервы выдержали, я сказала: “Sorry?” Девушки покатались, и он продолжал ходить, и я продолжала всем улыбаться, и знаете, что произошло? К самому концу семестра Лиора Ган, работающая на радио “Рэка”, берет у меня интервью, ее интервью, как было тогда принято, шло в газеты, она поместила разворот в газете и еще огромный мой портрет. Я прихожу, конец семестра, и вдруг – все есть, а этого мальчика нет, и чтобы сократить эту историю, скажу, что он, бедный, так и не сдал курс и больше никогда не появился у меня на занятиях.

2.1.5. Стояла плохая погода или шел человек по городу...

У меня очень сильным было направление, которое я называю «сырые стихи», они дождливые в основном, и одно из этих стихотворений даже сдружило меня с Сережей и Таней Никитиными. Я очень кратко расскажу его историю.

Однажды мы плыли на байдарке – мой муж, я и два моих сына. Стояла плохая погода. Мне не доверили ни одного весла, и было за что, мне дали рулить, тоже напрасно, но это было очень скучно, и я немного порулила, порулила и сказала одному сыну: «Дай, пожалуйста,

бутерброд с сыром». Сын залез в рюкзак и сказал: «Мама, а сыр мы забыли» и мы поплыли дальше, я рулила, они гребли, стояла плохая погода, мне стало совсем скучно, и я сказала: «Ну ладно, дай хоть бутерброд с маслом!», и другой сын полез в другой рюкзак и сказал: «Мать, мы и масло забыли!» И к тому времени, когда мы приехали на стоянку, было готово произведение в трех частях:

*Стояла плохая погода,
На улице было сыро,
Шел человек по городу
И ел бутерброд без сыра.
Стояла плохая погода,
На небе луна погасла,
Шел человек по городу
И ел бутерброд без масла.
Стояла плохая погода,
Сердито хмурилось небо,
Шел человек по городу
И ел бутерброд без хлеба.*

Это стихотворение мой друг и соавтор Вадим Левин подарил Сереже и Тане Никитиным, и, когда я приехала в Москву, мне сказали: «Слушай, ты тут едешь, а Никитины тебя поют!». Я загордилась сразу, но не поверила, но я была у друзей и сказала: «А ну-ка, включите телевизор», и вот так бывает – на экране был очень большой зал, на экране стояли Сережа и Таня, и я услышала последнюю фразу: «...наша подруга, поэтесса Рената Муха». Я заорала жутким голосом, заглушив первые строчки – про то, как «*стояла плохая погода...*». Камера ездила по залу, я не могла понять, почему так много народу, и вдруг эта камера наехала на Егора Гайдара. Это было то время! Сережа поет, Гайдар слушает: «*Стояла плохая погода, на улице было сыро, шел человек по городу и ел бутерброд...*» Тут Гайдар кричит: «С сыром!», а Сережа поет: «*Без сыра!*» И тогда он просто стал выпадать из кресла, а Сережа начал петь дальше: «...*Шел человек по городу и ел бутерброд без масла*», а камера взяла уже Чубайса, но он почему-то совсем не смеялся...

Вариант из живого журнала В. Левина и интервью Л. Ган

– Между прочим, над этими историями первым начал смеяться Советский Союз. А произошло все опять неожиданно. Однажды мы с мужем и двумя сыновьями, Митей и Алешей, плыли на байдарке. Мужики гребли, мне не доверили. Дело в том, что в своих предыдущих плаваниях мне удалось в течение одного дня перевернуть лодку трижды. Должна сказать, очень опасная возникает ситуация, когда несешься на лодке, в лицо тебе дует ветер, волосы развеваются, представляешь себя высокой, стройной, изящной... В общем, с тех пор мне в лучшем случае давали порулить. Итак, мы плыли. Стояла плохая погода. Было скучно, я попросила сына: «Алеша, дай бутерброд с сыром». Сын нырнул в нос лодки, поковырялся и сказал: «А сыра нет». Поплыли дальше, ребята гребли, уключины скрипели. Моросило, стояла плохая погода, было скучно. Я попросила второго сына: «Митя, дай хоть бутерброд с маслом». Митя нырнул в нос лодки, пошарил в мешке, вернулся и сказал: «Мать, а масла нет». Дальше я никого не попросила ни о чем. Уключины скрипели, погода не исправлялась, и примерно метров через двести у меня оказалось такое произведение:

Стояла плохая погода,
На улице было сыро.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без сыра
Была в этом произведении и часть вторая:
Стояла плохая погода,
На небе луна погасла.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без масла.
И наконец – часть третья:
Стояла плохая погода,
Сердито хмурилось небо.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без хлеба.

Сын Алёша первым заметил, что это – стихи о продовольственной программе. Я приехала на работу и сообщила новость: наврала, что вся Москва поет модную песню о продовольственной программе. Прочитала коллегам эти стихи, скрыв, что они мои, – все смеялись. А у меня привычка: всё, что пишу, дарю Сергею Никитину в надежде, что он сочинит хорошую песню, которой я смогу всюду хвастаться. Послала ему и «Бутерброд». И вот как-то сидим мы с друзьями, смотрим телевизор – Никитины выступают. «Ага, – ляпнула я, – вот возьмут сейчас и исполнят мой «Бутерброд». «Ври больше!» – сказал приятель, но Никитин ударил по струнам и начал петь: «Стояла плохая погода...» Когда я опомнилась, увидела, что выступают Таня с Сережей не в каком-нибудь клубе, а в зале Чайковского. «Ничего себе, – подумала я, – мы с "Бутербродом" залетели...» Сергей поет: «На улице было сыро...» – камера едет по залу. Сергей поет: «Шел человек по городу и ел бутерброд...» – камера останавливается на Гайдаре, который подсказывает: «...с сыром!» А Сережа исправляет: «Без сыра, Егор Тимурович, без сыра!» Я не знаю, какая у Гайдара политическая платформа, но он так замечательно смеялся, что если бы я жила в России, – обязательно пошла бы за него голосовать. Потом я еще несколько раз слышала «Бутерброд» по телевизору, а когда я приехала в Бостон, оказалось, что в то же время там гастролировали Никитины. На концерте они исполнили «Бутерброд», а потом Сергей, зная, что я – в зале, сказал: «Зажгите свет. Реночка, встань. Слушай, в этом стихотворении тебя уже совсем не осталось. Народ его подхватил и поет свои варианты». Кстати, один вариант мне очень нравится:

Стояла плохая погода,
Разруха, чернуха, порнуха...
Шел человек по городу –
Сергей Никитин под Мухой.

Из какого-то форума

bely_krolik. Январь 30, 2010 08:22

Стих от моего сына с моей маленькой помощью
(капслоком слова, которые говорит ребенок)

Стояла ПАХАЯ ПАОДА
На УИЦЭ было СЫО
Шел ЧЕЕК по городу
И ел БУОТ БЕЗ СЫА

Ему 2,3года, это его любимое, мы даже продолжения сочиняем регулярно смешные и даже абсурдные.

2.1.6. Две строчки или ... «недоговорки»

(Вариант пересказа 1.5. П. Лимперт «Вдвоем писать трудно»).

У меня вот тут есть книжечка, которую издал Марк Галесник, в которой есть стихотворения, все они из двух строчек, и называются «недоговорки», и стихотворения из придуманного мною жанра, когда первых двух строчек нет, а вторые две строчки есть, называются они – «начало следует». А случилось это так: стихов я не писала в детстве, в отрочестве, в юности, в ранней молодости, в средней молодости, но уже где-то попозже, после создания этих самых «калош неисправимых», я познакомилась и до сих пор дружу с замечательным поэтом Вадимом Левиным, и он меня все время мучил, страшал и говорил «пиши еще», а у меня не получалось, и он меня представлял как «поэта, который написал две строчки про калоши, а больше ничего не пишет», и я тогда начала писать стихотворения, в которых только две строчки:

*Один осьминог подошел к осьминогу
И в знак уваженья пожал ему ногу.
У лужи за домом работа простая:
Зимою замерзнуть, а летом растаять.
Наверное, я молоко обижала,
С чего бы оно из кастрюли сбегало.*

Среди них – мои почему-то любимые строчки:
*А вчера меня дорога прямо к дому довела,
Полежала у порога, повернулась и ушла.*

И тогда Вадим Левин, мой соавтор, который так надо мной издевался, сказал: «Слушай, эти две строчки я тоже хочу писать!» А я сказала: «Извини, дорогой, эти две строчки уже написаны». Тогда, а это было время создания

кооперативов, он подумал и сказал: «Тогда сделаем так – мы сделаем кооператив поэтов, две строчки пишешь ты, две строчки пишу я; причем я пишу первые, так как я главнее, а ты – заканчивай». Я, вдохновленная (боже мой, писать с Левиным!), помчалась и написала:э\

*...И это для дятла такая наука,
Что он никуда не заходит без стука.*

Вадим сказал: «Хорошо! Положи, я допишу». И я тогда на том же валу вдохновения помчалась и придумала:

*...С тех пор он питается разными кашами,
По-моему, так хорошо, а по-вашему?*

Вадик сказал: «Годится! Положи, я доработаю». Тогда я придумала еще:

*...Пожалуйста, я откажусь от короны,
Но можно сначала доесть макарон?*

Вадим сказал: «Очень хорошо! Клади». И так это продолжалось и продолжалось, он был занят и сказал: «Слушай, это неудобно, надо начать читать. Я свои строчки буду вот так хлопать, а ты свои читать». Помню, это было в ЦДРИ в Москве, Вадим Левин вышел и рассказал: «Рената... Последние строчки... "Начало следует"... Но за мной не пропадет... Давай про дятла!». Он «простучал» свои строчки, а я подошла к микрофону и сказала: «...и это для дятла такая наука, что он никуда не заходит без стука». Публика растерялась. Эту новую форму что-то никто не понимает. И назревал, ну, если не скандал, то такая неприятность. И тут из последнего ряда поднялась Вероника Долина и сказала:

*С утра этот дятел сидел на трубе,
Соседи о нем донесли в КГБ.
И это для дятла такая наука,
Что он никуда не заходит без стука.*

А две первые строчки для другой недоговорки я получила от Марика Зеликина в подарок на день рождения:

*С яслей ненавидел он манную кашу,
И с этим покинул он родину нашу.
С тех пор он питается разными кашами.
По-моему, так хорошо. А по-вашему?*

Но, кажется, больше всего повезло строчкам «про макароны». Мне лично кажется, что там все сказано, но почему-то народ ухватился за эти строчки, и получилось:

*Свергали царя в государстве обжор,
А тот удивился, – какой разговор?
Пожалуйста, я откажусь от короны,
Но можно сначала доесть макароны?
А потом пришел другой человек и принес мне:
Король собирался позавтракать всласть,
Но тут захватили мятежники власть.
Пожалуйста, я откажусь от короны
Но можно сначала доесть макароны?*

И тут, мы уже были дружны с Никитиным, он сказал мне: «У меня сейчас проходят "никитинские утренники", я хочу там поиграть с детьми, дай мне что-то из твоих двухстрочий, и вот это, про макароны, если можно, сама допиши». Наивный Никитин не знал, что дописываю я лет по семнадцать, а если попросить, то и по сто семьдесят, но тут было такое, это называется «давление системы», что я прибежала домой, и у меня оказалось стихотворение, и я его наутро готова была отдать Сереже, очень длинное для меня:

*Английский король и законные дети
Однажды за ужином ели спагетти.
И тут в коридоре затеялась драка:
Двенадцать потомков, рожденных вне брака,
Которые вследствие этого с детства
Боялись, что могут лишиться наследства,
Сошлись во дворце и, прорвав оборону,
Явились потребовать трон и корону.*

*Английский король поднялся им навстречу
И к ним обратился с английскою речью:
Пожалуйста, я откажусь от короны,
Но можно сначала доесть макароны?*

Я, такая гордая-прегордая принесла это Сереже Никитину, и Сережа взял и сказал: «Длинно каждый дурак может писать». Я сказала: «Не каждый», и это стихотворение так и не было опубликовано...

2.1.7. А дальше?..

...Много лет назад, будучи на факультете иностранных языков, я совершенно нечаянно произнесла строчку, я стихов тогда не писала, и потом не писала, а строка была такая: *«А в углу, в конце страницы, перенос повесил нос»*. Моя горячо любимая руководительница и друг, замечательный ученый, сказала: «Прелесть какая строчка! А дальше?» Я говорю: «А дальше нет», а она: «Так вот, еще же пятнадцать минут до лекции – сядь и напиши!» Мне не хватило пятнадцати минут до лекции, не хватило и пятнадцати лет, лет понадобилось семнадцать. С грустью говорю, что к тому времени, когда оно было написано и посвящено ей, как я ей и обещала, прошло семнадцать лет. Я очень долго мучилась с этим стихотворением, и так как оно называлось «Колыбельная для книжки», то я его все эти семнадцать лет выдавливала из себя по строчкам и мурлыкала на какую-то условную мелодию. Так случилось, что больше всего строчек у меня набралось, когда я была в Бостоне, я там прочитала, с меня потребовали окончания, я сказала, что еще не закончила, и они с меня взяли обещание, что когда я закончу, приеду. Слово я дала, закончила и приехала, и в зале даже был Наум Коржавин. И вот я вышла для первого исполнения стихотворения, которое посвящено столь дорогому мне и всей нашей профессии человеку, и начала рассказывать эту книжkinу колыбельную и не смогла ее рассказывать, я его семнадцать лет мурлыкала и не смогла его «отодрать» от мелодии. Я остановилась, и говорю: «Наум Моисеевич, не могу отделить его от мелодии», и тогда он сказал: «Значит, она там и была. Пой!» И тогда я сказала людям: «Петь я не умею, зато слуха у меня

нет, и петь мы будем вместе, а если не получится, виноваты будете вы, а если получится – заслуга моя!» Вот так я могу... и вот она, эта книжкина колыбельная:

*За окошком ночь настала, где-то вспыхнули зарницы,
Книжка за день так устала, что слипаются страницы.
Засыпают понемножку предложенья и слова,
И на твердую обложку опускается глава.
Восклицательные знаки что-то шепчут в тишине,
И кавычки по привычке раскрываются во сне,
А в углу, в конце страницы, перенос повесил нос –
Он разлуку с третьим слогом очень плохо перенес.
Недосказаны рассказы, недоеден пир горой
Не дойдя до этой фразы, на ходу заснул герой.
Перестало даже пламя полыхать в полночном мраке,
Где дракон с одной драконшей состоит в законной драке.
Никого теперь не встретишь на страницах спящей книги,
Только медленно плетутся полусонные интриги.
Дремлет юная невеста по дороге под венец,
И заснули середина, и начало, и конец.*

И я спела: «И заснули середина, и начало, и конец», а с концами это вообще вещь сложная...

2.1.8. Математика

В тот же период посыпались стихи, и поскольку я преподаватель языка, а муж у меня математик, с преподаванием я связана все время, и у меня начали появляться такие стихи, которые, я полагаю, можно было использовать в разделе дополнительных занятий, вот биссектриса, например:

*Был биссектрисе дом не нужен, всегда носилась по делам,
Но, постарев, вернулась к мужу, и делит угол пополам.*

Про филологию есть, про математику есть; между прочим, тогда я вспомнила, что есть еще одно про математику:

Я никогда не видела окружности

Такой безукоризненной наружности.

И еще одно есть про математику, это я мужу посвятила:

*Недавно встречала в работе совместной
Твое уравнение с одной неизвестной.*

2.1.9. Диетические конфликты

У меня должна скоро выйти новая книжка, это «скоро» тянется уже пять лет и начался шестой и там есть несколько стихотворений, там есть «диетические страницы», короткие, но очень почувствованные:

*Лук сказал цветной капусте:
«А тебя мы в борщ не пустим!»*

И опять же про лук, более грустное:

*Как много на свете печальных разлук,
Поссорились как-то морковь и лук,
И грозно морковь сказала врагу:
«Ну ладно, мы встретимся позже. В рагу».*

2.1.10. А что ты тут делаешь?

(видимо заключительная часть вечера, разговор с ведущим)

– *Это придумано не мной, а Бернардом Пивó в своей передаче, это экспресс-анкета, очень короткая, это несколько вопросов, на которые надо кратко ответить, всего два слова, вы готовы?*

– Еще более нет, чем когда вы заставляли меня петь. Я не обещаю уложиться в два слова и не обещаю, что меня хватит на два слова.

– *Но мы попробуем. Итак: какое ваше самое любимое слово?*

– Я серьезно отвечаю, вообще всякие слова любимые, но через жизнь у меня любимое слово «солнышко», и я даже сейчас придумываю колыбельную для слоненка, и решила вставить туда такую строчку, бабушка ему поет: «Спи, мой хорошенький, спи, мой малюсенький, спи мое слонышко, спи».

– *Какое ваше самое нелюбимое слово?*

– Легко отвечаю: «поэтесса», с суффиксом, шипящим.

– *Что вам повышает тонус, «заводит»?*

– Ну, если можно без шуток, – когда веселье на лице слушателей сменяется радостью.

– Какой звук вам наиболее приятен?

– Согласный, даже шипящий, звук «щ», с тех пор, как я написала стихотворение: «Жил человек полнеющий, а так вообще» – вполне еще».

– *А какой звук самый неприятный?*

– А вот этот «щ» и был самым неприятным, пока я не придумала вот эти две строчки.

– Какое ваше любимое ругательство?

– Не скажу...

– *Какая профессия, кроме той, которой вы владеете, Вас привлекает?*

– Голубчик, это несчастье моей жизни, у меня четыре профессии, и они меня все привлекают, и в какой-то степени я их привлекаю, выбора я сделать не могу, потому что преподаватель, переводчик, рассказчик, и вот поэтому, можно, я уже не буду привлекаться ни к какой профессии?

– *Кем бы вы никогда не хотели бы стать?*

– Не знаю, в каждой профессии есть что-то приятное, ну, может быть, политиком, да, политиком.

– И последний вопрос – что бы вы хотели услышать от Бога, попав к нему?

– Вы знаете, мне неожиданно легко почему-то ответить на этот вопрос. Я бы хотела от него услышать: «Что ты тут делаешь?».

2.2. Памяти поэта Ренаты Мухи. «Эхо Москвы»

Передача: Детская площадка. Ведущие: Ксения Ларина, Майя Пешкова

Суббота, 29.08.2009

М. ПЕШКОВА: Больше того, в той стране, где она живёт, где она жила, она очень часто рассказывала про «Эхо Москвы», потому что для неё приход на нашу радиостанцию видимо тоже был событием. И она так и начинала: «Вот когда я пришла на "Эхо Москвы"». Об этом

мне рассказывали многие жители этой страны, она часто выступала в библиотеках.

К. ЛАРИНА: Давайте мы с этого и начнём: «Когда я была на "Эхо Москвы", когда я выступала на "Эхо Москвы"», у нас есть небольшой фрагмент из передачи с участием Ренаты Мухи, когда она читала свои стихи. Давайте послушаем, а потом поговорим.

Фрагменты передачи с участием Ренаты Мухи.
Источник: <http://www.echo.msk.ru/programs/children/615676-echo/>

Голос Р. Мухи можно услышать:

2.2.1. Мои ошибки

Р. МУХА: Моя самая главная ошибка в жизни, а вернее их четыре, это мой путь в литературу, и моё в ней нахождение. Он всё время связан с ошибками, собственно говоря, является ошибкой, с этого начался, я очень люблю эту ошибку, потому что она познакомила меня с Вадимом Левиным, я не знаю, как он относится к моей этой ошибке. Я вам сказала, я знала, что он поэт, я любила его стихи, я любила только его стихи, я любила только эти стихи. А потом от этой косвенной любви у меня возникли две строчки в голове или где там они возникают:

Жили в одном коридоре калоши
Левый дырявый, а правый хороший.

И моя подружка, она была учительница русского языка, на мой вопрос: «Хорошие стихи, правда», ответила: «Будут хорошие, когда исправишь ошибку». Все сказали: «Очень хорошие стихи, вернее будут хорошие, когда ты исправишь ошибку». Я ошибку исправила, но стихи испортила. Получилось:

Жили в одном коридоре калоши
Левая дырявая, правая хорошая.

К. ЛАРИНА: Но тоже ничего.

Р. МУХА: И мне стало очень неудобно перед этими калошами, раз уже они ко мне попали.

К. ЛАРИНА: Знаете, что с ними случилось, они стали почему-то сразу неодушевлёнными. Мне показалось, что когда они стали женского рода, они стали неодушевлёнными, предметами стали.

Р. МУХА: Вот, так что ошибка тоже нас ждёт. Дело в том, что я уже к тому времени привыкла, что я тоже поэт, и вообще мне это понравилось. И я начала приставать ко всем знакомым, и это правда, а в Харькове было очень много знакомых поэтов и незнакомых поэтов. Я всем читала эти две строчки, и все говорили: «Какие хорошие строчки, только надо исправить ошибку». Я говорила сначала: «Ой, пожалуйста, исправьте, и вы будете моим соавтором». Так как все тогда не очень соглашались, и я тогда говорила: «Ладно, вы будете автором, только исправьте ошибку». И вот однажды я пришла на работу и мне сказали: «А к тебе приходил поэт». У меня проснулось жуткое чувство юмора, и я механически спросила: «Пушкин или Лермонтов». А мне сказали: «Хуже, Вадим Левин». Тут я испугалась: «А что хотел Вадим Левин». Они сказали: «Ему очень понравились строчки про калоши, и он хочет познакомиться с автором».

2.2.2. История с тараканом

Р. МУХА: Вы в хорошей, по-моему, компании. Потому что мне рассказывал друг его (неразборчиво) Юркевич, и Галина Сергеевна, жена Заходера, что Борис Владимирович (Заходер – ВС) это стихотворение очень любил. Причём история этого стихотворения такая. Оно было до последних четырёх строчек.

К. ЛАРИНА: Прочтёте, или вы наизусть помните?

Р. МУХА: Я помню всё наизусть. Было такое стихотворение у меня в моей жизни:

Жил в квартире таракан,
В щели у порога,
Никого он не кусал,
Никого не трогал,
Не царапал никого,
Не щипал, не жалил,
И домашние его очень уважали.

Я его так написала, повинуюсь чувству справедливости, принесла своему другу и соавтору Вадиму Левину, с которым я у вас тут была. И он сказал: «Если ты про таракана даже напишешь "Евгения Онегина" или "Ромео и Джульетту", мне это не понравится, потому что я не люблю тараканов». Я ему говорю: «Я не говорю, что я его люблю, но это несправедливо». И вот я жила с этим стихотворением, и с этим чувством несправедливости, не очень давно, и не очень недавно. Лет 8 тому назад я вдруг увидела конец, а конец был такой:

Так бы прожил таракан,
Жизнь со всеми в мире,
Только люди завелись,
У него в квартире.

Вот тогда всё встало на место, и тогда многие люди нарисовали рисунки, но мой ученик Юрочка сделал замечательный рисунок. У него на двери сидит таракан с аэрозолем, брызгает по стенкам, а люди вот так вот ползают, но в руках у них чемоданы. Так что многие любят его стихотворения. Я его люблю, Левин отказывается его любить, но теперь я рада, что вы тоже любите.

2.3. А короче, можно?

Короткий видео файл. Зима 2008 г. Беэр-Шева.
«Поэтический марафон».

<http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/muha/video-146702.shtml>

http://community.livejournal.com/renata_muha/

(Неважное качество звука. Без начала и конца. Как мог, расшифровал и записал Владимир Слуцкий)

...(Не разборчиво).

...Он сказал, мы для детей пишем, ну что ты ноешь.
Я говорю: А как тут дальше.

И Левин, никуда не заглядывая, сказал (треск в эфире)???

Но тут пригрело Солнышко,
и откололась Лыдина,

И к Бабушке в Антарктику
доставила Пингвина.
И кончилась история
совсем не так уж плохо,
Обрадовалась Бабушка,
на радостях поохала:
«Ну, вечно происшествия!
Ведёшь себя как маленький!
Уходишь путешествовать
и забываешь валенки!»
Потом...

Это Вадик все говорит без остановки
Потом Пингвин поужинал
и понял окончательно:
«Конечно, это здорово —
гулять самостоятельно!
Такое приключение
мне в жизни пригодится:
Могу теперь, пожалуйста,
где хочешь заблудиться,
Хоть сам, хоть вместе
с Бабушкой...
И тут я опомнилась и закричала
Хотя, пожалуй, лучше ей
Гулять на Крайнем Севере
лишь в Самом Крайнем Случае».

Вот так... стихотворение, которое вошло в другие, в серию ошибочных стихов у меня...

И вот по поводу этого стихотворения, Ян Левинзон (*и Наташа Манор ведущие программы 7-40 на 9-м Израиль плюс русскоязычном канале израильского телевидения – ВС*) сказал:

– Хочется про пингвинов, но что-нибудь короче.

И когда меня опять послали на передачу семь сорок, я вспомнила про весь этот ужас, когда надо уложиться в одну минуту, а лучше в одну в одну секунду.

Подошел Ян и сказал:

Придумала?

Я говорю: Да

Ян: что пару строчек?

Я говорю: Одна!

Он говорит: ой здорово как!

И тут подошла Наташа Манор, Ян говорит: Наташа подойдешь к ней, у нее стихотворение из одной строчки.

Началась передача, я всю правду говорю, ко мне подошла Наташа Манор и сказала Рената есть ли у Вас стихотворение из одной строчки, случайно.

Я говорю есть.

Она говорит, пожалуйста, прочитайте нам, если можно, в течение одной минуты.

Я сказала: – Только там есть заголовок

А она говорит, ну, пожалуйста, прочитайте и заглавие, так неосторожно.

И я прочитала заглавие:

Печальная история про одного пингвина,

который в санатории переболел ангиной,

С которой не справились все местные светила

Которым то ли знаний то ли званий не хватило

Которые в тревоге о пингвине и ком еще

Звонили консультанту, прося его о помощи...

(Конец записи. Очень рекомендую посмотреть эту запись по указанной сверху ссылке. Это надо видеть и слышать! – ВС)

2.4. Телепрограмма «Персона» Владимира Бейдера:

Рената Муха, поэт

29.08.2009. Идентичный повтор беседы
состоявшейся год назад в 2008 г.
<http://www.zman.com/video/2009/08/29/13732.html>

**Расшифровал ролик и записал Владимир
Слуцкий.**

Р. – Рената Муха; Б. – Владимир Бейдер

2.4.1. Есть такая профессия – рассказчица.

Б. Я раскрою секрет, у Вас есть еще одна профессия – вы рассказчица. Что эта за профессия такая, скажите мне, потому что, в реестре такой профессии нет.

Р. В реестре нет, во всяком случае в реестре, в Советском Союзе не было но когда я приехала в Америку по приглашению фонда Сороса, я читала лекцию про свою

методику преподавания английского языка и там рассказывала как вести беседу на иностранном языке... и в связи с этим я рассказала какую-то историю

Б. *Я Вас перебыю на минуточку, Вы упомянули вскользь про методику, а мне это важно, потому что в самом начале, когда мы говорили про английский язык, Вы сказали, что разработали методику и она называется сказочный английский.*

Р. Да, сказочный английский. Когда я поступила в университет, а был бешеный конкурс, у меня возникла тяжелая травма примерно в середине года. Учебники многие в то время писались, конечно же, русскими, во всех учебниках главным персонажем был какой-нибудь стахановец или ударник коммунистического труда. Так как я была на инязе, то кроме ударника коммунистического труда у нас еще был персонаж английский безработный.

В текстах неизменно шла речь о том, что ударник или какой-нибудь заслуженный человек жил в хороших условиях.

Я с этой методикой ездила по Советскому Союзу. И когда я начинала говорить, что товарищ Иванов, Петров жил... и все учителя хором начинали кричать: в трехкомнатной квартире со всеми современными удобствами, с электричеством, газом. Вот.

А мистер, в расширенном варианте, для университета, для иняза, конечно, мистер Браун, конечно, безработный нигде не жил, а ночевал на скамейке в Гайд-Парке, я очень вас прошу запомнить этот момент. Эти тексты надо было читать, переводить, а у меня начались завихрения, не могу, не переношу а у меня язык (неразборчиво)... Не могу вопросы задавать, не отвечать, не могу запомнить сколько комнат там было. Память была хорошая, но не могу запомнить. И вот в этот момент открываю адаптированную книжечку, а там начинает литься английская речь.

Слушайте, слышите и понимайте потому что это было, и случилось и произошло, когда все домашние животные были дикими и лошадь была дикая, и корова была дикая и коза была дикая дикая, предикая, но самой дикой из

диких животных была кошка, которая гуляла по диким лесам, размахивая своим диким хвостом, гуляла сама по себе. Киплинг, ну что скажешь.

И, вы знаете, ну, поэт сказал: Бывают в жизни чудеса, наверное, это было первое. Потому что, я никогда не могла запомнить количества комнат и качество удобств, я ничего не могла запомнить, а там страница...она мне раз и осталась в мозгу (*активно жестикулирует*). И осталось, чего я не знала тогда, непреодолимое желание поделиться, рассказать кому-то. Это был День рождения рассказчика.

Я выскочила в коридор, это было на первом курсе, может быть на втором, по коридору шел ныне очень известный математик Мацаев, он учился на математическом отделении. Я ему говорю – хочешь сказку английскую, На это он мне ответил: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я с английского только что сбежал, буду я твою сказку слушать, и он побежал. Но я его догнала и схватила, а он большой крупный, мягко говоря, и начала по-английски: «Слушайте, слышите и понимайте...», и он перестал биться у меня в руках.

Он выслушал эту сказку и... понял. Он удивился, я удивилась, все удивились, ко мне начали приходить люди, и я начала рассказывать вот эти сказки.

Б. И так появилась методика

Р. Нет, методика появилась позже, но я хочу вам сказать, что все стали хорошо относиться к английскому языку и ко мне, один даже на мне женился, он там (показывает) сидит в коридоре. Скажу вам по секрету, тот, кто на мне женился, прекрасно знал английский до этого. И если вы меня спросите, зачем же он тогда женился, как все спрашивают, я вам расскажу, это тоже интересная история, но другая.

Б. Нет, давайте уж про методику.

Потом я начала собирать истории по одному признаку – про что мне хотелось рассказать. И когда собрала их много, я увидела, как они действуют на студента, как ломаются брешь и барьеры, как исчезают все проблемы. Про меня даже «Правда» написала статью

Б.. Оп-па! Центральный орган?

Р. Да! И там было такое: на уроках доцента Р.Г. Ткаченко, потому что Муха мой псевдоним, создается ощущение коммуникативной безопасности.

Б. *И вот с этими рассказами вы получили новую профессию, в результате.*

Р. Вы, знаете, я совершенно не предполагала, что получила новую профессию. Я с этой методикой получила приглашение в Америку

В Америке я читала лекции в Цинциннати, в университете, сначала о том, что, рассказывая истории, учила иностранному языку, и случилось так, что на этой лекции присутствовала дама, которая слушала меня внимательно, это была дама-миллионерша, даже миллиардерша, но она была еще рассказчицей. Меня эта дама пригласила принять участие в фестивале рассказчиков.

2.4.2. Премьера в харьковском КГБ.

Б. *Но правда ли, что первые ваши слушатели были следователи КГБ?*

Р. – А-а-а. Вы и про это знаете?

Б. Ну, разведка работает.

Р. Действительно, это правда, это правда. (Лицо серьезное, жест указательным пальцем в стол). Это произошло через год, после того, когда я начала писать стихи).

Вот, я тогда же познакомилась с Вадимом Левиным, я ему по ходу жизни многим обязана. Но тут была такая драма. Он всюду рассказывал про мои стихи, а стихов-то было... Он всюду их читал. Читает он волшебным, и поэтому мне, хотя мне тоже очень хотелось почитать, но после Левина это делать было невозможно. И. вот, ну я не знаю как сказать, образовалась какая-то брешь. Не получается у меня читать, а очень хочется.

Было это в 1965 году, или 1966 г. наверно, меня как-то в университете попросили зайти в отдел кадров, мне уже сразу стало нехорошо.

Б. *Вы, что там делали, вы еще учились?*

Р. Нет, нет, нет, я уже преподавала, даже аспирантуру окончила и преподавала. Когда зовут в отдел кадров, это полбеды. Но там за холодильником была

маленькая комнатка, мне сказали, пройдите туда, там сидел человек

Мне он сказал, что меня хотят видеть на Совнаркомовской, его все харьковчане хорошо знали, там был роскошный дом КГБ. Он назначил день, и я пришла.

Человек, который меня встретил, сидел за столом. Вы знаете у меня проблема, у него имя совершенно замечательное. Ну, не знаю, нельзя так про живого человека.

Б. *Говорите, говорите.*

Р. Меня будут судить.

Б. *А Бог с ним, меня будут судить.*

Р. Меня будут судить, хорошо, пополам. Звали его Критерий Александрович.

Б. *Критерий Александрович. Это его имя? Не фактор, а критерий.*

Р. Да, Критерий Александрович сидел с такой (показывает) ротапринтной брошюрой. Я же университетский человек, мы пишем методические рекомендации. Я поняла, что у него тоже какая-то методическая разработка. Я решила, что это методическая разработка для допроса интеллигенции.

Я в то время за собой никаких грехов не знала, была спокойна, у меня еще не было семьи, бояться мне не за кого.

Критерий Александрович, посмотрев в методичку, спрашивает:

– Скажите, а почему Вы перестали бывать в обществе?

Я думаю: о, а здесь что ж за преступление.

– Вы перестали бывать в обществе, глядя в брошюру, продолжает он.

Я говорю: – так у меня сын годовалый

Вы перестали бывать в обществе, повторяет он, вы такая интересная женщина, читает он по методичке, а вот 30 августа Вы в белом платье в черный горошек с мальчиком в красном картузе, годовалым на руках.

Я говорю себе стоп, я вспомнила, что же они так долго тянули. Потому что человек с моим сыночком на руках был Юлий Даниэль.

Б. *Юлий Даниэль и Синявский. Это знаменитое дело с первой посадкой писателя. Эти ребята публиковали свои литературные произведения за границей.*

Р. Да, я имела счастье быть знакомым с Даниэлем, он учился когда-то в Харькове и вот 30 августа он зашел ко мне, потому что недалеко от меня поселился Чичибабин, я думаю, Вы знаете его, большой поэт... Он пришел ко мне, неожиданно совершенно, с просьбой помочь найти Бориса Чичибабина. А мы с сыном собрались идти в зоопарк, я сказала, что сейчас объясню. Мы вышли вместе, такая бытовая деталь, у подъезда на скамейке сидело 6 старушек, 6 старушек впились глазами.

Б. *Это известная история, у каждого подъезда сидели такие старушки.*

Р. Но тут на краю старушек сидел молодой человек в сером костюме с серым каким-то лицом с серыми глазами. И он на меня и на Даниеля уставился теми же глазами, что и старушки. Я это запомнила. Мы дошли до автобусной остановки. Я Юлию сказала, дойдешь до угла, завернешь, а сама на автобус и поехала.

Он завернул за угол и скрылся, и из моей жизни тоже, потому что через три дня его арестовали в Новосибирске.

Я с огромным облегчением думаю: Господи, я ничего не боялась, я ничего не знала, я не могла его скомпрометировать.

Он стал говорить, что Даниэль пишет такие порочащие произведения, а вы что думаете?

Я сказала, что не читала.

Он стал говорить, перелистывая страницы брошюры:

– Вот вы все женщины за него горой, а он ни одной не пропустил.

Я ему сказала, что я человек добросовестный, меня пропустил.

Тогда он говорит опять, вот вы такая интересная женщина (а я ж не возражала, конечно!). Вот Вы бывали в обществе, не знаете, когда Даниэль приезжал в Харьков, а через него из Харькова никто не передавал произведения за границу?

И когда он услышал мой ответ – знаю, то у него на лице было разочарование, он не хотел, чтобы я становилась стукачом.

И он уже как-то так без напора и методички, говорит: кто? Он не хотел, чтобы я ответила кто?

Я ответила, ответ был коротким – я.

Б. *Раскололась сразу*

Р. Да, раскололась. Неля Воронель когда-то приходила с ним ко мне, упомянула о моих неопубликованных стихах...

Даниель сказал: – Давай, давай, я их покажу в детских редакциях.

Я ему дала эти стихотворения.

Критерий Александрович поднимается... Вы знаете, я никогда не могу отрешиться от мысли, как он встал...и печатным шагом ушел, ну, как в ставку верховного Главнокомандующего в шифровальный отдел. Возвращается и держит в руках чистый листочек и говорит: вы показываете, что вы передали Даниелю свое произведение.

Я говорю да.

Я должна покаяться, вы помните, что я говорила, что мне никогда не удавалось читать мои стихотворения, Вадик мне не давал. А тут я поняла, что допрос не допрос, но вот мой шанс почитать мои произведения и найти слушателя.

Он говорит, бдительно, (указывает на бумагу) пишите.

Я беру ручку и у меня мысль, это же будет храниться в архивах КГБ. Я совершенно не надеялась, на то, что мои стихи опубликуют когда-то. И вот когда через много поколений начнут раскапывать архивы и найдут мои бумаги, вот тогда станет известно мое имя и потому надо писать хорошо, разборчиво и не дай Б-г без ошибок. И я пишу про этого ужа, которое я вам читала.

Бывают в жизни чудеса –

Ужа ужалила Оса.

Ужалила его в живот,

Ужу ужасно больно.

Смотрю на него, нравится ли.

Он берет листок (берет двумя пальцами листок) и удаляется в сторону ставки верховного главнокомандующего. Минут через 20 возвращается и говорит, еще есть? Я говорю есть. Опять подает листок и говорит, пишите.

Я ему неприятным жалким голосом, аж самой противно, говорю, а почитать нельзя? Он говорит, пишите. Хорошо, я пишу.

По длинной тропинке
Немытая Свинка
Бежит
Совершенно одна.
Бежит и бежит она,
И вдруг
Неожиданно
У неё зачесалась спина.
Немытая Свинка
Свернула с тропинки
И к нам
Постучалась во двор.
И хрюкнула жалостно:
«Позвольте, пожалуйста,
Об ваш почесаться забор».

(неразборчиво)

Он опять берет *(показывает, как берет, двумя пальцами)*

Б. Как ежа!

М. Именно так, и уходит.

А молодой человек, который сидел на скамеечке, и что-то конспектирует.

Я его вызываю на литературный диспут, а он мимо меня смотрит, будто меня нет, и не пошел на разговор.

Опять возвращается через 20 минут и говорит: еще есть?

Я говорю есть.

Пишите. Я пишу.
Спокойной походкой
Идет по перрону
С большим чемоданом
Большая Ворона.
А рядом с Вороной,
Чуть дальше и сбоку,
Ее провожает
На поезд Сорока
И все б это было
Совсем хорошо,
Если б их поезд
Давно не ушел.

Б. *(с намеком)* А-А-А, Вот та-а-к

Р. Да, правильно!

Б. *Я давно служил*

Р. И он мне бдительно говорит: какой поезд?

А я, ну не струсил не было, говорю есть вариант
Если бы поезд куда-нибудь шел. Мол какой вариант лучше,
посоветоваться решила.

И когда он вернулся еще раз, вы посчитайте, сколько
времени, мне было стыдно, как я его ждала, когда он будет
обсуждать стихи.

Б. *Так у Вас премьера была*

М. Да, премьера, спасибо, вы меня понимаете.
Возвращается и говорит: еще есть?

Я говорю есть, но не оконченное

И он говорит, ладно почитайте.

*(неразборчиво, оба смеются и одновременно
говорят)*

Читает:

Друзья, открывается новая книжка
Жила была кошка по имени Мышка
И в той же квартире в норе у порожка
Жила была мышка по имени Кошка
Однажды приносят посылку.
На крышке написано: кошке по имени Мышка

А слон почтальон перепутал немножко
И отдал все мышке по имени Кошка.

И закончила, он говорит: все? И через паузу,
говорит: **а дальше?**

Оба заразительно хохочут

И вы знаете, когда начала заниматься этими
рассказами, читала разные соответствующие книжки, а там
написано:

**Счастье, главное счастье рассказчика, если
заинтересованный слушатель после рассказа или в
середине задает ему вопрос, а дальше что было?**

**2.5. Встреча на Втором международном книжном
фестивале в Иерусалиме 22.02.2007. Ведущий Марк
Галесник**

Аудиозапись из архива Михаила Польского. Записал
В. Слуцкий. <http://jerusalem-temple-today.com/kataav/09/08-25-Muha/Ren.html>

Шум...Голос Ренаты Мухи: Так оно и будет, Так оно
и будет. А когда... (*Шум неразборчиво*)

2.5.1. Реагируйте, Рената, реагируйте

Я хочу рассказать, то, что мне сейчас вспомнилось.

Встреча с этим человеком, как я сейчас вспомнила,
произошла при трагических обстоятельствах (*пауза*), не то,
что вы думаете, и вот каких.

Мы оказались с ним за одним столом на передаче
семь сорок, он сидел слева, справа сидел, и это важно, Ян
Левинзон, а напротив за столом сидело еще несколько
рассказчиков, и меня лично позвали для того, чтобы я что-
нибудь рассказала, если получится, но, главное, чтобы я
реагировала. Ян Левинзон сказал, что смеяться ничего не
стоит, и вообще у вас мимика, вы будете сидеть и
реагировать. Я сидела рядом с этим человеком, отдала ему
книгу, хотя он об этом не просил, он не знал. Вот. И
собираюсь реагировать на очередного рассказчика. Тут я
должна признаться, стыдно в этом признаваться, но так
получилось, я постараюсь это исправить, у меня плохо с
ивритом. Я приехала сюда со знанием абсолютным

английского и сразу начала работать, и так получилось, что не дошло еще дело до иврита.

Так вот. Рассказчик, который выступал, которого называли, говорил наверно очень хорошо, но он говорил на иврите, и я ничего не могла сделать, а Ян больно бил меня ногой и говорит: я вас позвал реагировать, реагируйте. Я вас позвал смеяться. Я даже хотела уйти из-за стола, и тут я подумала, есть же выход из положения. Лучшей реакции, чем у Яна Левинзона поискать трудно. Я сижу рядом с ним, сейчас будет другой рассказчик, и я просто буду смотреть, как он реагирует, и я буду реагировать точно также. Правильное решение? Правильное. Правильное решение, да.

Человек начинал рассказывать историю на иврите, рассказывал довольно сумбурно, и вдруг Ян резко засмеялся, я тоже за ним сразу резко засмеялась

Человек, который на иврите рассказывал эту историю немножко вздрогнул, как-то, на меня посмотрел, а я подумала так, что он может специально так реагировать на свои рассказы, а я буду реагировать так, как реагирует Ян Левинзон.

И очень быстро, когда человек рассказывал что-то грустное, а я просто подавилась от смеха, и так это долго продолжалось.

Оказывается, вот в чем было дело. У Яна было два микрофона, он был связан по телефону с режиссером, они ему что-то говорили оттуда, и он смеялся, это не имело никакого отношения к истории рассказчика, к которому он сидел спиной, а я (смех, шум, неразборчиво)...

Меня после этого и рассказывать не приглашали, и реагировать не приглашали. Вот с такой трагической историей мы с вами, можно сказать, познакомились.

М. Галесник.

Рената просто не хочет упоминать, что она, собственно говоря, привела к поражению Сильвана Шалом на партийных выборах в Ликуде, потому что передачи показывали за день до выборов.

Сильван Шалом говорит: – Мне очень важна репатриация, ваша российская репатриация и я сделаю

все..., а в это время показывают хохочущую Ренату Муху. Победить у Сильвана Шалома шансов не было.

Рената: Эта история имеет некоторое продолжение.

2.5.2. Предисловие к ненаписанной книге

Я так огорчилась на свою неточную реакцию, что я попала в немножко в больницу, ненадолго. И туда позвонил мне Феликс Кривин, он был в городе, а я с ним дружила, он был чрезвычайно смешлив. И когда я ему рассказала эту историю о том, как я побывала на передаче семь сорок, и какая была реакция смеха, он так рассмеялся, невероятно, сладостно для моего уха. А я еще помню про Америку, когда я рассказывала, что какой-то человек сказал, что очень смешно рассказываю. Я говорю, а чего ж вы тогда не смеетесь, он сказал: – я профессионал, мадам.

(неразборчиво)

Рената, – сказал Феликс, – Вы так смешно рассказываете, почему Вы не пишете. Я сказала ему, Феликс, вы должны понимать, что я потому не пишу, что я хорошо рассказываю. Это разные жанры. Он продолжал меня уговаривать.

Мне до того было неудобно, что меня просит сам Феликс Кривин, что я сказала: Феликс, знаете что, я просто не знаю, что писать, давайте сделаем так, вы напишите предисловие к моей книге, а я напишу книгу. Он довольно серьезно спрашивает:

– откуда я буду знать, о чем написана книга,

– а я откуда знаю, но вот, когда вы напишите предисловие, я буду знать.

И можно бы на этом закончить, но через три дня уже выписалась. Пришел к нам Феликс Кривин и достал два листочка, которые озаглавлены так – предисловие к книге, которой нет.

2.5.3. Марк Галесник в моей судьбе

...Конечно же, я хотела рассказать, как мы познакомились с Мариком (М. Галесник – ВС), как до этого знакомства мне, совершенно в голову не приходило печатать книжки, писать книжки, издавать книжки. Он ко мне подошел и сказал: значит, мы издадим книгу, и почему-то я решила, что наверно так и надо сделать.

...Что же касается Марика, несмотря на шутейный такой разговор, я несу и до конца дней буду нести дань глубокой, глубокой благодарности, потому что когда вышла эта книга, самая моя первая, моя книга и она наверно могла оказаться и последней. Когда на презентации, которая прошла хорошо, я от всей души сказала: все говорили, что надо писать стихи, а Марик (*неразборчиво*) ... и за это я ему буду всю жизнь благодарна. Потому что это совсем не простое дело подобрать на улице какого-то преподавателя английского языка, прочитать какой-то стишок. С чего началось наше знакомство...(*конец записи*).

2.6. Я родилась в Одессе.

(Из статьи Евгения Евтушенко «Совсем не кусачая Муха» в антологии «Десять веков русской поэзии» на основе публикации "Новые Известия"» 30 мая 2008 г.)

Евгений Евтушенко: – Так пусть она сама расскажет о себе в написанной специально для «Новых Известий» краткой автобиографии:

«Я родилась в Одессе в 1933 году. В 1936 году семья (отец – военный, мать – преподаватель) переехала в Харьков, откуда в 1941 году отец ушел на фронт, а мы с мамой эвакуировались в Ташкент.

Мы приехали в Ташкент в октябре 1941 года. Мне было восемь лет. Выходя из дома в школу, я поворачивала направо, а налево меня не пускали, потому что там бегали местные дети и дразнились:

– Выковырянная (т. е. эвакуированная)! Курочку хочешь?

Еще в той стороне были Ташкентский медицинский и базар. Однажды, возвращаясь оттуда, к нам заскочила моя очень взволнованная одесская тетя, тоже эвакуированная в Ташкент, и с порога закричала:

– Чтоб я так жила, кого я только что видела! Эту «Муля, не нервируй меня».

Вмешалась наша соседка:

– Ну да, она же (имея в виду Фаину Раневскую) там снимает комнату вместе с этой писательницей.

– С этой писательницей, – горько сказала моя мама и прочитала первое любовное стихотворение, которое я услышала в жизни. Оно кончалось так:

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка

Всё, что было. Уйдешь, я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

– Это Анна Ахматова, – сказала мама мне.

Позже она много рассказывала про Ахматову, читала ее стихи. И, когда я встречала на улице женщину по красивее и в мало рваном платье, я думала:

– Наверное, это Анна Ахматова.

В 1944 году мы вернулись в Харьков, где я окончила школу, университет, аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию».

Работала на кафедре английской филологии Харьковского университета в должности доцента. Занималась исследованиями в области английского синтаксиса, подготовила курс «Матушка Гусыня в гостях у Курочки Рябы» о влиянии английской детской литературы на русскую, разработала методику «Сказочный английский» об использовании устного рассказа при обучении иностранным языкам. Опубликовала свыше сорока научных работ в Советском Союзе и за рубежом. Регулярно выступаю перед русской и англоязычной аудиториями со стихами и рассказами. В Израиле с 1995 года преподавала английский язык в университете г. Беэр-Шева.

Стихов не писала ни в детстве, ни в юности, ни в ранней молодости и не собиралась писать вообще.

Из видеорепортажа «Памяти и творчеству поэтессы Ренаты Мухи посвящается» – ВС.
(<http://www.zman.com/video/2009/08/29/13716.html>):

Писать стихи я начала довольно поздно, совсем поздно. В таком возрасте, когда люди уже заканчивают полное или неполное собрание сочинений.

Но наступили шестидесятые. В Харьков возвратился из заключения Борис Чичибабин, наведаясь Булат Окуджава, приезжал Евгений Евтушенко, долетели песни

Новеллы Матвеевой. А у меня появилось первое стихотворение. В нем были две строчки и две ошибки:

Жили в одном коридоре Калоши,

Правый – дырявый и левый – хороший.

(Ошибки, между прочим, легко было исправить.

Примерно так:

Жили в одном коридоре Калоши и я.

Правая – дырявая и левая – хорошая.

Но, может, с ошибками забавней? – Е.Е.)

И пока мои знакомые литераторы и физики пытались починить эти калоши, я стала автором других стихов и даже двух новых литературных жанров – «недоговорок» и «начало следует». В 1998 году у меня вышла первая книга стихов, часть которых написана в соавторстве с Вадимом Левиным. Книга называется «Гиппопоэма» и имеет подзаголовок «Для бывших детей и будущих взрослых» (Иерусалим, 1998), а следом вышли «Недоговорки» (там же, 2001), «Немного про осьминога» (Москва, 2004), «Однажды, а может быть, дважды» (Минск, 2005), «Я здесь не сплю» (Москва, 2006).

Герои моих стихов – звери, птицы, насекомые, дожди и лужи, шкафы и кровати, но детским поэтом я себя не считаю. Мне легче считать себя переводчиком с птичьего, кошачьего, крокодильего, туфельного, с языка дождей и калош, фруктов и овощей. А на вопрос, кому я адресую свои стихи, отвечаю: «Пишу до востребования».

И ещё: Рената Муха – не псевдоним, это моя девичья фамилия – от отца, а по паспорту я – Рената Григорьевна Ткаченко, и это – от мужа».

Фотоприложение

На Втором Международном фестивале русской книги. **22.02.2007.** Фото Михаила Польского <http://www.jerusalem-korczak-home.com/jek/yarm/MY4.html#2>

Рената Муха рассказывает...

Рената Муха слушает...

Счастливые зрители...

Бабуля и внучка Рейчел читают книгу. Сан-Франциско. 2007 г. Из семейного архива <http://www.trediakovsky.ru/content/view/71/33/1/1/>

Рената Муха, Вадим Ткаченко, Януш Корчак (на медали) и Лось.
26.01.2006, Беэр-Шева

«Ну и жизнь, подумал Лось. Всё сбылось»

Александр Лейзерович

«...Наводил о прошлом справки...»

1926 году в Москве, в серии *Библиотека «Огонёк»* (Акц. Изд. Об-во «Огонёк») вышли в свет четыре тоненьких книжечки карманного формата рассказов о Менделе Маранце: «Мендель Маранц» (№ 77), «Надельсон и Шнапс» (№ 103), «Мендель Маранц меняет квартиру» (№ 123) и «Возвращение Менделя Маранца» (№ 126) – некоего Давида Фридмана, со сноской: «с рукописи автора перевёл П. Охрименко» или, в других выпусках, «авторизованный перевод П. Охрименко». Рассказы эти были объединены сквозным сюжетом и у них был общий главный герой – житель Нью-Йорка Мендель Маранц, «родной брат» Менахем-Менделя и других «кастриловцев», персонажей шолом-алеихемовских историй, но при этом живущий и действующий в других условиях и сам кардинально изменившийся вместе с ними: «По профессии – механик, по склонностям – изобретатель, по природе мыслитель», добавим – по привычкам философ и деятельный лентяй. «Заставить работать его постоянно – это всё равно, что запрячь льва в телегу. Его ум не привык идти по готовым путям. За какую работу бы он ни брался, он тотчас же начинал придумывать машину, которая выполняла бы за него эту работу. Голова его всегда была полна идей, его ум поглощал всю его энергию. Для того чтобы работать, ему надо было перестать думать. А это для него было всё равно, что перестать дышать. Он был изобретателем, творцом идей, воплощавшим мысли в конкретные формы. И то, что было смутным и бесформенным у других, у него становилось чем-то

определённым, конкретным, простым». Тираж выпусков *Библиотеки «Огонёк»* составлял 15 000, однако реальный круг их читателей этих книжечек была куда шире, рассказы о Менделе Маранце были феноменально популярны. Даже после войны, я помню уже сам, и много лет спустя – какие-то фразы, словечки, отзвуки интонаций Менделя Маранца время от времени ещё всплывали в разговорах старших, на страницах книг. И до сих пор в публикациях о национальном еврейском характере можно наткнуться на ссылки на «традиции Шолом-Алейхема и Менделя Маранца». Именно так, уже без каких бы то ни было кавычек – высокая честь и для американского писателя, и для его русского переводчика, «породивших» персонаж, обретший вполне самостоятельную жизнь.

Давид Фридман (1898-1936)

Тогда же, во второй половине 1920-х, в ленинградском Свободном театре его главным режиссёром Николаем Петровым была поставлена инсценировка «Менделя Маранца» с Леонидом Утёсовым в заглавной роли. Обычно программа в этом театре повторялась дважды за вечер и менялась каждую пятидневку. И лишь в случае особого успеха спектакль задерживался на сцене. Успех «Менделя Маранца» был беспрецедентным – спектакль шёл

чуть ли не два года. В книге *Спасибо, сердце!* Утёсов вспоминает: «Я играл Менделя Маранца с удовольствием, он дорог мне постоянной и упорной борьбой за счастье, непоколебимым оптимизмом, мудростью и умением философски и с юмором относиться к трудностям жизни. Сколько подобных Менделю Маранцу людей встречал я в своей Одессе! Да и мой отец в какой-то мере походил на него. Так что не случайно так близок и понятен мне был этот образ».

Когда лет десять с лишним назад я начал активно любопытствовать о происхождении этих историй о Менделе Маранце, об их авторе Давиде Фридмане, имя это, казалось, было прочно забыто — оно не фигурировало ни в одном справочнике американских писателей, ни в одной антологии американской или еврейской прозы, практически отсутствовало на интернете. Более того, ни один из пожилых интеллигентных американских евреев, с кем мне приходилось беседовать, слыхом не слыхивал ни о таком писателе, ни о его книгах, даже те, кому, как казалось бы, по роду их занятий следовало «быть в курсе».

Мендель Маранц с женой, рис. M. Leone Bracker

Через межбиблиотечный компьютеризованный каталог удалось поначалу найти книгу *Mendel Marantz* Давида Фридмана (David Freedman), выпущенную в Нью-Йорке в том же 1926 году, что и «огоньковские» книжечки, причём именно иллюстрации к этому изданию, сделанные

M. Leone Bracker, были воспроизведены (без какой бы то ни было ссылки) на «огоньковских» обложках.

Затем нашлась книга рассказов Давида Фридмана *The Intellectual Lover*, изданная в 1940 году – как выяснилось, уже после смерти автора – тем же издательством Harper & Brothers, что издало и «Менделя Маранца». В предисловии к ней, написанном Конрадом Берковичем (Konrad Bergovici), я нашёл биографию автора.

Давид Фридман родился в 1898 году в Румынии, а через два года его родители, Израиль и Сарра, эмигрировали как политические беженцы в США и поселились в Нью-Йорке, на Ист-Сайде. С детства Давид, или Dutzu, как его звали дома, отличался разносторонними способностями. Его отец какое-то время был театральным критиком в еврейской прессе. Именно он в 1922 году принёс в редакцию журнала первые рассказы сына. Их успех отвлёк Давида от занятий музыкой, математикой, шахматами, сделав профессиональным писателем. Рассказы о Менделе Маранце печатались в журналах, были изданы отдельной книгой как роман, переведены на другие языки, инсценированы. Через какое-то время, как пишет Беркович, Фридман стал известен как ведущий радиопрограмм, поставщик острот (jokesmith) для обзоров и шоу, автор нескольких пьес и мюзиклов, пользовавшихся успехом на Бродвее, киносценарист, автор биографий артистов, в том числе Бастера Китона, и книг по истории кино. Фильм «Сердце Нью-Йорка» (*The Heart of New York*) по его сценарию, посвящённый всё тому же Менделю Маранцу, поставленный Mervyn Le Roy на студии Warner Brothers, с George Sidney в главной роли, был номинирован в 1932 году на «Оскара». Умер Давид Фридман внезапно, от обширного инфаркта, в декабре 1936 года.

Обо всём этом я рассказал в небольшом очерке, который под названием «Забытый писатель» был опубликован в американском русскоязычном журнале *Вестник*¹ и, в несколько расширенном формате, под

¹ А. Лейзерович «Забытый писатель», *Вестник*, 2001, № 11, с. 36-38 – <http://www.vestnik.com/issues/2001/0522/win/leyzerovich.htm>

названием «По следам Менделя Маранца» – в журнале *Лехаим*².

С удовлетворением могу констатировать, что публикации эти не прошли незамеченными, – вскоре они были перепечатаны на нескольких интернетовских сайтах, на других сайтах появились ссылки на них – так литератор Евгений Витковский, руководитель сайта *Век перевода*, писал: «...вот хорошая калифорнийская статья о Фридмане. О нём забыли все, но в русской культуре 20-х годов эта книга сыграла колоссальную роль...»³. Затем в электронных библиотеках появились многочисленные воспроизведения по-русски всего текста «Менделя Маранца», в том виде, как он был опубликован в *Библиотеке «Огонёк»*⁴ и др.

Но самое интересное – это то, что в 2000 годы возродился интерес к Давиду Фридману и его творчеству и в Америке, хотя, конечно, я ни в коей степени не склонен считать это следствием моих изысканий. К 2000 году были переизданы книги Давида Фридмана *Mendel Marantz* и «Моя жизнь в ваших руках» (*My Life Is in Your Hands* – биография эстрадного певца Эдди Кантора, «рассказанная им самим»); в 2004 году на сцене калифорнийского театра North Coast Repertory Theater была представлена в концертном исполнении пьеса Фридмана *Mendel, Inc.* В статье, посвящённой этому событию⁵, спустя почти 70 лет после смерти писателя была опубликована его фотография, вынесенная в начало данного очерка. И, наконец, материал, посвящённый Давиду Фридману, с биографическими данными, библиографией и фильмографией, появился в

² А. Лейзерович «По следам Менделя Маранца», *Лехаим*, 2005, № 1 – <http://www.lechaim.ru/ARHIV/153/Leyzer.htm>

³ http://www.belousenko.com/wr_Fridman.htm

⁴ http://www.belousenko.com/wr_Fridman.htm

<http://www.lib.ru/inproz/fridman/mendel.txt>

<http://lib.ru/INPROZ/Fridman/mrndel.txt>

<http://www.eknig.net/archive/index.php/t-16647.html>

http://lib.aldebaran.ru/author/fridman_david_mendel_maranc/

⁵ S.E.M. Jacobi. “David Freedman: Captain of Comedy” –

<http://qohelet.fatcow.com/>

Wikipedia⁶. Основным инициатором этих акций и основным источником информации явился старший сын Давида Фридмана – Нозль Фридман, сменивший после смерти отца своё имя на Давид Нозль Фридман (1922-2008), профессор библеистики и иудаики Калифорнийского университета в Сан-Диего (UCSD). После его смерти архив Давида Фридмана, был передан в библиотеку Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA), и в настоящее время его описание доступно на интернете⁷.

К моему глубокому сожалению, я слишком поздно узнал координаты профессора Фридмана, и не имел возможности с ним связаться. К сожалению также, архив, поступивший в библиотеку UCLA, охватывает период только 1930-40 годов, не содержит бумаг, относящихся к 1920 годам – времени создания и публикации «Менделя Маранца» – и не может ответить на интересовавшие меня в течение долгого времени вопросы – каким образом «рукопись автора» попала к переводчику П. Охрименко и что значат слова об «авторизации» перевода. Мои обращения в другие еврейские организации, еврейские журналы, музеи и университетские кафедры еврейской истории США с вопросами о возможном местопребывании бумаг Давида Фридмана периода 1920 годов также (по крайней мере, пока!) не дали результата.

В этой ситуации логичной представилась попытка поисков «с другого конца» – через переводчика «Менделя Маранца» и автора его инсценировки по-русски для театральной сцены П. Охрименко. О нём тоже было известно не слишком много – в 60-е годы его имя после долгого перерыва появилось под переводами рассказов Амброза Бирса, Шервуда Андерсона, Стивена Ликока, Кэтрин Мэнсфилд, Джеймса Олдриджа, Фрэнка Норриса, американских фантастов, печатавшихся в «тонких» журналах типа *Искатель*, *Наука и религия*, и потом снова исчезло.

⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/David_Freedman

⁷ <http://oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt3g5004rb>

В конце 2008 года фамилия Охрименко вновь возникла в интернете, но на этот раз речь шла об Алексее Охрименко – поэте, журналисте, одном из зачинателей или, точнее, предшественников движения «авторской песни», авторе (или, по крайней мере, основном соавторе) самых популярных «народных» песен послевоенной поры – с ними просили милостыню по поездкам инвалиды, их распевали в студенческих компаниях и коммунальных застольях: «Я был батальонный разведчик...», « Великий русский писатель граф Лев Николаич Толстой...», «Венецианский мавр Отелло...» и «Ходит Гамлет с пистолетом...» Алексей Охрименко до войны работал в театре, в 1942 году ушёл на фронт, в 1943-м был ранен и в госпитале написал свою первую песню «Донна Лаура». После выздоровления снова воевал и окончил войну уже в Маньчжурии. После войны работал на радио, был газетчиком, умер в 1993-м. В 1999 году стараниями друзей был напечатан сборник его стихов и текстов песен. В связи с Алексеем Охрименко вспомнили и его отца, выяснились некоторые эпизоды его биографии. Правда, при этом, скажем, Лев Аннинский, написавший об Алексее Охрименко лихую статью под названием «Удар костылём, или Блатной дед Охрим из Чистого переулкa», почему-то переименовал отца своего героя в Фёдора. Но что речь шла именно о переводчике «Менделя Маранца», сомнений не вызывает, хотя именно этот эпизод его жизни нигде не упоминается. Характерно, что перевод «Менделя Маранца» не упоминается даже в справке об «Охрименко, рус. сов. переводчике» в советской «Литературной энциклопедии»⁸.

Итак, Пётр Федорович Охрименко (годы жизни 1888-1975) был социал-демократом, но не ленинского толка, и убеждённым толстовцем. Всё это не помешало ему принять участие в вооружённых столкновениях революции 1905 года, после чего ему пришлось бежать в Америку, в США. Правда, тогда эту страну в России было принято называть Северо-Американскими Соединёнными Штатами –

⁸ «Охрименко, Пётр Фёдорович» *Литературная энциклопедия* – <http://www.surbor.su/enicinfo.php?id=9420>

САСШ. Бедствуя в Бруклине, он обратился к Толстому с просьбой о помощи в поисках работы, и Лев Николаевич написал ему рекомендательное письмо для другого своего почитателя – Томаса Альвы Эдисона⁹, который и принял Петра Охрименко на работу на один из своих электротехнических заводов. После революции в России Охрименко оказывается в Мелитополе – секретарём исполкома уездного Совета. Потом, спустя некоторое время, в результате денikinского наступления появляется уже в Москве и в первых числах ноября 1919 года приносит в газету «Правда» свой перевод революционных стихов Эдварда Карпентера «Англия, восстань!». Мария Ильинична Ульянова, секретарь редакции, ставит эти стихи прямо в номер, посвящённый второй годовщине революции, рядом со статьёй Ленина. По-видимому, с подачи сестры, Ленин пишет записку: «т.А.С. Енукидзе, Л.Б. Каменеву, Е.Д. Стасовой. Очень прошу устроить помощь, одежду, квартиру, продовольствие подателю, тов. Петру Охрименко. Если будут трудности того или иного рода при оказании помощи, очень прошу созвониться со мной. 12-XI-1919 В. Ульянов (Ленин)»¹⁰. По этой записке Охрименко получает большую (в 30 кв. метров!) комнату с балконом в доме № 6 по Обухову переулку (с 1922 года – Чистый переулок), что идёт от Пречистенки (ул. Кропоткина) к Арбату (точнее – к Большому Лёвшинскому переулку, в 1939-2007 гг. – улица Щукина). С этой комнатой потом будет связана вся московская жизнь и Петра Охрименко, и его сына Алексея.

Работал Пётр Охрименко переводчиком при Коминтерне. Сын вспоминал¹¹ рассказ отца о том, как в коридоре здания Коминтерна к нему обратился шедший навстречу человек в кожаной тужурке: «А что это Вы, Пётр Фёдорович, в партию не вступаете? – Отец ответил, что не чувствует себя достаточно подготовленным, так как много

⁹ П. Охрименко «Как помогал Толстой», *Лев Толстой. Памятники творчества и жизни*, Вып. 2, Задруга, М.: 1920, с. 106-112.

¹⁰ В.И. Ленин. *ПСС*, т. 51, с. 83-84.

¹¹ А. Охрименко «Чистый переулок, чёрные рассветы» – <http://www.bard.ru/cgi-bin/listprint.cgi?id=53.06>

лет является последователем учения Льва Толстого и лишь не так давно занялся изучением марксизма, трудов Ленина. Собеседник рассмеялся – Все мы очень почитаем великого Льва Николаевича, хотя и не согласны с его теорией непротivления злу насилieм. А марксизм доучите потом. Впрочем, доучить его до конца невозможно – у марксизма нет конца! Вступайте, вступайте, Пётр Фёдорович, я вам рекомендацию дам.

Человеком этим был Николай Иванович Бухарин». В партию Охрименко так и не вступил, что, скорее всего, спасло его в последующие годы.

В двадцатые, а затем в тридцатые годы в переводах Охрименко печатались произведения Джека Лондона, Марка Твена, Эрнеста Хемингуэя («Прощай, оружие!»), Эптона Синклера, Шервуда Андерсона (впрочем, сейчас обычно перепечатываются более поздние переводы, сделанные другими переводчиками), а также произведения американских писателей того времени, имена которых уже мало кому известны, в том числе «Цыганские песни» Конрада Берковича – того самого, что писал предисловие к посмертно изданной книге рассказов Давида Фридмана. В справке на интернете о фонде П.Ф. Охрименко в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ)¹² указывается, что материалы фонда охватывают годы с 1909 по 1952; в составе фонда числятся два варианта автобиографии, авторские рукописи, письма к фондооснователю Ш. Андерсона, Э. Синклера, К. Берковича и других, переписка с иностранными издательствами; имя Д. Фридмана при этом не упоминается.

Обращение непосредственно в РГАЛИ (поиски там провела И.М. Бялобжеская) позволило, опираясь на автобиографию П.Ф. Охрименко, уточнить некоторые факты его биографии по сравнению с сведениями, рассыпанными по разным публикациям. Пётр Фёдорович родился в 1888 году в деревне Верховесье Черниговской губернии, закончил двухгодичную приходскую школу, два года работал у купца, потом – в железнодорожных мастерских

¹² <http://www.rgali.ru/showObject.do?object=11030324>

Екатеринослава; во время революции 1905 года состоял в рабочих отрядах самообороны; в октябре 1908 года эмигрировал в Америку, так как « усилилась реакция». С 1909 по 1911 год работал на заводе Эдисона, куда, как уже упоминалось, попал, по протекции Л.Н. Толстого. Весной 1911 года вернулся в Россию, сдал экзамен на звание учителя начальных классов, уехал в деревню, женился, работал переводчиком в конторе американской компании, с 1915 года – переводчиком в Донбассе на руднике английского акционерного общества, что давало освобождение от службы в армии. В мае 1917 года был избран депутатом Первого Всероссийского Съезда Советов. После оккупации Донбасса немцами бежал в Бердянск, потом в Каменку Таврической губернии; некоторое время, действительно, был секретарём уездного Совета в Мелитополе. В июне 1919 года из-за наступления Деникина эвакуировался в Москву, и дальнейшее соответствует вышеизложенному. С 1920 года работал переводчиком в Отделе печати Коминтерна; с 1922 года полностью переключился на занятия художественным переводом; был членом Союза советских писателей с момента его основания в 1934 году. В автобиографии Охрименко отмечает, что рассказы о Менделе Маранце, переведенные им и напечатанные в четырёх выпусках *Библиотеки «Огонёк»*, собранные вместе, вышли отдельным изданием как роман «Мендель Маранц» в 1926 году в издательстве «Пучина», а одноимённая пьеса, инсценировка рассказов, выполненная Охрименко, два лета шла в саду «Эрмитаж».

Если бы я, как пел Окуджава, «наводил о прошлом справки», сочиняя «исторический роман», то, конечно же, отправил бы Петра Фёдоровича Охрименко в Америку в начале 20-х годов переводчиком, например, с какой-нибудь комиссией Амторга, выполнявшего функции и торгового, и политического представительства интересов СССР, и базы всей подпольной работы в САСШ агентов Коминтерна и ОГПУ НКВД, или, наоборот, – в составе группы ОГПУ по выполнению особого задания – как, например, утопления в августе 1925 году при прогулке по озеру на моторной лодке председателя Амторга Исая Хургина и председателя

правления треста Моссуко Эфраима Склянского, ближайшего сотрудника Троцкого, бывшего его неизменным заместителем и помощником на посту председателя Высшего Военного Совета РСФСР и люто ненавидимого Сталиным. В этой поездке или в одной из таких поездок Охрименко как раз и мог бы познакомиться с Давидом Фридманом, договориться о сотрудничестве и получить от него авторскую рукопись рассказов о Менделе Маранце.

Но действительность оказалась куда прозаичней. Судя по письмам Давида Фридмана, обнаруженным в фонде Охрименко в РГАЛИ, они никогда не встречались, и после 1911 года Охрименко больше не бывал в САСШ или, как тогда уже начали говорить, в США. В РГАЛИ хранятся пять писем Давида Фридмана к Охрименко, датированные 11 декабря 1924 года, 7 февраля, 12 и 30 декабря 1927 года и, последнее, – 15 января 1928 года. Копии писем самого Охрименко Давиду Фридману отсутствуют.

Наиболее информативно, наверно, первое письмо от 11 декабря 1924 года:

«М-ру Петру Охрименко, улица Кропоткина, Обухов пер. 6, Москва, Россия

Дорогой мистер Охрименко:

К сожалению, из-за болезни я не мог ответить раньше на Ваше письмо от 14 октября. Посылаю Вам полную подборку рассказов, впервые собранных вместе под одной обложкой. Я был бы рад получить от Вас экземпляр московского журнала «Красная Нива», в котором напечатан первый мой рассказ о Менделе Маранце.

Благодарю за благожелательный интерес к моей работе, искренне /подпись/

PS В свежем выпуске журнала *Pictorial Review* напечатан мой новый рассказ, который я также посылаю Вам».

Под журналом «Красная Нива» (*Red Field*), в котором был напечатан первый рассказ о Менделе Маранце, Фридман имеет в виду, по-видимому, пятый выпуск Библиотеки «Красной Нивы» – «Америка: Сборник новых произведений», Изд-во ЦИК СССР и ВЦИК, 1924; в этом

сборнике напечатаны также рассказы Д. Лондона, Ш. Андерсона и Л. Мотт в переводах П. Охрименко. Сам же рассказ Д. Фридмана, появившийся в 1922 году в *Pictorial Review*, был в США включён в сборник лучших рассказов года и именно таким образом мог попасть в СССР через Отдел печати Коминтерна и там попасться на глаза Охрименко.

В следующем письме (из сохранившихся) – от 7 февраля 1927 года – читаем в моём несколько сокращённом и «авторизованном» переводе – в том смысле, как, по-видимому, понимал этот термин Охрименко, – то есть с некоторой степенью «авторской» свободы, как бы становясь на место автора, частично присваивая себе его права:

«Дорогой мистер Охрименко,

Я долгое время был занят работой над новой книгой и пьесой и поэтому слегка запустил свои дела. Я с огромным удовольствием узнал о популярности, которой пользуется мой Мендель среди Ваших соотечественников. Удивительно, но Россия – единственное место, где "Мендель Маранц" добился успеха. В то же время, мне кажется не совсем уместно просить меня о дальнейшем сотрудничестве при том, что я не только не получил ни гроша за свои произведения, но и не удостоился даже простого признания своих заслуг. Правда, все писатели разных стран находятся примерно в одинаковом положении, никогда не зарабатывая своим трудом достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно или умиротворённо. Так что продолжение моей работы выглядит делом достаточно неблагоприятным. Я бы хотел надеяться, что хоть моя добрая слава из России по международным каналам или через российских корреспондентов американских газет могла бы достичь этой страны, как это имеет место с другими писателями.

В настоящее время у меня в работе новая серия рассказов о Менделе, несколько ещё других рассказов и музыкальная комедия, которые, я уверен, могли бы оказаться не менее интересны для русских читателей, чем первые рассказы о Менделе, однако отсутствие соглашения об авторском праве сильно расхолаживает, а моё

финансовое положение совсем не способствует занятиям благотворительностью. В более благоприятных обстоятельствах я бы только радовался и, более того, гордился своей довольно неожиданной российской славой, но на самом деле мне не до того.

Я вполне понимаю Ваше положение и глубоко признателен Вам за всё, что вы сделали для популяризации моего Менделя. В настоящее время я живу по вышеозначенному адресу и буду искренне рад видеть Вас, если Вы, как предполагаете, соберётесь в Америку весной. Поскольку американская читающая публика довольно медленно проникается достоинствами "Менделя", было бы очень любезно с Вашей стороны организовать письмо литературному обозревателю *Нью-Йорк Таймс* или другого влиятельного издания с изложением того, что думают русские читатели о моей книге, которая в этой стране читателями, мягко выражаясь, проигнорирована.

С самыми добрыми чувствами и в надежде на удовольствие встретиться с Вами...»

В следующем письме (от 12 декабря 1927 года):

«До самого недавнего времени я надеялся, что смогу приехать в Россию к Новому году, но мои занятия не позволяют рассчитывать на такую поездку раньше февраля или марта. Я постараюсь приехать весной или, самое позднее, в конце мая 1928 года. Тем временем посылаю Вам в подарок автоматическое вечное перо и обещаю переправить Вам столько книжек, сколько смогу. Кстати, не составило бы труда распродать здесь несколько тысяч экземпляров русского издания романа, и я полагаю, некоторые русские газеты могли бы взяться печатать его выпусками с продолжением. Я благодарен Вам за предложение сопровождать меня в качестве переводчика и гида и не сомневаюсь, что наше совместное времяпрепровождение будет приятным и плодотворным, но я весьма разочарован тем, что ни ваши издатели, ни театральные постановщики не удосужились выслать мне хоть сколько-нибудь денег. Я как раз недавно прочёл, что Синклер Льюис получил полностью гонорар за все свои книги, напечатанные в России, и что это конкретное

издательство будет соблюдать интересы всех американских авторов. Понятно, что американские писатели хлынут туда со своими новыми книгами. Я вообще не понимаю, как могут издательства страны, демонстрирующей свою приверженность интеллектуальным ценностям, настолько игнорировать авторские права. Ну пускай издатели отказывались бы платить за неудачи, но если книга, насколько я могу судить по многочисленным отзывам, пользуется успехом, нет никаких оснований для дискриминации. У меня готова музыкальная комедия, в процессе написания две новых юмористических книги, но я должен быть уверен, что они попадут в руки честного и делового издателя. Я знаю от моего друга Абрахама Кана, редактора *Forward*, и м-ра Эдельхертца, редактора *American Hebrew*, что «Мендель Маранц» по-прежнему хорошо расходуется и постановка имеет успех, как и фильм. Так честно ли обходиться со мной подобным образом, когда другим американским писателям платят, что положено, тем более, если Россия хочет производить в мире впечатление страны с широкими взглядами по отношению к работникам умственного труда и тем, кто формирует общественный образ мыслей. К слову, я был бы признателен, если б Вы прислали мне экземпляр Вашей инсценировки, по возможности на английском, неважно насколько хорошо она будет переведена.

Если дела будут идти, как я надеюсь, мы увидимся в конце мая или июне и сможем на несколько месяцев засесть и поработать кое-что для наших русских друзей. Я верю, что к тому времени Вам удастся вразумить Ваши издательства и постановщиков. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш...

PS Не смогли бы Вы организовать что-нибудь вроде статьи об успехе в России книги и постановки о Менделе, чтобы она попала в Америку? Может быть, её можно было бы переслать с оказией или по почте в издательство Harper & Bros., 33-я стрит в районе 4-й авеню, Нью-Йорк Сити. Это мои издатели».

Письмо от 30 декабря 1927 года:

«Мой дорогой мистер Охрименко:

Я закончил новую серию моего Менделя Маранца и собираюсь оказаться в Европе через несколько месяцев, но, как я понимаю, я не смогу въехать в Россию без официальной санкции и разрешения Вашего правительства. Не смогли бы Вы проследить, чтобы такое разрешение было запрошено и все необходимые бумаги оформлены?

Если я приеду, то привезу кучу материалов в рукописном виде, так что они смогут выйти почти одновременно в России и в Америке...»

Письмо от 15 января 1928 года:

«Мой дорогой мистер Охрименко,

К сожалению, вы не совсем верно истолковали моё предыдущее письмо. Я не писал, что наверняка приеду в Россию, но только всего лишь – может быть. Почему бы Вам самому не приехать в Америку и тогда, возможно, я бы поехал с Вами в Россию, когда Вы будете возвращаться. Если у Вас здесь какие-то дела, никто не будет совать в них нос. Если Вы приедете, дайте мне знать, и мы сможем спланировать какие-то совместные проекты. Как я писал, если позволят мои дела, может быть, я смогу сопровождать Вас на обратном пути. К этому времени у меня, надеюсь, будет, что предложить на европейском рынке. В соответствии с Вашим желанием, я не буду посылать Вам вечное перо или что-либо другое, если уж Вы сами собираетесь приехать сюда...»

На этом переписка кончается, точнее – кончаются письма Давида Фридмана Петру Фёдоровичу Охрименко, сохранившиеся в его фонде в РГАЛИ. Судя по всему, ни поездка Охрименко в Соединённые Штаты, ни поездка Фридмана в Россию так и не состоялись. Может быть, ответные письма Охрименко ещё найдутся вместе с недостающей частью архива Давида Фридмана, и удастся узнать ещё какие-то подробности этой, уже такой далёкой от нас жизни. Пока что удалось связаться с внуками Давида Фридмана и подключить их к поискам.

Как говорил Мендель Маранц, «Что такое человек? Рукопись. Что такое жизнь? Книга. Что такое смерть? Библиотека. Но я не дам так скоро поставить себя на полку!» Впрочем, даже книгу, поставленную временем на

полку, можно спустя годы снова взять в руки, бережно
стерев с неё налёт архивной пыли.

Mountain View, California

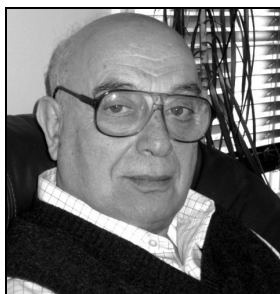
Об авторах

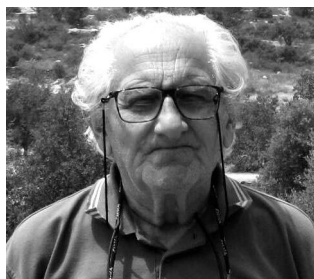
Андрей Пелипенко – доктор философских наук, профессор.
Кандидат искусствоведения.

Маркс Тартаковский – автор нескольких книг, публикаций
по проблемам мировой истории и актуальной политики.

Виктор Финкель – автор нескольких книг публикаций.
Живет в Филадельфии, США.

Лазарь Беренсон – преподаватель русского языка и литературы, в Израиле внештатный журналист русскоязычной прессы.

Владимир Крастошевский – редактор русской газеты в Филадельфии.

Артур Штильман – скрипач и дирижер, автор книг о музыкантах.

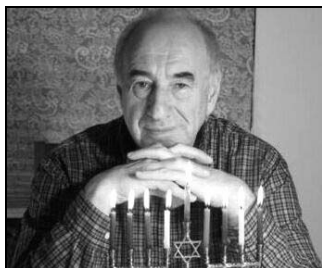
Игорь Мандель – доктор экономических наук. Пишет ироническую поэзию, серьезную прозу на темы искусства и литературы. Живет в США.

Борис Альтшулер – старший научный сотрудник
Физического института им. П.Н. Лебедева РАН

Наталья Юхнёва – доктор исторических наук, главный
научный сотрудник МАЭ РАН (СПб, Кунсткамера)

Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

Михаил Юдовский – автор сборника «Поэмы и стихи». Бронзовый лауреат Международного поэтического турнира «Пушкин в Британии».

Марк Азов – член союзов писателей России и Израиля, главный редактор журнала «Галилея»

Хаим Соколин – доктор геолого-минералогических наук. Автор многих рассказов, повестей, статей, романа.

Дмитрий Вайншельбаум – горный инженер. С 1995 года живёт в Германии. Сотрудничает в ряде русскоязычных газет и журналов.

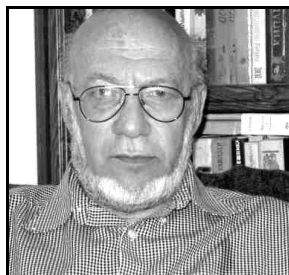
Нина Воронель – автор книг стихотворений и переводов (2001), трёх романов и книги воспоминаний.

Рената Муха – преподавала в университете им. Бен-Гуриона. Лауреат медали общества «Дом Януша Корчака в Иерусалиме».

Слуцкий Владимир – к.г.н., доцент Томского университет (42 года). Живёт в Израиле.

Александр Лейзерович – доктор техн. наук. Переводчик стихов и прозы, печатается в периодических изданиях.

Журнал «Семь искусств», Август 2010
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2010, 485 стр. 18,5 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины